Центр Защиты Прав СМИ

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПО СТАТЬЕ 10 ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ

ТОМ 1

Санкт-Петербург
2004

34
С892
УДК 341.645:
341.231.14(4)

Ответственный редактор – Г. Ю. Арапова
Составители – Г.Ю. Арапова, М.А. Андрук
Перевод с англ. – Залаты М. Н., Кондратьевой Н., Самсоновой Н.В.

Книга подготовлена и издана в рамках совместного проекта
Центрально-Черноземного Центра
Защиты Прав Средств Массовой Информации и
международной организации **«АРТИКЛЬ 19»**
(Всемирная кампания за свободу выражения мнения)
(Великобритания, Лондон),
при поддержке британского фонда Sygrid Rausing Trust
и Представительства Европейской Комиссии в России

С892 **Судебная практика Европейского Суда по правам человека по статье 10 Европейской Конвенции./Под редакцией Г. Ю. Араповой - СПб.:2004 – 320 с.**

В книге представлены впервые переведенные на русский язык избранные постановления Европейского Суда по правам человека по статье 10 Европейской Конвенции, гарантирующей свободу выражения мнения. В данном издании каждое постановление сопровождается кратким неофициальным изложением дела, помогающим ориентироваться в прецедентном праве Европейского Суда.

Книга предназначена для юристов, судей, журналистов, а также для всех, кто интересуется проблемами свободы выражения мнения и практикой Европейского Суда по этому вопросу.

Единственно аутентичными текстами постановлений Европейского Суда по правам человека являются тексты на французском и английском языках не носят официального характера и не обязывают Совет Европы и его органы, а равно Европейский Суд по правам человека.

УДК 341.645:
341.231.14(4)

ISBN 5-98361-012-0

©Центр Защиты Прав СМИ, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие……..4

Краткое изложение дела «Барфод против Дании»……..7
Постановление Суда по делу «Барфод против Дании»……...9

Краткое изложение дела «Бергенс Тиденде и другие против Норвегии»……..21
Постановление Суда делу «Бергенс Тиденде и другие против Норвегии»……24

Краткое изложение дела «Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии»…….55
Постановление Суда по делу «Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии»…….58

Краткое изложение дела «Джерусалем против Австрии»……99
Постановление Суда по делу «Джерусалем против Австрии»……102

Краткое изложение дела «Лопеш Гомеш да Сильва против Португалии»……114
Постановление Суда по делу «Лопеш Гомеш да Сильва против Португалии»…….116

Краткое изложение дела «Сенер против Турции»……127
Постановление Суда по делу «Сенер против Турции»……130

Краткое изложение дела «Тома против Люксембурга»……...147
Постановление Суда по делу «Тома против Люксембурга»……...150

Краткое изложение дела «Торгер Торгерсон против Исландии»……..168
Постановление Суда по делу «Торгер Торгерсон против Исландии»……..170

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод…….199

Регламент Европейского Суда по правам человека……226

ПРЕДИСЛОВИЕ

Свобода выражения мнений представляет собой одну из основных опор демократического общества, представляя собой одно из главных условий его прогресса и самореализации каждого его члена. Провозгласив построение в России демократического общества на принципах правового государства, приняв ряд нормативных актов, законодатель заложил некоторый фундамент для реализации этих свобод. Международные договоры Российской Федерации наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются составной частью ее правовой системы (часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, часть 1 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»). В 1998 году Государственная Дума РФ ратифицировала Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (подписанную в 1950 году и вступившую в силу 1953 году), после чего она, соответственно, стала составной частью российской правовой системы и подлежит прямому применению судами РФ. Конвенция обладает собственным механизмом, который включает обязательную юрисдикцию Европейского Суда по правам человека и систематический контроль за выполнением постановлений Суда со стороны Комитета министров Совета Европы. Это единственный в мире столь эффективный механизм обеспечивающий соблюдение прав человека.

В соответствии со статьей 10 Конвенции «*Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ. <…>* ». Так как данная статья подлежит применению наряду со статьями Конституции РФ, Федеральными законами и другими нормативно-правовыми актами, суды РФ при рассмотрении дел, затрагивающих права и свободы, гарантированные Конвенцией, должны учитываться толкование положений Конвенции, данное Европейским судом по правам человека. Российская Федерация признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам ее толкования и применения[1].

Европейский Суд не является вышестоящей, "четвертой", инстанцией по отношению к российским судам, и поэтому не может ни отменить, ни изменить внутригосударственные решения, однако в случае, если им будет признано нарушение права, гарантированного Конвенцией, то это окажет существенное влияние на правоприменительную практику в данной стране-участнице Конвенции. Признание факта нарушения фактически указывает государству-ответчику на необходимость устранить условия, способствовавшие данному нарушению права человека - будь то изменение законодательства, судебной, административной практики с целью приведения их в соответствие со стандартами, выработанными Европейским судом.

Постановление Суда является обязательным для исполнения лишь сторонами спора, однако позиция суда, высказанная в любом его решении крайне важна и для других стран-участниц Конвенции, так как демонстрирует подходы Европейского суда к решению тех или иных споров, разъясняет текст Конвенции и дает ориентиры позиции суда при разрешении аналогичных споров. Необходимо отметить, что суд характеризуется своей верностью выработанным ранее принципиальным оценкам и подходам, и при рассмотрении аналогичных дел руководствуется принципом *stare decisis*. Таким образом,

---

[1] Федеральный закон от 30.03.98 №54-ФЗ "О ратификации Европейской Конвенции о защите прав человека", абзац 3 статьи 1

знание прецедентной практики Европейского Суда позволяет правоприменителям не только ориентироваться в реальном смысле статей Конвенции (который на практике оказывается намного более широким, чем кажется при простом прочтении текста статей Конвенции), но и обеспечить реальное соблюдение прав человека.

Конвенция действует на территории России уже более шести лет, но до сих пор ни законодательство, ни правоприменительная практика в полной мере не соответствуют требованиям этого основополагающего международно-правового акта. Суды, за исключением Конституционного, редко применяют ее нормы. Это обусловлено рядом причин: прежде всего, отсутствие навыков и знаний как применять нормы Конвенции через толкующие и разъясняющие ее положения прецеденты Европейского Суда, а также недоступность решений Европейского Суда на русском языке.

Данное издание содержит восемь прецедентных постановлений Европейского суда по правам человека по статей 10. Ни одно из них ранее не было переведено на русский язык, тем интереснее будет правоприменителям ознакомиться с ними, ведь каждое из них является принципиально важным этапом в формировании системного подхода Европейского Суда по проблеме баланса двух конфликтующих прав - права на защиту репутации и права на свободу выражения мнения. Все приводимые в данном сборнике решения касаются различных аспектов свободы слова и свободы выражения мнения, но всех их объединяют два обстоятельства: рассмотренные дела касались диффамации через средства массовой информации.

Отличительной особенностью данного сборника является и то, что каждое постановление дано без каких-либо сокращений (из текста исключены лишь фрагменты оспариваемых публикаций, приводимых в аутентичных решениях на языке оригинала (немецком, датском, норвежским и т.д.) рядом с переводом на официальный язык Совета Европы. Помимо этого каждое решение предваряется *кратким неофициальным изложением дела*, которое дает по единообразной форме основные положения решения, обстоятельства дела, решение и его мотивировку решения, данную Европейским Судом. Это дается для того, чтобы сделать более удобной ориентацию в многостраничных решениях Европейского Суда. Краткие изложения дел подготовлены сотрудниками правовой программы международной организации "Артикль 19" (Всемирная кампания в защиту свободы выражения мнения).

Аутентичными, официальными текстами постановлений и решений Европейского Суда, как известно, являются лишь тексты на английском и французском языках. Любой перевод на любой язык стран Совета Европы, не будет считаться официальным и не признаются таковыми ни Советом Европы, ни Европейском Судом. Это, однако, не означает, что в странах, где английский и французский языки не являются государственными правоприменители не могут работать с переводами текстов решений. Следует лишь помнить об их неофициальном статусе для самого Европейского Суда и о том, что в случае возникновения сомнений следует обращаться к официальным текстам решений на английском или французском языках, которые можно найти в электронной базе данных HUDOC на Интернет-сайте Европейского Суда по правам человека www.echr.coe.int.

Необходимо отметить, что решения Европейского суда - сложнейшие юридические документы, содержащие правовые тексты, перевод которых весьма труден. Часто в самих аутентичных решениях дается перевод с других языков (например, спорные фрагменты публикаций в газете по делу против Норвегии, будет даваться в переводе с норвежского на английский, что далее влечет перевод уже с английского на русский, в нашем случае). Это, безусловно, может, и, скорее всего, отражается, на точности формулировок. Поэтому мы отдаем себе отчет в том, что возможны определенные огрехи в приводимом переводе,

однако мы заверяем, что приложили максимум усилий для обеспечения качественного перевода и уделили особое внимание юридическому редактированию приводимых текстов, а также их форматированию по форме, следуя шаблону, принятому в практике работы аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека. Также в тексте постановлений, во избежание неточностей и для обеспечения возможности поиска официального текста решения в случае необходимости и предупреждения путаницы различных переводов, приводятся оригинальное написание латинским шрифтом всех имен собственных.

В правовой сфере регулирования и ограничения свободы выражения мнения за несколько последних лет наметились как положительные, так и отрицательные тенденции. В качестве первых, можно указать на указание Верховного Суда о необходимости применения решений Европейского Суда судами общей юрисдикции[2]. Обратная тенденция проявляется в действиях законодателя, который принимает Федеральные законы, содержащие достаточно жесткие меры, вплоть до приостановления[3] и прекращения[4] деятельности редакций СМИ, ограничивающих данную свободу. Мы надеемся, что настоящее издание внесет свой позитивный вклад в формирование адекватной судебной практики в России по делам, затрагивающим право на свободу выражения мнения, гарантированное ст. 10 Европейской Конвенции. Ведь правильное понимание и применение Конвенции способно обеспечить эффективное гарантирование этой важной свободы внутри страны, и создать действенный механизм защиты прав человека.

Выпуская эту книгу в свет, мы выражаем надежду, что она позволит заинтересованной аудитории не только ознакомиться с этими прецедентами, но, и позволит лучше понять позицию Европейского Суда, международные стандарты в области свободы выражения мнения и инкорпорировать их в российскую судебную практику.

ГАЛИНА АРАПОВА

Директор Центра защиты прав СМИ

Воронеж, Россия

---

[2] См.: Постановление Пленума Верховного Суда «О применении общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ» от 10.10.2003 №5// Российская газета, N 244, 02.12.2003

[3] См.: Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РФ в связи с принятием федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» от 4 июля 2003г. № 94-ФЗ// Российская газета, N 131, 08.07.2003

[4] См.: Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» 25 июля 2002 года N114-ФЗ// Российская газета, N 138-139, 30.07.2002

Краткое изложение дела

ДЕЛО "БАРФОД ПРОТИВ ДАНИИ"
(Barfod v. Denmark)

(жалоба № 11508/85)

Постановление Суда
Страсбург, 22 февраля 1989 года

Тема: диффамация
Аспекты дела: диффамация в отношении публичного деятеля
Критерий: "необходимость в демократическом обществе"
Наказание: финансовая санкция

Решение: нарушение статьи 10 Европейской Конвенции по правам человека (право на свободу выражения мнения) не установлено; шесть голосов против одного

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека: Дания

Краткое изложение обстоятельств дела:
Заявитель, г-н Барфод, журналист, был приговорен к штрафу за диффамацию в отношении двух судебных заседателей в опубликованной им газетной статье.

Основные факты: Администрация острова Гренландия решила обложить налогом тех граждан Дании, которые работают в Гренландии на Американских базах. Несколько человек оспорили это решение в Высоком Суде Гренландии на основании того, что они не имели права голосовать на выборах в местные органы власти и не получали никаких пособий от гренландских властей. Дело было рассмотрено профессиональным судьёй и двумя судебными заседателями, которые были работниками местного правительства, и Высокий суд одобрил решение местной администрации двумя голосами против одного. Заявитель написал статью в газету, в которой он выражал мнение, что этим судебным заседателям было необходимо заявить отвод, так как они были заинтересованы в таком исходе дела. Он подверг сомнению их профессионализм и полномочия судить беспристрастно в деле, которое возбуждено против их работодателя, местного правительства, и предположил, что при вынесении решения в его пользу, судебные заседатели «выполнили свой долг». Председательствующий профессиональный судья Высокого Суда посчитал, что это выражение по отношению к двум судебным заседателям может повредить их репутации в глазах общественности и, следовательно, вызвать недоверие к судебной системе как таковой, и наложил на заявителя штраф.

Решено:
Штраф за диффамацию являлся «вмешательством государственных органов» в осуществление заявителем права на свободу выражения мнения. Подобное вмешательство было «предусмотрено законом» и имело правомерную цель, направленную на «защиту репутации других лиц» и косвенно в поддержку авторитета правосудия. Суду надлежало определить, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе» для достижения вышеупомянутой цели.

Необходимость вмешательства в демократическом обществе

Европейский Суд по правам человека (далее Суд) подчеркнул, что он наделен важной надзорной функцией:

> *«Договаривающиеся стороны обладают определенной свободой усмотрения в оценке необходимости и степени такого вмешательства, но данное усмотрение находится под контролем со стороны органов европейского надзора, распространяющихся как на законодательство, так и на принятые в соответствии с ним решения, даже вынесенные независимым судом. Таким образом, Суд уполномочен окончательно определять, совместимо ли «ограничение» или «наказание» со свободой выражения мнения» (п. 28 постановления Суда по делу).*

Суд напомнил, что свобода выражения мнения является важнейшим правом, осуществление которого, однако, должно быть сбалансировано с другими правами:

> *«Соразмерность означает, что преследование целей, указанных в п. 2 статьи 10 необходимо соизмерять с ценностью открытой дискуссии на тему, представляющую общественный интерес. При нарушении справедливого баланса между этими интересами, как справедливо указали заявитель и Комиссия, Суд не может упустить из виду, насколько важно не отпугнуть граждан угрозой уголовных или иных санкций от выражения своего мнения по проблемам, представляющим общественный интерес» (п. 29, ссылка опущена).*

Суд считает, что основанием для наложения штрафа за диффамацию послужило не столько сомнение заявителя в профессионализме судебных заседателей, рассматривавших дело о налогообложении, сколько в предположении, что при голосовании в пользу местного органа власти они «выполнили свой долг» – то есть свой долг работников местной администрации перед работодателем. Заявитель мог бы подвергнуть критике состав Высокого Суда, не переходя на личности судебных заседателей. Более того, Суд постановил, что поскольку голосование по рассматриваемому вопросу было тайным, определить, чьи голоса были поданы в поддержку решения местного правительства, не представляется возможным. Следовательно, Суд не нашел нарушения права на свободу выражения мнения.

ДЕЛО "БАРФОД ПРОТИВ ДАНИИ"

(Barfod v. Denmark)

(жалоба № 11508/85)

Постановление Суда
Страсбург, 22 февраля 1989 года

По делу "Барфод против Дании» Европейский Суд по правам человека, заседая Палатой, в соответствии со статьей 43 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее именуется Конвенция) и с положениями Регламента Суда в следующем составе судей:

г-н Р. Риссдал, *Председатель*,
г-н Дж. Кремона,
г-жа Д. Биндшедлер-Роберт,
г-н Ф. Гёлькюклю,
г-н Б. Уолш, *судьи*
г-н Б. Гомард, *специальный судья*,

а также г-н М.-А. Эйссен, *Секретарь Суда*, и г-н Г. Петцольд, *заместитель Секретаря Суда*,

Проведя 26 октября 1988 года и 28 января 1989 года совещания за закрытыми дверями,

Вынес следующее Постановление, принятое в последний из указанных выше дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было передано в Суд Европейской Комиссией по правам человека (далее именуется Комиссия) 16 октября 1987 года, а 4 ноября - правительством Королевства Дании (далее именуется Правительство) в трехмесячный срок, установленный п. 1 статьи 32 и статьей 47 Конвенции.

Комиссия ходатайствовала о рассмотрении дела в соответствии со статьями 44 и 48 при условии признания Данией обязательной юрисдикции Суда. Целью переданной Комиссией жалобы и заявления Правительства было выявить, имело ли место нарушение государством – ответчиком своих обязательств относительно статьи 10 Конвенции.

2. В ответ на запрос, сделанный в соответствии с п. 3(d) статьи 33 Регламента Суда, заявитель сообщил о своем желании присутствовать на слушании дела в Суде и назначении адвоката, представляющего его интересы (статья 30).

3. В состав Палаты Суда, вошли, по должности, г-н Ё. Герсинг, специально назначенный судья, гражданин Королевства Дании (статья 43 Конвенции) и г-н Р. Риссдал, Президент суда (п. 3 (b) статьи 21). 30 ноября 1987 года в присутствии Секретаря Суда, Председатель Суда по жребию

избрал остальных пятерых судей, а именно г- на Кремона, г-жу Д. Биндшедлер-Роберт, г-на Ф. Гёлькюклю, г-на Уолша и г-на А. Доннера (статья 43 Конвенции и п. 4 статьи 21 Регламента Суда).

В последствии, 28 сентября 1988 года в качестве специального судьи по данному делу вместо умершего г-на Герсинга Правительством был назначен профессор Б. Гомард, а обязанности вышедшего в отставку г-на Доннера перед слушанием дела взял на себя его приемник, заместитель судьи, г-н Ф. Матшер (п. 3 статьи 2, п. 1 статьи 22, п.1 статьи 23 и п.1 статьи 24 Конвенции).

4. Г-н Риссдал занял должность Председателя Палаты (п. 5 статьи 21). С помощью Секретаря Суда он выяснил мнения представителя Правительства, делегата Комиссии и адвоката заявителя относительно необходимости письменной процедуры (п. 1 статьи 37). После этого, в соответствии с Регламентом и указаниями Председателя, 12 октября 1988 года секретариат Суда получил меморандум Правительства, а 25 октября и 10 ноября 1988 года - иски заявителя по статье 50.

5. В письме от 27 мая 1988 года представитель Правительства известил Суд о попытке добиться дружественного урегулирования с заявителем. 15 июня 1988 года через Секретаря Председатель уведомил участников Суда о том, что открытые слушания начнутся 24 октября 1988 года (статья 38), если такое урегулирование не произойдет до этой даты, 28 сентября представитель Правительства проинформировал Суд об отказе заявителя заключить мировое соглашение по делу.

6. Открытое слушание дела состоялось в назначенный день в Страсбурге во Дворце прав человека. Непосредственно перед началом слушаний Суд провел подготовительное заседание.

В Суде присутствовали:

(a) со стороны Правительства

г-н Т. Леманн, заместитель министра иностранных дел по юридическим вопросам - представитель Правительства
г-н И. Фойгель, профессор - адвокат
г-н Дж. Бернхард, руководитель отдела Министерства иностранных дел
г-н Ф. Абрахамсен, помощник руководителя отдела Министерства иностранных дел
г-н К. Хагель-Сиренсен, Министерство юстиции,
г-н Н. Хольст-Кристенсен, руководитель отдела Министерства юстиции - консультанты

(b) со стороны Комиссии

г-н С. Тречзель - делегат

(c) со стороны заявителя

г-н Дж. Корси Йенсен – адвокат

Суд заслушал выступления г-на Леманна и г-на Фойгеля в защиту Правительства, г-на Тречзеля от Комиссии и г-на Корсу Йенсена в защиту заявителя, а также их ответы на вопросы.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела.

7. Заявитель, г-н Барфод, 1919 года рождения, является гражданином Дании. По профессии он резчик по драгоценным камням, проживает в Нарссаке, Гренландия.

8. Когда в 1979 году местное правительство Гренландии решило обложить налогом датских граждан, работающих на Американских базах в Гренландии, несколько человек, чьи интересы затрагивало такое решение (г-н Барфод не входил в их число), оспорили его в Высоком Суде Гренландии *(Grenlands Landsret)*. Они утверждали, что решение было незаконным, на основании того, помимо прочего, что они не имели права голосовать на выборах в местные органы власти Гренландии и не получали никаких пособий от местных властей. Дело рассматривалось в Высоком Суде одним профессиональным судьей и двумя судебными заседателями; последние работали на местное правительство. По решению от 28 января 1981 года, которое не является объектом настоящей жалобы, Высокий Суд единогласно одобрил действие правительства; данное решение было впоследствии поддержано Высоким Судом Восточной земли *(Estre Landsret)* 8 сентября 1983 года («дело о налогообложении 1981 года»).

9. После того, как заявитель узнал о решении Высокого Суда Гренландии, он написал статью, опубликованную в журнале "Grenland Dansk" в августе 1982 года.

В статье он выразил мнение о том, что двум судебным заседателям было необходимо сделать отвод в соответствии со статьей 62 Конституции Королевства Дании (см. п.15 ниже); он также подверг сомнению их компетентность и полномочия беспристрастно выносить решения в деле, касающемся их работодателя. Статья содержит следующий отрывок (перевод с датского):

> *«Многие члены местного правительства могли бы ... выждать время, чтобы убедиться, что двое судебных заседателей Гренландии – оба они, между прочим, работают непосредственно на местное правительство в качестве директора музея и консультанта по вопросам городского жилищного строительства – выполнили свой долг, и они это сделали. Двумя голосами против одного (смотри п. 13 ниже) дело было решено в пользу местного правительства и при таком составе суда нетрудно догадаться, кто как голосовал ».*

10. Профессиональный судья Высокого Суда посчитал, что такие замечания относительно судебных заседателей могут повредить их репутации в глазах общественности и, более того, вообще подорвать доверие к судебной системе. Используя свои полномочия главы Гренландской судебной системы, он обратился к начальнику полиции о. Гренландия с просьбой начать уголовное расследование. Впоследствии заявитель был обвинен в диффамации на основании статьи 71(1) Уголовного кодекса Гренландии (Kriminalloven for Grönland; см. ниже п.17) в Окружном Суде *(Kredsret)* г. Нарссака.

11. После того как был улажен вопрос о месте проведения судебного разбирательства, 9 декабря 1983 года дело было рассмотрено в Окружном Суде г. Нарссака. Заявитель утверждал, что он написал рассматриваемую статью, чтобы выразить свою точку зрения о том, что при вынесении решения по делу о налогообложении двум судебным заседателям было необходимо заявить отвод в соответствии со статьей 62 Конституции Королевства Дании (см. п. 15 ниже), и

что дело о диффамации, возбужденное против него, нарушает статью 77 Конституции Дании, которая гарантирует свободу выражения мнения (см. п. 16 ниже). В своем решении от того же дня Окружной Суд постановил (перевод с датского):

> *«Суд считает, что законность решения Высокого Суда от 28 января 1981 года не является целью данного разбирательства. Единственным вопросом, который следует рассматривать, является ли содержание статьи обвиняемого оскорбительным для двух судей, рассматривавших данное дело.*
>
> *Суд находит, что в приведенном отрывке рассматриваемой статьи обвиняемый использовал также выражения, что два судебных заседателя к которым относятся данные слова могли справедливо посчитать свою честь ущемленной.*
>
> *Суд не находит нарушения права обвиняемого на свободу выражения мнения, о котором он заявляет в соответствии со статьей 77 Конституции, поскольку обвиняемый имеет право, без предшествующей цензуры, выражать свое мнение, при условии, что он может быть привлечен к ответственности по суду.*
>
> *Таким образом, Суд находит обвиняемого виновным в нарушении статьи 71 (1) Уголовного Кодекса Гренландии, поскольку он не доказал справедливость выбора выражений в рассматриваемой статье соответственно статье 71(2) того же Кодекса».*

Окружной Суд наложил на заявителя штраф в 2 000 датских крон.

12. Заявитель подал апелляцию в Высокий Суд Восточной земли, но жалоба была передана в Высокий Суд Гренландии, под юрисдикцию которого она подпадала. Когда дело рассматривалось в Высоком Суде Гренландии, профессиональный судья заявил самоотвод, поскольку он участвовал в возбуждении производства по данному делу и был заменен одним из своих заместителей (см. п. 10 выше и п.18 ниже).

13. 3 июля 1984 года Высокий Суд подтвердил решение Окружного Суда, подчеркивая, что заявитель неправильно понял результаты голосования в деле о налогообложении 1981 года: решение в пользу местного правительство было принято единогласно, а не двумя голосами против одного, как это понял г-н Барфод. Что касается обвинения против заявителя, помимо прочего, Суд постановил (перевод с датского):

> *«Высокий Суд согласен с выводами Окружного Суда, что некоторые из использованных выражений, подчеркивающие, что двое гренландских судебных заседателей «выполнили свой долг» – а именно свой долг как работников местного правительства, решив дело в его пользу – представляют собой серьёзное обвинение, что с большой долей вероятности может повредить их репутации. Доказать вину судебных заседателей не представляется возможным, поскольку нельзя исключить, что если бы они не были работниками правительства, результат был бы таким же. Следовательно, г-н Барфод будет признан виновным в нарушении статьи 71 (1) Уголовного Кодекса.*
>
> *Что касается компетентности двух присяжных заседателей, Высокий Суд согласен с обвиняемым, что они должны были заявить самоотвод, поскольку*

работали на одну из сторон судебного спора, занимая высокие руководящие посты (а в Гренландии существуют строгие правила относительно беспристрастности судов), и, таким образом, воздержаться от участия в этом процессе.

Учитывая серьезность обвинения и располагая информацией о материальном положении обвиняемого, что давало бы основания для существенного увеличения наложенного штрафа, с одной стороны, и принимая к сведению правомерность привлечения внимания к нарушению принципа беспристрастности, с другой стороны, Суд подтверждает сумму наложенного штрафа».

14. Впоследствии заявитель запросил Министерство юстиции о разрешении подать апелляцию в Верховный Суд *(Höjesteret),* в чем ему было отказано 14 марта 1985 года.

II. Применимое национальное законодательство

A. Конституция Королевства Дании.

15. В соответствии со статьей 62 Конституции (Danmarks Riges Grundlov), отправление правосудия должно быть независимым от исполнительной власти, и соответствующие гарантии в этом вопросе устанавливаются законом.

16. Свобода выражения мнения защищена статьей 77 Конституции, которая гласит (перевод с датского):

«Каждый имеет право на свободу выражения своего мнения посредством печати, письменно или устно, при условии, что он может быть привлечен к ответственности по суду. Цензура и иные предупредительные меры никогда вновь не будут введены».

17. Уголовная ответственность за диффамацию в отношении гражданина установлена в статье 71 Уголовного Кодекса Гренландии (Kriminalloven for Grenland), которая гласит (перевод с датского):

[(1)] «Гражданин может быть привлечен к уголовной ответственности за диффамацию в отношении другого лица, если он ущемляет его честь оскорбительными словами или действиями, или выдвижением и распространением обвинений, способных умалить оценку оскорблённой стороны в глазах его сограждан или другими способами повредить его взаимоотношениям с другими людьми.

(2) Тем не менее, никто не может быть привлечен к уголовной ответственности за обвинение, достоверность которого была доказана или которое выдвинуто из добросовестных побуждений, если нарушитель был обязан сделать данное заявление или оправданно действовал в защиту очевидного общественного интереса, своего собственного или интереса других лиц.

(3) Тем не менее, лицо, выдвигающее обвинения, соответствующие действительности, может быть осуждено, если форма выражения обвинения

чрезвычайно оскорбительна или если у нарушителя не было достаточных оснований выдвигать данное обвинение.

(4) Если же диффамационное обвинение необоснованно, оскорбленная сторона может потребовать учесть это обстоятельство в приговоре суда».

В. Отправление правосудия в Гренландии.

18. На отправление правосудия в Гренландии влияют особые условия: исторически сложившиеся традиции, огромная территория и удаленные друг от друга поселения. Судебная система состоит из судов двух уровней: окружных судов, являющихся судами первой инстанции, и Высокого Суда, который является апелляционным судом, но который может рассматривать определенные дела как суд первой инстанции. В зависимости от того рассматривает ли Высокий суд жалобу или заседает как суд первой инстанции, его решение может быть обжаловано в Верховный Суд, если получено разрешение на апелляцию в Министерстве юстиции или в Высокий Суд Восточных земель.

Высокий Суд возглавляет судья Высокого Суда или один из его заместителей, которые являются опытными дипломированными юристами. В состав Высокого суда входят также два судебных заседателя, шеффены, назначаемые один раз в 4 года Гренландским парламентом *(Landstinget)*. Окружные суды состоят из трех заседателей, назначаемых на 4 года: председателя, назначенного Судьей Высокого Суда, и двух других судебных заседателей, назначенных местными властями, кандидатуры которых предлагает судья Высокого Суда.

Судебные заседатели выполняют свои обязанности как гражданский долг наряду со своей обычной работой. Любой человек, имеющий право голосовать на местных выборах, может быть назначен судебным заседателем. Если для заседателя слишком обременительно выполнять свои обязанности, он может быть освобожден от них судьей Высокого Суда.

19. Основной принцип датского, а также гренландского правосудия, состоит в том, что судья должен быть беспристрастным и руководствоваться исключительно законом и представленными доказательствами. Этот принцип распространяется на всех лиц, представляющих судебную власть: как на профессиональных судей, так и на судебных заседателей.

20. Правила, регулирующие отвод судей, установлены Гренландским Законом о правосудии. Тем не менее, этот закон сформулирован в общих терминах и подробно не останавливается на отношениях «работодатель - работник» между судьями и сторонами судебного процесса в качестве основания для отвода.

21. Решение, вынесенное судьей по каким-либо личным соображениям, а не на основании закона и приведенных доказательств, например, из уважения к своему работодателю, считается очевидным нарушением обязанностей, при котором применялись бы санкции либо Гренландского Закона о правосудии (дисциплинарное наказание), либо статья 28 Уголовного Кодекса Гренландии (злоупотребление полномочиями).

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

22. В жалобе № 11508/85, поданной в Комиссию 22 марта 1985 года, г-н Барфод утверждал, что стал жертвой нарушения следующих статей Конвенции: п. 3 статьи 6 в том, что ни один из судебных заседателей не был выслушан в качестве свидетеля в деле о диффамации, возбужденном против него; статьи 10 из-за обвинения его в диффамации и статьи 13, вопреки которой Министерство юстиции не разрешило ему подать жалобу в Верховный Суд. Он также апеллировал к статье 17 Конвенции.

23. 17 июля 1986 года Комиссия объявила приемлемой: «Жалобу на то, что имело место несправедливое вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения», гарантированное статьей 10; другие жалобы были отклонены. 16 июля 1987 года Комиссия составила доклад (статья 31), в котором пришла к выводу, что имело место нарушение статьи 10 (четырнадцатью голосами против одного).

Полный текст мнения Комиссии и двух отдельных мнений, содержащихся в докладе, воспроизведен в заключении данного документа.

ПРАВО

24. Заявитель утверждал, что привлечение его к ответственности за диффамацию Высоким Судом Гренландии нарушает статью 10 Конвенции, которая гласит:

> *«1. Каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ…*
>
> *2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».*

Правительство отвергло заявление г-на Барфода, тогда как Комиссия согласилась с ним.

25. Без сомнения, привлечение заявителя к ответственности за диффамацию представляет собой «вмешательство со стороны государственных органов» в право на свободу выражения мнения, как оно закреплено в статье 10. Такое вмешательство не будет нарушать Конвенцию только в том случае, если будут соблюдены условия, установленные в п.2 статьи 10.

26. Заявитель не оспаривал ни то, что вмешательство было «предусмотрено законом», ни то, что оно имело правомерную цель Правительства защитить «репутацию других лиц» и косвенно обеспечить «авторитет правосудия». Как и Комиссия, Суд не имел причин сомневаться, что в данном случае вмешательство удовлетворяло требованиям п. 2 статьи 10 в этом отношении.

27. Таким образом, Суд должен принять решение по вопросу, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе» для достижения вышеупомянутых целей.

28. Суд многократно указывал, что Договаривающиеся стороны обладают определенной свободой усмотрения в оценке необходимости и степени такого вмешательства, но данная свобода усмотрения является предметом Европейского контроля, распространяющегося как на законодательство, так и на принятые в соответствии с ним решения, даже вынесенные независимым судом.

Таким образом, Суд уполномочен окончательно определять, совместимо ли «ограничение» или «наказание» со свободой выражения мнения. В этих целях Суд будет рассматривать оспариваемое судебное решение от 3 июля 1984 года в свете всех обстоятельств дела в целом, включая публикацию заявителя и тот контекст, в котором она была написана; в частности, Суду необходимо определить, было ли вмешательство, в конечном итоге, «пропорционально достижению законной цели», принимая во внимание важность свободы выражения мнения в демократическом обществе (см. судебное решение "Мюллер и другие против Швейцарии" («Muller and others v. Switzerland») от 24 мая 1988 года Series A, т. 133, с. 21-22, п. 32-33).

29. В рассматриваемом деле пропорциональность означает, что преследование целей, указанных в п. 2 статьи 10 необходимо соизмерять с ценностью открытой дискуссии на тему, представляющую общественный интерес (см. mutatis mutandis судебное решение "Лингенс против Австрии" («Lingens v. Austria») от 8 июля 1986 года, Series A, т. 103, с. 26, п. 42). При установлении справедливого баланса между этими интересами, как справедливо указали заявитель и Комиссия, Суд не может упустить из виду, насколько важно не отпугнуть граждан угрозой применения уголовных или иных санкций от выражения своего мнения по проблемам, представляющим общественный интерес.

30. В статье заявителя содержится два элемента: во-первых, критика состава Высокого Суда по делу о налогообложении в 1981 году и, во-вторых, заявление о том, что два судебных заседателя «выполнили свой долг», что в данном контексте может означать только то, что они отдали свои голоса в пользу местного правительства, потому что работали на него, а не голосовали как независимые и беспристрастные судьи (см. п. 9 выше).

31. Вмешательство в свободу выражения мнения заявителя вызвано только вторым элементом. Тем не менее, с точки зрения Комиссии, это утверждение, затрагивающее общественные интересы, относится к работе местных властей, включающих и органы правосудия. Согласно Комиссии проверка необходимости вмешательства в этом случае должна быть особенно строгой: даже если расценивать публикацию заявителя как только обвинение двух судебных заседателей, основной общественный интерес статьи связан с возможностью критиковать и публично обсуждать существующую судебную систему перевешивает интерес двух судебных заседателей в защите против такого рода критики в их адрес, как критика выраженная в статье заявителя.

Заявитель поддержал это мнение; в частности, он утверждал, что его замечания были призваны привлечь общественный интерес к подозрительной процессуальной ошибке, совершенной судьей Высокого Суда при назначении судебных заседателей.

Правительство возразило, считая что Комиссия, преуменьшила оскорбительные утверждения заявителя, расценивая их как просто критику состава Высокого Суда; это было фактически

голословное обвинение местных властей в нарушении статьи 28 Уголовного Кодекса Гренландии (см. п. 2 выше). Правительство также не может согласиться с пониманием Комиссией проверки необходимости вмешательства государственных органов: оно акцентирует внимание на праве национальных властей на усмотрение при оценке такого вмешательства. Правительство считает, что обвинения заявителя были диффамационными, не подтвержденными никакими доказательствами и фактически ложными; более того, независимо от того были бы два судебных заседателя отстранены от рассмотрения дела о налогообложении в 1981 году или нет, эти обвинения не способствовали формированию общественного мнения, достойного защиты в демократическом обществе.

32. В основу решения Высокого Суда Гренландии, вынесенного в рамках надлежащей юрисдикции, было положено, что «выражения статьи о том, что двое судебных заседателей выполнили свой долг, то есть долг работников местного правительства в вынесении решения в его пользу, представляют серьезное обвинение, которое может повредить их репутации в глазах общественности». Учитывая это и другие обстоятельства обвинения заявителя, Суд полагает, что вмешательство государственных органов в свободу выражения мнения заявителя не преследовало цель ограничить его право в соответствии с Конвенцией публично критиковать состав Высокого Суда по делу о налогообложении 1981 года. На самом деле, право г-на Барфода на выражение своего мнения по этой проблеме было уже признано решением Высокого Суда от 3 июля 1984 года (см. п. 13 выше).

33. Более того, привлечение заявителя к уголовной ответственности не может быть расценено как действие, повлекшее действенное ограничение этого права.

Заявитель вполне мог подвергнуть критике состав Высокого Суда в целом, не переходя на личности судебных заседателей. К тому же им не было представлено доказательств того, что заявитель обоснованно полагал, что два элемента критики (см. п. 30 выше) были настолько тесно связаны, чтобы сделать заявление относительно двух судебных заседателей законным. Выводы Высокого Суда, о том, что вина судебных заседателей не была доказана (см. п. 13 выше) не вызывают сомнения; соответственно должно было быть признано, что заявитель положил в основу своего обвинения в адрес двух судебных заседателей простой факт, что они были служащими местного правительства, являвшегося ответчиком по делу о налогообложении 1981 года. Хотя этот факт может вызвать различные мнения о правильности формирования состава суда, но он не был, конечно, доказательством пристрастности, и вряд ли заявитель не знал об этом.

34. Законный интерес Государства в защите репутации двух судебных заседателей соответственно не противоречил интересу заявителя о возможности участия в свободной политической дискуссии по вопросу беспристрастности Высокого Суда.

Однако, при определении суммы налагаемого штрафа, Высокий Суд принял во внимание то, что оспариваемое утверждение было опубликовано в контексте критики заявителем его состава в 1981 года. (см. п. 13 выше).

35. Заявитель утверждал, учитывая политический контекст дела о налогообложении 1981 года, что выдвинутые им обвинения против судебных заседателей должны рассматриваться как часть политической дискуссии с более широкими границами для допустимой критики.

Суд не мог принять такой аргумент. Судебные заседатели выполняли свои законные обязанности. Оспариваемое заявление не было критикой мотивировки решения от 28 января 1981 года, а, как было установлено Высоким Судом в его решении от 3 июля 1984 года, скорее было диффамационным обвинением против двух судебных заседателей лично, которое могло унизить их в глазах общественности и было выдвинуто без соответствующих доказательств (см. п. 13 выше). В виду этих соображений, политический контекст, в котором рассматривалось дело о налогообложении, нельзя считать уместным для решения вопроса о пропорциональности.

36. Учитывая вышесказанное, Суд приходит к выводу, что в обстоятельствах настоящего дела нарушения статьи 10 установлено не было.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил* шестью голосами против одного, что нарушение статьи 10 Конвенции не имело место.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 22 февраля 1989 года.

Ролф Риссдал — Председатель
Марк-Андрэ Эйссен — Секретарь Суда

В соответствии с п. 2 статьи 51 Конвенции и п. 2 статьи 52 Регламента Суда к настоящему решению прилагается отдельное мнение г-на Гёлькюклю.

Особое мнение судьи Гёлькюклю

Я с большим уважением отношусь к мнению большинства моих коллег и выражаю сожаление, что не могу согласиться с решением Суда по данному делу. Моя точка зрения основана на следующих положениях:

1. В статье, которая послужила поводом для возбуждения дела, заявитель подвергнул сомнению беспристрастность двух судебных заседателей в рассмотрении дела против «своего работодателя», поскольку они работали на местное правительство. В поддержку своей позиции он привел статью 62 Конституции Королевства Дании.

2. Поскольку г-н Барфод не имел какого-либо прямого или косвенного отношения к делу о налогообложении 1981 года, при котором правительство выступало ответчиком, он не имел личного мотива критиковать судебных заседателей. Он подверг сомнению их беспристрастность, критикуя собственно не их поведение при рассмотрении дела, а тот факт, что они были правительственными служащими, другими словами, что они были государственными служащими, заседающими в суде, который должен быть независимым и беспристрастным.

3. Хотя эти двое судебных заседателей не были, строго говоря, политиками, я предполагаю, что это дело имеет политическую подоплеку, поскольку оно касается критики определенной судебной системы, а именно системы Гренландии, и ее структуры, которая, по мнению заявителя, не внушает доверия общественности.

С моей точки зрения, невозможно извлечь аргумент a contrario из дела Лингенса, в котором Суд постановил, что «пределы допустимой критики в отношении "политиков" как таковых шире, чем в отношении частного лица (см. решение от 8 июля 1986 года Series A, т. 103, с. 26, п.42). Конечно, Суд имел в виду не то, что общественная критика по политическим вопросам должна быть направлена исключительно против политиков или что оценка государственных органов и позиция тех, кто не является политиком в прямом смысле, но тем не менее принимает активное участие в политической жизни общества, должны быть исключены из свободной дискуссии и демократического обсуждения.

4. В своем решении по делу "Хэндисайд против Соединенного Королевства" ("Handyside v. The United Kingdom") (от 7 декабря 1976 года Series A, т. 24, с. 29, п. 49 и более позднем решении по делу "Мюллер и другие против Швейцарии" ("Muller and others v. Switzerland") и другие от 24 мая 1988 года Series A, т. 133, с. 21, п. 32) Суд определил, что демократия – открытая система правления, при которой основную роль играет свобода выражения мнения. Я полностью согласен с Европейской Комиссией по правам человека, в ее утверждении, что: «…Подвергая критике осуществление государственной власти, необходимо особенно строго ограничивать вмешательство посредством публикации мнений, которые касаются деятельности органов власти, включающих и судебные» (доклад п. 64); и «… даже если рассматриваемую статью рассматривать как нападки на беспристрастность и репутацию двух судебных заседателей, общий интерес в допущении политических дебатов по вопросам работы судебных органов имеет больший вес, нежели защита двух отдельны судебных заседателей от критики, подобно той, которая прозвучала в статье заявителя» (там же п.71).

5. Я считаю, что то, что г-н Барфод выразил, по общему признанию, в несколько грубых и преувеличенных выражениях, не отличается от того, что заявляется сейчас или было заявлено:

- Верховным Судом Гренландии, который согласился с ним в том, что двое судебных заседателей «должны были заявить самоотвод и, таким образом, уклониться от участия в рассмотрении дела» и что «обвиняемый был прав, привлекая к этому внимание», поскольку они были «высокопоставленными служащими стороны - ответчика» (см. решение, п. 13);

- в статье 62 Конституции Королевства Дании и правительством Дании, которое «согласно… что двое судебных заседателей, которых имел в виду заявитель, как высокопоставленными служащие стороны-ответчика должны были быть отстранены от рассмотрения дела, потому что могли возникнуть сомнения в их беспристрастности» (см. доклад, п.42);

- настоящим Судом, который в более чем одном случае в своем решении постановил, что правосудие не только должно вершиться, но также должно быть видно, что оно вершится.

6. В заключении, я хочу подчеркнуть, что трудно согласовать положения Конвенции, чьей конечной целью является установление европейских стандартов, с особенными национальными чертами, такими как те, о которых упомянуло Правительство.

7. По вышеуказанным причинам я полагаю, что такое вмешательство государственных органов в осуществление заявителем права на свободу выражения мнения не может рассматриваться как «необходимое в демократическом обществе» и что, таким образом, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

Краткое изложение дела

ДЕЛО «БЕРГЕНС ТИДЕНДЕ И ДРУГИЕ ПРОТИВ НОРВЕГИИ»
(Bergens Tidende and others v. Norway)

(жалоба № 26131/95)

Постановление Суда
Страсбург, 2 мая 2000 года

Тема: диффамация
Аспекты дела: общественная значимость темы публикации
Критерий: важность свободы выражения мнения; "необходимость в демократическом обществе"
Наказание: финансовая санкция

Решение: нарушение права на свободу выражения мнения (статьи 10 Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод человека); тайным голосованием

Юрисдикция: Европейский Суд о защите прав человека и основных свобод человека по правам человека: Норвегия

Заключение: Заявители были привлечены к ответственности за диффамацию после опубликования ряда статей, в которых обсуждалась плохая работа пластического хирурга.

Факты:
Первым заявителем была ежедневная газета "Бергенс Тиденде", вторым – ее главный редактор, третьим – журналист, работавший в газете. Доктор Р. был специалистом косметической хирургии, который работал в этой области с 1975 года. Отслеживая открытие новой клиники в 1986 году, первый заявитель опубликовал позитивную статью, в которой описывалась работа доктора Р. и преимущества косметической хирургии. Впоследствии газета связалась с несколькими женщинами, которые проходили лечение у доктора Р., и были им очень недовольны. В газете было опубликовано несколько жалоб с фотографиями, демонстрирующими обезображение, вследствие пластических операций в клинике доктора Р. В последующих номерах было опубликовано еще несколько статей. Как часть дискуссии, газета опубликовала интервью с пластическим хирургом, работающим в больнице; он указал, что успех и неудача в пластической хирургии недалеки друг от друга. Кроме того, в одном из номеров газеты появилось интервью с доктором Р. Он отказался комментировать частные случаи, утверждая, что связан обязательством о конфиденциальности, несмотря на тот факт, что имеющие к этому отношение женщины были согласны освободить его от этого обязательства. Обсуждение косметической практики доктора Р. продолжилось в последующих статьях, в которых свое мнение высказывали довольные работой пациенты. После публикации статей в газете, к доктору Р. стало обращаться меньше пациентов, и он был вынужден закрыть свою клинику в апреле 1989 года. Доктор Р. возбудил дело о диффамации против заявителей. Верховный Суд вынес решение в пользу доктора Р. и присудил возместить ему убытки и судебные издержки.

Решено:

Имело место вмешательство в свободу выражения мнения заявителей; оно было предусмотрено законом и преследовало законную цель, а именно защиту прав других лиц.

Важность свободы выражения мнения

Свобода выражения мнения составляет одну из необходимых основ демократического общества. Согласно пункту 2 статьи 10 Конвенции она распространяется на информацию или идеи, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Все исключительные случаи вмешательства в право на свободу выражения мнения должны очень аккуратно толковаться и быть убедительно обоснованы. «Необходимость» в значении пункта 2 статьи 10 Конвенции означает существование "острой общественной потребности". Суд должен установить, было ли вмешательство пропорционально преследуемой законной цели, и были ли причины, представленные Правительством, «существенными и достаточными».

Пресса выполняет необходимую функцию в демократическом обществе:

> *«Хотя она и не должна переходить известные границы, в частности, в целях защиты репутации и прав других лиц, на ней, тем не менее, лежит обязанность сообщать – в манере, соответствующей ее обязательствам и ответственности - информацию и идеи по политическим вопросам, также как и по другим вопросам, представляющим общественный интерес.*
>
> *Свобода журналистов охватывает также право на некоторую долю преувеличение или даже провокации. ... Судебное усмотрение национальных властей ограничено интересами демократического общества в обеспечении прессой своей важной роли "сторожевого пса общества» (п. 49).*

В оспариваемых статьях рассматривался важный аспект человеческого здоровья, и поднимались серьезные вопросы, затрагивающие интересы общества. В статьях приводились утверждения о недопустимой врачебной практике частнопрактикующего доктора, который провел около 8 тысяч операций; также в статьях были затронуты вопросы о защите потребителей и заинтересованности местной и общенациональной общественности. Опубликованные материалы необходимо было рассмотреть в контексте статьи, опубликованной ранее в той же газете, в которой положительно говорилось о докторе Р. Там, где меры, предпринятые национальными властями, способны воспрепятствовать прессе распространять информацию, вызывающую общественный интерес, необходима тщательная проверка адекватности этих мер. По связи с обязанностями и ответственностью, указанных в пункте 2 статьи 10, защита журналистов, предписанная статьей 10, в отношении публикации материалов, представляющих общественный интерес, осуществляется при соблюдении условия, что они должны действовать добросовестно, чтобы предоставить достоверную и надежную информацию в соответствии с нормами журналистской этикой.

Диффамация

Верховный Суд решил, что в оспариваемых статьях выражалось не только то, что доктор Р. плохо заботился о пациентах после операции, но также то, что ему не хватало хирургических навыков, и это привело к безответственным результатам его деятельности. Суд отметил, что такое мнение Верховного Суда было одним из наиболее часто встречающихся. Задачей Суда было определить, были ли меры, примененные Верховным Судом, пропорциональны преследуемой законной цели.

Особый вес имеет тот факт, что мнения женщин были признаны национальными судами правильными и точно переданными в газете. Ни в одной из статей не утверждалось, что неудовлетворительные результаты могли быть приписаны небрежной хирургии. Более того, доктору Р. не удалось обеспечить надлежащий послеоперационный уход, чтобы исправить результаты неудачных операций. Содержание статей не было ни излишним, ни вводящим в заблуждение.

Необходимость в демократическом обществе

Методы объективного и сбалансированного репортажа могут варьироваться. Оспариваемые статьи, которые опубликовала газета, отражали позицию одной стороной конфликта. Доктору Р. предоставили возможность защищаться; были также опубликованы мнения других. Интерес доктора Р. в защите своей репутации не перевесил важный общественный интерес в свободе прессы распространять информацию по вопросам общественного интереса. Причины, предоставленные Государством, были существенными, но недостаточными для того, чтобы доказать необходимость вмешательства.

Имело место нарушение статьи 10 Европейской Конвенции.

ДЕЛО «БЕРГЕНС ТИДЕНДЕ И ДРУГИЕ ПРОТИВ НОРВЕГИИ»

(Bergens Tidende and others v. Norway)

(жалоба № 26131/95)

Постановление Суда
Страсбург, 2 мая 2000 года

По делу "Бергенс Тиденде и другие против Норвегии", Европейский Суд по правам человека (Третья Палата), заседая Палатой, в состав которой вошли:

г-н Николас Братца, *Председатель*,
г-н Дж.-П. Коста,
г-жа Ф. Талкенс,
г-н В. Фурман,
г-н К. Юнгвирт,
г-н К. Тража, *судьи,*
г-н С. Евжу, *специальный судья,*

и г-жа С. Долле, *Секретарь Палаты,*

Проведя 9 ноября 1999 года и 6 апреля 2000 года совещания за закрытыми дверями,

Вынес следующее Постановление, принятое в последний из указанных выше дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было начато после принятия Европейской Комиссией по правам человека («Комиссия») 13 сентября 1994 года, в соответствии с прежней статьей 25 Конвенции в защиту прав человека и основных свобод («Конвенция»), заявления (№ 26132/95) против Королевства Норвегии, поданного газетой Норвегии *Бергенс Тиденде* (*Bergens Tidende*) и двумя гражданами Норвегии, г-ном Ейнаром Ериксеном (Einar Eriksen), бывшим главным редактором газеты и г-жой Берит Квалхейм (Berit Kvalheim), журналистом газеты («заявители»).

Заявители подали жалобу на решение Верховного Суда Норвегии по делу о диффамации, инициатором которого был пластический хирург. Суд постановил выплату около 4 700 000 норвежских крон в качестве компенсации нанесенного ущерба и покрытия судебных издержек (плюс проценты). Заявители утверждали, что судебное решение необоснованно ограничивало их право на свободу выражения мнения в соответствии со статьей 10 Конвенции.

2. 16 октября 1996 года Комиссия (Вторая Палата) уведомила Правительство Норвегии («Правительство») о поданном заявлении и предложила представить свое заключение относительно приемлемости заявления и по существу дела. Правительство представило свое заключение 20 декабря 1996 года и 16 июня 1997 года, на которое заявители представили ответное заключение 21 марта и 22 августа 1997 года, соответственно.

3. После вступления в силу 1 ноября 1998 года Протокола № 11 к Конвенции и в соответствии с положениями пункта 2 статьи 5 Конвенции, заявление было рассмотрено Судом.

4. Заявление было передано в Третью Палату Суда (Правило 52 Пункт 1 Регламента). Палата, рассматривающая дело (п. 1 статьи 27 Конвенции), была составлена в соответствии с Пунктом 1 Правила 26 Регламента. Госпожа Х.С. Грейва, судья, избранная Норвегией, была выведена из состава Палаты, слушающей данное дело (Правило 28). Правительство, соответственно, назначило господина С. Евжу участвовать в рассмотрении дела в качестве специального судьи (п. 2 статьи 27 Конвенции и Правило 29 Пункт 1 Регламента).

5. Решением от 29 июня 1999 года Палата объявила жалобу приемлемой.[1] Далее при рассмотрении дела Палата руководствовалась Пунктом 2 Правила 59 Регламента.

6. Секретарь получила требование заявителей о справедливой компенсации 23 сентября 1999 года и комментарии Правительства 18 октября 1999 года. 27 и 28 октября 1999 года, соответственно, секретарь получила предварительное краткое изложение позиций правительства и заявителей.

7. Открытое слушание состоялось во Дворце прав человека в г. Страсбурге 9 ноября 1999 года.

В зале Суда выступили:

(a) со стороны Правительства

г-н Ф. Елгесем (F. Elgesem), Прокурор, Генеральная Прокуратура (по гражданско-правовым вопросам),
уполномоченный представитель,
г-н К. Каллеруд (K. Kallerud), Старший государственный обвинитель,
Управление государственного обвинения (Office of the Director of Public Prosecutions),
г-н М. Голлер (M. Goller), Прокурор, Генеральная Прокуратура
(по гражданско-правовым вопросам), советники;

(b) со стороны заявителей

г-н А.К.С. Риссдал (A.C.S. Ryssdal), адвокат,
г-н П.В. Лорентцен (P.W. Lorentzen), адвокат, консультант.

Суд выслушал обращения г-на Риссдала и г-на Лорентцена со стороны заявителей, и г-на Елгесема со стороны Правительства, а также их ответы на вопросы Суда и индивидуальные вопросы некоторых членов Суда.

8. 11 и 17 ноября 1999 года Правительство и заявители по разному представили дополнительные замечания и ряд документов в качестве ответа на определенные вопросы, возникшие в ходе судебного слушания. Кроме того, 14 и 15 декабря 1999 года заявители и Правительство представили дополнительные замечания в свете решения Суда, вынесенного по другому делу.

---

[1] *Примечание Секретаря.* Текст решения Суда можно получить у Секретаря.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

A. Предыстория дела

9. Первый заявитель – Бергенс Тиденде – ежедневная газета, выходящая в городе Берген и являющаяся крупнейшим региональным изданием западного побережья Норвегии. Второй заявитель, г-н Ейнар Ериксен, является бывшим главным редактором газеты. И третий заявитель, г-жа Берит Квалхейм, работает журналистом данной газеты. Они родились в 1933 и в 1945 годах, соответственно, и оба проживают в г. Бергене.

10. Доктор Р. является специалистом в области пластической хирургии, приобретший практику в больнице Хокланд *(Haukeland Hospital)* в г. Бергене в 1970-х годах. С 1975 года занимается частной практикой в данной области медицины в г. Бергене.

11. 5 марта 1986 года, вслед за открытием новой клиники доктора Р., газета Бергенс Тиденде опубликовала статью, подготовленную третьим заявителем, в которой описывались работа доктора Р. и преимущества пластической хирургии.

В последствии в редакцию газеты поступили звонки от женщин, прошедших подобные операции у доктора Р. и недовольных проведенным лечением.

B. Публикации, послужившие причиной возбуждения дела о диффамации против заявителей

12. 2 мая 1986 года газета Бергенс Тиденде опубликовала на первой полосе статью под заголовком «Стремление к красоте, которое привело к обезображиванию», содержащую следующий отрывок:

> *«Мы заплатили тысячи [норвежских] крон [НК] и все, что мы получили – это уродство и разбитую жизнь». Газета Бергенс Тиденде побеседовала с тремя женщинами, которые готовы были рассказать практически идентичные истории о своем опыте перенесенных операций в клинике косметической хирургии в г. Бергене. Все три женщины сделали в клинике пластические операции на груди, и результаты были крайне плохими. Они предупреждают остальных женщин».*

Заголовок под фотографией женской груди гласил:

> *«Эта женщина мучилась из-за своей слишком большой груди. Пластическая операция оставила ее с уродливыми шрамами и непропорциональным бюстом».*

В середине газеты была помещена статья вместе с большой цветной фотографией женской груди с уродливыми шрамами:

> *«Женщины, на всю жизнь пострадавшие после косметической операции»*
>
> *«Я заплатила 6 000 НК и все, что я получила - уродство».*

«Сказать, что я горько сожалею – это ничего не сказать. Моя жизнь погублена, и я никогда не буду прежней».

«Боль была невыносимой. В считанные дни я превратилась в испуганную, трясущуюся на грани нервного срыва развалину, я думала, что умру».

Это высказывания трех женщин, давших интервью газете Бергенс Тиденде. Все они, в возрасте от 25 до 40 лет, проживающие в г. Бергене, единогласно подтверждают, что прошли пластические операции на груди, которые провел доктор Р., один из двух специалистов в области пластических операций, занимающийся частной практикой в г. Бергене.

Все три женщины, пожелавшие остаться неизвестными, описывают свои испытания как кошмар. У них у всех остались внутренние и внешние рубцы, с которыми им придется жить до конца жизни.

«Меня прооперировали в мае 1984 года, после долгого периода сложных психологических проблем, связанных с маленькой и обвисшей грудью после того, как я родила несколько детей», - сказала одна из женщин, которой было 29 лет.

Раздувшаяся грудь

«Сразу после операции я заметила, что что-то было не так. Одна из грудей раздулась и стала твердой и болезненной. Когда я обратилась к доктору Р., он банально ответил, что причин для беспокойства не было. Это пройдет. Мне сказали, что ни при каких обстоятельствах я не должна обращаться к другому специалисту.

Целую неделю я пролежала дома, оцепенев от боли, глотая таблетки Баралгин Форте (Paralgin Forte[2]), как будто это были конфеты. Я за всю жизнь не принимала лекарств сильнее Дисприла (Dispril[3]). Моя грудь разбухла до абсурдных размеров и была настолько болезненной, что к ней нельзя было прикоснуться.

С доктором Р. невозможно было связаться. Он уехал в Париж, а я не осмелилась показаться другому врачу. Только сейчас я понимаю, насколько глупо я себя вела».

Разорвавшийся протез

Сотрудник приемной врача, в конце концов, смог связаться с доктором Р. по телефону в Париже, объяснил ему сложность ситуации и вынудил его приехать в офис прямо из аэропорта в тот же вечер, когда тот возвратился домой.

«К тому моменту боль была невыносимой, затем и долго после этого я сильно возмущалась по поводу грубого лечения, которому меня подвергли» - говорит женщина. «Когда я лежала на операционном столе, он разрезал швы, раскрыл

---

[2] Paralgin Forte – сильное обезболивающее, отпускается только по рецепту врача.
[3] Dispril – мягкое обезболивающее, доступное в свободной продаже в аптеках без рецепта врача.

их и вырвал имплантант безо всякой анестезии так, что его содержимое выплеснулось на него, его помощника и меня».

Муж женщины сидел в приемной, слушая ее крики от боли. Все лечение заняло тринадцать минут, и разговор об отдыхе даже не поднимался. Это был случай, когда сразу с операционного стола нужно было уйти.

Больничный на три месяца

«Он все время давал нам понять, что мы доставляли ему неудобство и занимали его драгоценное время».

Женщине потребовался длительный срок на то, чтобы восстановиться после травмирующего опыта. Она была вынуждена сказать, что заболела, и не смогла приступить к работе в течение трех месяцев. Ее муж также был вынужден взять больничный, чтобы провести с ней дома некоторое время.

В это время у нее был протез только в одной груди, и несмотря на устрашающее испытание, через которое она прошла, женщина решилась снова обратиться к доктору Р. чтобы вставить силиконовый протез в пустую грудь. Операцию постоянно переносили, и она решила разорвать отношения в качестве клиента доктора Р. и обратиться к другому пластическому хирургу. Приняв решение, она потребовала вернуть деньги за неудачно проведенную операцию, и после некоторой дискуссии он согласился вернуть лишь половину суммы.

Никаких квитанций об оплате

Он сделал это со следующей оговоркой: «Надеюсь, что мы прощаемся с вами навсегда. Вы никогда не были моей пациенткой, и я никогда вас не видел».

С тех пор женщина также возмущалась финансовой стороной деятельности доктора Р. До операции ей сообщили, что она должна принести деньги – 6 000 НК наличными в день операции. Оплата чеком не принималась, и ей не дали квитанцию об оплате.

Болезненное заражение

37-летняя женщина рассказывает похожую историю.

«Я хотела сделать операцию, потому что у меня были проблемы с чрезмерно большой и тяжелой грудью, которая вызывала боли в плечах и спине. Сначала я хотела убедиться, что подобная операция может быть сделана в больнице, но мне сказали, что в лучшем случае у меня уйдет год на ожидание. Поэтому я решила обратиться в частную клинику доктора Р.

Результатом этого обращения стало продолжительное болезненное заражение, которое длилось 4-5 месяцев, и грудь выглядела ужаснее, чем до этого.

Я заплатила 6 000 НК и все, что я получила, был вред, причиненный мне самой» - говорит женщина.

Уродливые шрамы

От инфекции, проявившейся сразу после операции, разошлись швы и появилось воспаление. После того, как раны зажили, у женщины остались чрезмерно большие уродливые шрамы, что заставило ее снова связаться с доктором Р. и потребовать возмещения нанесенного ущерба.

Он согласился, и была назначена новая операция. Женщина, отпросившаяся с работы на три дня в связи с операцией, появилась в назначенное время и обнаружила, что двери клиники были закрыты. Она вернулась домой с неразрешенной проблемой. Когда она позвонила ему позже в этот же день, он был груб и открыто пригрозил ей, бросив телефонную трубку.

После этого она решила все бросить и с тех пор не связывалась с этим доктором.

Пустая трата времени и денег

«У меня было горькое чувство, когда я поняла, что потратила уйму времени, денег и моральных сил на то, что не только обернулось пустой тратой, а причинило больше вреда, чем принесло пользы».

Эта женщина также утверждает, что ее попросили оплатить сумму наличными, но не предоставили никакой квитанции об оплате.

Деформированное тело

У третьей женщины, давшей газете Бергенс Тиденде интервью, была похожая ситуация. 31-летняя женщина рассказывает: «Я сделала операцию по увеличению груди, но на следующий же день поняла, что что-то было не так с одной грудью. Она была неровной, была направлена вправо, была твердой как камень и болезненной на ощупь. Она до сих пор такая твердая и неровная, хотя прошло почти два года. Я чувствую себя абсолютно бесформенной и не осмеливаюсь даже показаться на пляже».

Осложнения

Эта женщина также перенесла осложнения после операции, главным образом из-за постоянного образования так называемых «капсул» - частей протеза, которые затвердевают и требуют повторного разбивания.

«Несколько недель спустя я просто не могла это выносить. К тому же, я потеряла доверие к доктору Р. и его методам лечения» - говорит женщина, которая, как и остальные, была возмущена требованием оплаты наличными без выдачи какой-либо квитанции об оплате.

Она также была шокирована тем бесцеремонным и безразличным отношением в клинике в ее первый визит.

«У меня был назначен прием в 12.30 дня, но мне сказали, что врач не может меня принять, так как занят. У меня спросили, не могу ли я прийти в другой

день? Но я так настроилась на прием в тот день, что просто отказалась уйти. Или сейчас или никогда».

Горькие сожаления

После трех или четырех часов ожидания меня, в конце концов, положили на операционный стол. Все о чем я жалею, так именно об этом.

Операция прошла неудачно. Я сразу это поняла. После двух-трех недель повторного «лечения» и неудачных попыток врача устранить ошибку, я не могла выносить этого больше и сдалась.

Невыносимо

Женщина не пыталась вернуть заплаченные деньги. «Мне была невыносима мысль, что придется скандалить – я знала, что это будет борьба».

Прошло почти два года после злосчастной операции, но она так и не смогла пока собраться с силами после страшного опыта и обратиться к другому специалисту для повторной операции.

«Мне придется это сделать, потому что я не могу жить с этим. Но этот страшный опыт настолько сильно укоренился во мне, что я еще не собралась с силами для изменения ситуации»- говорит она».

13. Статьи, подобно той, которая была опубликована 2 мая 1986 года, сопровождались большими цветными фотографиями и были напечатаны 3, 5, 7 и 9 мая 1986 года. Они детально описывали ощущения женщин после неудачно проведенных операций, а также рассказывали об отсутствии ухода и послеоперационной терапии со стороны доктора Р. Некоторые статьи призывали женщин обратиться с жалобами в органы здравоохранения и возбудить судебные дела против врача. Одна статья содержала информацию, что Управление Здравоохранения *(Helsedirektoratet)* собирается начать расследование, и что доктор Р. может потерять лицензию на медицинскую практику, и что рассматривается вопрос о проведении полицейского расследования. Краткие изложения содержания статей смотрите в решении Верховного Суда Норвегии *(Høyesterett)* от 23 марта 1994 года, процитированном ниже в пункте 24.

14. В редакционной статье, вышедшей в газете Бергенс Тиденде 12 мая 1986 года под заголовком «Власть медицины», говорилось:

> *«Конечно, у нас вызывает удовлетворение тот факт, что органы здравоохранения начали тщательное расследование деятельности, которую доктор из города Бергена осуществлял в течение многих лет. Это самое малое, что можно было ожидать. Данное расследование должно быть проведено в интересах всех сторон – пациентов, органов здравоохранения и самого врача, и должно установить, соответствовали ли использованные методы лечения профессиональным стандартам. Тот факт, что данное дело имеет серьезные последствия, как эстетические, моральные, так и чисто экономические, только подчеркивает необходимость серьезного и тщательного расследования.*

Однако остается загадкой, почему потребовалось столько статей, многочисленных сообщений и настойчивости журналистов, чтобы заставить заработать бюрократическую машину здравоохранения. Жалобы в ассоциацию врачей не дали никаких результатов, как впрочем, и региональные и муниципальные органы здравоохранения не предприняли никаких действий до тех пор, пока пациенты, в отчаянии, не обратились со своими историями страданий в газету Бергенс Тиденде. Можно только догадываться, что требуется, чтобы разбить крепкие профессиональные узы среди медиков и уберечь интересы пациента. В любом случае, это оправдывает многолетний страх пациентов перед ответными мерами. Независимо от того, воображаемый или реальный этот страх, он говорит о властных взаимоотношениях, которые до сих пор существуют между врачами и пациентами.

Уничтожение мифов и создание доверия являются важными условиями в процессе выздоровления. Вот почему необходимо внести ясность во все аспекты этого дела.

К сожалению, инициатива начать расследование исходит не от медицинской стороны, а от слабой стороны – от пациента».

С. Другие статьи

15. 2 мая 1986 года газета Бергенс Тиденде опубликовала также, внизу той же страницы, на которой была напечатана статья, упомянутая выше в пункте 12, интервью с доктором Гуннаром Джонсеном (Gunnar Johnsen), пластическим хирургом больницы г. Бергена, под названием «Востребованная форма хирургии – тонкая грань между успехом и неудачей». В ней говорилось:

«Существуют пограничные случаи, но, в общем, эстетическая/психологическая хирургия, как часто говорят о пластических операциях, не попадает в сферу ответственности государственных органов здравоохранения»…

«Имеют ли многие люди нереальные ожидания и верят, что все их проблемы будут решены с удалением их недостатков?»

«Это происходит, и тогда проблемы этих людей скорее психологического, нежели физического характера».

Информация важна

«Не только по этой причине очень важно, чтобы пациенты – или скорее… клиенты – были должным образом информированы заранее. Зачастую информация необходима, чтобы уменьшить ожидания так, чтобы человек, перенесший операцию, не был разочарован результатом. Но, даже сказав об этом, нужно отметить, что большинство людей удовлетворены своей новой внешностью…

В других областях хирургии существуют те же проблемы, связанные с риском кровотечения и инфекции. И общие требования, касающиеся предупредительных мер и медицинской безопасности, очень жесткие».

Технические требования

«Эстетическая хирургия выдвигает технические требования, в ней существуют тонкие границы между успехом и неудачей. Поэтому, не только по этой причине, важно обладать широким опытом пластической хирургии, полученным в больнице, прежде чем приступать к частной практике. Но перенос опыта возможен в обоих направлениях…».

Выпуск газеты от 2 мая 1986 года также содержал интервью с доктором Р. под названием «Всегда найдутся недовольные пациенты», в котором говорилось:

«Я не могу комментировать эти конкретные случаи, частично потому, что я связан общим обязательством сохранять конфиденциальность, частично потому, что я не знаю детали этих случаев. Все, что я могу сказать, что в области пластических операций, как и в любой другой области хирургии, существует риск ошибки, и всегда найдутся недовольные пациенты».

Вот комментарии доктора Р. газете Бергенс Тиденде, относительно жалоб трех женщин.

«Осложнения в виде огрубевшей груди ... случаются в 15-20% случаев всех операций на груди, и риск кровотечения или инфекции одинаков как в пластических операциях, так и в любых других формах операций. Но я хочу подчеркнуть, что все пациенты заранее были проинформированы о возможной опасности и о том, что результат может не удовлетворить их ожидания - говорит доктор Р., который, более того, подчеркивает, что три недовольные пациентки – малое число по сравнению с масштабами его бизнеса, которым он занимается последние несколько лет…»

Согласно утверждению третьей заявительницы, сделанного во время слушаний в суде первой инстанции, встречаясь с доктором Р. в связи с вышеприведенным интервью, она просила его прокомментировать обвинения в его адрес трех женщин и проинформировала его о том, что они дали согласие освободить его от обязательства хранить конфиденциальность. Он ответил, что связан общим долгом медицинской конфиденциальности, который действителен независимо от подобного согласия пациента. На тех слушаниях доктор Р. отрицал версию фактов третьего заявителя, сказав, что абсолютно уверен в том, что она не информировала его заранее о том, что с него снято обязательство хранить конфиденциальность.

16. 14 мая 1986 года газета Бергенс Тиденде опубликовала две статьи с комментариями к критическим статьям, вышедшим ранее в том же месяце.

В первой статье под заголовком «Пресса – посмешище сегодняшнего дня» г-жа К. Тью (K. Thue) вспомнила историю «охоты на ведьм» в средневековье и описала статьи газеты Бергенс Тиденде о недовольных пациентках доктора Р. как современную форму данного преследования со стороны прессы. Она утверждала, что доктор не мог дать ответ, так как ему мешало обязательство хранить конфиденциальность, иначе он мог бы рассказать о большом количестве пациентов, которые были довольны, и доказать, что они составляют большинство его пациентов.

Во второй статье, написанной г-ном Р. Стейнсвиком (R. Steinsvik) под названием «Всегда существуют две стороны дела» говорилось следующее:

> *«Мы обеспокоены вниманием к деятельности доктора Р. в последнее время. Мы, группа из тридцати человек, и общее между нами то, что все мы есть или были пациентами доктора Р. Мы довольны полученным лечением, в том числе послеоперационным уходом и терапией.*
>
> *Любое дело имеет две стороны, и мы надеемся, что в своих словах выразили свое отношение к этому врачу и свой опыт общения с ним».*

D. Административное обжалование со стороны бывших пациентов доктора Р.

17. Вслед за публикацией статей в газете Бергенс Тиденде семнадцать бывших пациентов обратились с жалобами в отношении доктора Р. в органы здравоохранения. 8 октября 1986 года г-н Ескеланд (Eskeland), медицинский эксперт, назначенный оценить сложившуюся ситуацию, пришел к заключению, что причин для критики проведенных доктором Р. операций не было. Господин Ескеланд утверждал, что осложнения, о которых говорилось в жалобах, были типичными в хирургии и происходили время от времени, но не из-за неправильной работы доктора Р. В одном деле он подверг доктора Р. критике за то, что тот уехал заграницу, не проинформировав недавно прооперированную пациентку. Господин Ескеланд заметил, что в связи с большим количеством пациентов доктора Р. (приблизительно 8 000 в период с 1975 по 1986 годы) число жалоб было скромным. Беря во внимание, что статьи, опубликованные в газете Бергенс Тиденде, призывали бывших пациентов доктора Р. подавать жалобы, становится удивительным, что лишь немногие сделали это.

18. 3 ноября 1986 года Управление Здравоохранения решило не давать делу дальнейшего хода, сочтя, что хирургические операции были проведены доктором Р. надлежащим образом.

E. Судебное разбирательство о диффамации, начатое доктором Р.

19. После публикации статей в газете к доктору Р. стало обращаться меньше пациентов, и он начал испытывать финансовые трудности. Он был вынужден закрыть клинику в апреле 1989 года.

20. Тем временем, 22 июня 1987 года доктор Р. начал судебное разбирательство против заявителей, требуя возмещения нанесенного ущерба. Согласно решению Городского суда г. Бергена от 12 апреля 1989 года заявители были обязаны выплатить доктору Р. сумму в размере 1 359 500 НК в качестве компенсации нанесенного ему материального ущерба и компенсации морального вреда, а также его судебных издержек. Суд счел, что экономические убытки доктора Р. составляют несколько миллионов крон, и оценка ущерба должна быть сделана на усмотрение суда. Суд отметил, что хотя критика в адрес доктора Р. был высказана без достаточного обоснования, тем не менее, она была вызвана преимущественно его собственным поведением. Суд счел приемлемым выплату компенсации, соответствующей сумме, на 75% меньше заявленной.

21. Заявители и доктор Р. обжаловали решение в Высший суд (*Lagmannsrett*), который принял решение в пользу заявителей и в своем решении, помимо прочего, сказал следующее:

«Заслушав показания, Высокий суд считает, что статьи, главным образом, верно изложили перенесенный женщинами опыт. Выступая в качестве свидетелей, они высказали свое впечатление, что газеты в определенной степени смягчили их слова. Суд считает данные показания достойными доверия и не видит причин полагать, что субъективный опыт этих женщин не соответствует той действительности, которая имела место. Другими словами, у них были веские причины чувствовать себя так, как это было и как это изложено в газетных статьях. Суд не основывает свое решение исключительно на заявлениях этих трех женщин. Суд считает также доказанным, что в газету обращались и множество других женщин с похожими историями. В последствии после выхода статьи 3 мая [1986] года вместе с призывом Н.Х. к женщинам объединиться и возбудить дело, еще больше женщин связались с газетой. Суд установил, что количество женщин, [которые обратились в редакцию] составляло более ста человек. Это заключение основывается на показаниях [второго и третьего заявителей] и Н.Х., а также других женщин, выступивших в суде. Они составляют меньшую часть всех женщин, обратившихся к газету Бергенс Тиденде и Н.Х. Всего четырнадцать недовольных женщин и муж одной из женщин дали свидетельские показания. В показаниях, главным образом, повторяется одна и та же информация: возникали осложнения, результат был плохим и послеоперационный уход, который проводил доктор Р., был неудовлетворительным и осуществлялся без всякой заинтересованности, с некоторым раздражением и неохотой. Некоторые женщины рассказывали, насколько доктор Р. безразлично отнесся к их душевной, физической боли и дискомфорту. У некоторых из них сложилось впечатление, что доктор Р. хотел избавиться от них сразу после операции и поэтому организовывал послеоперационный уход ненадлежащим образом. Многие женщины повторяли, что были поражены тем, что доктор Р. был очень груб, когда вопрос касался финансовой стороны: он хотел оплаты вперед, не принимал чеки и не давал квитанции об оплате, пока его настойчиво об этом не просили…

На основе вышеизложенного Высокий суд считает доказанным то, что доктор Р.осуществлял свою медицинскую практику таким образом, что у многих женщин, перенесших осложнения, появились веские причины полагать, что им был оказан плохой уход и ненадлежащее лечение, и в некоторых случаях чувствовать оскорбленными поведением доктора Р. Более того, Суд считает, что истории, изложенные в статье от 2 мая [1986] года говорят об опыте и многих других женщин.

Таким образом, Высокий суд полагает, что три женщины, о которых говорится в статье от 2 мая [1986] года, не были по-особенному чувствительны и не имели преувеличенных ожиданий. Их истории были рассудительны и содержали разумную субъективную оценку того, что случилось. Располагая информацией о жалобах других женщин, Суд также считает, что в данном случае речь идет не об одном или двух случайных исключениях. Что касается доктора Р., то можно небезосновательно установить, что речь идет о его неудовлетворительном поведении, которое имело место достаточно часто в тех случаях, когда после операции возникала ситуация, требующая дополнительных усилий. Если вообще не говорить о том, что он вел себя неудовлетворительно в большинстве случаев или в достаточно большом их количестве. Едва ли можно говорить, что это

относится к меньшинству случаев. Следует обратить внимание, что ничего не говорилось в доказательство того, что имела место хирургическая некомпетентность доктора Р.

Но тот факт, что неудовлетворительное поведение возникало во многих случаях, должно было предоставить основание для того, чтобы критика в адрес доктора Р. вылилась на страницы газеты. Как уже упоминалось выше, общественность и покупатели (потребители) имеют право быть информированными и их право реагировать, держась подальше с целях собственной безопасности. Следует указать, что в начале люди обратились в редакцию газеты, отреагировав на статью в газете Бергенс Тиденде от 5 марта [1986] года, которая рассказывала о бизнесе доктора Р. без упоминания каких-либо недостатков. Газета Бергенс Тиденде утверждает, что в свете статьи от 5 марта, сочла себя обязанной предоставить возможность обратившимся в газету с критикой быть услышанными, что Суд находит вполне понятным.

3 мая [1986] года газета Бергенс Тиденде опубликовала статью, в которой Н.Х. рассказала о своем опыте лечения в клинике доктора Р. и призвала женщин с похожими историями объединиться и возбудить дело против него. Суд установил, что также, как и показания трех женщин в статье от 2 мая, опыт Н.Х. был изложен верно, и что ее субъективные переживания имели вескую основу. То же относится к высказываниям «26-летней жительницы г. Бергена», опубликованным в статье от 5 мая. Суд также счел верным подбор выражения («шквал телефонных звонков») относительно количества телефонных звонков, поступивших к Н.Х. в тот же день…

Таким образом, опыт, перенесенный женщинами и изложенный в газете Бергенс Тиденде, соответствует действительности. И этот субъективный опыт имел основания для того, чтобы нарисовать картину, к каким последствиям могло привести лечение доктора Р, и не только в редких единичных случаях…

Важным моментом, относительно оспариваемых доктором Р. утверждений, является то, что все они говорят о результатах проведенного доктором Р. лечения в достаточно резких выражениях: «уродство», «пострадавшая на всю жизнь», «искалеченная» и тому подобное. Становится очевидным, что данные утверждения описывают результат лечения, но ничего не сообщают о несостоятельности доктора Р. как хирурга. Следует предположить, что читатели газеты знали, что плохой результат операции не обязательно зависит от хирургического умения. Утверждалось, что использование выражений «пострадавшая», «была изуродована» и так далее, вызывает у читателей представление о действиях, направленных на обезображивание и причинение вреда. Следовательно, читатель сразу же полагает, что какой-то человек, в данном случае доктор Р., виновен в этом. Высокий Суд не согласен с этим, так как с лингвистической точки зрения, данные выражения указывают на что угодно, только не исключительно на объективный результат.

Другой вопрос – вводят ли данные выражения в заблуждение в силу того, что создают впечатление о более серьезных последствиях, нежели они были на самом деле. Высокий Суд считает, что это не так, особенно обращая внимание, что это манера передачи субъективных оценок, данных

женщинами. Прилагательное «изуродованная» означает наличие какого-либо безобразного следа на теле, и Высокий Суд полагает, что у женщин, которые используют это слово, согласно газете Бергенс Тиденде, были веские на то причины. Практически то же может быть сказано в отношении прилагательного «искалеченный». Возможно выражение «пострадавшая» несет довольно сильную окраску, но может быть оправдано, когда речь идет о женщинах, у которых остались большие шрамы на груди, или чья грудь стала кривобокой, твердой, разной по размеру, слишком чувствительной к прикосновению, а также об эффекте, который данные обстоятельства оказали не только на взаимоотношения с мужем, но и во многих других аспектах. Легко представить, что значит не иметь возможности обнять собственного ребенка или внука из-за твердой или слишком чувствительной груди. Суд считает установленным по показаниям свидетелей, что данные выражения, среди других элементов, были использованы газетой на основе таких результатов.

Хотя данные выражения не содержат прямого обвинения в отсутствии хирургического умения у доктора Р., газета Бергенс Тиденде, тем не менее, четко не указала в статье, что такие способности у доктора есть. Индивидуальные высказывания и газетные статьи в совокупности создали впечатление, что соответствие лечения, проводимого доктором Р., медицинским стандартам, ставится под вопрос. Однако в свете информации, предоставленной женщинами, - это был естественный вопрос. Любой человек, прочитавший данные точки зрения, задался бы этим вопросом. Поэтому нет ничего незаконного в открытой постановке этого вопроса в газете Бергенс Тиденде.

Доктор Р. также жалуется, что газета Бергенс Тиденде начала настоящую кампанию против него и подвергла его гонениям. Высокий суд считает, что это не так. В частности, у газеты есть право полагать, что женщины должны дважды подумать, прежде чем обратиться к доктору Р., и право писать статьи с подобными размышлениями в основе…

Вкратце, мнение Высокого суда может быть изложено следующим образом:

В практике доктора Р. было существенное количество случаев плохого послеоперационного ухода и ненадлежащего поведения и тому подобное, что дало многим женщинам достаточно оснований разочароваться и думать, что лечение было плохим. Высокий суд основывает свою оценку доказательств, главным образом, на показаниях и поведении женщин в суде. Газета Бергенс Тиденде имела право написать об этом и повторить субъективную оценку, данную этими женщинами в отношении лечения. Газета сделала это в манере, правильной во всех отношениях. Хотя газетные статьи могли произвести впечатление о сомнительности профессиональных способностей доктора Р., они носили форму опасения, причиной которого стало поведение доктора Р. Если это и привело к финансовым потерям для доктора Р., то только потому, что сфера, в которой он работает, достаточна деликатна.

[Заявители] освобождены от обязательства выплатить ущерб, Высокий суд не будет рассматривать вопрос о степени финансовых потерь доктора Р.

Более того, Высокий суд не считает возможным выплату морального ущерба и, основываясь на вышесказанном, не находит освещение деятельности доктора Р. в газете Бергенс Тиденде незаконным».

22. Доктор Р. подал апелляцию по данному решению в Верховный суд. По его словам решение Городского суда было, в принципе, верным, за исключением уменьшения суммы компенсации по причине больших издержек с его стороны. На его взгляд, даже если допустить оценку доказательств, касающихся отсутствия послеоперационного ухода и терапии, сделанную Высоким судом, она должна была оказать минимальный эффект на размер компенсации. Среди прочего он утверждал, что газетные статьи привели к публичной экзекуции его как пластического хирурга, так как сделали сильный акцент на неудачно проведенных операциях и позволили сформировать у читателя мнение, что он был некомпетентен. Далее, ему не предоставили должной возможности ответить на критику до выхода публикаций. По его мнению, поведение подсудимых было чрезвычайно халатным.

Заявители подчеркнули, что статьи, ставшие предметом спора, кроме всего прочего говорили о ситуации, в которую попало большое количество женщин, с которыми газета связалась напрямую или косвенно, и которые жаловались на отсутствие ухода и послеоперационной терапии после неудачно проведенных операций. Они также жаловались на недостаток информации до проведения операций. Статьи передали чувства и неудовлетворенность женщин, используя их слова. Вопрос о том, был ли доктор Р. хорошим или плохим хирургом, не имел решающего значения.

23. 22 декабря 1992 года Апелляционный комитет (*kjæremålsutvalget*) Верховного суда отклонил апелляцию, касающуюся оценки доказательств отсутствия ухода и послеоперационной терапии со стороны доктора Р., сделанную Высоким судом. Однако суд счел возможным рассмотреть оставшуюся часть апелляции.

24. В решении от 23 марта 1994 года Верховный суд вынес решение по апелляции в пользу доктора Р. и присудил сумму в размере 4 709 861 НК в качестве покрытия его издержек и расходов. Судья Бэкер (Backer) выступил от имени суда, выражая единогласное мнение:

«В качестве вступления я хочу отметить, что газеты, конечно, имеют право уделять внимание спорным сторонам пластической хирургии и приводить примеры неудачных случаев. Они также должны иметь возможность заострять внимание на критических аспектах деятельности отдельно взятого хирурга, и журналист должен иметь большую свободу в своих субъективных размышлениях. Но откровенно недостоверная фактическая информация негативного характера должна рассматриваться как порочащая. То, что газета просто воспроизводит обвинения других людей, не составляет правонарушения согласно установившейся судебной практике.

Следовательно, необходимо рассмотреть каждую статью в отдельности, чтобы установить соответствие ее содержания требованиям, распространяющимся на дела о диффамации. За точку отсчета необходимо взять впечатление, которое данные статьи производят на читателя, уделяя особое внимание заголовкам и вступительным частям, нежели остальному тексту, напечатанному обычным шрифтом. Высокий суд считает, что заинтересованный читатель тщательно прочтет всю статью и сформирует мнение, более соответствующее действительности, чем читатель, бегло

просмотревший эту статью. Мне трудно согласиться с этой теорией. Так как даже те люди, которые прочтут статью целиком, легко могут поддаться влиянию субъективных оценок в заголовках и так далее. К тому же, статья рассчитана на широкую публику и, таким образом, влияет на репутацию данного врача. В отличие от Высокого суда, я не считаю, что читатели всегда осведомлены, что плохой результат операции не обязательно связан с отсутствием хирургического умения…

Новостная публикация от 2 мая 1986 года основана на положительных статьях от 5 марта и критических комментариях, которые [газета] получила от недовольных пациенток. Она описывает ситуацию, в которую попали три женщины, перенесшие операции на груди с применением силиконовых протезов и осложнения, возникшие в последствии. На первой странице помещен заголовок на две колонки «Стремление к красоте, которое привело к обезображиванию» с фотографией женской груди, обезображенной шрамами. Далее в кавычках следует: «Мы заплатили тысячи крон и все, что мы получили – это уродство и разбитую жизнь». Внутри газеты целая страница отведена на одну статью. Заголовок расположен на семь колонок «Женщины, на всю жизнь пострадавшие после пластической операции». Та же фотография, что и на первой полосе, занимает здесь пять колонок. Под фотографией подпись: «Огромные шрамы, сморщенная грудь и длительное болезненное воспаление были последствиями пластической операции, которую перенесла эта женщина». Статья начинается с трех моментов, выделенных жирным шрифтом:

«Я заплатила 6 000 НК и все, что я получила - уродство».

«Сказать, что я горько сожалею – это ничего не сказать. Я погубила свою жизнь, и я никогда не буду прежней».

«Боль была невыносимой. В считанные дни я превратилась в испуганную, трясущуюся на грани нервного срыва развалину, я думала, что умру».

В статье говорится, что женщины, перенесшие воспаления и осложнения, связались с доктором Р. и были недовольны полученным лечением. Насколько я понимаю, это касается и обслуживания, и результата лечения.

Внизу страницы помещено интервью с доктором Р. под заголовком «Всегда найдутся недовольные». В ходе судебного разбирательства было установлено, что [третий заявитель] связалась с доктором Р. 30 апреля и попросила его прокомментировать ситуацию, сообщив, что эти три женщины снимают с врача обязательство хранить профессиональную тайну. Тем не менее, сославшись на это обязательство, доктор Р. отказался прокомментировать данные случаи.

Внизу страницы расположено еще одно интервью с другим специалистом в области пластических операций… под заголовком «Востребованная форма хирургии – тонкая грань между успехом и неудачей».

На следующий день 3 мая [1986] года вышла новая статья. На первой полосе был расположен заголовок на две колонки «Акция против врача, проводившего операции на груди». Внутри газеты помещен заголовок на пять колонок

«Начните судебное разбирательство против врача». В этой статье говорится о бывшей пациентке [Н.Х.], попавшей в похожую ситуацию и рассказывающей о своем опыте, схожем с опытом тех трех женщин, о которых писалось в статье, опубликованной днем ранее. Она призывает всех, перенесших подобный опыт, объединиться и выступить против доктора Р. Статья также содержит интервью с главным врачом округа [Fylkeslegen], который заявил, что недовольные пациенты могут обращаться к нему. Далее появляется статья на пять колонок с заголовком «Врач обязан давать квитанции об оплате», где высказывались жалобы на то, что доктор Р. якобы требовал оплаты и не предоставлял квитанции. В статье говорится о том, что это может заинтересовать налоговые органы и социальные службы.

В статье от 5 мая [1986] года на первой полосе размещен заголовок на одну колонку «12 000 НК за обезображенную грудь». Заголовок, с незначительными изменениями, повторяется над семью колонками внутри газеты. Здесь женщина рассказывает, как она перенесла неудачную операцию на груди, проведенную доктором Р. Далее следуют заголовок на четыре колонки «Контроль практически невозможен» и статья, содержащая интервью с главным налоговым инспектором округа [Fylkesskattesjefen]. Здесь расположена и статья на две колонки «Шквал телефонных звонков, который не дал мне заснуть», помещенная в рамку. В этой статье Н.Х. вспоминает, как ей позвонило большое количество женщин с ужасными историями об их опыте общения с доктором Р.

В статьях от 7 мая [1986] года ситуация развивается дальше. Первая полоса содержит заголовок на четыре колонки «Шквал телефонных звонков от людей, перенесших операции». Далее помещена фотография груди Г.С., одной из бывших пациенток доктора Р., где видно помимо уродливых шрамов следы неснятых швов. Внутри газеты заголовок занимает пять колонок «Шквал телефонных звонков после критики в адрес пластического хирурга. Мы понятия не имели, что нас так много». В своем интервью Н.Х. сообщает, что разговаривала, по крайней мере, с пятьюдесятью женщинами, которые рассказали ей о своем ужасном опыте. Три случая из них рассказываются. Далее помещена фотография груди Г.С. с надписью «Г.С. (28 лет) была прооперирована в 1984 году. Швы до сих пор не сняты». В статье говорится, что после операции Г.С. пыталась обратиться к доктору Р., чтобы ей сняли швы, ей ответили, чтобы она сделала это сама, так как у них не было подходящего пинцета. Далее помещена статья с заголовком на три колонки «Возможно, никакого расследования не будет», в которой содержится интервью с Генеральным прокурором.

В последней серии статей от 9 мая первая полоса содержит заголовок на четыре колонки «Деятельность врача, проводившего операции на груди, расследуется». В статье говорится, что, по словам действующего руководителя Управления здравоохранения, Управление немедленно свяжется с главным врачом округа с целью начать тщательное расследование деятельности доктора Р. И газета уделяет внимание вопросу, потеряет ли врач свою лицензию. Внутри газеты статья на четыре колонки, по тому же вопросу. Далее в статье под заголовком «Невозможно ничего сделать» адвокат А.Х. Ассоциации врачей Норвегии сообщает газете, что ассоциация не рассматривает жалобы против медицинской практики врача, а лишь жалобы, которые касаются его поведения и гуманного лечения пациентов.

Первый вопрос, который возникает при оценке этого ряда статей, следующий – можно ли охарактеризовать критику в адрес доктора Р. как обвинение, и каково может быть его содержание. С одной стороны, доктор Р. настаивает, что его обвиняют в медицинской небрежности, и что недостаткам в его работе уделяют основное значение. Ответчики, в свою очередь, настаивают, что критика направлена не на это, а на отсутствие информации, ухода и послеоперационной терапии, которые являются частью медицинского лечения. Суд установил, что представленные доказательства действительно указывают на нехватку ухода и послеоперационной терапии. Так как апелляция относительно оценки доказательств по этому вопросу была отклонена, Верховный суд должен придерживаться оценки доказательств, сделанной Высоким судом.

Статьи затрагивают ситуации, в которые попали женщины, перенесшие осложнения после операции или неудачные операции. Они разочарованы результатами лечения и жалуются на нежелание и равнодушие со стороны доктора Р., когда речь заходила об исправлении ошибок. На мой взгляд, статьи в [газете] одновременно содержат сильные нападки на квалификацию доктора Р. как пластического хирурга и не берут во внимание обычный риск возможных неудачных операций. Выражения о том, что женщины были обезображены и пострадали на всю жизнь, а также другие довольно сильные выражения, в частности, в статье от 2 мая 1986 года, которые задали тон целой серии статей, не могут пониматься иначе, как относящиеся в большей степени к результату лечения, где элемент хирургического умения имеет большое значение. Именно так поняли их и главный врач округа, и Управление Здравоохранения и профессор Е. Первоначально возникает ощущение, что [газета] придерживается такого же мнения. В редакционной статье от 12 мая 1986 года выражено удовлетворение тем, что органы здравоохранения начали тщательное расследование деятельности «врача из г. Бергена, проводившего операции на груди» с целью «выяснить, соответствуют ли используемые методы лечения медицинским стандартам». Поскольку должно быть очевидным, что статьи полностью разрушат его бизнес, возникает вопрос, могли ли эти серии [газетных] статей о докторе Р. быть написаны в другой манере, нежели в той, которая отражает мнение [газеты], что рассматриваемые обстоятельства включают и вопрос о безответственности в работе хирурга, что должно быть вынесено на суд общественности.

При этих обстоятельствах, вопреки мнению Высокого суда, я пришел к заключению, что статьи содержат обвинение в адрес доктора Р., что он осуществлял хирургическую деятельность халатно. Я считаю данное обвинение неверным.

Следующий вопрос заключается в том, считать ли порочащее (диффамационное) обвинение, по каким-то причинам, правомерным. Среди прочего, газета ссылалась на свою прямую обязанность отвечать интересам потребителей и на тот факт, что в целом, обвинение доктора Р. в ненадлежащем лечении было не смотря ни на что во многом справедливым. Однако доктор Р. выразил несогласие с манерой, в которой газета освещала ситуацию, и обратился к статье 249 § 2 Уголовного Кодекса.

Когда газета выступает со столь резкой критикой, как в данном деле, я считаю, что доктору Р. должна была быть предоставлена надлежащая защита. Вопрос о времени не имел значения. Когда к доктору Р. обратились 30 апреля с просьбой прокомментировать эти конкретные случаи, он не мог этого сделать без личного освобождения со стороны своих пациенток от обязательства хранить конфиденциальность информации. Он лично не был обязан с этой целью связываться с пациентками. Я также считаю, что [третий заявитель] и газета должны быть подвергнуты критике за отсутствие баланса в статьях и за использование излишне сильных и, в какой-то мере, вводящих в заблуждение выражений. То, что [третий заявитель] цитировала куски из интервью с бывшими пациентками, не давало ей право полностью игнорировать право доктора Р. сохранять конфиденциальность. Вполне понятно, что у женщин, перенесших подобный опыт, сложилось субъективное и очень эмоциональное мнение. Но другое дело, когда эти субъективные точки зрения публикуются для широкого круга читателей, которые могут счесть, что данные мнения отражают объективную реальность. Хотя я понимаю, что газетам для осуществления своей функции в обществе необходимо предоставлять широкие рамки свободы выражения мнения, я не могу не прийти к выводу, что в данном случае данная свобода перешла границы допустимого… я не вижу причины вдаваться в изучение вопроса о нарушении § 2 статьи 249 Уголовного Кодекса.

Убеждение, что основное содержание обвинения было доказано, основывается на оценке доказательств отсутствия ухода и послеоперационной терапии, сделанной Высоким судом.

Оценка доказательств по этому вопросу, сделанная Высоким судом, может быть прослежена в замечаниях на нескольких страницах решения, в особенности на страницах с 11 по 14. На странице 12 суд высказал следующее мнение:

«На основе вышеизложенного Высокий суд считает доказанным то, что доктор Р. осуществлял свою медицинскую практику таким образом, что у многих женщин, перенесших осложнения, появились веские причины полагать, что им был оказан плохой уход и ненадлежащее лечение, и в некоторых случаях повод чувствовать себя оскорбленными поведением доктора Р.»

Далее на странице 13 суд указывает:

«Что касается доктора Р., то можно небезосновательно установить, что речь идет о его неудовлетворительном поведении, которое имело место достаточно часто в тех случаях, когда после операции возникала ситуация, требующая дополнительных усилий. Если вообще не говорить о том, что он вел себя неудовлетворительно в большинстве случаев или в достаточно большом их количестве. Едва ли можно говорить, что это относится к меньшинству случаев. Следует обратить внимание, что ничего не говорилось в доказательство того, что имела место хирургическая некомпетентность доктора Р.»

В данных обстоятельствах я должен сделать вывод, что основные элементы обвинения, содержащиеся в статьях о докторе Р., не были доказаны, так как недостатки хирургической работы, изложенные в статьях, затмевают

недостатки, связанные с отсутствием ухода и послеоперационной терапии. Следовательно, данные обвинения незаконны.

На мой взгляд, данные статьи без сомнения нанесли существенный финансовый ущерб, помимо морального вреда доктору Р. Было бы странным, если бы [его клиника] выжила после таких негативных комментариев, содержавшихся в статьях [газеты]. С коммерческой точки зрения, пластическая хирургия очень чувствительна ко всему, что может подорвать доверие потенциальных пациентов к оперирующему врачу. Ответчики должны были догадываться об этом.

Подсчет убытков доктора Р. сопряжен со многими неточностями. Ни при каких обстоятельствах он не может автоматически рассчитывать на то, что продолжит бурную и доходную деятельность в качестве частного пластического хирурга в течение всей жизни до достижения пенсионного возраста. Даже нейтральная, объективная и, с любой точки зрения, адекватная критика нанесла бы его деятельности большой урон…

[От первого заявителя] доктору Р. должна быть выплачена компенсация нанесенного ущерба, упущенной выгоды и моральных страданий в соответствии со статьями 3-6 Закона о Компенсации от 1969 года [Skadeserstatningsloven - Закон № 26 от 13 июня 1969 года]. В отношении последних двух пунктов Суд имеет большую свободу действий [согласно применяемому законодательству]. Но при рассмотрении первого пункта поведение доктора Р. может быть принято во внимание…

… Я пришел к выводу, что компенсация нанесенного ущерба, то есть потеря дохода плюс проценты с 1986 года до момента принятия данного решения, составила 2 000 000 НК. Что касается других заявлений о компенсации, поданных доктором Р…. я считаю, что они должны быть установлены на справедливом уровне 200 000 НК.

Компенсация упущенной выгоды составила 500 000 НК. Далее, моральный ущерб, который должен выплатить [первый заявитель], составляет 1 000 000 НК. При определении денежного возмещения следует учитывать исключительное давление, которое доктор Р. испытывал длительное время из-за публикации целого ряда статей.

[Второй и третий заявители] должны выплатить по 25 000 НК каждый за нанесенный моральный ущерб».

В заключение, Верховный суд постановил выплату 929 861 НК со стороны первого заявителя и по 15 000 НК со стороны второго и третьего заявителей в качестве компенсации судебных издержек доктора Р. во внутригосударственных судах плюс проценты с издержек, которые доктор Р. понес в Городском суде. Согласно последнему, первый заявитель должен выплатить доктору Р. 218 728 НК дополнительно, а второй и третий заявители по 4 383 НК в качестве процента.

II. Применимое национальное законодательство

25. Согласно законодательству Норвегии о диффамации существуют три варианта ответа на незаконную диффамацию, а именно наказание в соответствии со статьями Уголовного

Кодекса, постановление в соответствии со статьей 253 Уголовного Кодекса считать порочащее заявление недействительным (*mortifikasjon*) и постановление в соответствии с Законом о Компенсации 1969 года (*Skadeserstatningsloven* – Закон № 26 от 13 июня 1969 года) о выплате компенсации пострадавшей стороне. Только последний вариант рассматривался в данном деле.

26. Пункты 3-6 вышеупомянутого Закона гласят:

> *«Если лицо, ущемившее честь или нарушившее право другого лица на частную жизнь, проявило небрежность, или если условия для вынесения наказания соблюдены, должно выплатить компенсацию нанесенного ущерба и потери последующего дохода, которую суд сочтет приемлемой при анализе степени небрежности и других обстоятельств. Данное лицо обязано выплатить компенсацию морального ущерба, если суд сочтет это справедливым.*
>
> *Если нарушение было совершено посредством печати, и лицо, нанятое владельцем или издатель, несет ответственность в соответствии с первым подпунктом, то владелец и издатель также обязаны выплатить компенсацию. То же самое применяется в отношении любой компенсации в соответствии с первым подпунктом, за исключением тех случаев, когда суд установит особые основания для освобождения от ответственности…»*

27. Условия для установления ответственности по делам о диффамации изложены в разделе 23 Уголовного Кодекса, статьи 246 и 247 которого гласят:

> *«Статья 246. Любое лицо, словом или делом незаконно опорочило другое лицо, или являющееся соучастником данных правонарушений, наказывается штрафом или лишением свободы на срок до шести месяцев.*
>
> *Статья 247. Любое лицо, словом или делом демонстрирующее поведение, которое может нанести вред доброму имени или репутации другого лица, а также подвергнуть другое лицо ненависти, оскорблению, потери уверенности, необходимой для выполнения его должностных функций или бизнеса, или лицо, являющееся соучастником данных правонарушений, наказывается штрафом или лишением свободы на срок до одного года. Если диффамация осуществляется через печатные, электронные СМИ или другим способом при наличии особенных отягчающих обстоятельств, лишение свободы может быть на срок до двух лет».*

28. Ограничение в применении статьи 247 вытекает из условия, что выражение должно быть незаконным (*rettstridig*). Хотя данное требование четко изложено в статье 246, Верховный суд истолковал статью 247, как содержащую такое же условие.

В гражданском деле, касающемся досудебных публикаций в газете, Верховный суд стал на сторону газеты для сохранения законности (*rettsstridsreservasjonen*), хотя оспариваемые выражения носили диффамационный характер. Суд объяснил, что при определении границ ограничения особое внимание следует уделять общественной важности данного дела, характеру данных вопросов и сторонам, вовлеченным в конфликт. Следует также учитывать контекст и условия, в которых использованы данные выражения. Более того, чрезвычайно важно, освещала ли статья данное дело в здравой и сбалансированной манере и ставила ли своей целью подчеркнуть важность предмета обсуждения и объекта дела (*Norsk Retstidende* 1990 год, стр. 640).

29. Дальнейшие ограничения применения статьи 247 изложены в статье 249, соответствующая часть которой гласит:

> *«1. Наказание не может быть вынесено в соответствии со статьями 246 и 247, если представлены доказательства правдивости обвинений…»*

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕОБЪЯСНЕНИЯ В СУД

30. На судебном слушании 9 ноября 1999 года Правительство призвало Суд, что выражено в его письменном заключении, установить отсутствие нарушения статьи 10 Конвенции.

31. На том же слушании заявители вновь повторили просьбу к Суду установить нарушение статьи 10 Конвенции и назначить справедливую компенсацию в соответствии со статьей 41 Конвенции.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

32. Заявители утверждали, что решение Верховного суда от 23 марта 1994 года, требующее выплаты доктору Р. около 4 700 000 НК в качестве компенсации нанесенного ущерба и покрытия издержек, является несправедливым вмешательством в их право на свободу выражения мнения в соответствии со статьей 10 Конвенции. Эта статья гласит:

> *«1. Каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ…*
>
> *2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».*

33. Суд считает, и это не вызвало возражений у обеих сторон, что оспариваемая мера представляет собой «вмешательство государственных органов» в право заявителей на свободу выражения мнения, гарантированное пунктом 1 статьи 10 Конвенции, что вмешательство было «предусмотрено законом», а именно пунктами 3-6 Закона о Компенсации от 1969 года (см. выше пункты 25-29), и преследовало законную цель, направленную на «защиту репутации или прав других лиц». Таким образом, данная мера может быть оправдана двумя из трех требований справедливости ограничения, изложенных во втором пункте статьи 10 Конвенции.

Спор в данном деле вызывает третье требование – было ли данное вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

А. Аргументы сторон

1. Заявители

34. Заявители выразили несогласие с тем, что хотя Высокий суд встал на сторону газеты Бергенс Тиденде в связи с правдивым изложением газетой историй бывших пациенток доктора Р., Верховный суд, не оспаривая и не пересматривая этот основной момент решения, вынес решение в пользу истца по совсем другой причине. Не указав ни одного конкретного высказывания из текста статей, а основываясь на общем и довольно размытом постулате о «впечатлении», которое получит рядовой читатель, Верховный суд ошибочно истолковал цель статей в газете Бергенс Тиденде как принципиальное стремление подорвать уверенность общественности в профессиональных способностях доктора Р. Суд вынес решение на необоснованном предположении, что газетные статьи представляли собой полномасштабные нападки на профессиональную компетентность доктора Р. как хирурга в узком смысле, хотя ничего подобного в статьях не содержалось. Напротив, в первом выпуске со статьями по данной теме, содержатся две статьи, в которых четко говорится, что неудачная хирургическая операция не обязательно говорит о низком качестве ее проведения, чем это предусмотрено стандартами.

На их взгляд, единственно разумным толкованием статей можно считать то, что газета пыталась достоверно изложить информацию, полученную от большого количества пациенток, душевно и физически пострадавших в результате лечения в клинике доктора Р. Данного толкования придерживался Высокий суд в своем решении. Высокий суд пришел к выводу, что газета доказала наличие причин, оправдывающих критику в адрес доктора Р., основываясь на том, что рассказы пациенток – как они были изложены в газете – были правдивыми. Четкое разграничение, проведенное Верховным судом, между законным освещением в газете недовольства пациенток из-за недостаточного послеоперационного ухода и терапии с одной стороны, и «незаконным» освещением приписываемой доктору хирургической некомпетентности – с другой, в действительности было просто неприменимым.

Вследствие данного разграничения Верховный суд потребовал представления веских доказательств правдивости субъективный оценочных суждений, высказанных заявителями.

35. Заявители подчеркивали, что их дело касается не только свободы прессы освещать вопросы, представляющие общественный интерес, но и свободы женщин высказываться о ситуации и их чувствах. Последняя могла эффективно осуществляться только через средства массовой информации. Вопросы, касающиеся увеличения и корректировки груди, носили довольно интимный характер, и многие женщины чувствовали бы себя неловко, обсуждая их даже со своими близкими и друзьями. Поэтому необходим был публичный канал коммуникации, который бы предоставил подобную информацию. Если бы газета Бергенс Тиденде не осветила эти вопросы, неудачный опыт большого количества пациенток доктора Р. не дошел бы до широкого круга общественности, и пострадало бы еще большее количество женщин. Не вызывает сомнения, что освещение в прессе вопросов человеческого здоровья, требуют надежной защиты в рамках статьи 10 Конвенции. Следует также учесть контекст, в котором были опубликованы данные статьи, тщательное журналистское расследование, проведенное до публикации, и тот факт, что из историй женщин, позвонивших в редакцию, была сделана выборка. Более того, серия статей, ставшая предметом спора, не нарушала право доктора Р. на частную жизнь, а затрагивала только его профессиональную деятельность.

36. Далее заявители выразили несогласие с тем, что, поскольку газета правдиво изложила отклики женщин, соответственно не может быть подвергнута критике манера, в которой газета осветила данную тему. Выпуск газеты от 2 мая 1986 года нарисовал полную картину ситуаций, в которые попали три женщины, вместе с ответом доктора Р. и с интервью главного хирурга крупнейшей больницы г. Бергена. В статье четко говорится, что плохое лечение, которое получили женщины, не обязательно является результатом некачественно проведенной хирургической операции. Отклики и опыт женщин были представлены в сбалансированной манере.

Более того, на взгляд заявителей, было бы неверно утверждать, что доктор Р. не мог прокомментировать ситуацию из-за обязательства хранить конфиденциальность. Журналистка несколько раз связывалась с доктором Р. для получения комментария. Его адвокат посоветовал ему воздержаться от комментариев, таким образом, подготавливая почву для дальнейшего судебного разбирательства. Так как доктор Р. дал комментарии относительно общего риска неудач при проведении пластических операций, его позиция «без комментариев» относительно конкретных случаев не могла заставить газету замолчать. В любом случае его комментарии не имели особого значения, так как после тщательно проведенного расследования его поведения в клинике Высокий суд встал на сторону заявителей.

37. По мнению заявителей, даже если принять толкование статей, сделанное Верховным судом, факты в настоящем деле говорили о том, что медицинские результаты были плохи для достаточно большого количества бывших пациенток доктора Р., и тем самым были основания для критики в его адрес. К тому же, заявители действовали без злого умысла и в соответствии с журналистской этикой.

38. В заключение, заявители подчеркнули, что решение Верховного суда присудить выплату компенсации доктору Р. в размере почти 5 000 000 НК – самое крупное денежное взыскание, назначенное норвежским судом по делам о диффамации – могло негативно повлиять на свободу прессы в Норвегии.

39. В свете вышеизложенных размышлений, заявители обратились к Суду с просьбой установить, что государство-ответчик перешло границы свободы усмотрения, которая должна быть ограничена в настоящем случае, и нарушило их право на свободу выражения мнения, гарантированную статьей 10 Конвенции.

2. Правительство

40. Правительство подчеркнуло, что данное дело касалось чрезвычайно порочащих обвинений в адрес частного лица, а не общественного деятеля. Статьи подвергли доктора Р., как пластического хирурга, публичной «экзекуции» и, в последствии, уничтожили его бизнес и личную жизнь. Восприятие статей Верховным судом как полномасштабной атаки на профессиональную компетентность доктора Р. базировалось на простом чтении статей и было полностью разумным, попадая в рамки оценки, на которую внутригосударственные суды имеют полномочия в данных вопросах. Отстаиваемая заявителями точка зрения, что обвинения сводились к отсутствию послеоперационного ухода и терапии, лишена оснований. Из выражений, употребленных в газете от 2 мая 1986 года, следует неоспоримый вывод, что доктора Р. обвиняют в неприемлемой хирургии. Это обвинение становится еще более очевидным из статей от 3 мая 1986 года, в которых содержится призыв возбудить судебное преследование в отношении врача. Данная критика на корню разрушила профессиональную репутацию врача и нанесла непоправимый урон уверенности общественности в нем как в пластическом хирурге. В то

время как недостатки в уходе и послеоперационной терапии могли быть быстро устранены, отсутствие хирургических навыков было более серьезным обвинением и оставило длительный пробел в медицинской практике пластического хирурга.

41. Утверждения о неприемлемой манере хирургической деятельности доктора Р. представляли собой не субъективную оценку, а утверждение о факте, которое требует доказательств. Однако, заявителям не удалось доказать, что имела место некачественная хирургия ни по одному из конкретных случаев, о которых шла речь в газетных статьях.

42. Так как газета Бергенс Тиденде не предприняла никаких шагов, чтобы освободить доктора Р. от профессионального обязательства хранить конфиденциальность, ему, таким образом, не была предоставлена должная возможность защитить себя от обвинений. Газета также не стала проверять обоснованность этих обвинений.

43. Далее Правительство оспаривало, что недовольство, высказанное некоторыми женщинами, представляло собой вопрос серьезной общественной важности. Как правило, подобные жалобы были вопросом сугубо между врачом и пациентом. В сравнении с 8 000, или около того, пациентов, которые прошли операции у доктора Р., число недовольных пациенток – очень незначительно. Всего семнадцать пациенток обратились с жалобами к главному врачу округа, пять из них позже забрали свои заявления. Кроме одного исключения, затрагивающего плохой послеоперационный уход, нежели саму операцию, главный врач округа счел остальные жалобы не по существу. Жалобы отдельных пациенток на доктора Р. не представляли общественный интерес, кроме необходимости защиты прав потребителей. В интересах потребителя – быть достоверно информированным, и информация должна основываться на адекватном исследовании. Информация о хирургической небрежности при лечении больных не была проверена газетой и была недостоверной. Соответственно, она не могла затрагивать вопросы здравоохранения, представляющие общественный интерес.

44. Цель публикаций была отнюдь не внести свой вклад в неутихающий спор о пластических операциях, а скорее подвергнуть гонениям доктора Р., начав массивную атаку его деятельности, включая его хирургические навыки.

45. Заявителей следует подвергнуть критике, как счел Верховный суд, за отсутствие сдержанности при освещении событий и в использовании чрезмерно эмоциональных и, в какой-то степени, вводящих в заблуждение, выражений.

46. По мнению правительства, ограничение свободы выражения мнения заявителей не могло помешать им принять участие в обсуждении вопроса, представляющего законный общественный интерес. Газета могла бы предоставить информацию об опасностях, с которыми сталкиваются клиенты пластических операций, не прибегая к нападкам в адрес указанного врача. Даже если распространение информации о деятельности упомянутого врача могло быть оправдано защитой интересов потребителей, государственным властям должна быть предоставлена широкая сфера усмотрения в отношении того, что необходимо для защиты подобных интересов.

47. При данных обстоятельствах, присуждение Верховным судом выплаты, которая составляет лишь одну треть от заявленной суммы, вряд ли можно считать чрезмерным. По мнению правительства, данное вмешательство было пропорционально преследуемой законной цели и необходимо в демократическом обществе. Правительство обратилось к Суду с просьбой установить, что в данном деле нет нарушения статьи 10 Конвенции.

B. Оценка суда

1. Общие принципы

48. Свобода выражения мнений является одной из фундаментальных основ демократического общества и одним из основных условий его развития и самосовершенствования каждой личности. Как отмечено в пункте 2 статьи 10, она относится не только к той «информации» или тем «идеям», которые благосклонно принимаются или расцениваются как безобидные или нейтральные, но также и к тем, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Таковыми являются требования терпимости, плюрализма и широты взглядов, без которых «демократическое общество» невозможно. Как указано в пункте 2 статьи 10, осуществление этой свободы предполагает ограничения, которые, вместе с тем, должны быть толковаться узко и их необходимость должна быть убедительно доказана.

Определение обстоятельства, являлось ли данное ограничение «необходимым в демократическом обществе» требует Суд установить, действительно ли "вмешательство" было вызвано "острой общественной потребностью", пропорционально ли ограничение преследуемой законной цели, и достаточно ли обоснованы национальными властями причины этого ограничения (см. решение по делу "Санди Таймс против Соединенного Королевства (№1)" ("The Sunday Times v. the United Kingdom (№ 1)" от 26 апреля 1979 года, Series A, № 30, стр. 38, п. 62). Как правило, при оценке этой «необходимости», которая оправдывает то или иное ограничение, национальные власти пользуются определенной свободой усмотрения. Но данная свобода усмотрения не абсолютна и подчиняется Европейскому контролю со стороны Суда, который должен вынести окончательное решение на предмет соответствия ограничения свободе выражения мнения, как она защищается статьей 10 (см. среди других постановлений судебное решение по делу «Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии» ("Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway") [GC], № 21980/93, п. 58, ЕКПЧ 1999-III, и «Нильсен и Джонсен против Норвегии» ("Nilsen and Johnsen v. Norway") [GC], № 23118/93, п. 43, ЕКПЧ 1999-VIII).

49. Далее Суд говорит о существенной роли прессы в демократическом обществе. Если она не должна переходить известные границы, в частности, в целях защиты репутации и прав других лиц, на ней, тем не менее, лежит обязанность сообщать – в манере, соответствующей ее обязательствам и ответственности - информацию и идеи по политическим вопросам, также как и по другим вопросам, представляющим общественный интерес (см. решения "Йерсилд против Дании" ("Jersild v. Denmark") от 23 сентября 1994 года, Series A, № 298, стр. 23, п. 31., «Де Хаес и Гийселс против Бельгии» ("De Haes and Gijsels v. Belgium"), решение от 24 февраля 1997 года, сб. судебных решений и постановлений 1997-I, стр. 233-34, п. 37, и вышеуказанное решение по делу «Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии», п. 59).

50. Осуществляя этот контроль, Суд не ставит перед собой цель подменять собой соответствующие внутригосударственные органы, он призван скорее проверять, в свете статьи 10 и обстоятельств всего дела, вынесенные национальными судами решения, которые последние выносят, используя свое право на свободу усмотрения (см. там же, п. 60).

2. Применение вышеуказанных принципов в данном деле

51. В самом начале Суд обращает внимание, что статьи, ставшие предметом спора и рассказывающие о личном опыте нескольких женщин, перенесших пластические

операции, затрагивают важный аспект здравоохранения и поднимают вопрос, представляющий собой серьезный общественный интерес (см. "The Hertel v. Switzerland", решение от 25 августа 1998 года, Reports 1998-VI, стр. 2330, п. 47). Поэтому Суд не может согласиться с утверждением Правительства, что жалобы нескольких пациенток на медицинский уход, полученный у конкретного хирурга, являются сугубо вопросом между врачом и пациентом, а не вопросом, интересующим общественность. Суд также не может согласиться с утверждением, что опубликованные статьи не являлись составной частью незатихающего общего спора вокруг пластической хирургии, а специально были направлены на обсуждение стандартов лечения в одной конкретной клинике, что означает, что они не имели отношения к вопросам общественного интереса. Суд в этой связи отмечает, что статьи содержали утверждения о ненадлежащем медицинском уходе, предоставленным доктором Р. в одной из частных клиник косметической хирургии г. Бергена, который, согласно показаниям провел около 8 000 операций за период приблизительно 10 лет, и таким образом статьи поднимали вопрос защиты прав потребителей, представляющий прямой интерес для местной общественности и жителей всей страны. Более того, публикацию серии статей необходимо рассматривать на фоне статьи, появившейся в газете Бергенс Тиденде за два месяца до этого, в которой освещалась работа доктора Р. и достоинства пластических операций. Как отметил Высокий суд, именно эта статья, которая представляла благоприятную картину работы доктора Р. без упоминания о недостатках, послужила поводом для телефонных звонков в редакцию газеты, заявителя по данному делу, от женщин, перенесших операции в клинике доктора Р.

52. В том случае, когда, как в настоящем деле, меры, принятые государственными органами, могут воспрепятствовать распространению прессой информации по вопросам законного общественного интереса, Суду необходимо тщательно изучить пропорциональность принятых мер (см. вышеупомянутое решение по делу "Йерсилд против Дании", стр. 25-26, п. 35).

53. Однако Суд отмечает, что статья 10 Конвенции не гарантирует абсолютную свободу выражения мнения, даже в отношении освещения прессой вопросов, представляющих серьезный общественный интерес. Согласно требованиям, изложенным в пункте 2 статьи, пользование данной свободой сопряжено с «обязательствами и ответственностью», что в равной степени относится и к прессе. Как уже отмечал Суд в своем решении в вышеуказанном решении по делу «Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии», п. 65, эти "обязанности и ответственность" приобретают особую важность тогда, когда, как в настоящем деле, вопрос касается нападок на репутацию частных лиц и ущемление "прав других лиц". В контексте "обязанности и ответственности", являющихся неотъемлемой частью права на свободу выражения мнения, гарантии ст. 10, предоставленные журналистам в связи с распространением информации по вопросам, являющимися предметом общественного интереса, применяются с оговоркой, что журналист действует добросовестно, с целью предоставления надежной и точной информации в соответствии с требованиями журналистской этики (см. «Гудвин против Соединенного Королевства» ("Goodwin v. the United Kingdom"*)*, решение от 27 марта 1996 года, Reports 1996-II, стр. 500, п. 39, и «Фрессоз и Руар против Франции» ("Fressoz and Roire v. France") [GC], № 29183/95, п. 54, ЕКПЧ 1999-I).

54. Статьи, ставшие предметом спора, в основном, представляли собой весьма критические отклики ряда женщин о своем опыте лечения у доктора Р. Суд отмечает, что критика в адрес доктора Р., по большому счету, была признана обоснованной национальными судами, которые также установили, что эта оправданная критика значительно и неблагоприятно повлияла на его профессиональную репутацию. Высокий суд, отобрав большое количество свидетельских показаний, включая показания

четырнадцати недовольных женщин, счел, что данные показания правдивы, что газета верно изложила истории об их опыте, и что нехватка послеоперационного ухода и терапии в клинике доктора Р. имела место отнюдь «не в незначительном количестве случаев». Высокий суд установил, что доктор Р. осуществлял свою медицинскую практику таким образом, что у многих женщин, перенесших осложнения, появились веские причины почувствовать, что за ними осуществляется плохой уход, почувствовать тревогу по поводу проводимого лечения и, в нескольких случаях, почувствовать себя оскорбленными поведением доктора Р. Более того, Высокий суд установил, что опыт женщин, описанный в статьях от 2 мая 1986 года, были типичными для большого числа других женщин.

55. В последствии Апелляционный комитет Верховного суда *(the Supreme Court's Appeals Selection Committee)* отклонил апелляцию доктора Р., против оценки доказательств, данной Высоким судом, и выводов, касающихся вопроса о нехватке послеоперационного ухода и терапии, и Верховный суд, таким образом, посчитал себя обязанным придерживаться данной оценки. Разница между взглядами Высокого и Верховного судов была по вопросу о том, передавали ли статьи рядовому читателю мысль о том, что доктор Р. виновен не только в ненадлежащем послеоперационном уходе в случаях с осложнениями, но и что неудачные операции на груди, описанные в газете и иллюстрированные фотографиями, являлись результатом отсутствия хирургических навыков со стороны доктора Р. В то время, как по мнению Высокого суда, несмотря на то, что статьи написаны достаточно резким языком, в них не содержалось никакой информации, указывающей на отсутствие хирургических навыков, Верховный суд полагает, что такие выражения, как «изуродованная», «пострадавшая на всю жизнь», вряд ли могут быть истолкованы иначе, нежели описывающие результат лечения, в котором хирургический элемент был критическим и представляющие собой обвинение доктора Р. в осуществлении хирургической деятельности безответственным образом.

Суд принимает оценку Верховного суда, считает ее обоснованной и продолжает рассмотрение дела, полагая данную оценку верной. Однако Суд не считает необходимым разрешать спор между внутригосударственными судами по поводу того, как рядовой читатель истолкует смысл газетных статей. Задача Суда скорее заключается в том, чтобы, рассматривая оспариваемые статьи в более широком контексте освещения газетой Бергенс Тиденде проблемы в ее комплексе, определить, были ли меры, примененные Верховным судом, включая существенную по размеру выплату нанесенного ущерба, пропорциональны законной цели, которую эти меры преследуют.

56. Суд отмечает особую важность того факта, что в настоящем деле отклики женщин о лечении у доктора Р. не только были найдены соответствующими действительности, но также были корректно изложены в газетных статьях. Действительно, как было отмечено национальными судами, женщины в своих откликах использовали яркие и резкие выражения, и именно эти выражения были использованы в газетных статьях. Однако эти выражения отражали индивидуальное, вполне понятное восприятие женщинами внешнего вида собственной груди после неудачной пластической операции, что подтверждалось фотографиями, сопровождавшими статьи. Более того, ни в одной из статей не говорилось, что результат операций говорил о халатности в хирургии со стороны доктора Р. Этот смысл, который усмотрел Верховный суд, следует не из конкретных выражений, а из общего тона статей, общая острота которых, тем не менее, состоит в верном утверждении, что доктор Р. недобросовестно выполнял свои обязанности пластического хирурга, не предоставляя должного или адекватного послеоперационного ухода для предотвращения возникновения различных осложнений после неудачных операций. Прочитав все статьи в комплексе, Суд не считает, что выражения, использованные в статьях, носят излишний характер и вводят читателя в заблуждение.

57. Далее Суд выражает несогласие, что изложение в статьях откликов женщин носит несдержанный характер и показывает отсутствие должного баланса. Действительно, в статьях, опубликованных в газете-заявителе по данному делу не говорится прямо, что отклики женщин не должны восприниматься как утверждение об отсутствии у доктора Р. хирургических навыков. Однако Суд отмечает, что новостные материалы, основанные на интервью, составляют одно из важнейших средств, с помощью которых пресса может осуществлять свою жизненно важную функцию «сторожевого пса общества». Методы объективного и сбалансированного репортажа могут значительно варьироваться, что зависит и от конкретного средства массовой информации. И в задачи Суда не входит, равно как и в задачи внутригосударственных судов, навязывать свою точку зрения относительно методов изложения событий, которыми должны пользоваться журналисты (см. вышеприведенное решение "Йерсилд против Дании", стр. 23-25, п. 31 и п. 34). К тому же, номер газеты Бергенс Тиденде от 2 мая 1986 года содержал на той же полосе, где и первая статья, ставшая предметом спора, статью, где приводилось мнение другого пластического хирурга, который подчеркивал, что в этом виде хирургии, требующем большой технической оснащенности, существует тонкая грань между успехом и неудачей. Здесь же приводилось интервью с доктором Р., который обратил внимание на тот факт, что осложнения возникают в 15-20 % всех операций на груди, и что пациентов информируют о возможном риске осложнений заранее. Следует также отметить, что в последующем номере газеты Бергенс Тиденде от 14 мая 1986 года были опубликованы еще две статьи, защищающие доктора Р. Статьи содержали отклики пациенток, довольных не только самим лечением, но и послеоперационным уходом и терапией.

58. Уверенность в правильности вынесенного Верховным судом решения основывалась на факте, что доктору Р. не была предоставлена возможность должной защиты. Уже говорилось, что, когда к доктору Р. обратились за комментариями 30 апреля 1986 года, он не мог сделать заявления относительно конкретных случаев до тех пор, пока не был освобожден самими пациентками от обязательства сохранять профессиональную конфиденциальность. По мнению Верховного суда, доктор Р. был не обязан с этой целью лично связываться с пациентками. Заявители настаивают, что третий заявитель информировал доктора Р. о том, что пациентки согласились освободить его от обязательства хранить конфиденциальность. Однако, доктор Р. оспаривает этот факт. Суд не считает необходимым рассматривать данный спор о факте, так как даже если подобная информация не была передана доктору Р., Суд не может установить, что ему не была предоставлена возможность на собственную защиту. В этой связи Суд сообщает, как уже говорилось выше, что доктору Р. было предложено прокомментировать заявления, содержащиеся в интервью, опубликованные газетой. Доктор Р. в общем прокомментировал высказанные жалобы. Более того, нет никакой подтверждающей информации, что доктор Р. предпринял какие-либо шаги, чтобы выяснить, имеют ли возражения на его комментарии те пациентки, которые уже опубликовали детали своих случаев. При данных обстоятельствах доктор Р. не был обязан так поступать, и Суд не считает, что доктор Р. был лишен возможности защититься должным образом.

59. Суд признает, что опубликование статей имело серьезные последствия для профессиональной деятельности доктора Р. Однако, как уже отмечалось внутригосударственными судами, появление критики, касающейся послеоперационного ухода и терапии в его клинике, неизбежно нанесло бы существенный урон его профессиональной репутации. Роль доктора Р. не была ограничена только хирургией в узком смысле, но включала в себя все аспекты пластической хирургии.

60. В свете вышеизложенного Суд не считает, что несомненный интерес доктора Р. в защите своей профессиональной репутации смог перевесить важность общественного интереса в свободе прессы распространять информацию по вопросам, представляющим законный общественный интерес. В целом, доводы, приведенные государством-ответчиком, хотя и веские, но недостаточны для доказательства «необходимости…» данного вмешательства «…в демократическом обществе». Суд находит, что нет разумной пропорциональности между ограничительными мерами, примененными Верховным судом в отношении права заявителей на свободу выражения мнения, и преследуемой законной целью.

Соответственно, на лицо нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 41 Конвенции

61. Статья 41 Конвенции гласит:

> *«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».*

A. Ущерб

62. Заявители не требовали компенсации морального ущерба, считая, что обнаружение Судом нарушения статьи 10 Конвенции, само по себе, является справедливой компенсацией. Однако в отношении материального ущерба, заявители потребовали компенсацию экономических убытков, которые они понесли в результате решения Верховного суда от 23 марта 1994 года, постановляющего выплату доктору Р. первым заявителем 4 848 589 НК и выплату по 44 383 НК от второго и третьего заявителей.

63. В связи с обнаружением нарушения Конвенции, Правительство не оспаривало данное требование.

64. Суд выразил удовлетворение, что существует причинно-следственная связь между заявленным ущербом и установленным нарушением Конвенции, и постановляет выплату полной суммы по этому пункту.

B. Судебные издержки

65. Заявители не требовали компенсации судебных издержек, которые они понесли при проведении судебных слушаний в институтах Конвенции, но запросили выплату 263 450 НК, 303 245 НК и 312 250 НК в качестве компенсации судебных издержек в Городском суде, в Высоком суде и в Верховном суде, соответственно.

66. Правительство не оспаривало данное требование.

67. Суд выразил удовлетворение, что судебные издержки были фактически и неизбежно понесены для установления и исправления вопроса, представляющего нарушение Конвенции, а также, что сумма судебных издержек была разумна. В соответствии с критериями, изложенными в прецедентном праве Суда, он постановляет выплату полной суммы по этому пункту.

C. Процентная ставка во время проведения слушаний в органах Конвенции

68. Заявители дополнительно потребовали выплату процентной ставки по установленному среднему тарифу (приблизительно от 4 до 6 %), которую взяли коммерческие банки во время проведения слушаний с суммы компенсации ущерба и внутригосударственных судебных издержек.

69. Правительство оспаривало данные выплаты как излишние.

70. Суд находит, что некоторые денежные потери могли случиться по причине временного периода с момента выплаты различных сумм и издержек до настоящего решения Суда об их компенсации (см., например, вышеприведенные решения «Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии», п. 83, и «Нильсен и Джонсен против Норвегии», п. 65). Рассмотрев объективно данный вопрос и беря во внимание уровень инфляции в Норвегии за данный период, Суд постановляет выплату 740 000 НК первому заявителю и по 5 700 НК второму и третьему заявителям по этому пункту.

D. Процентная мораторная ставка

71. Согласно информации, которой располагает Суд, применимая установленная законом процентная ставка в Норвегии на день принятия настоящего решения составляет 12% в год.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
2. *Постановляет*, что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех последующих месяцев, начиная со дня, когда данное постановление окончательно вступит в силу,
   (a) в отношении материального ущерба
      (i) 4 848 589 НК (четыре миллиона восемьсот сорок восемь тысяч пятьсот восемьдесят девять норвежских крон) первому заявителю;
      (ii) по 44 383 НК (сорок четыре тысячи триста восемьдесят три норвежских крон) второму и третьему заявителям;
   (b) в отношении судебных издержек 878 945 НК (восемьсот семьдесят восемь тысяч девятьсот сорок пять норвежских крон) в совокупности всем заявителям;
   (c) в отношении дополнительной процентной ставки
      (i) 740 000 НК (семьсот сорок тысяч норвежских крон) первому заявителю;
      (ii) по 5 700 НК (пять тысяч семьсот норвежских крон) второму и третьему заявителям;
3. *Постановляет* увеличить эту сумму на процентную ставку в 12% годовых, начиная с истечения указанного срока и вплоть до выплаты;
4. *Отклоняет* оставшуюся часть заявленной суммы компенсации.

Совершено на английском языке, письменно заверено 2 мая 2000 года в соответствии с Пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента.

Н. Братца	Председатель
С. Долле	Секретарь

Краткое изложение дела

ДЕЛО «БЛАДЕТ ТРОМСЁ И СТЕНСААС ПРОТИВ НОРВЕГИИ»
(Bladet Tromso and Stensaas v. Norway)

(жалоба № 21980/93)

Постановление Суда
Страсбург, 20 мая 1999 года

Тема: диффамация
Аспекты дела: диффамация в адрес частных лиц, вопрос общественной значимости, цитирование конфиденциального официального документа
Критерий: важность свободы выражения мнения, необходимость в демократическом обществе
Наказание: финансовая санкция

Решение: нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции по правам человека); тринадцать голосов против четырех

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека: Норвегия

Заключение: Заявители понесли ответственность за диффамацию в адрес частных лиц при использовании в своей публикации данных из конфиденциального официального отчета государственного инспектора, содержащего ошибки.

Факты:
Первый заявитель, общество с ограниченной ответственностью, выпускает ежедневную газету «Бладет Тромсё». Второй заявитель - редактор этой газеты Пол Стенсаас. Газета опубликовала материал, основанный на данных, полученных от государственного инспектора, который находился с инспекцией на борту тюленебойного судна. В его отчете утверждалось, что моряки, занимавшиеся промыслом тюленей, действовали в нарушение правил охоты, проявляли жестокость по отношению к животным и угрожали инспектору расправой, если он обнародует эти факты. Отчет был временно запрещен к обнародованию Министерством рыболовства. Согласно процедуре диффамации, начатой членами команды против заявителей, некоторые утверждения были объявлены несоответствующими действительности и порочащими репутацию тюленебойцев и, следовательно, не имеющими законной силы. Заявителям было предписано выплатить истцам компенсацию морального вреда.

Решено:
Со стороны государственных органов имело место вмешательство в осуществление права на свободу выражения мнения, которое преследовало законную цель, а именно защиту репутации или прав других лиц. Согласно части 2 статьи 10 государство должно убедительно продемонстрировать, что такое ограничение было крайне необходимо и пропорционально преследуемой законной цели, а также что причины такого ограничения уместны и достаточны. Государство пользуется определенной свободой усмотрения в определении необходимости вмешательства и выборе конкретных мер.

Важность свободы выражения мнения.

Пресса играет важную роль в демократическом обществе; на ней лежит обязанность распространять информацию и идеи по вопросам, представляющим общественный интерес, общественность в свою очередь имеет право получать их. Свобода печати допускает некоторое преувеличение или даже провокацию. Свобода слова применяется не только по отношению к "информации" и "идеям", которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также и к отношении тех, которые шокируют, обижают или вызывают обеспокоенность у государства или части населения. Если бы это было не так, пресса не смогла бы выполнять важную роль "сторожевого пса общества" при распространении информации, представляющей общественный интерес.

Диффамация.

Оспариваемые утверждения обвиняли тюленебойцев в актах жестокости и преступных деяниях. Решения национальных судов соответствовали предусмотренной законом цели защиты права членов команды. Что касается объективности принятых судами решений, то спорные публикации должны были быть оценены в свете дискуссии о тюленьем промысле, которая имела место в тот период времени в Норвегии, и освещения этой темы в газете в целом. Действительно, газетой был избран сбалансированный подход к освещению этой темы, которая представила самые разные мнения по этому вопросу. Кроме того:

> *«Наиболее тщательная проверка со стороны Суда требуется тогда, когда, как в настоящем деле, применяемые меры или налагаемые государственными органами санкции могут серьезно помешать прессе вносить свой вклад в обсуждение проблем, представляющих законный общественный интерес» (п. 64).*

Часть 2 статьи 10 налагает обязанности и ответственность на тех, кто использует право на свободу выражения мнения, в том числе и на прессу. Поэтому необходимо осознавать меру ответственности за критику частных лиц. Кроме того, согласно части 2 статьи 6 Конвенции моряки считались невиновными в совершении какого-либо уголовного преступления до тех пор, пока их виновность не была доказана. Гарантии ст. 10, предоставленные журналистам в связи с распространением информации по вопросам, являющимися предметом общественного интереса, применяются с оговоркой, что журналист действует добросовестно, с целью предоставления надежной и точной информации в соответствии с требованиями журналистской этики

Рассматриваемые высказывания были основаны на фактических утверждениях, не считая оценочных суждений, которые не были проверены независимым журналистским расследованием. Лишь при наличии веских оснований печатное издание можно освободить от обязательства проверять фактологические данные, которые являются диффамационными по отношению к частным лицам.

Необходимость в демократической обществе.

Относительно этих фактов, было важно решить следующие вопросы: 1) некоторые утверждения были признаны диффамационными не потому что утверждали о жестокости, а потому, что этот промысел в определенное время не был разрешен законом;

2) указанные факты подразумевали достойное порицания поведение, но, по мнению Суда, не были особенно значимыми;
3) заявления о жестокости, содержащиеся в других утверждениях, были более серьезными, но были выражены таким образом, что читатели могли счесть их преувеличенными;
4) не были опубликованы имена членов команды, обвиненных инспектором. Поэтому критика не была направлена на какого-то определенного человека;
5) поскольку отчет был составлен человеком при исполнении своих профессиональных обязанностей в качестве инспектора, назначенного министерством, газета имела право полагаться на него;
6) правительство не высказывало никаких сомнений в точности отчета. Следовательно, газета могла использовать отчет, не проводя собственной проверки изложенных в нем фактов.

Интересы команды в защите своей репутации не должны превалировать над жизненно важным общественным интересом в обеспечении дискуссии по вопросам, представляющим важность для местной, национальной международной общественности. Аргументы, представленные Правительством были не достаточны, чтобы обосновать необходимость оспариваемого вмешательства в демократическом обществе.

Имело место нарушение ст. 10 Европейской Конвенции.

ДЕЛО "БЛАДЕТ ТРОМСЁ И СТЕНСААС ПРОТИВ НОРВЕГИИ"

(Bladet Tromso and Stensaas v. Norway)

(жалоба № 21980/93)

Постановление Суда
Страсбург, 20 мая 1999 года

По делу "Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии" Европейский Суд по правам человека, в соответствии со статьей 27 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее Конвенция) и переходными положениями Протокола 11[1], а также соответствующими положениями Регламента Суда[2] заседая Большой Палатой, в состав которой вошли следующие судьи:

г-н Л. Вильдхабер, *Председатель,*
г-жа Е. Палм;
г-н А. Пасто Ридройхо;
г-н Г. Бонелло;
г-н Е. Макарчик;
г-н Р. Тюрмен;
г-н Ж.-П.Коста;
г-жа Ф. Тюлькенз;
г-жа В.Стражницка;
г-н В.Фурман;
г-н М.Фишбах;
г-н В.Буткевич;
г-н Ж. Касадеваль;
г-жа Х. С. Грейва;
г-н А. Бака;
г-н. Р. Марусте;
г-жа С. Ботучарова; *судьи*

а также г-жа М. де Бур-Букикью, *заместитель Секретаря Суда*;

Проведя 27 и 28 января и 21 апреля 1999 года совещания за закрытыми дверями,

Вынес следующее Постановление, принятое в последний из указанных выше дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было передано в Суд в соответствии с прежней статьей 19 Конвенции[3] Европейской Комиссией по правам человека (далее Комиссия) 24 сентября 1998 года и Правительством Норвегии (далее Правительство) 29 октября 1998 года, в трехмесячный срок, предусмотренный п. 1 статьи 32 и статьей 47 Конвенции о защите прав человека и

---

[1] и [2] Протокол № 11 и Регламент суда вступил в силу 1 ноября 1998 года

[3] С момента вступления в силу Протокола № 11, который изменил статью 19, Суд функционирует нас постоянной основе

основных свобод. Дело было начато после принятия Комиссией заявления (21980/93) против Королевства Норвегии, которое было подано 10 декабря 1992 года в соответствии с действующей тогда статьей 25 основанной по норвежским законам компанией с ограниченной ответственностью Бладет Тромсё A/S (Bladet Tromsö; A/S), которая издавала газету *Бладет Тромсё (Bladet Tromsö)*, и ее бывшим редактором, гражданином Норвегии, господином Полом Стенсаасом (Pal Stensaas).

В запросе Комиссия ссылалась на прежние статьи 44 и 48, а также на заявление, в котором Норвегия признавала обязательность юрисдикции Суда (ныне не действующая статья 46), а Правительство ссылалось в своем заявлении на прежние статьи 44 и 48. Цель запроса выяснить, свидетельствуют ли материалы дела о нарушении государством-ответчиком своих обязательств, указанных в статье 10 Конвенции.

2. В ответе на запрос, поданный согласно пункту 3(d) Правила 33 прежнего Регламента B[4], заявители назначили адвокатов, представляющих их интересы в Суде (бывшее Правило 31).

3. Вследствие вступления в силу 1 ноября 1998 года Протокола 11, рассмотрение дела, в части применения положений части 5 статьи 5 этого Протокола, было поручено Большой Палате Суда, в которую вошли, по должности: г-жа Х. С. Грейва, судья, избранная от Норвегии (п. 2 статьи 27 Конвенции и пункт 4 Правила 24 Регламента), г-н Л. Вильдхабер, Председатель Суда, госпожа Е. Палм, заместитель Председателя Суда, а также господин Ж.-П. Коста и господин М. Фишбах, заместители Председателей Секций (п. 3 статьи 27 Конвенции и пункты 3 и 5(a) Правила 24 Регламента). Другими судьями, назначенными для укомплектования большой Палаты были: г-н А. Пасто Ридройхо, г-н Г. Бонелло, г-н Е. Макарчик, г-н П. Кюрис, г-н Р. Тюрмен, г-жа Ф. Тюлькенз, г-жа В.Стражницка, г-н В.Буткевич, г-н Ж. Касадеваль, г-н А. Бака, г-н Р.Марусте и г-жа С.Ботучарова (пункт 3 Правила 24 и пункт 4 Правила 100 Регламента). Впоследствии г-н В. Фурманн, запасной судья, заменил г-на Кюриса, который не мог принимать участие в дальнейшем рассмотрении дела (пункт 5(b) Правила 24).

4. Господин Вильдхабер (L. Wildhaber) через заместителя Секретаря Суда провел с лицом, уполномоченным Правительством, адвокатами заявителей и представителем Комиссии консультацию по вопросам организации письменного сопровождения разбирательства. В соответствии с изданным после этого распоряжением, 5 января 1999 года Секретарь Суда получил меморандумы Правительства и заявителей. 15 января 1999 года Секретарь Комиссии проинформировал Суд о том, что на слушаниях со своими замечаниями выступит представитель Комиссии.

В различные даты между 29 января и 17 марта 1999 года согласно статье 41 Конвенции Правительство и заявители подали свои дополнительные письменные замечания.

5. В соответствии с решением Председателя, 27 января 1999 года во Дворце прав человека в Страсбурге состоялось открытое слушание дела. Перед судом предстали:

(a) от Правительства:

господин Ф. Элгесем (F. Elgesem), адвокат, назначенный Управлением по гражданским делам при Министерстве юстиции, уполномоченное лицо;

---

[4] *Примечания секретаря:* Регламент B , вступивщий в силу 2 октября 1994 года, применялся до 31 октября 1998 года для Государств, связанных Протоколом 9

господин Т. Стабелл (T. Stabell), заместитель министра юстиции по гражданским делам консультант;
господин К. Каллеруд (K. Kallerud), главный прокурор Генеральной Прокуратуры, консультант;

(b) от заявителей:

господин К. Бойль (K. Boyle), юрист, советник;
господин С. Волланд (S. Wolland), адвокат, советник;

(c) от Комиссии:

господин А. С. Арабаджиев (A. S. Arabadjiev) представитель;

Суд выслушал обращение господина Арабаджиева, господина Волланда, господина Бойля, господина Элгесема и господина Стабелла.

ФАКТЫ.

I. Обстоятельства дела

A. Предмет спора.

6. Первый заявитель - это компания с ограниченной ответственностью Бладет Тромсё, выпускающее ежедневную газету Бладет Тромсё в г. Тромсё. Второй заявитель, господин Пол Стенсаас, 1952 года рождения, который был редактором этой газеты. Сейчас он проживает в городе Несбруа, возле Осло.

Тромсё является региональной столицей северной части Норвегии. Это центр тюленебойного промысла страны. В нем есть университет, в котором располагается международный арктический научно-исследовательский центр.

В рассматриваемое время ежедневник Бладет Тромсё выходил тиражом около 9000 экземпляров. Норвежское агенство новостей (NTB) использовало его наряду с другими региональными норвежскими газетами в качестве постоянного источника информации.

7. В сезон охоты на тюленей 1987 года господин Одд Ф. Линдберг (Odd F. Lindberg) присутствовал на борту тюленебойного судна Хармони (the Harmoni) как внештатный корреспондент, писатель и фотограф. Несколько его статей, написанных в указанное время, были опубликованы в газете Бладет Тромсё . В этих статьях автор не высказывал критики в адрес тюленьего промысла. 3 марта 1988 года господин Линдберг обратился в Министерство рыболовства с заявлением о назначении его инспектором за промыслом тюленей на сезон 1988 года на судно Хармони. Согласно своему назначению он служил на борту Хармони с 12 марта по 11 апреля 1988 года, когда корабль вернулся в порт Тромсё. С этого дня по 20 июля 1988 года газета Бладет Тромсё опубликовала двадцать шесть статей, основанных на инспектировании господина Линдберга.

8. 1 апреля 1988 года газета Бладет Тромсё напечатала интервью с господином Линдбергом, в котором он, inter alia, утверждал, что некоторые моряки на борту Хармони нарушали принятые в 1972 году Правила тюленебойного промысла (forskrifter for ut velse av selfangst) с внесенными в них 1980 году поправками, изданными Министерством

рыболовства. Статья вышла под заголовком (все ниже приведенные цитаты переведены с норвежского):

> *"Исследование выявляет жестокие методы промысла тюленей в западной части Северного Ледовитого океана. Прискорбные нарушения правил."*

Во вступлении к статье было приведено следующее высказывание господина Линдберга (более крупным шрифтом):

> *"Если промысел тюленей будет разрешен и дальше, некоторые тюленебойцы должны будут прекратить убивать тюленей так, как они это делают сейчас. Во время последних двух зим, которые я провел в Северном Ледовитом океане, я обнаружил то, что совершенно не совместимо с принятыми методами промысла тюленей. Тем не менее, я хотел бы подчеркнуть: только некоторые охотники виновны в этом [в нарушении правил], но эти немногие наносят вред тюленьему промыслу и предоставляют Гринпис (Greenpeace) веские аргументы. Это весьма печально и совершенно необходимо!"*

Далее в интервью, inter alia, говорилось:

> *"Если разрешить и в будущем промысел тюленей, а я придерживаюсь мнения, что это должно быть сделано, нужно будет посадить инспектора на каждый корабль. Одно это гарантирует то, что животных будут убивать согласно правилам и им не причинят лишних страданий.*
>
> *... Но позвольте мне подчеркнуть: я не против охоты на тюленей, я за то, чтобы она проводилась достойно.*
>
> *... Господин Линдберг утверждает, что ему поступали угрозы от охотников, чтобы он не разглашал его наблюдения и впечатления от охоты на тюленей в западной части океана. Он не хочет вдаваться в подробности.*
>
> *... Это будет написано в отчете, который я собираюсь написать ...".*

В статье не упоминалось ни одно имя охотника на тюленей и не приводились подробности якобы нелегальных методов охоты.

9. Для того, чтобы защитить себя от обвинений, содержащихся в статье от 12 апреля 1988 года, цитаты из которой приведены выше, капитан Хармони и трое членов команды дали интервью, которое ежедневник Бладет Тромсё опубликовал 13 апреля. Во вступлении к интервью, помимо прочего, говорилось (более крупным шрифтом):

> *"Команда Хармони вне себя от гнева. Голословные утверждения "исследователя", господина Линдберга, о ... зверских убийствах тюленей переполнили чашу нашего терпения. Господин Линдберг явно врет. Он притворяется исследователем, но не имеет ни малейшего понятия о чем он говорит, - заявил член команды, господин Квернмо (Kvernmo)."*

В отдельном интервью с господином Квернмо под названием "они чувствуют себя оскорбленными" приводятся следующие его высказывания (во вступлении, напечатано заглавными буквами):

"Я не знаю, чего добивается господин Линдберг, обвиняя нас в зверских убийствах животных. Но мы чувствуем себя очерненными и так этого не оставим".

Далее в интервью господин Квернмо говорит:

"... Господин Линдберг представил нас кровожадными убийцами, но мы достаточно гуманны и соблюдаем правила ...".

10. Официальный отчет господина Линдберга по промысловой экспедиции был закончен спустя два с половиной месяца, 30 июня 1988 года. Отчет был подан намного позже установленного срока для подготовки такого рода отчетов и уже после того, как Министерство рыболовства запросило его. Министерство получило отчет 11 июля 1988 года и из-за праздников отложило его рассмотрение.

В своем отчете господин Линдберг обвинял пять членов команды в ряде нарушений правил тюленьего промысла. Он, помимо прочего, утверждал:

"Я также заметил, что тюлени, убитые таким образом, что они казались мертвыми, оживали тогда, когда с них сдирали шкуру. Я видел несколько раз, что животные, которые были ободраны живьем, показывали, что их мозговая активность еще не угасла".

Господин Линдберг рекомендовал на каждом корабле иметь инспектора по промыслу тюленей, а для новичков тюленебойцев организовать обязательные учения, после которых проверять знание правил. В заключении, господин Линдберг предлагал внести поправку в правила относительно убийства взрослых тюленей при самозащите.

B. Приказ о неразглашении отчета.

11. Министерство рыболовства решило временно (см. п. 14 ниже) не разглашать данные отчета, ссылаясь на раздел 6, пункт 5 Закона о доступе общественности к документам в сфере государственного управления (lov om offentlighet i forvaltningen, Закон № 69 от 19 июня 1970 года). Опираясь на этот закон, Министерство было уполномочено сохранить данный отчет в тайне от общественности по причине того, что он содержал сведения о нарушениях закона.

Статья, опубликованная в Бладет Тромсё 15 июля 1988 года, содержала следующие соображения по поводу такого решения Министерства:

"Отчет носит такой характер, что мы изъяли его из публичного разглашения, - говорит консультант Министерства. Пока мы его просто просмотрели. Когда у нас будет время изучить его более подробно, он будет отослан в Рыбинспекцию и в Совет по промыслу тюленей. Но сначала следует проверить всю информацию, предоставленную инспектором Линдбергом, в частности, относительно тех случаев, которые могут быть предметом исследования с точки зрения Уголовного Кодекса. Всем, кто персонально отмечен в отчете, будет дана возможность дать объяснения и защитить себя".

C. Оспариваемые статьи от 15 и 20 июля 1988 года.

12. В вышеуказанной статье от 15 июля 1988 года ежедневник Бладет Тромсё, получив копию отчета, который господин Линдберг передал в Министерство рыболовства, воспроизвел некоторые из его высказываний относительно предполагаемых нарушений правил тюленебойного промысла членами команды судна Хармони. Заголовки на первой странице гласили:

"Шокирующий отчет"
"С живых тюленей сдирают шкуру"

На первой странице был следующий текст:

"Инспектор по тюленебойному промыслу, господин Линдберг, подвергает критике норвежских промысловиков в шокирующем отчете по сезону прошлого года. Он говорит о незаконных методах убоя животных, нетрезвых членах команды и начале промысла до начала охотничьего сезона в нарушении закона. Не считая того, что в отчете упоминается о том, что его избили разъяренные охотники, которые также угрожали размозжить ему голову гарпуном (hakapik), если он не будет молчать. "Отчет носит такой характер, что мы не стали публично разглашать его, - говорит представитель Министерства рыболовства".

13. 19 и 20 июля 1988 года газета Бладет Тромсё напечатала полный отчет в двух частях. Во вступлении к первой части говорилось:

"... За последние несколько дней [отчет господина Линдберга] создал бурю в обществе относительно тюленебойного промысла. Многие люди считают этот отчет слишком резкой критикой данной профессии. Однако, такая критика вызвала и противоположную реакцию на национальном и международном уровнях. В нескольких откликах, поступивших в Бладет Тромсё, напрямую говорится о том, что господин Линдберг является агентом Гринпис.

Господин Линдберг предоставил нам доступ к своим записям по экспедиции. Отчет был объявлен Министерством конфиденциальным и в нем, помимо прочего, были названы некоторые лица, которых связывали с нарушением правил. Мы опустили имена ...

Отчет ... содержит не только одностороннюю критику ... Господин Линдберг хвалит некоторых членов экипажа судна. В дополнение [он] пишет, что не против тюленебойного промысла в целом. Но не в такой манере, как проводилась охота в этом году в Северном Ледовитом Океане".

Вторая часть отчета господина Линдберга, которая была напечатана в Бладет Тромсё 20 июля 1988 года, содержала следующие утверждения (черными чернилами зачеркнуты имена членов команды, упомянутых ниже в квадратных скобках):

"В 11.45 [член команды] забил до смерти самку гренландского тюленя, которая защищала своего детеныша".
"В 14.40 [член команды] забил до смерти самку гренландского тюленя, которая защищала своего детеныша".
"В 15. 00 [член команды] забил до смерти самку гренландского тюленя".

"В тот же день [I] указал капитану, что [член команды] не убивал тюленят в соответствии с правилами охоты (т.е. он ударил острием [багра] и уволок детеныша за собой)".
"В 15.00 [член команды] забил до смерти самку гренландского тюленя".
"В 19.00 [член команды] забил до смерти самку гренландского тюленя, которая защищала детеныша".

Охоту на гренландских тюленей легализовали в 1987 году.

D. Публикации Бладет Тромсё с 15 по 20 июля 1988 года, связанные с настоящим делом.

14. В комментарии от 15 июля в Бладет Тромсё говорилось:

"Плохие условия работы?

Хорошо ли власти контролируют тюленебойный промысел, ведущийся в настоящее время? Имеют ли инспекторы Министерства рыболовства условия работы, которые дают им возможность составлять беспристрастные отчеты об охоте на тюленей, или они слишком зависят от того, чтобы поддерживать с тюленебойцами хорошие отношения? Другими словами, достаточно ли независимы инспекторы по тюленебойному промыслу в своих наблюдениях на борту зверобойных судов?

Такие вопросы Бладет Тромсё получила от людей, которые хорошо разбираются в этом деле, но по разным причинам не хотят публичной огласки. Эти вопросы связаны с отчетом, который господин Линдберг передал своему работодателю, Министерству рыболовства. Господин Линдберг был назначен инспектором по промыслу тюленей на борт зарегистрированного в Тромсё судна Хармони ... во время сезона 1988 года. Отчет настолько критичный, что Министерство решило на время наложить на него гриф "секретно". ..., консультант Министерства ... признает, что он никогда раньше не получал отчета от инспектора тюленебойного промысла, который был бы "таким злым".

15. 18 июля 1988 года в Бладет Тромсё было опубликовано продолжение интервью с членом команды, господином Квернмо, под заголовком "Жесткая критика инспектора по тюленебойному промыслу господина Линдберга: обвинения совершенно безосновательны". Подпись под фотографией на первой полосе:

"Обыкновенная ложь". Судя по тому, что распространила пресса относительно отчета [господина Линдберга], я бы назвал его заявления обыкновенной ложью, - говорит господин Квернмо. [Он]... требует, чтобы этот отчет немедленно передали [команде]. В этом его поддержали коллеги господин С. и господин М ...".

Интервью с господином Квернмо продолжалось в середине газеты под заголовком "Господин Линдберг лжет". Кроме того, на эту же тему газета опубликовала письмо от господина Квернмо главному редактору. По словам господина Квернмо, присутствие господина Линдберга на борту Хармони в 1987 году не было принято благожелательно. Поэтому при отправлении экспедиции 1988 года ему было отказано владельцем корабля и командой. Обращение в Министерство рыболовства о добровольном принятии на себя

обязательств инспектора в экспедиции в Северный Ледовитый океан было его последним шансом. Без лишних проволочек, Министерство назначило его инспектором, поскольку он предложил выполнять работу бесплатно. Поэтому Министерство послало инспектора, чьи знания о правилах тюленебойного промысла были чрезвычайно слабы, и который физически не годился для этой работы. Он выполнял свои обязанности крайне плохо и как-то странно.

16. В редакционной статье, опубликованной также 18 июля 1988 года, газета писала:

> *"Некоторые люди полагают, что после разоблачения инспектором по промыслу норвежский тюленебойный промысел опять подвергнется критике любителей природы. Мы надеемся, что этот отчет укрепит [репутацию Норвегии] как серьезной тюлене промысловой страны, при условии что содержание отчета будет использовано конструктивно. В любой профессии находятся люди, которые злоупотребляют доверием, полученным от общества, и которые работают на грани закона. Рыболовецкие органы должны строго наказывать за любое нарушение. У них сейчас есть уникальная возможность прояснить цель тюленебойного промысла в Норвегии и установить правила его проведения, принятые во всем мире.*
>
> *...*
>
> *То, что раскрывается в новом отчете ... должно восприниматься как единичный, заслуживающий сожаления эпизод, гарантирующий более тщательное внимание к тому, как будет проводиться промысел тюленей в Норвегии в последующие годы ...".*

17. 19 июля ежедневник Бладет Тромсё опубликовал статью под названием:

> *"Федерация моряков в ярости и называет отчет по тюленебойному промыслу заказной работой для Гринпис!"*

Были процитированы слова двух представителей Норвежской Федерации Моряков, которые помимо прочего, говорили:

> *"Мы знаем наших тюленебойцев и также наслышаны о господине Линдберге. Поэтому мы можем сказать: мы не верим ни слову из его отчета! Мы также не сомневаемся, что на борт Хармони его заслал Гринпис. В дальнейшем мы будем требовать, чтобы Министерство предоставило всю информацию по его назначению.*
>
> *... Мы также очень удивлены тем, что автор передовицы в Бладет Тромсё от 18 июля 1988 года встал на сторону инспектора, не имея достаточных знаний по промыслу тюленей. Мы считаем это пугающим ...".*

18. В тот же день Бладет Тромсё опубликовала интервью с господином Линдбергом, в котором он настаивал на том, что в своем отчете он также хорошо отзывался о десяти членах команды, которых он называл, по именам.

19. В интервью, опубликованным в Бладет Тромсё 20 июля 1988 года, представитель Гринпис отрицал, что организация каким-либо образом причастна к отчету господина Линдберга.

E. Другие публикации, вышедшие в одно время или позже оспариваемых статей.

1. Пресс-релиз, выпущенный Министерством рыболовства.

20. В пресс-релизе, выпущенном 20 июля 1988 года, Министерство рыболовства заявило, что из-за специфического содержания и формы, отчет господина Линдберга был изъят для публичного разглашения до особого распоряжения. Ветеринарная экспертиза показала, что содрать кожу с живого тюленя практически невозможно, хотя при убое довольно часто происходят рефлекторные сокращения мышц животного.

Что касается назначения господина Линдберга на должность инспектора, Министерство утверждало, что в своем заявлении он ссылался на тот факт, что участвовал в охоте на тюленей в 1987 году для того, чтобы изучить все аспекты промысла и выполнить исследование для Университета Осло. Он также намеревался участвовать в охоте сезона 1988 года. Целью его исследования было написать книгу о тюленебойном промысле и провести научную работу. К тому же он указал, что поскольку он все равно должен был отправиться на борту Хармони в сезон 1988 года, то был готов безвозмездно провести инспекцию.

Министерство несколько раз по телефону связывалось с господином Линдбергом. Во время этих разговоров он сказал, что изучал биологию и является членом нескольких научных обществ, в частности, в области полярных исследований. Министерство решило назначить господина Линдберга в виду того, что он был готов бесплатно выполнить работу и особенно с учетом его научно-исследовательского опыта.

Пока господин Линдберг добивался участия в охотничьей экспедиции, он предложил свои услуги Институту биологии в Университете Осло. В результате, во время экспедиции, он собрал для Университета коллекцию определенных частей тюленьей туши. Последующее изучение вопроса показало, что у инспектора не было официального высшего образования и достаточной компетенции как исследователя, а также никакого опыта убоя животных. Его эмоциональная реакция и комментарии по убою тюленей можно объяснить недостаточными знаниями для того, чтобы быть инспектором. Отчет господина Линдберга нельзя рассматривать как серьезный и компетентный инспекционный документ.

2. Публикации в газете Бладет Тромсё.

21. 21 июля 1988 года в Бладет Тромсё была опубликована статья под заголовком Министерство рыболовства отклоняет отчет господина Линдберга, в которой были приведены следующие слова высокопоставленного чиновника Министерства:

> *"Отчет [господина Линдберга] нельзя рассматривать как серьезный ... инспекционный документ, поскольку автор не обладает соответствующей компетенцией, которой должен обладать инспектор ...".*

22. Другая статья, опубликованная в Бладет Тромсё в тот же день, процитировала господина Квернмо:

> *"Мы искренне рады, что обвинения господина Линдберга о том, что мы нарушали законы и правила во время охотничьего сезона на тюленей в этом*

году,.. были признаны Министерством несостоятельными .... Мы бы никогда не признали, что, кроме всего прочего, сдирали шкуру с живых тюленей ...".

23. Следующая статья в номере от 23 июля 1988 года имела такой заголовок:

"Тюленебои напуганы - Федерация моряков хочет привлечь полицию: "Провести расследование по этому делу о тюленях!".

В тот же день Бладет Тромсё публикует продолжение интервью с высокопоставленным чиновником Министерства рыболовства, содержащее следующие заявления:

"По моему мнению, пресса высказала достаточно нападок на профессию тюленебойца. Представьте себе, что вы, работая в СМИ, подверглись нападкам в той же манере. Я могу вам сказать, что сейчас некоторые охотники не могут спокойно спать, а некоторым звонят и днем, и ночью".

Вчера [чиновник] выглядел не таким уставшим, как после публикации в газете Афтенпостен (Aftenposten) фотографий господином Линдбергом, где тюленей убивают багром, снятых в последний охотничий сезон. [Чиновник] не одобрил и нашу газету, заявив следующее: "Именно вы начали всё это сумасшествие!".

24. В последующей статье, опубликованной в Бладет Тромсё 25 июля 1988 года, были приведены высказывания двух бывших тюленебойных инспекторов:

"Мы не можем утверждать, что господин Линдберг не был свидетелем и не видел того, что он описывает в своем отчете .... Но он сделал совершенно неверные выводы. Норвежские тюленебойцы [те, которые работают в Северном Ледовитом океане] исполнительны и ответственны и, если им приходится убивать животных, обладают более высокими моральными качествами, чем обычные норвежские охотники ...".

3. Публикации в других СМИ.

25. 15 июля 1988 года Норвежское агентство новостей опубликовало сводку новостей, пользуясь информацией, предоставленной газетой Бладет Тромсё в тот же день, когда господин Линдберг сделал свои заявления (см. п. 12 выше). В ней говорилось, что Министерство рыболовства не отрицало, что имели место нарушения правил промысла тюленей. Эта сводка была отправлена примерно 150 подписчикам, и различные газеты опубликовали статьи, используя ее как источник информации.

26. В сводке новостей от 18 июля 1988 года Норвежским агентством новостей, использовавшим ежедневник Бладет Тромсё как источник информации, утверждалось, во-первых, что команда требовала, чтобы отчет немедленно стал доступен общественности (straks offentliggjort) и, во-вторых, чтобы Ассоциация владельцев рыболовецких судов потребовала того же. Правительство доказывало, что первое требование было основано на публикации Бладет Тромсё от 18 июля 1988 года (см. п.15 выше), неверно указавшей, что, команда попросила, чтобы ей передали отчет. В другой сводке новостей в ту же самую дату агентство заявило, что Министерство, объявило, что ветеринарная экспертиза поставила под сомнение отчет господина Линдберга; что Министерство опубликует в дальнейшем информацию о результатах и, возможно, об обстоятельствах его принятия на работу в качестве инспектора, но никаких комментариев не последует, пока не будет собрано достаточно информации. В сводке также говорилось, что в тот же день,

Ассоциация владельцев рыболовецких судов и команда попросили, чтобы отчет предоставили на суд общественности. Бладет Тромсё получила сводку новостей в тот же день.

Согласно сводке новостей от 19 июля 1988 года Министерство рыболовства сообщило, что при назначении господина Линдберга инспектором, оно опиралось на информацию, которую сообщил о себе сам господин Линдберг, подчеркнув, что он имеет опыт научно-исследовательской работы. Агентство поняло это так, что Министерство имело в виду то, что его исследования и связи с Университетом Осло были более тесными, чем оказались на самом деле.

В последующей сводке, которая вышла в тот же день, агентство подчеркнуло, что господин Линдберг отказался встретиться с представителями Министерства для обсуждения своего отчета.

19 июля 1988 года газета Adresseavisen, ссылаясь на сводки новостей, выпущенных Норвежским агентством новостей, сообщила, что тюленебойцы попросили сделать отчет господина Линдберга достоянием общественности.

27. Отчет господина Линдберга получил широкое распространение также в других СМИ. 29 июля и 3 августа 1988 года подробные выдержки из отчета были опубликованы в Fiskaren, издании, выходящим для моряков раз в две недели. Одна из статей, опубликованная 29 июля, была озаглавлена следующим образом:

> *"Господин Линдберг в отчете об охоте на тюленей:*
>
> *Случалось, что с тюленей сдирали кожу, когда их глаза еще вращались и они кричали".*

Во вступлении к статье говорилось следующее:

> *"Во время последнего охотничьего сезона никто не проверял, умерло ли животное, после того, как в него выстрелили. И животные валялись на борту часто все еще живые. С них уже сдирали шкуру, а их глаза еще вращались и они кричали.*
>
> *Господин Линдберг приводит несколько таких случаев, свидетелем которых он являлся, когда был инспектором по промыслу тюленей на борту Хармони. Такие заявления привели к тому, что Министерство и профессионалы посчитали отчет господина Линдберга несерьезным и не захотели обнародовать его. В своем отчете господин Линдберг выдвигает серьезные обвинения против названных им тюленебойцев. В выдержках, опубликованных в Fiskaren мы опустили имена".*

28. Выдержки, опубликованные Fiskaren 3 августа 1988 года, включали наблюдения, которые сделал господин Линдберг в отчете, представленном газетой Бладет Тромсё в номере от 20 июля 1988 года.

29. Дебаты по поводу отчета господина Линдберга не утихали на протяжении нескольких месяцев, вплоть до 9 февраля 1989 года, когда в Осло состоялась пресс-конференция. В фильме под названием "Скорбь по тюленям" (включавшем съемки, сделанные господином Линдбергом на борту "Хармони") можно было увидеть некоторые нарушения правил

тюленебойного промысла. Кадры из фильма были показаны Норвежской телевещательной корпорацией в этот же день позже, полностью фильм транслировал Шведский телеканал 11 февраля 1989 года. В течение последующих нескольких дней кадры из фильма показали более двадцати компаний по всему миру, включая CNN и BBC.

F. Доклад следственной комиссии.

30. Принимая во внимание самые противоречивые отклики на фильм как в Норвегии, так и по всему миру, Министр рыболовства был отозван из официальной поездки за рубеж. 14 февраля 1989 года промысел тюленей был рассмотрен в Парламенте, а 24 февраля 1989 года Правительство объявило о создании следственной комиссии. Правительство немедленно запретило охоту на молодых тюленей и тюленят.

31. 5 сентября 1990 года следственная комиссия представила на рассмотрение подробный доклад, основанный на нескольких свидетельствах, включая, помимо прочего, и отчет господина Линдберга, его съемку и написанную им книгу. В целях расследования господин Линдберг был допрошен как свидетель городским судом Сарпсборга (byrett). Комиссия также заслушала нескольких членов команды "Хармони", а также других инспекторов по охоте на тюленей.

В своем отчете следственная комиссия сообщила, что вина названных в отчете господина Линдберга тюленебойцев не была доказана. Она не нашла веских доводов в пользу его обвинений, что с еще живых тюленей сдирали шкуру или что убивали тюленят (п.8).

С другой стороны, комиссия установила несколько нарушений правил охоты (стр. 9), которые как раз и были засняты господином Линдбергом. Например, одного тюленя убили острием багра, не ударив его предварительно тупым концом. Другого тюленя зарубили топором, а третьего подняли на борт "Хармони" еще живым. Комиссия опубликовала те части отчета господина Линдберга, которые имели отношение к экспедиции на борту "Хармони" , не упоминая имена членов команды. Комиссия также рекомендовала несколько поправок в правила охоты относительно методов охоты и обучения тюленебойцев. Эти рекомендации совпали с некоторыми предложениями господина Линдберга, о которых он говорил в своем отчете относительно обучения охотников и обязательного присутствия инспектора на борту каждого тюленебойного судна.

G. Процедура диффамации против господина Линдберга.

32. В марте 1989 года команда "Хармони" начала процедуру диффамации против господина Линдберга в Сарпсборгском городском суде, ссылаясь на обвинения, которые он выдвинул относительно охотничьих сезонов 1987 и 1988 годов. В своем решении от 25 августа 1990 года Городской суд объявил незаконными пять заявлений из его отчета по части 1 статьи 253 Уголовного кодекса. Два других высказывания, сделанных господином Линдбергом в другом контексте, также были объявлены не соответствующими действительности.

Более того, Городской суд запретил господину Линдбергу публично показывать отснятый на борту "Хармони" материал и обязал его выплатить команде компенсацию в 10 000 норвежских крон (НК) согласно Закону о компенсации ущерба от 1969 года и судебные издержки. Его просьба об апелляции по такому решению была отклонена Апелляционным комитетом Верховного суда 16 мая 1991 года.

33. Будучи гражданином Швеции, господин Линдберг опротестовал исполнение приговора Городского суда Сарпсборга от 25 августа 1990 года в Швеции на том основании, что он нарушал его право на свободу выражения мнения по статье 10 Конвенции.

В решении от 16 декабря 1998 года, Шведский Верховный суд поддержал решение Апелляционного суда Западной Швеции от 25 апреля 1997 года, отклонив жалобу господина Линдберга. Отметив, что выполнять пересмотр норвежского решения не входило в его юрисдикцию, Шведский Верховный суд постановил, что решение последнего не несет за собой никакого нарушения прав господина Линдберга по статье 10 Конвенции. Это положение, следовательно, не составляло препятствия в исполнении приговора. Тот факт, что оспариваемый фильм был показан в Швеции, также не обозначал, что выполнение решения Норвежского суда противоречит интересам шведской общественности.

Н. Процедура диффамации приводит к жалобе заявителей на основании Конвенции.

34. 15 мая 1991 года члены команды "Хармони" также начали процедуру диффамации против заявителей, требуя компенсацию и признания недействительными некоторых высказываний, приведенных в отчете господина Линдберга и опубликованных в Бладет Тромсё 15 и 20 июля 1988 года.

35. 4 марта 1992 года, после выслушивания сторон и свидетелей по делу в течение трех дней, Окружной суд Норд-Тромса (herredsrett) вынес свое решение, в котором единогласно признал следующие высказывания диффамационными по статье 247 Уголовного кодекса и объявил их не соответствующими действительности согласно части 1 статьи 253 (цифры в квадратных скобках показывают последовательность аргументации Суда):

(Утверждения из отчета господина Линдберга, опубликованные газетой Бладет Тромсё 20 июля 1988 года).

> *[1.1] "В 11.45 [член команды] забил на смерть самку гренландского тюленя, которая защищала детеныша."*
> *[1.2] "В 14.40 [член команды] забил на смерть самку гренландского тюленя, которая защищала детеныша."*
> *[1.3] "В 15.00 [член команды] забил на смерть самку гренландского тюленя."*
> *[1.4] "В 19.00 [член команды] убил самку гренландского тюленя, защищающую своего детеныша".*

(Утверждения, опубликованные в одной из статей Бладет Тромсё от 15 июля 1988 года).

> *[2.1] "С живых тюленей сдирают шкуру".*
> *[2.2] "В отчете также указывается, что господину Линдбергу поступали угрозы от разъяренных охотников пробить голову багром, если он не будет молчать."*

С другой стороны, Окружной суд отказал в иске тюленебойцам относительно следующих утверждений, опубликованных 20 июля 1988 года:

[1.4] "В тот же день [я] указал капитану, что [член команды] не убивал тюленят в соответствии с правилами (т.е. он ... ударил его острием багра и поволок тюлененка за собой)".
[1.5] "В 15.00 [член команды] забил на смерть самку гренландского тюленя, которая защищала детеныша".

Окружной суд предоставил следующие аргументы:

"Относительно указанных утверждений основным условием признания их не соответствующими действительности является то, что они являются диффамационными. Этот вопрос необходимо рассмотреть в свете того, как эти высказывания были восприняты рядовым читателем. Более того, эти утверждения нельзя рассматривать отдельно друг от друга. Решающим фактором является общее восприятие всех статей. Относительно оправдывающих обстоятельств суд имеет несколько иную точку зрения, о которой пойдет речь далее. Даже если рассматривать утверждения на основании полной оценки, необходимо учесть, что это дело было вынесено крупным шрифтом на первые полосы. У читателя могло сложиться впечатление, что случилось что-то очень серьезное. Это впечатление не уменьшалось или изменялось более подробной статьей в середине газеты. Этот факт необходимо считать особенно значимым.

Суд находит очевидным, что оба оспариваемых утверждения от 15 июля 1988 года являются диффамационными. В одном из них говорится: "С живых тюленей сдирали шкуру". Это утверждение можно расценить как жестокое обращение охотников с животными. Само собой разумеется, что это причинило бы животному нестерпимую боль. Можно понять, что это утверждение относится не к одному тюленю, а к нескольким. Создается впечатление, что тюленебойцы нередко сдирают кожу с тюленей, когда они все еще живы.

Другое высказывание гласит: "В отчете также имеется сообщение о том, что разъяренные охотники избили его и пригрозили, что пробьют ему голову гарпуном, если он не будет молчать". Это утверждение подразумевает, что тюленебойцы оскорбляли господина Линдберга, что, объективно говоря, равносильно совершению уголовного преступления по статье 228 Уголовного кодекса. Угроза размозжить ему голову баграми, если он не будет молчать, подпадает под описание преступления по статье 227 Уголовного кодекса. Заявление подразумевает, что тюленебойцы совершили два правонарушения. Очевидно, что такое утверждение является диффамационным. Что касается утверждений относительно самок тюленей, тот факт, что охота на них не была разрешена в 1988 году, не оспаривается. Ссылка сделана на пункты 1.1, 1.2., 1.3. и 1.6 утверждений. ...

Пункт 1.4 также свидетельствует о нарушении правил тюленебойного промысла. В этом случае, ссылка сделана на статью 8 (b) правил, согласно которой тюленя сначала нужно ударить тупым концом багра, а затем острием. Это необходимо, чтобы оглушить животного, перед тем как убить его. В этом высказывании говорится о том, что удары тупым концом багра пропускались.

Нарушение правил образует уголовное преступление. Оно рассматривается, как легкое правонарушение и может быть наказано штрафом. В общем, утверждение о таком нарушении также может считаться диффамационным. ...

С точки зрения суда, утверждения, относящиеся к убийству самок тюленей может быть рассмотрено как диффамационное.

Охота на этот вид тюленей вообще не была разрешена в 1988 году. Утверждения заявляют о вообще нелегальном промысле и подразумевают, что команда вела себя в манере, достойной осуждения. Далее суд обсудит вопрос о том, рассматривать ли утверждения как доказанные и, следовательно, законные.

Суд, тем не менее, сомневается относительно утверждения, процитированного в пункте 1.4. В нем не заявляется, что тюленята страдали, а просто говорится о том, что использованные методы убийства не соответствовали правилам. Принимая это во внимание, утверждение вряд ли можно понять как сильное моральное осуждение охотников .... Решающим моментом является, был ли забой совершен должным образом. Смысл данного утверждения указывает на то, что это было сделано ненадлежащим образом. В любом случае, принимая во внимание тот факт, что не говорилось о том, что тюленята страдали, дело должно рассматриваться как незначительное. Суд, с некоторой долей сомнения, пришел к выводу, что данное утверждение не может считаться диффамационным.

Следовательно, за исключением пункта 1.4, утверждения подпадают под два вида обстоятельств, описанных в статье 247 Уголовного кодекса, т.е. "навредить доброму имени или репутации другого лица" и "подвергнуть его потере доверия, необходимого для сохранения своего положения в обществе или работы". Нет никаких сомнений, что утверждения могли иметь такое влияние. В этом случае, ответчики указали, что во время последующих общественных дискуссий к команде была проявлена значительная симпатия. Законное ограничение, тем не менее, состоит в том, что утверждения могли причинить вред. Последующее общественное обсуждение показало, что мнения об этом промысловом процессе неоднозначны.

На протяжении нескольких лет относительно тюленебойного промысла, особенно на международном уровне, имела место непримиримая оппозиция. Хотя многие в Норвегии, особенно в северной ее части, выступали против господина Линдберга, это отнюдь не означало, что они соответственно поддерживали позицию тюленебойцев. Последние получили широкое освещение в прессе благодаря своим методам охоты, в связи, с чем их и вспомнили. Кроме того, члены команды почти не обсуждали другие аспекты промысла тюленей, в частности, экологический аспект, пристальное внимание, к которому было привлечено во время так называемого нашествия тюленей в конце 80-х годов.

Бесспорно, группа людей, к которым относятся эти утверждения, не так велика, чтобы счесть, что высказывания не оказали влияния на конкретных представителей этой группы. Ответчики не настаивали, что не упоминание имен гарантировало достаточную анонимность. Даже если имена отдельных тюленебойцев и не упоминались, было ясно, что имелось в виду именно судно

Хармони. Следовательно, всех, кто был на борту, можно считать оскорбленными этими утверждениями. Фактически, отсутствие имен имело совершенно противоположный эффект. В отчете упоминаются только четверо из команды, уличенных в совершении преступлений. Если бы в газете написали бы имена, группа подозреваемых значительно бы уменьшилась.

Несмотря на то, что утверждения подпадают под статью 247 Уголовного кодекса, существует необходимость доказать, что они являются "незаконными" [rettsstridig]. По этому вопросу ответчики предложили на рассмотрение суда несколько доказательств. Во-первых, оспаривается то, что дело о тюленебойном промысле в Норвегии было, возможно, самым большим газетным материалом в 1988 году. Также оспаривается то, что в такой ситуации пресса должна иметь большую свободу взглядов, чтобы иметь возможность осветить все аспекты дела (с точки зрения общественного интереса). ...

Суд принимает то, что большая свобода в выражении мнения должна применяться для обсуждения вопросов, вызывающих большой общественный интерес. Такое мнение отражено в статье 100 Конституции Норвегии и необходимо в демократическом обществе. Тем не менее, существуют некоторые ограничения. Во-первых, Суд имеет в виду, что необходимо принимать во внимание некоторые условия, относящиеся к частной жизни и достоверности. ... Необходимо понимать, что все оспариваемые утверждения подразумевают, что команда Хармони совершала незаконные действия. Это главная мысль газетных статей от 15 и 20 июля 1988 года.

Суд не находит, что подача этого дела в прессе, особенно 15 июля, была в первую очередь направлена на то, чтобы вызвать общественный резонанс. Суд больше интересует уголовный аспект настоящего дела. Публичное обсуждение за и против тюленебойного промысла осталось в стороне. Необходимо также принять во внимание форму, в которой был преподнесен материал. Заголовок об этом деле был напечатан крупным шрифтом на первой полосе. Такие слова как "лгать" были использованы в одном из заголовков последующих статей. Суд находится под впечатлением, что первоначальным мотивом газеты было первой напечатать сенсацию. Именно статья на первой полосе имеет сенсационный характер. Не было уделено достаточно внимания защите других людей, замешанных в этой истории. Газета знала, что материал является сенсационным и, таким образом, имела веские основания публиковать его с осторожностью. Журналисту, господину Расту, в телефонном разговоре с Министерством рыболовства, предположительно 13 июля, было сказано, что отчет не подлежит публичной огласке. Принимая это во внимание, Суд полагает, что материала недостаточно для того, чтобы оправдать манеру, в которой он был преподнесен.

Во-вторых, оспаривалось то, что публикация касается официального документа. Согласно газете, документы такого рода являются достоверным источником информации, на который можно положиться. В этом смысле, можно сослаться на часть 3 статьи 253 Уголовного кодекса. Вообще говоря, Суд согласен, что официальные документы должны быть источником информации для журналистов. Насколько они хороши, однако, зависит от обстоятельств. В настоящем деле, газета знала, что отчет не подлежит

публичной огласке по определенным причинам. Господин Раст также был осведомлен о том, что сообщение о том, что с живых тюленей сдирают кожу, звучит неправдоподобно. Сам господин Раст держит овец и имеет представление о забое животных. Не смотря на это, дело получило широкую огласку. В данных обстоятельствах, прежде чем напечатать материал, газета должна была исследовать дело более подробно. Но Суд находит, что никакого расследования проведено не было. В своих показаниях, Генеральный секретарь Норвежской ассоциации СМИ сказал, что с точки зрения журналистской этики, было нежелательно печатать заявление о том, что с живых тюленей сдирают шкуру, если господин Раст знал, что это неправда.

Утверждения, основанные на отчете инспектора, не подпадают под часть 3 статьи 253. Это положение является исчерпывающим. ...

Ответчики обратились к статье 10 Конвенции. В этой связи акцент был сделан на то, что называется "общественным интересом". Его можно описать как принцип неограниченной свободы выражения мнения относительно дел, представляющих общественный интерес. Но Суд имеет основания полагать, что рассматриваемое дело отличается, например, от дел Санди Таймс (Sunday Times v. the United Kingdom) или Лингенс против Австрии (Lingens v. Austria).

Последнее дело касалось, в частности, свободы политической дискуссии. Господин Лингенс, редактор журнала, использовал такие выражения как неприкрытый оппортунизм, аморальный и недостойный в статье о премьер-министре Бруно Крайском. Такие выражения являются оценочными суждениями и не связаны с фактами как, например, в рассматриваемом деле. Диффамационное утверждение, имеющее фактическую основу, не является незаконным (см. часть 1 статьи 253 и часть 1 статьи 249 Уголовного кодекса). В настоящем деле ответчики признались, что за исключением убийства одной самки тюленя, им не было предоставлено никаких доказательств. Тем не менее, было оспорено, что господин Линдберг сделал несколько снимков, на которых было убито несколько самок гренландских тюленей. Не смотря на это, Суд оценивает дело в целом. Что касается пункта 2.1. заявлений, точно не было доказано, что утверждение было достоверным или вероятно достоверным. Напротив, господин Раст полагал, что утверждение было неточным. Господин Линдберг и господин К. представили две различные версии. Согласно пункту 2.2 у Суда нет причин доверять господину Линдбергу больше, чем господину К. Суд не находит других доказательств в пользу господина Линдберга.

Что касается убийства самок, следственная комиссия на стр. 84 своего доклада утверждает: "Мы пришли к выводу, что утверждения об убийстве пятерых самок тюленей необходимо рассматривать как весьма маловероятные . Тем не менее, на борту Хармони действительно находилась шкура самки, когда судно вернулось из экспедиции. [Член команды, господин С.] объяснил, что [член команды, господин Н.] убил тюлененка. В пределах видимости его матери не было. Она появилась позже и напала на Н. Он испугался и попытался ударить ее гарпуном по носу, но удар оказался слишком сильным, и у нее начала течь кровь. Из-за кровопотери ее пришлось убить. Это относится к пункту 1.5. Суд полагает, что утверждение дает неправильное представление о том, что произошло на самом деле. Это не

означает, что Суд находит, что Н. действовал незаконно. Если он поступил так в целях самообороны, его действия оправданы. Суд не обязан рассматривать этот вопрос, поэтому данное утверждение не будет объявлено незаконным. Другие утверждения, касающиеся самок тюленей, не были подтверждены документально. Тюленебойцы отрицают, что убили более одной самки. В своем признании господин Линдберг прибегает к фотографиям, которые, по его мнению, подтверждают его заявления. Но он отказался предоставить фотографии для оценки экспертов. Через день после его допроса в суде в газете Бладет Тромсё появилась статья с фотографией самок. Тюленебойцы утверждают, что этот кадр был снят в 1987 году, когда такой промысел был разрешен. Суд основывает свое решение не на газетных статьях, а на том, что имело место во время главных слушаний. Следовательно, должно быть очевидным, что другие утверждения нельзя рассматривать как доказанные. Более того, Суд несколько удивлен отказом господина Линдберга предоставить фотографии в суде.

В заключении, Суд отмечает, что были соблюдены все условия признания утверждений, процитированных в пунктах 1.1, 1.2, 1.3, 1.6, 2.1 и 2.2 заявлений. Выражение, процитированное в пункте 1.4 не считается диффамационным, тогда как достоверность фразы, процитированной в пункте 1.5, нашла свое подтверждение в суде.

Для наложения наказания не требуется объявления утверждений не имеющими законной силы. Суд обсудит вопрос ответственности при обсуждении требований о возмещении убытков.

Условия возмещения ущерба установлены в разделах 3-6, подразделе 1 Закона о возмещении ущерба 1969 года (Skadeerstatningsloven, 13 июня 1969 года, 26). Истцы требуют только компенсации морального вреда. Оспаривается тот факт, что газета должна была осознавать, что действовала халатно и что будет справедливо, если Суд присудит возмещение морального вреда. В своей оценке, Суд наложит бремя на существование халатности и другие обстоятельства. Таким образом, несколько факторов относится к определению вопроса о компенсации. С точки зрения Суда, газета поступила небрежно. Перед публикацией сомнительного материала она не провела собственного расследования, требовавшегося в тех обстоятельствах. Суд выразил свое мнению по этому вопросу выше. Тем не менее, что касается требования о компенсации, нужно считаться с важностью мер, принятых для придания анонимности. Не упоминание имен не означало, что члены команды не могут быть узнаны. Поскольку было четко обозначено название судна Хармони, нетрудно было выявить членов команды. Некоторых тюленебойцев знали соседи, знакомые, семьи и т.д. Газета должна была это учесть. Так или иначе, необходимо было учесть, что существует реальный риск, что людей, о которых шла речь, можно легко опознать.

Суд считает справедливым то, что истцам необходимо выплатить компенсацию. Их требование оправдано тем, что освещение в газете причинило им беспокойство и навредило их репутации. Вообще, во время экспедиции в западную часть Северного Ледовитого океана, было забито 2 999 тюленей. Даже если и были некоторые незначительные нарушения правил промысла, отчет господина Линдберга представил искаженную картину происшедшего. Суду показалось, что, в целом, правила были выполнены.

Что касается второго заявителя, разделы 3-6 необходимо рассматривать в связи со статьей 431 Уголовного кодекса. Редактор был в то время у себя дома и был не вполне осведомлен о печатавшемся материале. Тем не менее, он согласился на публикацию этого материала. Господин Стенсаас не просил освободить его от ответственности. Соответственно, он несет ответственность за газетные статьи. Это, в свою очередь, имеет отношение к вопросу о компенсации.

...

Существуют факторы, свидетельствующие в пользу большого размера компенсации: во-первых, некоторые утверждения в подготовительной работе, во-вторых, степень оскорбительности материала и степень его распространения. В этой связи необходимо заметить, что господина Линдберга обязали выплатить каждому из истцов по 10000 норвежских крон в виде компенсации за нанесение морального ущерба [см. п.32 выше]. ... На определении суммы повлияло то, что факты получили широкое распространение. Принимая во внимание, что этот фактор уже был учтен, он должен иметь меньший вес в деле против газеты. Иначе команда получила бы двойную компенсацию.

Более того, газета знала, что материал сенсационный и что одно из заявлений не было достоверным. Другой фактор – форма, в которой был преподнесен материал, поскольку очевиден тот факт, что редакцией не было проведено свое расследование. Кроме того, газета не извинилась за опубликование этого материала.

Фактор, указывающий в противоположном направлении, это, в частности, то, что члены команды имели возможность выразить свое мнение. В общем, дело о тюленебойном промысле было одним из громких газетных материалов в 1988 году. Этот факт имеет определенное значение, хотя и не освобождает газету от ответственности. В свете данных обстоятельств, Суд не может видеть, что должно иметь важность, что отчеты инспекторов обычно являются публичными документами. Отчет господина Линдберга не был разрешен для публичного разглашения. Также неважно, что отчет, в конечном итоге, был напечатан в Fiskaren. Этот факт был только упомянут, но не был конкретизирован на главном слушании. Суду не известно о содержании, обстоятельствах и т.д. Финансовое состояние [первого заявителя] не имеет значения. Суду стало известно, что газета в последние несколько лет находилась в несколько стесненных обстоятельствах. Хотя ее годовой оборот составляет примерно 30 миллионов норвежских крон.

Соответственно, каждому из истцов должны заплатить 11 тысяч норвежских крон в качестве компенсации, из которых 10 тысяч платит газета и 1 тысячу редактор. Редактор вместе в газетой несет ответственность за сумму, которую он должен выплатить."

36. 18 марта 1992 года заявители решили подать на апелляцию и обратились в Верховный суд *(Høyesterett),* утверждая, что Окружной суд допустил судебную ошибку. 18 июля 1992 года апелляционный комитет Верховного суда не разрешил подавать апелляцию, посчитав очевидным, что жалоба не будет удовлетворена.

II. Процедуры диффамации возбужденные против других СМИ.

37. Команда Хармони также возбудила дело о диффамации против других медиа-компаний, включая газету Aftenposten, ее редактора и журналиста, относительно статьи, опубликованной 22 июля 1988 года по вопросу о тюленебойном промысле. Дело не касалось статьи от 16 июля 1988 года, в которой Aftenposten воспроизвела утверждения господина Линдберга, опубликованные Бладет Тромсё, о том, что с живых тюленей сдирали шкуру.

Решением от 1 февраля 1993 года Городской суд Осло отклонил иск. Городской суд нашел, что, хотя оспариваемая статья содержала несколько утверждений о нарушениях правил промысла тюленей, манеру изложения материала по этому вопросу нельзя назвать "незаконной" (rettsstridig).

Городской суд, inter alia, постановил:

> *"Бладет Тромсё получила отчет господина Линдберга в июле и опубликовала главную статью 15 июля 1988 года, в которой утверждалось, что с живых тюленей сдирают шкуру. Статья вызвала отклик во многих изданиях. Норвежское телеграфное агентство выпустило сводки о деле о тюленебойном промысле 15, 18, 20 и 21 июля. Aftenposten также следила за делом, но многое из ее материала было основано именно на этих сводках. Во вступлении к первой статье, опубликованной в Aftenposten 16 июля, говорится: "Строгая критика тюленебойцев". В вечернем выпуске отмечается: "Тюленебойцы должны объясниться". В утреннем номере от 18 июля охотники на тюленей выразили свое мнение на стр. 4 под заголовком: "Тюленебойцы: мы никогда не сдирали шкуру с живых тюленей". Господин Квернмо сказал газете, что мы шокированы заявлениями господина Линдберга о том, что мы сдирали шкуру с живых тюленей. Он имеет в виду, что господин Линдберг неправильно понял ситуацию во время охоты на тюленей и сожалеет, что в отчете перед Министерством рыболовства команду обвиняют. Более того, утверждается, что такое заявление настолько преувеличено и оторвано от реальности, что некоторые тюленебойцы сильно на него отреагировали. В течение 60 сезонов охоты, в которых я принимал участие, мы никогда не сдирали шкуру с живых тюленей, заявляет владелец арктического судна, господин Якобсен. ... 19 июля Aftenposten опубликовала интервью с инспектором по тюленьему промыслу, господином Нильссеном под заголовком "Разногласия по поводу методов убийства тюленей". 21 июля она опубликовала статью, названную Отчет о тюленебойном промысле состоит из недоказанных утверждений ...".*

Подводя итог, Суд рассматривает дело о тюленебойном промысле к вечеру 21 июля таким образом:

> *"Отчет господина Линдберга вызвал большой интерес. Его содержание обсуждалось тюленебойцами, судовладельцами и Министерством рыболовства. Газета Aftenposten опубликовала самые различные точки зрения. Несмотря на опровержение отчета, сделанное тюленебойцами и Министерством рыболовства, его содержание не было эффективно и объективно опровергнуто.*

Доклад Aftenposten от 22 июля означал продолжение начатой дискуссии по поводу охоты на тюленей. Господин Линдберг хотел отразить критику своего отчета посредством газетных статей с использованием фотографий. Дискуссия продолжалась и естественно, что Aftenposten предоставила господину Линдбергу возможность высказать свое мнение. Суд полагает, что статья в газете Aftenposten содействовала дальнейшему развитию дискуссии.

Изложение материала в Aftenposten является объективным, сбалансированным мнением в защиту отчета господина Линдберга. В статье предоставлены доказательства, выдвинутые господином Линдбергом в защиту своего отчета, эта статья является важным элементом в дискуссии о тюленебойном промысле. Aftenposten обращает наибольшее внимание на законность существующих методов тюленебойного промысла и не желает подвергать тюленебойцев публичному осуждению посредством злонамеренного газетного материала. Этот материал, очевидно, нельзя сравнивать со статьей, напечатанной в Бладет Тромсё 15 июля 1988 года. Суд также подчеркивает, что Aftenposten напрямую использует господина Линдберга как источник информации. Хотя заголовок вкупе с фотографиями предполагает, что имели место нарушения правил и жестокость по отношению к животным, эти нарушения не выдвигаются на первый план. Газета сосредотачивается на деле о тюленебойном промысле. Необходимо также заметить, что на следующий день охотникам была дана возможность на видном месте опровергнуть отчет инспектора. Это показывает, что имела место дискуссия по делу, представляющему общественный интерес, в котором противоположным сторонам, в надлежащей манере, была дана возможность выразить свое мнение. Материал Aftenposten по делу о промысле тюленей характеризуется взаимностью: "Aftenposten считает, что следовала этому принципу, поэтому с журналистской точки зрения, материал от 22 июля не вызывает нареканий". Суд согласен с точкой зрения газеты, особенно учитывая ситуацию, которая сложилась ранее, до 22 июля."

Суд не находит причин проверять наличие доказательств в газете Aftenposten. Следственная комиссия в своем докладе пришла к выводам, что правила были явно нарушены. На стр. 101, комиссия заявляет:

"Мы не можем не отметить, что во время рассматриваемого периода выполнение правил охоты характеризовались несколькими недостатками, которые, в целом, не являются незначительными.

Последующие обстоятельства, таким образом, показывают, что Aftenposten доказала заявления о том, что правила нарушались. Отчет господина Линдберга не был серьезной научно-исследовательской работой и содержал большое количество неточностей, но справедливость некоторой его части была доказана.

Соответственно, Суд заключает, что материал Aftenposten не противоречил Закону. Он не содержит каких-либо незаконных диффамационных заявлений."

Верховным судом не была удовлетворена апелляция членов команды. Их жалоба на компенсацию за моральный ущерб была также отвергнута Высоким судом Эйдсиватинга *(lagmannsrett)* решением от 6 марта 1995 года.

38. 4 августа 1993 года, в дальнейшей процедуре диффамации, начатой командой судна Хармони, Городской суд Осло объявил незаконным утверждение о том, что с живых тюленей сдирали шкуру, что было передано Норвежской вещательной корпорацией 16 и 18 июля 1988 года.

III. Применимое национальное законодательство

39. В норвежском законе о диффамации имеются три вида реагирования на незаконную диффамацию, а именно наложение наказания по статье Уголовного кодекса, судебный приказ по статье 253, объявляющей диффамационное заявление не имеющим законной силы (mortifikasjon) и судебный приказ по Закону о компенсации за ущерб от 1969 года, при котором необходимо выплатить компенсацию потерпевшей стороне. В данном деле рассматривались только два последних вида.

40. По статье 253 Уголовного кодекса, диффамационное утверждение, которое является незаконным и достоверность которого не была доказана, может быть объявлено судом не имеющим законной силы. В статье говорится:

> *"1. Когда существует доказательство правдивости заявления, и такое доказательство не было представлено, пострадавшая сторона может потребовать объявить заявление не имеющим законной силы, если иное не предусмотрено Законом".*

Такое заявление применимо только относительно фактических утверждений, поскольку истинность оценочных суждений недоказуема.

Хотя положение о судебном приказе, объявляющем заявление не имеющим законной силы, содержится в Уголовном кодексе, такой приказ считается не уголовной санкцией, а судебным решением, устанавливающим факт, что ответчику не удалось доказать достоверность утверждения и, таким образом, рассматривается как средство судебной защиты, относящееся к гражданскому праву.

В последние годы в Норвегии много обсуждалось, нужно ли отменить средство защиты путем признания не имеющим законной силы, которое существовало в Норвежском законодательстве с 16 века и которое можно также найти в законах Дании и Исландии. Из-за того, что это считается слишком мягкой санкцией, Норвежская ассоциация редакторов выразила желание сохранить его.

41. Условия, устанавливающие ответственность за диффамацию, определены в главе 23 Уголовного кодекса, статья 247 которого гласит:

> *"Статья 247. Любой человек, который словом или действием может нанести оскорбление доброму имени и репутации другого человека или подвергнет его ненависти, презрению или потере доверия, необходимых в его положении и работе, или тот, кто является соучастником в этом, будет нести ответственность в виде штрафов или лишения свободы на срок, не превышающий одного года. Если диффамация имела место в печати или на телевидении или при особенно отягчающих обстоятельствах, может быть применена санкция на срок, не превышающий двух лет."*

42. Ограничение применения статьи 247 прямо вытекает из требования, чтобы утверждение было "незаконным" (rettsstridig). Поскольку это требование содержится в

статье 246, статья 247 была истолкована Верховным судом как содержащая это требование.

В гражданском деле, касающемся досудебных публикаций газеты, Верховный суд решил в пользу газеты, полагаясь на гарантированной право судебного репортажа, считающегося законным (rettsstridsreservasjonen), даже если оспариваемые выражения были диффамационными. Суд постановил, что в определении границ ограничения, в первую очередь следует учитывать, вызывало ли данное дело общественной интерес с точки зрения поднятой проблемы и вовлеченных в него сторон. Более того, необходимо учитывать контекст, на фоне которого были сделаны утверждения. Кроме того, очень важно, была ли информация представлена в соответствующей сбалансированной манере и нацелена на освещение сути дела и предмета спора (Norsk Retstidende 1990, p. 636, at p. 640).

43. Дальнейшие ограничения применения статьи 247 содержатся в статье 249, в которой, применительно к данной ситуации, говорится:

> *"Статья 249.*
> *1. Наказание по статьям 246 и 247 не может быть наложено, если представлены доказательства достоверности оспариваемых диффамационных заявлений".*

44. Относительно бремени доказывания по части 1 статьи 249 к лицу, который распространяет порочащие сведения, применяются те же требования, что и к автору такого утверждения. Норвежское законодательство не дает четкого указания, какой стандарт должен применяться: уголовного права о доказанности без достаточных оснований сомневаться в достоверности доказательств или стандарт баланса вероятности гражданского права. Заявители в качестве примера привели решение Верховного суда, в котором он поддержал стандарт, примененный нижестоящим судом, в уголовном деле о клевете относительно высказываний на телевидении и в газете о том, что практикующий частный адвокат порекомендовал своей супруге совершить налоговое нарушение, связанное с продажей собственности. В связи с серьезностью нарушения, суд счел возможным применить такой же стандарт доказывания, какой применяет к государственному обвинителю в уголовном процессе по уклонению об уплате налогов. Ведущие разработчики законов полагают, что справедливость диффамационного обвинения в воровстве должна быть доказана по тому же стандарту, что при обвинении по уголовному дуле о воровстве. По словам профессора Мэланда (Mæland), было бы разумно увеличивать бремя доказывания соответственно серьезности диффамационного утверждения. Профессор Анденэс (Andenæs) и профессор Братхольм (Bratholm) выражают мнение, что, хотя могут быть веские причины для наложения строгого бремени доказывания в делах о клевете, в определенных условиях может быть оправдано применение менее сурового стандарта, чем в уголовных делах, например, когда жертва вела себя в особенно предосудительной манере (см. H.J. Mæland, Ærekrenkelser, Universitetsforlaget, 1986, стр. 178-79; and J. Andenæs and A. Bratholm, Spesiell strafferett, Universitetsforlaget, 1983, стр. 196).

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА.

45. 10 сентября 1992 года Бладет Тромсё и господин Стенсаас подали жалобу (21980/93) в Комиссию по правам человека. Они оспаривали решение Окружного суда, заявляя о несправедливом вмешательстве в их право на свободу выражения мнения, гарантированное статьей 10 Конвенции, чьи положения были нарушены.

46. 26 мая 1997 года Комиссия объявила жалобу приемлемой. В своем докладе от 9 июля 1998 года (бывшая статья 31 Конвенции), Комиссия пришла к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции (24 голоса против 7). Полный текст доклада, включающего совпадающее мнение и два особых мнения, приведен в приложении к данному решению.[2]

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ В СУД.

47. На слушании от 27 января 1999 года Правительство потребовало от Суда признать факт отсутствия в данном деле нарушения статьи 10.

48. Заявители, в свою очередь, обратились к Суду с просьбой подтвердить нарушение статьи 10 и предоставить им справедливое возмещение по статье 41.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции.

49. Заявители обжаловали решение Норд-Тромского Окружного суда от 4 марта 1992 года, против которого Верховный суд не разрешил подать апелляцию 18 июля 1992 года и которое явилось несправедливым вмешательством в право на свободу выражения мнения по статье 10 Конвенции, которая предусматривает:

> *«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ…*
>
> *2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».*

50. Заявители расценили оспариваемые меры как вмешательство государственных органов в осуществление их права на свободу выражения мнения, гарантированного в первой части статьи 10. Кроме того, не оспаривалось то, что такое вмешательство было предусмотрено законом и преследовало законную цель, а именно защиту репутации или прав других лиц и, таким образом, оно было допущено по двум из трех критериев обоснованности такого вмешательства, согласно второй части статьи 10. Суд согласен с такими выводами.

Разногласия в рассматриваемом деле касаются третьего критерия о том, что такое вмешательство должно быть необходимым в демократическом обществе. Заявители и

---

[2] *Примечания Секретаря:* Из практических соображений данное приложение будет сопровождать только окончательную опубликованную версию решения (в официальных отчетах избранных решений Суда), но копия отчета Комиссии может быть получена в Секретариате Суда.

Комиссия утверждают, что это условие не было выполнено, и статья 10 таким образом была нарушена. Правительство опровергало это заявление.

А. Аргументы сторон.

1. Заявители и Комиссия.

51. Для Комиссии, с которой заявители по существу согласились, оспариваемые утверждения в Бладет Тромсё, основанные на отчете господина Линдберга, относились к делу, вызвавшему серьезный общественный интерес. Главной целью различных статей было не навредить репутации тех, кто осуществлял охоту на тюленей, а начать дискуссию о выживании тюленей при существующих правилах охоты и об отмене тех правил, которые наносят вред этому промыслу.

Оспариваемые заявления были направлены против 7 из 17 членов команды судна Хармони, и при воспроизведении отчета их имена были опущены. Публикация отчета господина Линдберга в ежедневнике Бладет Тромсё опередила просьбу членов команды о публичном неразглашении данных этого отчета.

В духе диалога, заявители пригласили членов команды Хармони и некоторых представителей правительства и промысла тюленей прокомментировать утверждения господина Линдберга до и после того, как отчет был опубликован в газете Бладет Тромсё.

Далее Комиссия подчеркнула, что, как представители прессы, заявители имели право полагаться на отчет господина Линдберга, поскольку он выступал в качестве назначенного министерством официального лица и его отчет относился именно к работе на борту Хармони (см. п. 7 выше). Но когда заявителей попросили доказать истинность заявлений господина Линдберга (см. п. 35 выше), они столкнулись с трудной, даже неразрешимой, задачей.

Оспариваемое вмешательство (меры, предпринятые национальными властями) не могло привести к какой-либо успешной защите репутации и прав тюленебойцев, поскольку, во-первых, до вынесения решения Окружного суда отчет господина Линдберга находился в печати уже полтора года и был обнародован (без сокрытия личностей охотников) в нескольких других изданиях, включая доклад следственной комиссии (см. п. 31 выше); во-вторых, моряки успешно оспорили несколько утверждений из отчета господина Линдберга и начали процедуру диффамации против него (см. п. 32 выше).

52. Заявители настаивали на том, что решение Окружного суда было непропорциональным в том смысле, что рассматриваемые утверждения не были рассмотрены в более широком контексте противоречий, касающихся промысловой экспедиции (см. п. 29-30 выше). Отчет господина Линдберга был призван поддержать тюленебойцев, а не нанести вред их репутации.

Оспариваемые утверждения не касаются частной жизни людей. Бремя доказывания ответчика по уголовному делу, где было выдвинуто требование объявить отчет не имеющим законной силы, было чрезмерно строгим (см. п. 44 выше). Ложность ни одного из оспариваемых утверждений не была доказана (см. п. 35 выше).

2. Правительство.

53. Правительство подчеркнуло, что настоящее дело касается конфликта двух прав человека - с одной стороны, право на свободу выражения мнения, с другой стороны, права индивидуума на защиту от незаконных нападок на его честь и репутацию, последнее из которых полностью гарантировано ст. 17 Международного Пакта о гражданских и политических правах 1966 года.

Правительство оспаривало, главным образом, то, что Бладет Тромсё инициировало серьезные нападки на репутацию и честь тюленебоев, преподнеся материал об отчете от 15 июля 1988 года в сенсационной манере и воспроизведя серьезные обвинения в жестоком и незаконном поведении во время охоты (см. п. 12 выше). Не оспаривая тот факт, что тюлений промысел стал предметом общественного интереса, Правительство указало, что газета могла бы принять участие в общественной полемике по этому вопросу, не критикуя персонально членов команды Хармони. Оспариваемые высказывания были направлены против небольшой группы лиц, которых можно было легко идентифицировать из-за упоминания в газете названия судна Хармони (см. п. 12 выше). Эти люди не могут считаться общественными деятелями (публичными фигурами).

С точки зрения Правительства, вряд ли можно говорить о том, что газета вела себя добросовестно. Заявители знали о том, что отчет господина Линдберга был запрещен к разглашению и что такое решение было временно применено для защиты лиц, обвиняемых в совершении негуманных и преступных деяний, чтобы дать им возможность ответить на выдвинутые против них обвинения (см. п. 11 выше). Эту меру необходимо рассматривать в свете права каждого человека, включая и тюленебоев, согласно части 2 статьи 6 считаться невиновным в любом уголовном преступлении, пока его виновность не будет доказана. Также предполагалось, что отчет необязательно представлял точку зрения действующего Правительства. Более того, как обнаружил Окружной суд, даже написавший статьи журналист посчитал высказывание о том, что с живых тюленей сдирают шкуру, слишком нереальным, чтобы быть истинным (см. п. 35 выше).

54. Правительство также подвергло сомнению то, что газетный материал был основан на достоверных сведениях. Окружной суд, оценив доказательства, пришел к выводу о том, что оспариваемые высказывания не были доказаны (см. п. 35 выше).

Заявители также не смогли доказать, что информация, полученная из отчета господина Линдберга, была достоверной, так как они знали, когда публиковали отчет, что его компетентность была под вопросом (см. п.15, 20 и 26 выше).

55. Более того, нельзя сказать, что Бладет Тромсё соблюдала нормы журналистской этики. По Норвежскому кодексу журналистской этики человек, который подвергся серьезной критике, должен насколько это возможно, в то же время, что и критическая публикация, иметь право на ответ. Журналист обязан проверять достоверность информации, что не было невозможным или ненужным в данном деле. Высказывание о том, что с живых тюленей сдирают шкуру, могло быть проверено консультацией с экспертом. Тем не менее, газетой не было предпринято никакого расследования (см. п. 35 выше).

То, что комиссия установила, что публикация отчета в Бладет Тромсё предварила собственную просьбу охотников на тюленей обнародовать отчет, не подтвердилось (см. п. 15). В любом случае, их просьба появилась уже после разглашения порочащей информации, а именно 15 июля 1988 года (см. п. 12 выше). Также не было верным то, что перед опубликованием заявители пригласили команду прокомментировать отчет господина Линдберга.

56. В конце концов, Правительство указало, что оспариваемое вмешательство не носило уголовно-правовой характер, более того, национальный суд в своем решении привлек заявителей к гражданско-правовой ответственности в виде возмещения ущерба и посчитал, что было невозможно проверить истинность высказываний (см. п. 40).

57. В свете последующих событий, Правительство полагало, что национальный суд действовал в рамках предоставленной ему свободы усмотрения и что была разумная пропорциональность между преследуемой законной целью и оспариваемым вмешательством.

B. Оценка Суда.

1. Общие принципы.

58. Суду предстоит рассмотреть обжалуемое вмешательство в свете дела в целом и определить, являются ли основания, выдвигаемые национальными властями в его оправдание, соответствующими и достаточными, и были ли использованные средства, соразмерные преследуемой правомерной цели. Поступая таким образом, Суд должен убедиться также в том, что национальные власти применяли нормы, соответствующие принципам статьи 10 и, более того, что их применение основывалось на приемлемой оценке обстоятельств, относящихся к делу (см. решение по делу "Санди Таймс против Соединенного Королевства (№ 1)" ("The Sunday Times v. the United Kingdom (no.1)") от 26 апреля 1979 года, Series A 30, с. 38, п. 62). Органы государственной власти пользуются определенной свободой усмотрения в определении наличия этой "необходимости" и границ допустимого вмешательства. Однако эта свобода усмотрения не является безграничной, она идет рука об руку с европейским контролем, осуществляемым Судом, чья задача дать окончательное заключение, соответствует ли ограничение со свободой выражения мнения, как она защищена ст. 10 Конвенции.

59. Одним из важнейших факторов при рассмотрении Судом данного дела является жизненно важная функция СМИ в демократическом обществе. Пресса играет важную роль в демократическом обществе. Хотя она и не должна преступать определенных границ, в частности, в отношении репутации и прав других лиц, тем не менее, ее долг состоит в том, чтобы сообщать любым способом, который не противоречит ее обязанностям и ответственности, - информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес (см. решение по делу "Йерсилд против Дании" ("Jersild v. Denmark") от 23 сентября 1994 года. Series A, т. 298, стр. 23, п. 31; и по делу "Де Хаэс и Гийселс против Бельгии" ("De Haes and Gijsels v. Belgium") от 24 февраля 1997 года, Сборник судебных постановлений и решений от 1997-I, стр. 233-34, п. 37). В дополнение, Суд принимает во внимание и тот факт, что журналистская свобода охватывает также некоторую долю преувеличения и даже провокацию (см. решение по делу "Прагер и Обершлик против Австрии" ("Prager and Oberschlick v. Austria") от 26 апреля 1995 года, Series A, т. 303, стр. 19, п. 38). В делах, подобных этому, пределы национальной свободы усмотрения ограничены интересами демократического общества в обеспечении для прессы возможности выполнять важную роль "сторожевого пса общества" при распространении информации, представляющей общественный интерес (см. решение по делу "Гудвин против Соединенного Королевства" ("Goodwin v. the United Kingdom") от 27 марта 1996 года, Доклады 1996-II, стр. 500, п. 39).

60. Осуществляя этот контроль, Суд не ставит перед собой цель подменять национальные суды, однако он обязан проверять решения на предмет соответствия статье 10, которые последние выносят, используя свое право на свободу усмотрения. Для этого Суд должен

рассмотреть оспариваемое вмешательство в свете всего дела, для того чтобы определить, является ли цель, на которую ссылаются национальные органы власти для оправдания такого вмешательства, соответствующей и достаточной (см., например, "Фрессоз и Руар против Франции" ("Fressoz and Roire v. France") (GC), 29183/95, п. 45, ЕКПЧ 1999 I).

2. Применение вышеупомянутых принципов в данном деле

61. В настоящем деле Окружной суд г. Тромсё обнаружил, что два утверждения, опубликованные в газете Бладет Тромсё от 15 июля 1988 года и четыре утверждения, напечатанные 20 июля, являются диффамационными, незаконными, и достоверность которых не была доказана. Такое высказывание как: "С живых тюленей сдирали шкуру", - подразумевало, что тюленебойцы проявляли жестокость по отношению к животным. Другое имело в виду, что тюленебойцы нанесли инспектору уголовно-наказуемое оскорбление и угрожали ему. Остальные высказывания предполагали, что некоторые промысловики убили четырех гренландских тюленей, охота на которых была запрещена в 1988 году. Окружной суд объявил эти высказывания не имеющими юридической силы и, учитывая, что газета проявила небрежность, обязал заявителей выплатить компенсацию 17 истцам (см. п. 35 выше).

Суд считает, что решение Окружного суда пропорционально законной цели защиты репутации или прав членов команды.

62. Что касается достаточности этих причин для выполнения целей статьи 10 Конвенции, Суд должен принять во внимание всеобщий фон, на котором были сделаны оспариваемые заявления. Таким образом, содержание оспариваемых статей нельзя рассматривать отдельно от дискуссии о тюленьем промысле в то время в городе Тромсё, центре этого промысла в Норвегии, и в стране, в целом.

Необходимо напомнить, что свобода информации и выражения мнений в смысле статьи 10 Конвенции применяется не только по отношению к "информации" и "идеям", которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также и в отношении тех, которые шокируют, обижают или вызывают обеспокоенность у государства или части населения. Таковы требования терпимости, плюрализма и широты взглядов, без которых нет «демократического общества» (см. решение по делу "Хэндисайд против Соединенного Королевства" ("Handyside v. the United Kingdom") от 7 декабря 1976 года, Series A, т. 24, стр. 23, п. 49). Более того, в то время как пресса не должна преступать пределов, установленных интересами защиты репутации частных лиц, на ней лежит обязанность распространять информацию и идеи, по общественно важным вопросам. Не только на прессе лежит обязанность распространять информацию и идеи, общественность также имеет право их получать. Следовательно, чтобы определить достаточно ли оснований для "необходимого" вмешательства, должен быть принят во внимание аспект заинтересованности общественности в этом деле.

63. В связи с этим, Суд оспорил позицию Окружного суда (см. п. 35 выше), что манера подачи материала в газете Бладет Тромсё, в частности, в статье от 15 июля 1988 года (см. п. 12 выше), указывает на то, что первоначальной целью газеты было не способствовать серьезной дискуссии, а сделать упор на сенсационности конкретных обвинений в преступлениях и первой опубликовать материал.

С точки зрения Суда, тем не менее, характер освещения этой проблемы необходимо рассматривать не только через призму оспариваемых материалов, опубликованных в Бладет Тромсё 15 и 20 июля 1988 года, а более широко, принимая во внимание все

материалы газеты по проблемам тюленьего промысла (см. п. 8-9, 12-19, 21-24 выше). В период с 15 по 23 июля 1988 года Бладет Тромсё, которая является местной газетой, вероятно, с достаточно стабильной читательской аудиторией, почти ежедневно публиковала различные точки зрения, включая собственные редакционные комментарии, мнение Министерства рыболовства, Норвежской федерации моряков, Гринпис, и, прежде всего, самих тюленебойцев (см. п. 12-19, 21-24 выше). Хотя мнение последних было опубликовано не одновременно с оспариваемыми статьями, а весьма близко по времени, в целом это позволило представить всеобщую картину сбалансированной подачи новостей. Этот подход не сильно отличался от того, который использовала газета тремя месяцами ранее в первой серии статей по первоначальным обвинениям господина Линдберга, и никаких нарицаний в адрес редакции по поводу этих статей не поступало. Как Суд указал в предыдущем решении, методы объективного и сбалансированного репортажа могут существенно варьироваться, в том числе в зависимости от конкретного средства массовой информации. Ни данному Суду, ни национальным судам не подобает подменять в этом вопросе своими собственными взглядами суждения прессы относительно того, к какой технике репортажа следует прибегать журналистам. В этом контексте Суд напоминает, что статья 10 защищает не только содержание выражаемых идей и информации, но и форму их передачи (см. упомянутое выше решение по делу "Йерсилд против Дании", стр. 23, п. 31).

На этом фоне оказывается, что первоначальной целью рассматриваемых статей было не обвинить конкретных лиц в совершении преступления в нарушении правил тюленьего промысла или в жестоком обращении с животными. Напротив, обращение газеты в номере от 18 июля 1988 года (см. п. 16 выше) к рыболовным органам "конструктивно использовать" данные из отчета господина Линдберга для того, чтобы улучшить репутацию промысла тюленей, можно рассматривать как цель, прослеживаемая в нескольких статьях, опубликованных по этой проблеме в Бладет Тромсё. Оспариваемые статьи были частью текущей дискуссии по вопросу представляющему очевидный интерес как для проводимой местной, национальной и международной общественности, в ходе которой освещались точки зрения широкого круга лиц.

64. Наиболее тщательная проверка со стороны Суда требуется тогда, когда, как в настоящем деле, применяемые меры или налагаемые государственными органами санкции могут серьезно помешать прессе вносить свой вклад в обсуждение проблем, представляющих законный общественный интерес (см. упомянутое выше решение по делу "Йерсилд против Дании", стр. 25-26, п. 35).

65. Статья 10 Конвенции, тем не менее, не гарантирует полностью неограниченную свободу выражения мнения, даже относительно освещения в прессе вопросов, вызывающих серьезный общественный интерес. В силу требований п. 2 статьи 10 применение этой свободы несет с собой "обязанности и ответственность", которые относятся также и к прессе. Эти "обязанности и ответственность" приобретают особую важность тогда, когда, как в настоящем деле, вопрос касается нападок на репутацию частных лиц и ущемление "прав других лиц". Как было указано Правительством, право промысловиков на защиту своей чести и репутации как таковое признано на международном уровне статьей 17 Международного Пакта о гражданских и политических правах. Также важным, для целей установления баланса между конфликтующими интересами, который должен обеспечить Суд, является тот факт, что согласно п. 2 статьи 6 Конвенции охотники на тюленей имели право считаться невиновными до тех пор, пока их виновность не будет доказана в соответствии с законом. В контексте "обязанности и ответственности", являющихся неотъемлемой частью права на свободу выражения мнения, гарантии ст. 10, предоставленные журналистам в связи с распространением

информации по вопросам, являющимися предметом общественного интереса, применяются с оговоркой, что журналист действует добросовестно, с целью предоставления надежной и точной информации в соответствии с требованиями журналистской этики (см. решение по делу "Гудвин против Соединенного Королевства", упомянутое выше, стр. 500, п. 39 и решение по дело "Фрессоз и Руар против Франции", п. 54).

66. Суд отмечает, что рассматриваемые утверждения состояли из фактов, а не из оценочных суждений (ср., например, решение по делу "Лингенс против Австрии" ("Lingens v. Austria") от 8 июля 1986 года, Series A, т. 103, стр. 28, п. 46). Они не исходили от самой газеты, но основывались или были напрямую процитированы из отчета господина Линдберга, который не был проверен самой газетой путем проведения независимого расследования (см. упомянутое выше дело "Йерсилд против Дании", стр. 23 и 25-26, п. 31 и 35). Следовательно, необходимо проверить, были ли в настоящем деле какие-либо особые причины освобождать газету от ее обычной обязанности проверять факты, которые являются порочащими по отношению к частным лицам. С точки зрения Суда, это зависит, в частности, от типа и степени диффамации, а также от степени доверия газеты к отчету господина Линдберга с учетом рассматриваемых высказываний. Последний вопрос необходимо определить в свете ситуации, как ее представила в то время сама Бладет Тромсё (см. п. 7-19, 25-26 выше), а не доверяясь данным, полученным следственной комиссией спустя большой промежуток времени (см. п. 31 выше).

67. Что касается степени и характера диффамации, Суд отмечает, что четыре высказывания (п. 1.1, 1.2, 1.3 и 1.6) о том, что некоторые промысловики убивали самок гренландского тюленя были признаны диффамационными, не потому что подозревали моряков в жестоком обращении с животными, а потому, что охота на этих тюленей в 1988 году в отличие от предыдущего года была запрещена (см. п. 13 и 35 выше). Соответственно, Окружной суд решил, что эти высказывания не отличаются от заявлений о нелегальной охоте вообще (см. п. 35 выше). Такие заявления обозначали достойное порицания поведение, они не были особенно серьезными.

Два других заявления (о том, что с живых тюленей сдирали шкуру и что разъяренные охотники побили господина Линдберга и угрожали ударить его багром) (см. п. 2.1 и 2.2) были более серьезными, но выражены в довольно общих терминах и могли быть поняты читателями как несколько преувеличенные (см. п. 12 выше).

Более важно то, что Бладет Тромсё опубликовала имена десяти членов команды, которых господин Линдберг оправдывал, но не назвала тех, кого он обвинял в совершении предосудительных деяний (см. п. 13 и 18 выше). Перед Окружным судом каждый истец заявил о своем случае на основе одних и тех же фактов, и Окружной суд посчитал, что каждый из них подвергся диффамации в равной степени, что отражено в том, что каждый получил одинаковую сумму компенсации (см. п. 35 выше).

Таким образом, несмотря на то, что некоторые обвинения были относительно серьезными, возможное вредное воздействие рассматриваемых высказываний на репутацию и права каждого отдельного промысловика было значительно ослаблено несколькими факторами. В частности, критика не являлась нападкой на всех членов команды или на кого-то конкретно (см. решение по делу "Торгер Торгерсон против Исландии" ("Thorgeir Thorgeirson v. Iceland") от 25 июня 1992 года, Series A, т. 239, стр. 28, п. 66).

68. Что касается достоверности отчета господина Линдберга, необходимо отметить, что этот отчет был составлен им в качестве официального инспектора, назначенного

Министерством рыболовства для мониторинга промысла тюленей, который вела команда Хармони во время сезона 1988 года (см. п. 7 выше). С точки зрения Суда, осуществляя свой вклад в дискуссию по вопросам общественного интереса, пресса имела право полагаться на содержание официального отчета и не предпринимать собственного расследования. Иначе жизненно важная роль прессы как стража интересов общества была бы подорвана (см. mutatis mutandis, дело "Гудвин против Соединенного Королевства", стр. 500, п. 39).

69. Суд не считает значимыми расхождения, указанные Правительством, между отчетом и публикациями господина Линдберга в Бладет Тромсё за год до этого, поскольку он выступал в другом качестве, а именно как внештатный журналист и как автор.

70. Действительно, из реакций на высказывания господина Линдберга в апреле 1988 года газета уже знала о том, что команда подвергла сомнению его компетентность и правдивость некоторых высказываний о "жестоких методах убийства" (см. п. 9 выше). Следовательно, газета могла предположить, что отчет господина Линдберга может быть оспорен членами команды. Сам по себе этот факт нельзя считать решающим, чтобы сказать, что газета должна была перепроверить достоверность фактических критических высказываний, содержащихся в отчете, перед тем как использовать свое право на свободу выражения мнения, гарантированное статьей 10 Конвенции.

71. Более важным в этой связи было отношение Министерства рыболовства, которое назначило господина Линдберга на должность инспектора и потребовало от него отчета о проделанной работе (см. п. 7 выше). Так как 15 июля 1988 года Бладет Тромсё знала, что Министерство решило наложить запрет на публикацию отчета, учитывая характер некоторых высказанных в нем обвинений (уголовно-наказуемое поведение) и необходимость названным в отчете лицам прокомментировать его (см. п. 11 выше). Не было оговорено, что при опубликовании соответствующей информации, газета нарушит закон о конфиденциальности. Также не было известно, что до появления оспариваемой публикации 15 июля 1988 года, Министерство публично подвергнет сомнению достоверность критики или профессионализм господина Линдберга. Более того, согласно сводке новостей Норвежского агентства новостей того же дня, Министерство заявило, что нелегальная охота, возможно, имела место (см. п. 25 выше).

18 июля 1988 года Норвежское Агентство новостей сообщило о том, что Министерство заявило, что ветеринарные эксперты подвергают сомнению отчет Линдберга, и что Министерство обнародует информацию о дальнейшей судьбе и возможно об обстоятельствах назначения господина Линдберга инспектором. Помимо этого Министерство не будет более давать каких-либо комментариев до тех пор, пока не соберет дополнительной информации (см. п. 26 выше). 19 июля 1988 года Норвежское Агентство новостей объявило, что Министерство предполагало, на основании предоставленной информации господином Линдбергом о себе, что его опыт исследовательской работы был более основательным, чем оказался на самом деле. Министерство выразило сомнения о компетентности господина Линдберга и качестве его отчета только 20 июля, в день публикации последней из оспариваемых статей (см. п. 20 выше).

С точки зрения Суда, до 20 июля 1988 года Министерство не дало повода сомневаться в достоверности информации, содержащейся в отчете, включая четыре высказывания о том, что неназванные моряки убивали самок, напечатанные 20 июля (см. п. 13 выше). На самом деле, Окружной суд позже установил, что достоверность одного такого заявления (п. 1.5) была доказана (см. п. 35).

72. Принимая во внимание различные факторы, ограничивающие вероятный вред, нанесенный репутации отдельных промысловиков и ситуации, представленной в Бладет Тромсё в соответствующее время, Суд считает, что газета могла опираться на официальный отчет господина Линдберга, не проводя собственного независимого расследования для проверки точности указанных фактов. Суд не находит причин сомневаться в том, что в этом отношении газета действовала добросовестно.

73. По фактам данного дела, Суд не может установить, что несомненный интерес членов команды в защите своей репутации был достаточным для того, чтобы превысить общественный интерес в гарантировании общественной дискуссии по проблеме как местного и национального, так и международного интереса. Подводя итог, Суд полагает, что причины, на которые полагалось государство-ответчик, хотя и уместны, но все же недостаточны для того, чтобы продемонстрировать, что оспариваемое вмешательство было "необходимым в демократическом обществе". Несмотря на свободу усмотрения национальных властей, Суд считает, что ограничения права заявителей на свободу выражения мнения и преследуемая законная цель были непропорциональны. Соответственно, Суд постановляет, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 41 Конвенции.

74. Компания с ограниченной ответственностью Бладет Тромсё A/S и Пол Стенсаас просят справедливого возмещения по статье 41 Конвенции, которая гласит:

> *«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».*

A. Материальный ущерб.

75. Заявители полагают, что признание Судом факта нарушения Конвенции предполагает справедливое возмещение материального ущерба, который они понесли в результате решения Окружного суда от 4 марта 1992 года, присудившего им выплатить 187 000 норвежских крон за нанесенный истцам ущерб и 136 342 норвежских крон для того, чтобы покрыть судебные издержки истцов в Окружном суде.

76. Правительство не возражало против вышеуказанной просьбы, если Суд решит, что имело место нарушение Конвенции. Представитель Комиссии не высказывался по этому вопросу.

77. Суд, принимая во внимание связь между требуемым возмещением издержек и нарушением Конвенции, присуждает заявителям всю требуемую сумму.

B. Судебные издержки и расходы.

78. Далее заявители требуют возмещение издержек и расходов на сумму 652 229 норвежских крон по следующим пунктам:

(i) 138 887 норвежских крон за издержки и расходы, полученные в связи с разбирательством в Окружном суде;

(ii) 29 560 норвежских крон за издержки и расходы, понесенные заявителями при рассмотрении жалобы в Верховном суде;
(iii) 150 000 норвежских крон - оплата господина Волланда, адвоката, за работу в Страсбургских институтах до 28 августа 1998 года (128 часов по 1 000 крон за час и 20 часов за 1 100 крон за час);
(iv) 79 200 норвежских крон - оплата господина Бойля, адвоката заявителей, (60 часов по 100 фунтов стерлингов за час) во время вышеупомянутого периода;
(v) 23 840 норвежских крон за расходы, понесенные при разбирательстве дела в Страсбурге до 28 августа 1998 года;
(vi) 104 500 норвежских крон за работу (95 часов по 1 100 норвежских крон за час) господина Волланда с 29 августа 1998 года до слушания в Суде 27 января 1999 года;
(vii) 26 481 норвежских крон за транспортные расходы и проживание господина Волланда во время рассмотрения дела в Суде;
(viii) 68 330 норвежских крон за работу (46 часов по 100 фунтов стерлингов за час) господина Бойля и его расходы (на транспорт, проживание и т.п.), понесенные им в период с 29 августа 1998 года до слушания в Суде 27 января 1999 года;
(ix) 17 551 норвежских крон за проживание и транспортные расходы господина Нильсена (нынешнего главного редактора Бладет Тромсё) для присутствия на слушании дела;
(x) 13 380 НК за транспортные расходы и проживание господина Стенсааса во время слушания дела.

79. Правительство возражало против вышеуказанного требования, полагая, что количество часов и расценки были завышены. Представитель Комиссии оставил этот вопрос на усмотрение Суда.

80. Суд, в соответствии с прецедентным правом Суда рассмотрит были ли указанные суммы издержек и расходов действительными и необходимыми для предотвращения или устранения причин, которые явились нарушением Конвенции и были ли они разумными с точки зрения размера суммы (см., например, решение по делу "Толстой Милославский против Соединенного Королевства" ("Tolstoy Miloslavsky v. the United Kingdom") от 13 июля 1995 года, Series A, 316-B, стр. 83, п. 77). Суд находит, что почасовые расценки, примененные в процедурах в Страсбурге, были разумными, но считает количество часов преувеличенным. Принимая во внимание имеющиеся данные, Суд, руководствуясь принципом справедливости, присудил заявителям 80 000 норвежских крон за работу господина Волланда и 40 000 норвежских крон за работу господина Бойля на заседаниях в Страсбурге. Остаток требуемой суммы за издержки и расходы должен быть возмещен полностью.

С. Оплата разбирательства дела в национальных судах и в органах Конвенции.

81. Заявители также потребовали 515 337 норвежских крон , что составляет 18 % за каждый год до 1 января 1994 года и 12 % за каждый год до 1 ноября 1998 года от сумм, требуемых за издержки и расходы, понесенные до 28 августа 1998 года.

82. Правительство объявило, что проверить процент от искомой суммы очень сложно. Заявители ссылались на Законе о дефолте от 1976 года (morarenteloven, Закон 100 от 17 декабря 1976 года), который, по мнению Правительства, явно завышал проценты в Норвегии, поэтому он не может служить основой для оценки возмещения по статье 41 Конвенции.

83. Суд находит, что заявители вправе требовать проценты к испрашиваемой сумме за прошедшие годы (см., например, судебное решение по делу "Дарби против Швеции" ("Darby v. Sweden") от 23 октября 1990 года. Series A, т. 187, стр. 14, п. 38 и по делу "Обсервер и Гардиан против Соединеннго Королевства" ("Observer и Guardian v. United Kingdom") от 26 ноября 1991 года. Series A, т. 216, стр. 38, п. 80 (d)). Суд не считает себя связанным внутренним правом по расчету процентов, а также не предлагает принять точную квантификацию убытков, установленных заявителями в настоящем деле. На справедливой основе относительно размера инфляции в Норвегии во время указанного периода времени, возмещение заявителям составляет 65 000 норвежских крон в соответствии с их требованиями по данному вопросу.

D. Мораторные ставки, применяемые к компенсациям, присужденным Судом.

84. В соответствии с информацией, имеющейся в распоряжении Суда, на дату принятия данного решения процент в Норвегии составляет 12 % годовых. Суд, в соответствии с установившимся прецедентным правом, считает, что этот процент является разумным по отношению к суммам, присужденным в настоящем решении.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет* тринадцатью голосами против четырех, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
2. *Постановляет*, что Королевство Норвегия в течении трех месяцев должно выплатить заявителям
   a) материальный ущерб - 323 342 (триста двадцать три тысячи триста сорок две) норвежские кроны;
   b) издержки и расходы 370 199 (триста семьдесят тысяч сто девяносто девять) норвежских крон;
   c) в качестве дополнительных процентов 65 000 (шестьдесят пять тысяч) норвежских крон;
3. *Постановляет* единогласно, что присуждаемая сумма подлежит выплате с учетом годового простого процента в размере 12 % по истечении указанных трех месяцев и до полного расчета;
4. *Отклоняет* единогласно оставшуюся часть требования о справедливом возмещении.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 20 мая 1999 года.

Люциус Вильдхабер — Председатель
Мод де Бур-Буквиккио — Заместитель Секретаря

В соответствии с п. 2 статьи 45 Конвенции и частью 2 правила 74 Регламента Суда, к настоящему решению прилагаются:

а) совместное особое мнение госпожи Палм, господина Фурмана и господина Бака;
б) особое мнение госпожи Грейв.

Совместное особое мнение судей Палм, Фурмана и Бака.

Мы не согласны с мнением большинства, что факты этого дела говорят о нарушении статьи 10 Конвенции.

Из статьи 10 Конвенции и прецедентного права Суда следует, что осуществление свободы выражения мнения налагает обязанности и ответственность и что ограничения свободы прессы могут быть оправданы, если они необходимы в демократическом обществе для защиты репутации других лиц. Как установил Суд в решении по делу "Де Хаэс и Гийселс против Бельгии" ("De Haes and Gijsels v. Belgium") от 24 февраля 1997 года хотя [пресса] и не должна преступать определенных границ, в частности в отношении репутации и прав других лиц, тем не менее ее долг состоит в том, чтобы сообщать - любым способом, который не противоречит ее обязанностям и ответственности, - информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес ... (Доклады судебных решений, 1997-I, стр. 233-34, п. 37).

Причиной данного особого мнения является такой аспект права как защита репутации, которому Суд не придал достаточного внимания в настоящем решении. Важная роль прессы - стража демократического общества одобрялась и защищалась Судом в большом количестве дел, касающихся права на свободу выражения мнения, которое подчеркивает не только право прессы распространять информацию, но и право читателей получать ее. Поступая таким образом, Суд сыграл большую роль в выработке основных принципов, которые управляют сообществом свободной прессы в странах-участницах Конвенции и за их пределами. Тем не менее, впервые Суд сталкивается с вопросом о том, как согласовать роль прессы в освещении материала, который несомненно вызывает общественный интерес, с правом на защиту репутации группы опознаваемых частных лиц, являющихся центральными фигурами этого материала. С нашей точки зрения, тот факт, что имеет место сильный общественный интерес, не должен освобождать газету от элементарной профессиональной этики или от законов о диффамации. Как установила Большая Палата Суда по делу "Фрессоз и Руар против Франции" ("Fressoz and Roire v. France") ([GC], 29183/95, ЕКПЧ 1999-I), первом деле нового Суда, статья 10 защищает право журналистов на распространение информации по вопросам, являющимся предметом общественного интереса, при условии если они действуют добросовестно, используют проверенные факты и предоставляют «надежную и точную» информацию, в соответствии с требованиями журналистской этики (п. 54).

Главное в нашей позиции то, что в данном деле нет ситуации, когда правительство посредством предварительного ограничения хотело бы пресечь газетный материал, в котором оно подвергается критике, или когда жалоба не касается конкретных лиц как, например, в деле "Торгер Торгерссон против Исландии" ("Thorgeir Thorgeirsson v. Iceland") (см. решение от 25 июня 1992 года. Series A, т. 239), несмотря на скрытые попытки Суда предположить что-либо другое (см. п. 67 данного решения). Настоящее дело было возбуждено группой обиженных лиц в порядке преимущественно гражданского судопроизводства. Конечно, как часто указывает Суд, - совсем недавно в деле "Яновский против Польши" ("Janowski v. Poland") ([GC], 25716/94, п. 33, ЕКПЧ 1999-I) - пределы допустимой критики шире, когда она касается политиков и публичных фигур, нежели когда она обращена против частных лиц. Несомненно, охотники на тюленей в данном процессе являются частными лицами par excellence. Тот факт, что они занимаются таким непопулярным промыслом как охота на тюленей, не меняет их статус частных лиц.

В настоящем деле Норвежский Окружной суд после тщательной проверки свидетельств пришел к выводу, что промысловики на борту судна Хармони, которых можно было легко

опознать из оспариваемых газетных статей, опубликованных в Бладет Тромсё, были опорочены. Разбирательство в суде длилось три дня, были выслушаны свидетели, имеющие отношение к этому делу. Позже суд вынес обоснованное решение, применяя Норвежский закон о диффамации, применительно к фактам этого дела (см. п. 35 данного решения). Решение о диффамации основано на высказываниях о том, что члены команды убили самок гренландского тюленя, что в то время означало уголовное преступление, что господина Линдберга оскорбили и что с живых тюленей сдирали шкуру (там же). Необходимо напомнить, что перед этим процессом, господин Линдберг был привлечен к ответственности за диффамацию в связи с этими высказываниями в деле, возбужденном членами команды, в Городском суде Сарпсборга, и что Шведский Верховный суд в деле, возбужденном господином Линдбергом о запрещении выполнения решения за границей, принял решение от 16 декабря 1998 года о том, что Норвежское решение не влечет за собой нарушения статьи 10 Конвенции (см. п. 33 данного решения). Кроме того, обвинения господина Линдберга были признаны необоснованными следственной комиссией, которая была создана специально для расследования обстоятельств дела (см. п. 31).

По нашему мнению, к решению Окружного суда нельзя придраться. Европейский Суд указывал в большом количестве своих решений, что толкование и применение национального законодательства принципиально относиться к компетенции национальных судов, и что роль Европейского Суда ограничена тем, чтобы проверить были ли решения национальных судов авторитетными и были ли ими применены стандарты, соответствующие принципам, являющимся составными частями ст. 10 и, более того, что их применение основывалось на приемлемой оценке фактов, относящихся к делу (см., например, решение по делу "Йерсилд против Дании" ("Jersild v. Denmark") от 23 сентября 1994 года. Series A, т. 298, стр. 24, п. 31). В настоящем деле в любом случае нельзя сказать, что решение Окружного суда не прошло эту проверку, было предосудительным или даже несправедливым или что приведенные в подтверждение доводы были недостаточными относительно целей п. 2 статьи 10. Сторонами не оспаривается то, что статья упоминала опознаваемых членов команды, включая даже тех, кто не принимал участия в этой экспедиции. Более того, выводы Окружного суда подтверждаются заключением независимой комиссии по расследованию дела, которая провела широкомасштабное расследование заявлений перед слушанием дела и нашла их несостоятельными также, как это сделал Городской суд г. Спасборга в слушаниях по делу господина Линдберга (см. п. 31-33 данного решения). Нужно принять как данное, что тюленебоев опорочили в статьях, опубликованных в Бладет Тромсё. Мы не принимаем аргументацию Суда, что степень диффамации была меньше, потому что в статьях никто конкретно из членов команды не был назван (см. п. 67 решения). Напротив, груз обвинения был тяжелее, потому что они подозревали всю команду Хармони без исключения и независимо от того, были ли они действительно на борту корабля в указанное время.

Также не должен критике ни Норвежский закон о диффамации, ни решение Окружного суда с точки зрения свободы прессы, что они чрезмерно защищали репутацию частных лиц или им не удалось показать достаточно доказательств наличия общественного интереса. Решение о том, что обвинения были объявлены не имеющими законной силы равносильно тому, что заявитель не смог доказать достоверность своих заявлений. Это не значит, что решение носит уголовно-правовой оттенок или приравнивается к наказанию, которое может звучать в используемой терминологии. Требование доказать правдивость заявлений в качестве защиты от обвинения в диффамации элементарная необходимость процесса о диффамации во многих юридических системах и не должно подвергаться критике. Действительно, в одном деле Суд находит, что отсутствие защиты exceptio

veritatis ответчика привело к нарушению статьи 10 Конвенции (см. судебное решение по делу "Кастеллс против Испании" ("Castells v. Spain") от 23 апреля 1992 года. Series A, т. 236, стр. 22-24, п. 40-50).

Более того, по норвежскому праву диффамация также должна быть объявлена незаконной. Это развитие в норвежском прецедентном праве, описанное в решении Окружного суда как опора статьи 100 Норвежской Конституции и … «необходимое в демократическом обществе» (см. п. 35 данного решения), дает суду право взвешивать соответствующие интересы и находить, что общественные интересы перевешивают интересы частных лиц в данном деле. Так развивалось Норвежское право, принимая во внимание принципы прецедентного права в Страсбурге. На самом деле Окружной суд следовал этому направлению в данном деле, но выступил против заявителей по существу дела на основании того, что газета сфокусировала внимание на сенсационных заголовках и что не было уделено достаточно внимания защите других лиц, а также то, что газета отлично знала, что доклад запрещен для публичного разглашения именно из-за ложных обвинений. Ни один из этих фактических пунктов не может быть оспорен. Решение по газете Aftenposten показывает, что проверка на «незаконность» - это важная гарантия свободы прессы по Норвежскому праву на основании решения суда о газете-ответчике, противопоставляя сбалансированный материал этой газеты статьям в Бладет Тромсё по этому делу.

На этом фоне стоит ли Европейскому Суду утверждать, что оценка Окружного суда по этому вопросу была неверной? Даже если Суд заменил бы решение национального суда таким образом, на каком основании подвергать сомнению сбалансированность интересов? Мы видим, что Суд сначала установил, что на первом месте для национальных властей стоит определение степени, в которой защита интереса частного лица в защите его репутации должна уступать интересам общества (в связи с расследованием дел больших государственных предприятий) тем более, когда на карту поставлена репутация частных лиц (см. решение по делу "Файед против Соединенного Королевства" ("Fayed v. the United Kingdom") от 21 сентября 1994 года. Series A, т. 294-B, стр. 55, п. 81). Это ли не суть пределов усмотрения в таком деле как это?

Главный вопрос аргументации Суда заключается, по существу дела, в контроле того, что газеты могут быть освобождены от проверки фактов своих статей, которые зависят 1) от характера и степени диффамации и 2) от того, было ли благоразумно в тех обстоятельствах полагаться на детали отчета господина Линдберга (см. п. 66-73 решения). По обоим пунктам мы находим, что аргументация Суда была недостаточной.

Большинство судей усердно пытались преуменьшить степень диффамации в настоящем деле, но, в конечном итоге, посчитали, что некоторые из обвинений были относительно серьезными (см. п. 67). Тем не менее, они достигли достаточно неопределенного решения о том, что критика не являлась нападкой на всех членов команды или на какого-то определенного члена команды. Это явно не подтверждается фактами, и предполагает, что ответчику в деле о диффамации не хватило какого-то рационального зерна. Мы должны спросить, стоит ли Суду оценивать степень ущерба, причиненного диффамационными высказываниями и, на самом деле, снова разбираться в этих проблемах. Конечно, Суду необходимо признать, что это дело лучше оставить национальным судам, которые начинают разбирательство и тщательно оценивают доказательства в свете норм, соответствующих статье 10. Но подход большинства показывает главную ошибку данного решения, а именно то, что Суд не придал достаточного внимания репутации тюленебоев. Попытка сбалансировать соответствующий общественный и частный интересы, таким образом, имеет недостатки с самого начала.

Аргументация также неубедительна в рассмотрении вопроса о благоразумности опоры газеты на отчет господина Линдберга. Как это может быть благоразумным, когда газета хорошо знала, что Министерство сразу же запретило отчет для разглашения, поскольку он содержал потенциально порочащие комментарии относительно частных лиц? Таким образом, этот отчет был временно закрыт в доступе для общественности и это было сделано справедливо. Вопрос о том, поверило или нет Министерство жалобам господина Линдберга (см. п. 71 данного решения) не относится к этому вопросу. Решение Суда по этой проблеме также игнорирует добропорядочность журналиста газеты (господина Расте), о которой заявлял Окружной суд. Как тогда можно считать благоразумной опору на отчет господина Линдберга, если национальный суд, на самом деле, обнаружил, что газета не только удовлетворила свое желание в сенсационности, но и знала, что некоторые подробности были полностью недостоверны?

Мы принимаем то, что если дело касается опубликования официального отчета, который был заявлен компетентными властями публично, газета, в принципе, имеет право опубликовать его согласно статье 10 Конвенции без проведения расследования подробностей отчета со всей точностью, если даже он и нанесет вред частным лицам. Все, что ожидается от газеты в данной ситуации, - это то, чтобы публикуемый текст соответствовал официальному тексту.

Но настоящее дело не касается официального отчета. Напротив, Министерство не стало публиковать отчет потому, что в нем содержались заявления о правонарушениях, допущенных членами команды, и оно посчитало справедливым и правильным дать им возможность им защищаться и подтвердить или опровергнуть эту информацию (см. п. 11 данного решения). Последующая серия процессов о диффамации и отчет следственной комиссии оправдали такой предусмотрительный подход. Более того, очевидно, что газета знала о таком решении, но, тем не менее, решила идти напролом и опубликовать отчет (см. п. 35 данного решения). Также она знала, что господин Линдберг раньше работал как внештатный корреспондент по вопросам тюленьего промысла и опубликовал несколько статей, но не обладал традиционным статусом инспектора Министерства.

С нашей точки зрения, судя по этим обстоятельствам, газета знала, что рискует и подвергает себя риску судебного процесса, опубликовав статьи, но не предприняв ничего, чтобы проверить достоверность сделанных заявлений. Судебный процесс, начатый членами команды, не был неожиданностью, поскольку газета должна была осознавать, что ей надо было быть аккуратной прежде чем печатать обвинения в адрес частных лиц в совершении уголовного преступления или других видов правонарушений. Тот факт, что отчет был составлен официально назначенным Министерством инспектором или что он предназначался для общественности, расцениваются также, как если была оправдана публикация секретных материалов, вредящих национальным интересам, полученных из аналогичного источника. Ключевым фактом является то, что содержание отчета не было открыто для общественности и доступ граждан к нему был ограничен (см. п. 11 данного решения), а не то, нарушили или нет (как считает большинство) заявители закон о защите информации. Бладет Тромсё знала это и знала причины, по которым это было сделано.

Мы не убеждены теми фактами, что газета не могла на самом деле проверить спорные заявления и что она имела право опираться на детали отчета, поскольку они касались таких обстоятельств, которые невозможно проверить в принципе в силу их природы, как, например, убийство самок тюленей во время экспедиции Хармони. Разбирая дела, мы отмечаем, что в большинстве случаев от газет ожидают проверки противоречивого материала перед выходом в свет. Но чего ожидали от Бладет Тромсё? Мы принимаем,

поддерживая предыдущие решения Суда (например, указанное выше дело Фейда, стр. 55, п. 81), что было бы неразумным для газеты откладывать публикацию до проведения серьезного расследования. Также она не должна проверять достоверность истории перед ее опубликованием. Материал был срочный, не терпящий отлагательств до проверки серьезным расследованием. Но, как обнаружил Окружной суд, газета вообще ничего не предприняла, чтобы проверить информацию, даже когда один из журналистов должен был знать из собственного опыта, что заявление о том, что с живых тюленей сдирают шкуру было неправдоподобным (см. п. 35 данного решения). Другими словами, газета опубликовала материал, не заботясь о том, были заявления правдивыми или нет, полагаясь на официальный статус отчета. Заявители, по крайней мере, могли предложить членам команды высказать свою версию событий и получить их реакцию на различные обвинения, сделанные господином Линдбергом, и дать им возможность ответить на обвинения в то же время, когда были напечатаны оспариваемые статьи. В конце концов, они тоже являются свидетелями того, что произошло на борту Хармони. Кроме того, газета тогда обнаружила бы, что некоторые члены команды вообще не причастны к этому делу, поскольку не участвовали именно в этой экспедиции. То, что газета опубликовала статью с реакцией тюленебойцев после отчета (см. п. 12-15 данного решения), который нанес вред их репутации, вряд ли можно рассматривать как достаточное.

Бладет Тромсё сильно рисковала, когда печатала отчет господина Линдберга. На самом деле, заявители имели возможность представить заявления господина Линдберга в общем, не упоминая команду Хармони. Фактически, другие публикации, особенно в Aftenposten сумели охватить материал целиком, но в манере, более уважительной к репутации тюленебоев (см. п. 37 данного решения). Конечно, в маленьком рыбопромысловом сообществе даже общий отчет способствовал бы опознанию некоторых членов команды. Тем не менее, это не может оправдывать отсутствие какого-либо внимания в попытке защитить репутацию промысловиков. Более того, не стоит забывать, что читательская аудитория газеты составляет 9 тысяч постоянных читателей. Если учесть, что единственной заботой газеты было донести до читателей точные детали отчета господина Линдберга, то репутация охотников юридически защищена законом о диффамации, и газета, зная это, не должна жаловаться на неизбежный результат.

Заключения по данному решению о том, что газета не обязана была проводить проверку основной фактической информации на достоверность степени диффамации и, предположительно, официальный характер отчета господина Линдберга, предполагают исключительно низкий предел для защиты права репутации других лиц, когда имеет место важный общественный интерес и нет политических деятелей. Такое повышение общественного интереса к свободе прессы за счет частных лиц, поднятое в деле о тюленебойцах, уделяет недостаточное внимание национальным законам о диффамации и сбалансированной судебной практике внутренних судов по делам, касающимся прессы. Из решения Окружного суда следует, что фактологическая основа сообщения в печати была неточной и не соответствовала журналистской этике. По этим проблемам нашему Суду следовало бы достичь иного заключения.

Таким образом, настоящее решение существенно отличается от вышеупомянутого решения по делу Фрессоз и Руар, объяснившего границы свободы журналистов распространять информацию по вопросам общественного интереса, более осторожной формулировкой. Такое решение может служить плохим примером для европейской прессы. Несколько статей могут быть настолько важными в демократическом обществе или заслуживать такого покровительства статьи 10 Конвенции, что элементарная журналистская этика - которая, между прочим, требует от журналистов проверять перед печатью информацию на достоверность, как в данном деле, - может быть принесена в

жертву большой прибыли за сенсационную новость. Мы не убеждены, что решение Суда по этому делу, в котором он освободил газету-заявителя от этого элементарного требования, действительно продвинет вопрос о свободе прессы, поскольку это подрывает уважение к моральным принципам, которых добровольно придерживаются СМИ. Статья 10 может защищать право прессы на преувеличение и даже провокацию, но не должна давать возможности наносить вред репутации частных лиц.

Особое мнение судьи Грейв.

Присоединяясь к моим коллегам, судьям Пальм, Фурманн и Бака, оказавшимися в меньшинстве, в данном деле я не нахожу нарушения статьи 10 Конвенции и, в основном, я поддерживаю их обоснование. Более того, я придаю особое значение следующим соображениям.

С моей точки зрения, рассматриваемое дело по существу является обычным делом о диффамации, затрагивающим ограничения, наложенные на обвинения частных лиц в совершении уголовного преступления, высказанные в прессе. Очень важно, что оценка необходимости вмешательства в демократическом обществе не скрывалась чувствительным характером проблем тюленьего промысла. Я согласна с большинством в том, что манеру подачи материала в Бладет Тромсё необходимо рассматривать не только в свете оспариваемых статей от 15 и 20 июля 1988 года, но в более широком контексте газетных материалов о промысле тюленей. О разногласиях в этой области Бладет Тромсё напечатала в общей сложности 26 статей, начиная с 11 апреля 1988 года, когда газета начала эту историю, и заканчивая 19 и 20 июля 1988 года, когда опубликовала отчет господина Линдберга. По моему мнению, большинство не придало достаточного внимания тому факту, что согласно п. 2 статьи 6 Конвенции, тюленебои имели право считаться невиновными, пока их виновность не будет доказана. Я полностью принимаю точку зрения большинства в том, что Бладет Тромсё выполняла функции стража общества при распространении информации на основе отчета господина Линдберга о сомнительных нарушениях и совершенных преступлениях во время охоты на тюленей, широко обсуждаемого в обществе вида деятельности. Тем не менее, ограничения, наложенные на свободу выражения мнения газеты по поводу оспариваемых заявлений относятся только к обвинениям опознаваемых лиц в совершении преступлений, заявлений, которые не были доказаны. Обычно газета в таких случаях публикует опровержение, которое также помогает разобраться общей читательской аудитории, имеющей право получать, насколько это возможно, точную и полную информацию. Поскольку Бладет Тромсё не опубликовала опровержения, необходимо признать, что промысловики имели юридическую необходимость начать процедуру диффамации, чтобы защитить свою репутацию и права.

Поскольку вряд ли узнавание причастных к этому делу лиц вызывает какой-либо общественный интерес, Бладет Тромсё имела возможность защитить репутацию моряков, просто не упоминая названия судна Хармони. По моему мнению, если информация, позволяющая читателям опознать подозреваемых в совершении правонарушений была бы опущена в статьях, это не повлияло бы на свободу выражения мнения газеты. Такие меры в подобных обстоятельствах, с моей точки зрения, не могли помешать участию прессы в дискуссии по проблемам, вызывающим общественный интерес. Это свидетельствует о том, что не было предоставлено доказательства необходимости идентифицировать подозреваемых промысловиков.

С другой стороны, большинство, кажется, придало большее значение официальному характеру отчета господина Линдберга в решении о том, что газета могла полагаться на

этот источник, не предпринимая никаких шагов для проверки достоверности оспариваемых обвинений. Поступая таким образом, по моему мнению, большинство не принимает во внимание особые взаимоотношения между господином Линдбергом и газетой Бладет Тромсё. В качестве внештатного корреспондента господин Линдберг описал экспедицию на борту Хармони для Бладет Тромсё в 1987 году. Бладет Тромсё, должно быть, знала о его биографии, когда связалась с ним в апреле 1988 года, когда судно вернулось в порт Тромсё. С моей точки зрения, нельзя считать приемлемым тот факт, что официально назначенный инспектор позволил прессе обращаться к себе при выполнении своих обязанностей и фотографировать себя, а также предоставить прессе отчет об экспедиции с заявлениями о преступлениях частных лиц, не сдав предварительно отчет своему начальству, Министерству рыболовства. Такой недостаток профессионализма можно сравнить, например, с офицером полиции, докладывающим о преступлениях прямо газетчикам. В этой связи важно, что господин Линдберг сразу стал доступен Бладет Тромсё после возвращения из экспедиции, хотя прошло почти три месяца, пока он составил отчет для Министерства, которое назначило его на эту должность. В свете всего вышеуказанного, Бладет Тромсё должна была знать не только о явном недостатке профессионализма, но также и о конфликте интересов между его официальным статусом и его отношениях с газетой. Бладет Тромсё воспользовалась обоими этими статусами.

Для Бладет Тромсё первой и последней фазой сотрудничества с господином Линдбергом послужила публикация его отчета. Никто не подозревал о последствиях. Это уже было сделано в первой из 26 статей, которые опубликовала Бладет Тромсё по этой проблеме. Отчет был просто обобщен и получил широкое освещение в Бладет Тромсё в дискуссии о тюленьем промысле, причем в этом контексте господин Линдберг выступал главным источником информации. В данных обстоятельствах, с моей точки зрения, газета не могла при добросовестном отношении полностью полагаться на указанный отчет господина Линдберга, не проверяя достоверность информации, поскольку он якобы носил статус официального документа.

Краткое изложение дела

ДЕЛО "ДЖЕРУСАЛЕМ ПРОТИВ АВСТРИИ"
(Jerusalem v. Austria)

(жалоба № 26958/95)

Постановление Суда
Страсбург, 27 февраля 2001 года

Тема: Диффамация
Аспекты дела: Гражданско-правовая диффамация, защита в деле о диффамации
Критерий: важность свободы выражения мнения, "необходимость в демократическом обществе"
Наказание: финансовая санкция

Решение: Нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10)

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека: Австрия

Заключение:
Заявительница, член муниципального совета, была привлечена к гражданско-правовой ответственности за диффамацию в отношении частной организации, которую она в ходе политической дискуссии назвала сектой с фашистскими тенденциями.

Факты:
Заявительница была членом Муниципального Совета Вены. Во время дискуссии она выступила по поводу субсидий для ассоциации, помогающей родителям детей, которые оказываются вовлеченными в секты. Во время своего выступления она сказала, что секты проявляют "фашистские тенденции", называла их "психологическими сектами с проявлением тоталитарных черт". Далее, она говорила об организации под названием IPM, упомянув о ней как о секте. Незадолго до этого IPM сотрудничала с Австрийской Народной Партией в области политики по отношению к обороту и потреблению наркотиков, и заявительница выступала с критикой по этому поводу. В соответствии с австрийским законодательством, члены Муниципального Совета Вены пользуются ограниченной парламентской неприкосновенностью: если они заседают как Парламент, а не как местный совет, то они освобождаются от ответственности за что-либо сказанное в ходе дискуссии. IPM возбудила дело с требованием запретить заявительнице повторять ее утверждение, а также обязать ее опровергнуть уже сделанное заявление. Заявительница возражала, заявив, что ее заявление было субъективной оценкой, а не утверждением о факте. Помимо этого, она сказала, что если это было бы расценено как утверждение о факте, она могла бы доказать его истинность. Было принято решение о судебном запрете на повторение заявления, и ее заявление было расценено как утверждение о факте. Заявительнице не дали возможности представить доказательства для подтверждения достоверности ее утверждений (суд отказал в ходатайстве об истребовании документов).

Решено:

Важность свободы выражения мнения

Судебный запрет явился вмешательством в свободу выражения мнения заявительницы. Данное вмешательство было предусмотрено Законом и преследовало законную цель. Суть вопроса состояла в том, было ли это необходимо в демократическом обществе. Суд подчеркнул важность свободы выражения мнения для избранных членов представительных органов государственной власти:

> *«В соответствии с твердо установившимся прецедентным правом Суда, свобода выражения мнения составляет одну из необходимых основ демократического общества и одно из основных условий его прогресса и развития каждой личности (п. 32).*
>
> *Суд напоминает, что если свобода выражения мнения важна для всех людей, она особенно важна для их избранных представителей. Они представляют избирателей, привлекают внимание к их приоритетным проблемам и защищают их интересы. Соответственно, вмешательства в право на свободу выражения мнения оппозиционного члена Парламента, каким является заявительница, требуют самого пристального внимания со стороны Суда (п. 36).»*

Необходимость в демократическом обществе

Будучи частной организацией, IPM проявляла активность в общественно значимой области, а именно в политике по отношению к обороту и потреблению наркотиков. Более того, она участвовала в общественных дискуссиях и сотрудничала с политической партией. Тем самым, она вышла на арену общественных дискуссий и представила себя на всеобщее обозрение, - всего мира, журналистов и общества в целом, и должна была выказать большую степень терпимости по отношению к критике в свой адрес.

Опровергнутые утверждения были сделаны в ходе политической дискуссии в Муниципальном совете. Независимо от того, распространяет ли внутригосударственное законодательство принцип неприкосновенности к заявлениям, сделанным на этом форуме, Суд посчитал, что они должны были быть дополнительно защищены:

> *«Вне зависимости от того, были ли утверждения заявительницы защищены парламентской неприкосновенностью, Суд находит, что они были сделаны на форуме, который, по крайней мере, сопоставим с Парламентом, если рассматривать этот вопрос с точки зрения общественной важности защиты права на свободу выражения мнения участников данного форума. В демократическом государстве Парламент или сопоставимые с ним органы являются важнейшими форумами для политических прений. Для вмешательства в осуществляемую там свободу выражения мнения должны быть выдвинуты очень веские причины. (п. 40).»*

Австрийские суды неверно квалифицировали опровергаемые заявления как утверждения о факте и потребовали доказательства их достоверности. Заявления представляли собой добросовестный комментарий избранного члена Муниципального Совета по вопросам общественной значимости и должны были быть расценены как субъективная оценка.

Однако, даже субъективная оценка, не имеющая под собой никакой фактической основы, может быть чрезмерной. Таким образом, оставался вопрос о наличии такого фактического основания. Суд был поражен фактом отказа истице в ходатайстве об истребовании документов для доказывания истинности своих утверждений с учетом возложенного на нее бремени доказывания достоверности распространенных ею сведений.

> *«... Суд поражен непоследовательностью внутригосударственных судов, - с одной стороны требующих доказательств утверждения, а с другой стороны отказывающихся рассмотреть все имеющиеся доказательства. (п. 45)*
>
> *46. Суд считает, что, требуя от заявительницы доказать истинность ее утверждений и в то же самое время лишая ее фактической возможности предоставлять доказательства, в обоснование своих утверждений и тем самым доказать, что они были добросовестным комментарием, - австрийские суды превысили свои полномочия, и судебный запрет, вынесенный в отношении заявительницы, представляет собой неадекватное вмешательство в свободу выражения ее мнения.»*

Таким образом, судебный запрет, вынесенный в отношении заявительницы, представляет собой непропорциональное вмешательство в ее право на свободу выражения мнения.

Имело место нарушение статьи 10 Европейской Конвенции.

ДЕЛО "ДЖЕРУСАЛЕМ ПРОТИВ АВСТРИИ"

(Jerusalem v. Austria)

(жалоба № 26958/95)

Постановление Суда
Страсбург, 27 февраля 2001 года

[Это решение подлежит редакционной проверке перед тем, как будет воспроизведено в заключительной форме в официальных отчетах об избранных приговорах и решениях Суда.]

По делу "Джерусалем против Австрии" Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), во время его заседания как Палаты, в составе:

г-н Ж.-П. Коста, *Председатель*,
г-н В. Фурман,
г-н Л. Лукаид,
сэр Николас Братца,
г-жа Х. С. Грейва,
г-н К. Трайя,
г-н М. Угрехелидзе, *судьи*,

а также г-жа С. Долле, *Секретарь Секции*,

Проведя 3 октября 2000 года и 30 января 2001 года совещания за закрытыми дверями,

Вынес следующее Постановление, принятое в последний из указанных выше дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено по заявлению (№ 26958/95) против Австрии и подано в Европейскую Комиссию по Правам Человека ("Комиссия") по статье 25 прежней редакции Конвенции о защите прав и основных свобод человека ("Конвенция") 2 марта 1995 года г-жой *Сюзанн Джерусалем* ("Заявительницей"), австрийкой по национальности.

2. Интересы заявительницы в Суде представлял г-н Т. Прадер, - адвокат, практикующий в Вене (Австрия). Правительство Австрии ("Правительство") было представлено его уполномоченным, послом Х. Уинклером, начальником Отдела Международного права в Федеральном Министерстве иностранных дел.

3. Заявительница утверждала, что судебный запрет на повторение определенных заявлений, сделанных ею в ходе дискуссии в Муниципальном Совете Вены, нарушил ее право на свободу выражения мнения. Помимо этого, она утверждает, что судебный процесс, который завершился судебным запретом, не был справедливым.

4. Заявление было передано в Суд 1 ноября 1998 года, когда вступил в силу Протокол № 11 Конвенции (п. 2 статьи 5 Протокола № 11).

5. Заявление было направлено в Третью Секцию Суда (Правило 52 § 1 Регламента Суда). В пределах этой Секции, состав Палаты, которая должна была рассматривать дело (п. 1 статьи 27 Конвенции) был таким, как это предусмотрено Правилом 26 § 1 Регламента Суда.

6. Решением от 27 июня 2000 года Палата объявила, что заявление признается частично приемлемым.

7. Правительство, но не заявительница, представило в Суд свои замечания по поводу фактических обстоятельств дела (Правило 59 § 1).

8. Слушание происходило публично во Дворце Прав человека в Страсбурге 3 октября 2000 года (Правило 59 § 2).

В Суде присутствовали:

(a) со стороны Правительства

г-н Х. Уинклер, начальник Отдела Международного права в Федеральном Министерстве иностранных дел, Уполномоченный,
г-жа Б. Омс, Федеральная Канцелярия, Советник;
г-н Г. Лукассер, Федеральное Министерство юстиции, Советник;

(b) со стороны заявительницы

г-н Д. Эннокл, Советник

Суд заслушал обращения г-на Эннокла и г-на Уинклера.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

9. Заявительница - гражданка Австрии, проживающая в Вене. В рассматриваемый период времени она была членом Муниципального Совета Вены *(Gemeinderat)*, который также действует как Региональный Парламент *(Landtag)*.

10. 11 июня 1992 года, в ходе заседания Муниципального Совета Вены, заявительница выступила в качестве члена Муниципального Совета. Дискуссия была связана с предоставлением муниципалитетом субсидий ассоциации, оказывающей помощь родителям детей, вовлеченных в секты. В свете этого, заявительница сделала следующее заявление:

> *"Как и любой другой человек, я знаю, что сегодня понятие секта означает уже не маленькую группу, откалывающуюся от большой церкви ..., а психологическую секту.*
>
> *Эти психо - секты также существуют и в Вене. У них есть общие черты. Один из этих общих признаков - их тоталитарный характер. Кроме того, в их идеологии проявляются фашистские тенденции; зачастую они имеют*

иерархические структуры. В целом, человек, который оказывается вовлеченным в такую секту, теряет свою индивидуальность и подчиняется группе ... ".

Прокомментировав действия ассоциации, которую она сочла сектой, заявительница продолжала следующим образом:

" ... секты IPM [Institut zur Furderung der Psychologischen Menschenkenntnis] не было в Австрии в течение долгого времени. Однако, в течение нескольких лет - в Швейцарии она называется VPM - она обрела влияние на политику Австрийской Народной Партии (Austrian People's Party) в отношении оборота и потребления наркотиков".

11. Далее, заявительница утверждала, что Австрийская Народная Партия выпустила статью по проблеме политики в отношении оборота и потребления наркотиков совместно с IPM, и вместе с IPM организовала информационные акции, в том числе общественные дискуссии. Заявительница требовала заключения Муниципального Совета о том, что перед выделением субсидий ассоциации должен быть исследован вопрос: является ли эта ассоциация сектой.

12. Дискуссия в Муниципальном Совете перешла в русло темы о политике в отношении оборота и потребления наркотиков, и заявительница в своем дальнейшем выступлении критиковала связь Австрийской Народной Партии с IPM, а также сделала дальнейшие заявления о сущности IPM и ее деятельности.

13. 27 октября 1992 года IPM - ассоциация, созданная в соответствии с Австрийским законодательством, и Verein zur Furderung der Psychologischen Menschenkenntnis (VPM) - ассоциация, созданная в соответствии с Швейцарским законодательством, - подали гражданский иск в отношении заявительницы в соответствии со статьей 1330 Австрийского Гражданского Кодекса в Венский Региональный Суд по Гражданским Делам *(Landesgericht fur Zivilrechtssachen)*. Ассоциации просили Суд вынести решение о судебном запрете в отношении заявительницы, который воспрепятствовал бы ей повторять утверждение о том, что IPM является сектой, а также предписал бы ей отказаться от этого утверждения и опубликовать опровержение в нескольких австрийских газетах.

14. 2 февраля 1993 года заявительница представила свой отзыв на иск. Она утверждала, что использованное ею определение "секта" было субъективной оценкой, а не утверждением о факте. Это было сказано в контексте политической дискуссии. Однако, в том случае, если суд счел бы определение "секта" утверждением о факте, она желала доказать, что это утверждение было правдивым, и предложить документальное свидетельство и показания свидетелей для подтверждения того, что истцы являются сектами. В качестве документального подтверждения заявительница предложила решение Суда Германии и семь статьей о внутренней структуре и действиях истцов, опубликованные в газетах и других периодических изданиях. Она предложила заслушать показания четырех свидетелей. Она также просила суд получить заключение эксперта.

15. 16 февраля 1993 года IPM и VPM внесли изменение в свой иск о судебном запрете, добавив следующее утверждение, сделанное заявительницей 11 июня 1992 года:

"Один из этих общих признаков - их тоталитарный характер. Кроме того, в их идеологии проявляются фашистские тенденции; зачастую они имеют

иерархические структуры. В целом, человек, который оказывается вовлеченным в такую секту, теряет свою индивидуальность и подчиняется группе ... "

16. 18 февраля 1993 года заявительница подтвердила получение дополненного искового заявления. Она представила расшифровку стенограммы сессии Венского Муниципального Совета от 11 июня 1992 года, и привела довод о том, что изменение в иске касается всего лишь общего объяснения, данного определению "психо-секта" и не имеет прямого отношения к истцам. Далее, она сослалась на свои предыдущие утверждения и выдвинутые по их поводу доказательства.

17. 22 февраля 1993 года состоялось слушание в Региональном Суде. Суд принял несколько документов, представленных сторонами, закончил прием доказательств и отклонил все просьбы о приеме других доказательств, как не относящихся к делу, поскольку предоставленные документы в достаточной степени разъясняли аспекты дела.

18. 8 апреля 1993 года Региональный Суд вынес решение о судебном запрете, который препятствовал заявительнице повторять ее утверждения о том, что IPM и VPM являются сектами тоталитарного характера. Помимо этого, суд обязал заявительницу опровергнуть эти утверждения и опубликовать опровержение в нескольких газетах. Вопреки мнению заявительницы, Региональный Суд счел ее утверждения не субъективным мнением, а утверждениями о фактах. Обратившись к уставам ассоциаций и другим свидетельствам, Региональный Суд посчитал, что утверждения заявительницы не подтвердились. Заявительница распространила необоснованные предположения таким образом, как если бы это был доказанный факт, и поэтому поступила недобросовестно. Поскольку был доказан ущерб доходам и материальному положению ассоциаций-истцов, суд вынес решение о запрашиваемом судебном запрете в соответствии со статьей 1330 § 2 Гражданского Кодекса.

19. 12 июля 1993 года заявительница подала апелляцию. Заявительница утверждала, что Региональный Суд не принял доказательства, которые она хотела представить. В частности, она утверждала, что настоящая деятельность истцов и их (тоталитарные) методы не могли быть выявлены из их уставав. В частности, должны были быть исследованы внутренняя организационная структура (иерархическая структура), их поведение в отношении критиков (показывающее тоталитарный характер и идеологию с чертами фашизма) и воздействие на личность людей, участвующих в них (потеря индивидуальности и подчинение группе). По мнению заявительницы, только заключение эксперта, использующего социологические и психологические методы или интервью с людьми, подвергшимся влиянию данных ассоциаций, могло внести ясность в эти проблемы. В любом случае, утверждения заявительницы были субъективными суждениями, сделанными в контексте политической дискуссии, а не утверждениями о фактах. Поэтому судебный запрет нарушил ее право на свободу выражения мнения, предоставленное ей статьей 10 Конвенции.

20. 16 ноября 1993 года Апелляционный Суд Вены *(Oberlandesgericht)* поддержал решение Регионального Суда в отношении запрета на воспроизведение утверждений, но отклонил требование об опровержении и его публикации.

21. Это подтверждало мнение Регионального Суда о том, что высказывания заявительницы были утверждением о фактах. В отличие от Регионального Суда, Апелляционный Суд счел утверждения Заявительницы оскорблением, подпадающим под действие не только второго,

но и первого параграфа статьи 1330 Гражданского Кодекса. В этом случае заявительница, а не истец, должна была доказать достоверность ее утверждений.

22. Что касается жалобы заявительницы об отказе Регионального Суда принять доказательства, которые она представила с целью доказать факт того, что истцы являются сектами, - Апелляционный Суд признал эти доказательства не относящимися к делу. Согласно правовой позиции Апелляционного Суда, утверждения Заявительницы следовало рассматривать в целом. Таким образом, использование термина "секта" не было решающим, а утверждение о фашистских тенденциях имело наибольшую важность. Это последнее утверждение представляло собой оскорбление, выходящее за рамки обоснованной критики. Поскольку заявительница не предоставила никаких доказательств в отношении определения "психо-секты", а предложила их только в отношении вопроса, являются ли истцы сектами, она не сумела доказать его правдивость, как это требуется в соответствии со статьей 1330 § 1 Гражданского Кодекса. Апелляционный Суд также решил, что просьба об опровержении и его публикации в нескольких газетах должна быть отклонена, так как истцы не определили, к какой аудитории должно быть обращено опровержение, - несмотря на то, что утверждения заявительницы были опубликованы в газетах.

23. 18 августа 1994 года Верховный Суд *(Oberster Gerichtshof)* не принял к рассмотрению последующую апелляцию заявительницы, в соответствии с законом (пересмотр дела). Однако, он подтвердил, что утверждения типа "фашистские тенденции" или "тоталитарный характер" были утверждениями о фактах, доказать которые заявительница не сумела. Сославшись на прецедентное право, Суд решил, что дискредитация посредством ложных заявлений, даже сделанных в ходе политических дискуссий, выходит за рамки приемлемой политической критики и не может быть оправдана балансом интересов или правом на свободу выражения мнения.

II. Применимое национальное законодательство

24. В статье 1330 Австрийского Гражданского Кодекса (Allgemeines Burgerliches Gesetzbuch) говорится следующее:

> *"(1) Все, кто понес материальный ущерб или убытки из-за оскорбления, могут требовать компенсации.*
>
> *(2) То же относится к случаям, когда кто-либо распространяет утверждения о фактах, которые ставят под угрозу репутацию другого человека, его доходы или материальное положение, и если ложность подобного утверждения была ему известна или должна была быть известна. В таком случае, можно требовать признания утверждения не действительным и публикации опровержения ... "*

25. Члены Венского Муниципального Совета пользуются ограниченной парламентской неприкосновенностью. Они освобождаются от ответственности за что-либо, сказанное или в ходе дискуссий в Муниципальном Совете, если Муниципальный Совет заседает как Региональный Парламент (статьи 57, 58, 96 Федеральной Конституции). Однако эта привилегия не распространяется на сессии Муниципального Совета, во время которых он заседает как местный совет. Дело в том, что Венский Совет, согласно Австрийской Конституции, имеет двойную функцию, являясь в одно и то же время и региональным, и местным советом (статья 108 Федеральной Конституции).

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

26. Заявительница утверждала, что была нарушена статья 10 Конвенции, которая гласит:

> *«1. Каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ…*
>
> *2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».*

27. Заявительница оспаривает необходимость вмешательства в ее право на свободу выражения мнения. Инкриминируемые утверждения были сделаны в ходе сессии Венского Муниципального Совета и коснулись политической проблемы, а именно предоставления государственных субсидий ассоциациям и, в частности, ассоциации родителей, чьи дети оказались вовлеченными в секты. В этом контексте заявительница указала на то, что секты приобретали влияние в политике, и привела в качестве примера ассоциации-истцов, как сотрудничающих с Австрийской Народной Партией. Заявительница не была вовлечена в прямой спор с VPM или IPM. Скорее, ее заявления были критическим комментарием позиции другой политической партии в отношении оборота и потребления наркотиков, и не могли быть поняты как выпад против репутации истцов. В любом случае, сама IPM неоднократно обнародовала свои заявления о предотвращении СПИДа и политике в отношении оборота и потребления наркотиков; таким образом, заявительница также имела право это комментировать. Наконец, заявительница утверждала, что ее заявления по проблеме были ее субъективной оценкой. Это мнение не было разделено Австрийскими судами, которые квалифицировали их как утверждения о фактах, достоверность которых должна была быть доказана. Тем не менее, она предложила доказательства в обоснование их правдивости, но австрийские суды не приняли их. Таким образом, она не была виновна в том, что ей не удалось доказать достоверность ее утверждений.

28. Правительство соглашается с тем, что судебный запрет препятствует праву заявительницы на свободу выражения мнения. Однако, по его мнению, эта мера в данном деле была оправданной, согласно п. 2 статьи 10, поскольку была "предписана законом", а именно статьей 1330 Гражданского Кодекса, и преследовала законную цель защиты репутации и прав других лиц. Кроме того, она была необходима в демократическом обществе в интересах этой цели. В этом отношении Правительство утверждает, что рамки приемлемой критики более широки в отношении политического деятеля, чем частного лица. Однако в данном случае заявительница критиковала не политического деятеля, а выдвигала серьезные

обвинения против частных организаций, чья политическая функция была не более чем консультативной, - если таковая была вообще. Обстоятельства, при которых заявительница, как член муниципального совета, выступала с критикой в адрес ассоциаций, не позволяли им защищаться таким же образом, в том же самом месте и перед той же самой аудиторией. Кроме того, вмешательство не было чрезмерным, так как оспариваемый судебный процесс был инициирован ex officio не государством, а частными организациями, и процесс велся не в уголовном, а в гражданском производстве.

29. Далее, Правительство утверждает, что австрийские суды правильно квалифицировали высказывания заявительницы как утверждения о фактах. Таким образом, заявительница имела возможность доказать достоверность своих утверждений, но она не сумела этого сделать.

30. Суд отмечает, что обе стороны квалифицировали судебный запрет как вмешательство в право заявительницы на свободу выражения мнения, которое гарантируется п. 1 статьи 10 Конвенции. Далее, никем не оспаривалось, что вмешательство было предписано законом и преследовало законную цель, а именно цель защиты репутации или прав других лиц, - в пределах значения п. 2 статьи 10, Суд подтверждает эту оценку.

31. Спор в данном деле касается вопроса о том, было ли вмешательство "необходимым в демократическом обществе".

32. Согласно твердо установившемуся прецедентному праву Суда, свобода выражения мнения составляет одну из необходимых основ демократического общества и одно из основных условий его прогресса и самореализации каждого его члена. В соответствии с п. 2 статьи 10 Конвенции, это применимо не только к "информации" или "идеям", которые благосклонно принимаются или расцениваются как безобидные или нейтральные, но также и к тем, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Таковы требования терпимости, плюрализма и широты взглядов, без которых «демократическое общество» невозможно. Как указано в пункте 2 статьи 10, осуществление этой свободы предполагает ограничения, которые, вместе с тем, должны толковаться узко, и необходимость любых ограничений должна быть убедительно доказана.

33. Тест на "необходимость в демократическом обществе " требует, чтобы Суд определил, действительно ли "вмешательство" было вызвано "острой общественной потребностью", соответствовало ли это преследуемой законной цели, и были ли причины, указанные органами федеральной власти в его оправдание, уместными и достаточными (см. решение по делу "Санди Таймс" против Соединенного Королевства" №1 ("The Sunday Times v. The United Kingdom (no.1)") от 26 апреля 1979 года, Series A №30, стр. 38, п. 62). В оценке, существует ли такая "потребность" и какие меры должны быть приняты, чтобы ее удовлетворить, органам федеральной власти представлено право усмотрения. Однако, их право на усмотрение не является безграничным и контролируется Европейским Судом, чья задача - вынести заключительное решение о том, совместимо ли данное ограничение со свободой выражения мнения, как это гарантируется статьей 10 (см., среди мнений многих других источников, решение по делу "Нильсен и Джонсен против Норвегии" ("Nilsen and Johnsen v. Norway")[GC], № 23118/93, § 43, ECHR 1999-VIII).

34. Задача Суда при осуществлении его контрольной функции состоит не в том, чтобы подменять собой национальные органы власти, а скорее в том, чтобы проверить в свете

статьи 10 и обстоятельств всего дела, вынесенные национальными судами решения, которые последние выносят, используя свое право на свободу усмотрения (там же).

35. При рассмотрении особых обстоятельств дела, Суд будет принимать во внимание следующие моменты: должность заявительницы; статус ассоциаций, которые возбудили дело с требованием о судебном запрете, и их деятельности; а также предмет дискуссии в Венском Муниципальном Совете.

36. Что касается должности заявительницы, Суд обращает внимание, что она была политическим деятелем, избранным членом Венского Муниципального Совета. Заявительница также пользовалась ограниченной парламентской неприкосновенностью (см. п. 25 выше). Однако, сессия Муниципального Совета, на которой выступила заявительница, была сессией местного совета, а не Земельного Парламента. В последнем случае, любое заявление, сделанное заявительницей, было бы защищено парламентской неприкосновенностью, и иск с требованием о судебном запрете был бы невозможен. В этом отношении Суд напоминает, что если свобода выражения мнения важна для всех людей, она особенно важна для их избранных представителей. Они представляют избирателей, привлекают внимание к их приоритетным проблемам и защищают их интересы. Соответственно, вмешательства в право на свободу выражения мнения со стороны оппозиционного члена Парламента, каким является заявительница, требуют самого пристального внимания со стороны Суда (решение по делу "Кастеллс против Испании" ("Castells v. Spain") от 23 апреля 1992 года, Series A, № 236, стр. 22-23, п. 42).

37. Что касается статуса IPM и VPM, оппонентов заявительницы в деле о судебном запрете, Правительство утверждало, что ассоциации были частными организациями, и, по смыслу статьи 10, не могли приравниваться к политическим деятелям.

38. Суд напоминает, что пределы допустимой критики в отношении политиков как таковых шире, чем в отношении частного лица. В отличие от последнего первый должен проявлять большую степень терпимости к пристальному вниманию журналистов и всего общества к каждому его слову и действию. Политические деятели должны выказывать большую степень терпимости, особенно если они сами делают публичные заявления, которые способны вызвать критику.

Однако, выходя на арену общественных дискуссий, частные лица и ассоциации также представляют себя на всеобщее обозрение. В деле "Нильсен и Джонсен против Норвегии" Суд счел, что правительственный эксперт г-н Братолм, вовлеченный в спор с г-ном Нильсеном и г-ном Джонсеном, с учетом своей должности, не мог бы приравниваться к политическому деятелю, который должен выказывать большую степень терпимости. Тем не менее, Суд счел участие г-на Братолма в общественных дискуссиях достаточным фактором для признания его таковым ([GC], № 23118/93, п. 52, ECHR 1999-VIII).

39. В данном случае Суд считает, что IPM и VPM являются ассоциациями, активными в общественно значимой области, а именно в области политики в отношении оборота и потребления наркотиков. Они участвовали в общественных дискуссиях по этому вопросу и, как признало Правительство, сотрудничали с политической партией. Поскольку ассоциации таким образом проявили активность в общественно значимой сфере, они должны были выказать большую степень терпимости к критике в свой адрес, когда в ходе дискуссии оппоненты обсуждали их цели и применяемые средства.

40. Что касается опровергаемых утверждений заявительницы, Суд считает, что они были сделаны в ходе политической дискуссии в Венском Муниципальном Совете. Тот фактор, что эта дискуссия произошла в Венском Муниципальном Совете, который заседал как местный совет, а не как Земельный Парламент, - не является решающим. Вне зависимости от того, были ли утверждения заявительницы защищены парламентской неприкосновенностью, Суд находит, что они были сделаны на форуме, который, по крайней мере, сопоставим с Парламентом, если рассматривать этот вопрос с точки зрения общественной важности защиты права на свободу выражения мнения участников данного форума. В демократическом государстве Парламент или сопоставимые с ним органы являются важнейшими форумами для политических прений. Для вмешательства в осуществляемую там свободу выражения мнения должны быть выдвинуты очень веские причины.

41. Дискуссия в Муниципальном Совете касалась предоставления государственных субсидий ассоциациям, и заявительница прокомментировала один из пунктов повестки дня, а именно предоставление субсидий ассоциации, которая помогала родителям, чьи дети оказались вовлеченными в секты (der Selbsthilfegruppen von Sektenopfern). Цель выступления заявительницы состояла в том, чтобы подчеркнуть необходимость такой помощи и аргументировать ее, описывая опасности группировок, - которые в контексте, весьма отличном от прошлых религиозных споров, обычно упоминались как секты. В этом контексте - когда IPM и VPM не были упомянуты - она объяснила понятие секты и выразила мнение, что один аспект, который является общим для всех этих сект, - это их тоталитарный характер. Дальнейшее развертывание этого тезиса заявительницей полностью соответствовало общим определениям тоталитаризма. И только потом в своем выступлении она критиковала связи Австрийской Народной Партии с IPM и VPM.

42. В данном деле, Австрийские суды квалифицировали утверждения заявительницы как утверждения о фактах. Соответственно, заявительница была обязана доказать их достоверность во избежание судебного запрета. В этом отношении Суд ссылается на дела "Лингенс против Австрии" и "Обершлик против Австрии", где Суд разграничивал понятия утверждения о факте и оценочных суждений. Существование фактов может быть доказано, тогда как истинность оценочных суждений не подлежит доказыванию. Требование доказать истинность оценочных суждений невыполнимо и само по себе нарушает свободу выражения мнений, которая является основополагающей частью права, гарантированного статьей 10 (решения по делам "Лингенс против Австрии" ("Lingens v. Austria") от 8 июля 1986 года, Series A, № 103, стр. 28, п. 46; и "Обершлик против Австрии" " Oberschlick v. Austria " от 22 ноября 1990 года, Series A, № 204, стр. 27, п. 63).

43. Однако, далее Суд ссылается на то, что даже в случае, когда суждение сводится к субъективной оценке, пропорциональность вмешательства может зависеть от того, существует ли достаточное фактическое основание для опровергаемого утверждения, поскольку даже субъективная оценка, не имеющая под собой никакой фактической основы, может быть чрезмерной (решение по делу "Де Хаэс и Гийселс против Бельгии" ("De Haes and Gijsels v. Belgium") от 24 февраля 1997 года, Отчеты о решениях и вердиктах 1997- I, стр. 236, п. 47; решение по делу "Обершлик против Австрии № 2" ("Oberschlick v. Austria (no. 2)") от 1 июля 1997 года, Отчеты 1997-IV, стр. 1276, п. 33).

44. В отличие от австрийских судов, Суд находит, что в данном деле опровергнутые утверждения являются добросовестным комментарием избранного члена Муниципального Совета по проблемам общественной значимости и должны быть расценены скорее как

субъективная оценка, нежели как утверждения о фактах (цит. дел "Лингенс против Австрии", п. 46; "Вабль против Австрии" ("Wabl v. Austria"), № 24773/94, 21.3.2000, п. 36).

45. Остается вопрос о наличии достаточного фактического основания для подобной субъективной оценки. В этом отношении Суд обращает внимание на то, что заявительница предоставила документальные свидетельства, в частности, статьи из газет и журналов о внутренней структуре и характере деятельности истцов, а также решение Суда Германии по данному вопросу. По мнению Суда, этот материал мог бы продемонстрировать наличие серьезных оснований считать добросовестным комментарием субъективную оценку, высказанную заявительницей. Кроме документальных свидетельств, принятых Региональным Судом, заявительница также представила показания четырех свидетелей и предложила обратиться к мнению эксперта. Однако Региональный Суд отказался принять эти доказательства. По объяснению Суда, они относились только к термину "секта", а не к термину, который объясняла заявительница в своем выступлении, а именно: орган, имеющий тоталитарный характер и проявляющий фашистские тенденции и наличие иерархических структур с вытекающим из этого неблагоприятным воздействием на психику его членов и последователей. Таким образом, эти доказательства сочли не относящимися к делу, и их относимость никак не была прокомментирована.

Однако, Суд полагает, что разграничение между терминами "секта" и "психологическая секта с проявлением тоталитарных черт" было искусственным и игнорировало истинную сущность дискуссии, в которой участвовала заявительница. Суд поражен непоследовательностью внутригосударственных судов, - с одной стороны требующих доказательств утверждения, а с другой стороны отказывающихся рассмотреть все имеющиеся доказательства.

46. Суд считает, что, требуя от заявительницы доказать истинность ее утверждений и в то же самое время лишая ее фактической возможности предоставлять доказательства, в обоснование своих утверждений и тем самым доказать, что они были добросовестным комментарием, - австрийские суды превысили свои полномочия, и судебный запрет, вынесенный в отношении заявительницы, представляет собой неадекватное вмешательство в свободу выражения ее мнения.

47. Соответственно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение статьи 6 Конвенции

48. Пункт 1 статьи 6 гласит:

> *"Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое ... разбирательство его дела ... судом ... ".*

49. В соответствии со статьей 6 Конвенции, заявительница также жалуется, что Австрийские суды отказались рассмотреть представленные ею доказательства, - в частности, показания свидетелей о том, являются ли эти ассоциации сектами.

50. Это оспаривалось Правительством, которое доказывало, что австрийские суды правильно отклонили требование заявительницы.

51. Ссылаясь на приведенное выше, в соответствии со статьей 10 Конвенции, Суд не видит необходимости рассматривать жалобу заявительницы по статье 6 Конвенции.

III. Применение статьи 41 Конвенции

52. В статье 41 Конвенции говорится:

> *"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне "*

A. Ущерб

53. В качестве компенсации морального вреда заявительница требует взыскать 200 000 австрийских шиллингов (ATS). Правительство не комментировало это требование.

54. Суд не исключает, что заявительница, возможно, потерпела моральный вред в результате нарушения статьи 10, из-за беспокойства и неопределенности в ходе судебного процесса, в результате которого было вынесено решение о судебном запрете. Однако, он считает, что в сложившейся ситуации установление факта нарушения само по себе является достаточным удовлетворением (см. решение по делу "Обершлик против Австрии" от 23 мая 1991 года, Series A, № 204, п. 69; "Нью Верлагс ГмбХ и КоКГ против Австрии" ("News Verlags GmbH and CoKG v. Austria"), № 31457/96, п. 66, 11.1.2000).

B. Затраты и издержки

55. Заявительница потребовала 101 531,40 австрийских шиллингов в качестве компенсации издержек в ходе внутригосударственных судебных процессов и 178 906,20 австрийских шиллингов для компенсации издержек, понесенных ею в связи с разбирательством в Суде по правам человека. Далее, она потребовала 11 594,70 австрийских шиллингов на покрытие дорожных расходов ее адвоката, участвующего в слушаниях Суда.

56. Правительство не комментировало эти требования.

57. Суд напоминает, что, согласно его прецедентному праву, ему необходимо определить, были ли затраты и издержки действительно понесены и были ли они необходимы, - для того, чтобы вынести решение о компенсации, или же отказать в компенсации издержек по делу, в котором было установлено нарушение Конвенции, - а также установить, соответствуют ли они затребованной сумме компенсации (см., например, дело "Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии" ("Bladet Tromso and Stensaas v. Norway"), № 21980/93, 20.5.99, п. 80). Суд полагает, что эти условия должны быть выполнены в отношении затрат и издержек, понесенных в ходе внутригосударственных разбирательств, и, следовательно, присуждает компенсацию в размере 101 531,40 австрийских шилингов.

Что касается затрат в связи с рассмотрением дела в Суде, Суд находит это требование чрезмерным. В этом отношении Суд напоминает, что заявительница требует 113 837,10 австрийских шилингов для компенсации затрат и издержек, связанных только с этим процессом. Поэтому Суд, ссылаясь на суммы, присужденные в похожих случаях (например,

дело "Лабита против Италии" ("Labita v. Italy"), № 26772/95, 6.4.2000, п. 210), и делая оценку на основании равенства, предоставляет заявительнице 110 000 австрийских шилингов в качестве компенсации за издержки и затраты, понесенные в ходе разбирательства в Суде по Правам Человека.

С. Пени

58. Согласно информации, которой располагает Суд, установленная законом норма процента, применимая в Австрии во время принятия данного решения - 4 % в год.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
2. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать в отдельности, имелось ли нарушение статьи 6 Конвенции;
3. *Постановляет*, что установление нарушения само по себе является достаточной компенсацией любого нематериального ущерба, понесенного заявительницей;
4. *Постановляет*, что
   (a) в течение трех месяцев, начиная с даты, когда решение становится окончательным, в соответствии с п. 2 статьи 44 Конвенции, Государство-ответчик должно выплатить заявительнице следующие суммы:
      (i) 101 531,40 (сто одна тысяча пятьсот тридцать один) австрийский шиллинг и сорок грошей, в качестве компенсации за затраты и издержки, понесенные в ходе внутригосударственных разбирательств, а также
      (ii) 110 000 (сто десять тысяч) австрийских шиллингов в качестве компенсации затрат и расходов, понесенных в ходе слушаний в органах Конвенции;
   (b) что простые проценты по ежегодной норме 4 % должны будут выплачены по истечении вышеупомянутых трех месяцев до урегулирования;
5. *Отклоняет* остальные требования заявительницы о справедливом удовлетворении.

Совершено на английском языке и объявлено в письменной форме 27 февраля 2001 года, в соответствии с § 2 и § 3 Правила 77 Регламента.

Ж.-П. Коста — Председатель
С. Долле — Секретарь Суда

Краткое изложение дела

ДЕЛО "ЛОПЕШ ГОМЕШ ДА СИЛЬВА ПРОТИВ ПОРТУГАЛИИ"
(Lopes Gomes da Silva v. Portugal)

(жалоба № 37698/97)

Постановление Суда
Страсбург, 28 сентября 2000 года

Тема: диффамация
Подтема: уголовно-наказуемая диффамация
Критерий: важность свободы выражения мнения; "необходимость в демократическом обществе"
Наказание: финансовая санкция

Решение: нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 ЕКПЧ); единогласно

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека; Португалия

Краткое изложение обстоятельств дела:
Заявитель был обвинен в диффамации за жесткую критику в адрес кандидата, принявшего участие в муниципальных выборах.

Факты:
Заявитель работал менеджером ежедневной газеты и опубликовал редакционную статью, содержащую критику политической партии за просьбу, с которой та обратилась к С.Р., местному юристу и журналисту, чтобы он возглавил список кандидатов этой партии на местных выборах. Этот же номер газеты содержал отрывки из недавних статей С.Р., в которых, среди прочего, он восхвалял бывшего президента Салазара, Национальный Фронт и его лидера М. Ле Пена, описывал М. Лоран Фабиуса (M. Laurent Fabius), занимавшего тогда пост Премьер-министра Франции, как «лысого еврея», и выступал с нападками на Португальскую революцию 25 апреля 1974 года. С.Р. подал заявление о возбуждении уголовного дела в отношении заявителя, который впоследствии был привлечен к уголовной ответственности за клевету и обязан выплатить штраф, компенсацию ущерба и судебных издержек, которые понес С.Р.

Решено:
Обвинение заявителя представляло собой вмешательство в его право на свободу выражения мнения, предусмотренное законом и преследовавшее законную цель. Оставалось определить «необходимость…» данного вмешательства «…в демократическом обществе».

Важность свободы выражения мнения

Свобода выражения мнения является фундаментальной основой демократического общества и одним из основных условий развития общества и самосовершенствования каждой личности. На государство возложена обязанность защищать все формы выражения мнения:

> *«[Право на свободу выражения мнения] применимо не только к «информации» или «идеям», которые воспринимаются благожелательно или рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также и к таким, которые оскорбляют,*

шокируют или внушают беспокойство государству или части населения. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых нет «демократического общества». (п. 30).

Эти принципы принимают особую важность, когда применяются по отношению к прессе, которая играет важную роль в информировании общественности по политическим вопросам и другим вопросам, представляющим общественную значимость. Осуществление свободы выражения мнения предполагает ограничения, необходимые для защиты прав и репутацию других лиц. Тем не менее, политические деятели должны ожидать более пристального контроля и проявлять большую степень терпимости, нежели обычные люди, к негативным высказываниям в прессе в свой адрес.

Необходимость в демократическом обществе

Хотя пользование правом на свободу выражения мнения допускает определенные ограничения и подчиняется условиям, изложенным в п. 2 статьи 10 Конвенции, данные ограничения должны толковаться узко и их необходимость должна быть убедительно доказана.

Редакционную статью следует воспринимать как политическое выражение мнения, а не как личные нападки в адрес С.Р., умаляющие его репутацию. Напечатав наряду со своей статьей отрывки из недавних статей С.Р., заявитель следовал правилам своей профессии и представил фактологическую основу своих высказываний. Эти отрывки показали, что стиль авторских публикаций С.Р. носит провокационный и спорный характер. В заключение, несмотря на то, что заявитель понес минимальное наказание, у него появилась уголовная судимость. Это было несоразмерно преследуемой законной цели. В связи с этим было признано нарушение Статьи 10 Европейской Конвенции.

ДЕЛО "ЛОПЕШ ГОМЕШ ДА СИЛЬВА ПРОТИВ ПОРТУГАЛИИ"

(Lopes Gomes da Silva v. Portugal)

(жалоба № 37698/97)

Постановление Суда
Страсбург, 28 сентября 2000 года

Решение может быть подвергнуто только редактированию по форме.

По делу "Лопеш Гомеш да Сильва против Португалии" Европейский Суд по правам человека (Четвертая Палата), заседая Палатой, в состав которой вошли:

г-н Г. Ресс, *Председатель*,
г-н А. Пасто Ридройхо,
г-н Л. Кафлиш,
г-н Е. Макарчик,
г-н И. Кабрал Баррету,
г-жа Н. Вайч,
г-н М. Пеллонпе, *судьи*,

а также г-н В. Бергер, *Секретарь Палаты*,

Проведя 30 мая и 7 сентября 2000 года совещания за закрытыми дверями,

Вынес следующее Постановление, принятое в последний из указанных выше дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было начато после принятия Комиссией по правам человека («Комиссия») заявления (№ 37698/97) против Республики Португалия, которое было подано в соответствии с прежней статьей 25 Конвенции о защите прав человека и основных свобод гражданином Португалии, г-ном *Висенте Хорхе Лопеш Гомеш да Сильва (Vicente Jorge Lopes Gomes da Silva)* («Заявитель») 15 июля 1997 года.

2. Заявитель был представлен г-ном Ф. Тейксейра да Мота (F. Teixeira da Mota), адвокатом из г. Лиссабона. Правительство Португалии («Правительство») было представлено г-ном А. Энрике Гаспаром (A. Henriques Gaspar), уполномоченным представителем, Заместителем главного прокурора.

3. Заявитель, в частности, утверждал, что обвинение в его адрес нарушало его право на свободу выражения мнения.

4. Заявление было передано в Суд 1 ноября 1998 года, когда вступил в силу Протокол № 11 Конвенции (п. 2 статьи 5 Протокола № 11).

5. Заявление было назначено к рассмотрению в Четвертую Палату Суда (п. 1 правила 52 Регламента). Палата, рассматривающая дело (п. 1 статьи 27 Конвенции), была сформирована в соответствии с п. 1 правила 26 Регламента.

6. Решением от 13 января 2000 года Палата объявила жалобу приемлемой.

7. Открытое рассмотрение дела состоялось во Дворце прав человека в Стасбурге 30 мая 2000 года.

В Суде присутствовали:

(a) со стороны Правительства

г-н А. Энрике Гаспар, Заместитель генерального прокурора, уполномоченный,
г-н Х.Ф. де Фария Коста (J.F. de Faria Costa), Профессор факультета права,
Университет Коймбра (Coimbra), консультант;

(b) со стороны заявителя

г-н Ф. Тейксейра да Мота, адвокат, советник.

Суд выслушал их обращения.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

8. Заявитель по национальности – португалец. Он родился в 1945 году и проживает в г. Лиссабон, журналист, на момент рассмотрения дела был менеджером ежедневной газеты с крупным тиражом «Публико» (Publico).

9. В номере «Публико» от 10 июня 1993 года была опубликована статья, сообщающая, что Народная Партия (Partido Popular – CDS/PP) обратилась с просьбой к г-ну Сильве Резенде (Silva Resende) принять участие в выборах в Городской совет г. Лиссабона. Эта информация была также опубликована пресс-агентством Португалии, LUSA.

10. На этой же странице заявитель разместил редакционную статью, содержащую следующие отрывки:

> *«… [Председатель CDS/PP] превзошел все самые вульгарные карикатуры… Это становится очевидным из необдуманного выбора, сделанного руководством CDS, кандидатуры, стоящей на первом месте в списке партии для участия в выборах Городского совета Лиссабона. Необходимо только прочесть отрывки из недавних статей Сильвы Резенде в «Джорнал до Диа» (Jornal do Dia), которые мы публикуем в этом номере, чтобы составить мнение о личности, которой оказывает поддержку новая Народная Партия в главных выборах в городской совет страны. Как смехотворно и нелепо это может показаться, но это – правда. Даже в самых древних или устаревших сундуках (arcas) Салазаризма нельзя было откопать более нелепую и потешную (bocal) кандидатуру – настолько немыслимую смесь грубого реакционизма (reaccionarismo alarve), фашистского фанатизма и ярого анти-семитизма. Любой видный деятель Салазарского режима (Estado Novo) или любой*

мэр Лиссабона из этого режима покажутся просто прогрессивными по сравнению с этой гениальной находкой…. Это мог быть неуместный анекдот или неправдоподобная политическая оплошность, если бы это не служило разоблачением скрытой стороны, которую CDS пытается замаскировать под иллюзорный плащ современного права. Неспособное найти кандидатуру, которая заслуживала бы доверие, в Городской совет Лиссабона, руководство CDS прибегло к человеку, который представляет наиболее самодовольные, устаревшие и смехотворные взгляды правого крыла Португалии. Этот человек, о существовании которого никогда не заговорили бы и образ которого не смог бы создать даже юморист с сомнительным вкусом, является последним последователем (abencerages) Салазарского режима 90-х. Мы полагаем, что молодой лидер [CDS/PP] считает, что нашел, отчаявшись, кого-то, способного извлечь выгоду из футбольных фанатов – поле деятельности, на котором Сильва Резенде выковал себе замечательную карьеру. Складывается мнение, что большинство молодых турков в руководстве CDS довольствуются чтением футбольных колонок Сильвы Резенде, абсолютно не подозревая о редкостных жемчужинах его политических взглядов…».

11. В этом же номере "Публико" (Publico) приводились многочисленные отрывки недавних статей Сильвы Резенде, опубликованные на той же странице, что и редакционная статья заявителя. Ниже приводится выборка этих отрывков:

«Лысый еврей [г-н Л. Фабиус] [L. Fabius], который тратит свою жизнь, во время своих появлений на публике, на болтовню в поддержку атеизма и Республики (любой читатель со средним интеллектом сделает вывод о его настоящих намерениях из этих двух столпов религиозной и патриотической нечестивости) заключил после проведения выборов, что они [социалисты] потерпели поражение из-за своей политической деятельности, а не из-за своих идеалов». (Jornal do Dia, 16.4.93).

«Прошлое семейства Клинтонов и, кроме всего прочего, сам стиль их предвыборной кампании в Белый дом являются ключом для понимания новой конспиративности левых, которая имеет максимальный уклон в сторону войны на чужой собственности, культа агностицизма, нравственного релятивизма, социального лицемерия, нечеловеческого атеизма жизни. Чтобы получить представление о силах, мобилизованных, чтобы протолкнуть семейство Клинтонов к власти, достаточно упомянуть тот факт, что еврейские лоббисты покрыли 60% издержек на проведение предвыборной кампании, составляя всего лишь 5% электората». (Jornal do Dia, 16.4.93).

[о революции 25 апреля 1974 года]

«…Американцы и русские сговорились совершить акт вероломства против Португалии в Лиссабоне. Нас предали Соединенные Штаты, нас предало НАТО, которая разместила военно-морской флот у ворот Лиссабона на случай провала нападения». (Jornal do Dia, 21.5.93).

«Это не простое совпадение, что политики повсюду замешаны в серьезной коррупции. Этот моральный хаос, угрожающий миру, сеющий разобщенность и влекущий небесное наказание, начался несколько лет назад, когда машина идеологической травли и агенты пропаганды греха спокойно внедрились во все сферы, развращая молодежь, обращая их веру к идолам, отрывая женщин от святая святых – дома, заполняя мир демонстрацией порока и, в конце концов,

просочившись в политические партии и ставя их на службу нечестивости.» (Jornal do Dia, 25.5.93).

«Масонская ложа и еврейская синагога, хотя и не настаивают на инициации своих прав и деятельности, постоянно заигрывают с власть придержащими. Иногда их члены преуспевают настолько, что занимают общественные посты. Национальный Фронт Ле Пена – единственное исключение из этого более или менее ловкого проникновения. «Лепенизму» прилепили ярлык расистского движения и стали преследовать самыми изощренными способами, начиная от нападок среди бела дня, саботажа митингов и систематической клеветы, и заканчивая принятием чудовищных законов, которые препятствуют его проникновению в общественное устройство и, кроме того, к лестницам, ведущим к власти. Национальный Фронт конечно не свободен от числа политических грехов, но является единственной силой, открыто борющейся за возрождение цивилизации паладина Франца Христиана в противовес левизму, который с 1789 года пожирает национальную энергию, и который превратил национальный флаг в символ ереси». (Jornal do Dia, 27.5.93).

«Мне больно от того, что приходится говорить о вопросах, в которых чувствуется дыхание сатаны. Однако город человечества состоит из разных людей, и дьявол, несомненно, пытается оказать влияние на этот мир, опустошенный грехом… Десять лет назад во Франции был проведен опрос, касающийся отношения людей к греху. Большинство опрошенных считали, что грех не существует, а является лишь запретом, придуманным средневековым мракобесием. Гигантский регресс общества, следующий из подобных ответов, дает нам представление, насколько упадочны мы стали, и насколько велика бездна, в которую падает современное общество». (Jornal do Dia, 5.6.93).

«Большинство людей не знают, что Гитлер и Муссолини были социалистами и пробились к власти в своих странах, используя все уловки и всякого рода насилие, представленные им канонами левых». (Jornal do Dia, 8.6.93).

12. За публикацией данной редакционной статьи последовало заявление о привлечении к уголовной ответственности заявителя, поданное г-ном Сильвой Резенде в прокуратуру г. Лиссабона, в котором он добивался вмешательства в расследование в качестве помощника прокурора (assistente). Заявителю предъявили обвинение в клевете через прессу (abuso de liberdade de imprensa).

13. Решением Уголовного суда г. Лиссабона от 15 мая 1995 года заявитель был оправдан. Суд отметил, что выражения, использованные заявителем, могли быть истолкованы как оскорбление, но они не содержали намерения опорочить. По мнению суда – выражения, представляющие предмет спора, должны истолковываться как критика политических убеждений г-на Сильвы Резенде, а не как критика его репутации и поведения. Суд также отметил, что следовало учесть отрывки из статей, написанных г-ном Сильвой Резенде, и язвительную манеру, в которой он упоминал некоторых общественных деятелей и критиковал их физическую форму.

14. Решением от 29 ноября 1995 года Апелляционный суд г. Лиссабона отменил вышеуказанное судебное решение после апелляции, поданной г-ном Сильвой Резенде и государственным обвинителем. Суд взвесил конфликтующие интересы и счел некоторые выражения, использованные заявителем, такие как «нелепый», «потешный» и «ярый», оскорбительными и выходящими за рамки свободы выражения мнения. По мнению Апелляционного суда, заявитель по неосторожности совершил преступление, в котором его обвиняли. На заявителя

был наложен штраф в размере 150 000 португальских эскудо. Заявитель должен был также возместить ущерб г-ну Сильве Резенде в размере 250 000 эскудо и оплатить его издержки, которые составили 80 000 эскудо.

15. В соответствии, inter alia, со статьей 10 Конвенции заявитель подал конституционную жалобу в Конституционный суд *(Tribunal Constitucional)*. Он утверждал, что толкование Апелляционным судом соответствующих статей Уголовного Кодекса и Закона о прессе нарушало Конституцию.

16. Решением от 5 февраля 1997 года Конституционный суд отклонил жалобу, о чем заявитель был уведомлен 10 февраля 1997 года. Подчеркнув, что и Конституция, и статья 10 Конвенции устанавливают некоторые ограничения на свободу выражения мнения, суд счел, что статьи, на которые ссылался заявитель, в том виде, в каком они были истолкованы и применены Апелляционным судом, не противоречили Конституции.

II. Применимое национальное законодательство

17. Статьи 38 и 26 (действующие на момент рассмотрения дела) Конституции Португалии защищают свободу прессы и право на уважение чести и репутации гражданина.

18. Статья 164 Уголовного Кодекса на момент рассмотрения дела гласила:

> *«1. Любое лицо, которое при обращении к третьей стороне, обвиняет другое лицо путем простого подозрения, или высказывает мнение, оскорбляющее честь и репутацию этого лица, или повторяет подобное обвинение или мнение, приговаривается к тюремному заключению сроком до шести месяцев или наказывается штрафом в размере дохода осужденного за 50 дней.*
>
> *2. Автор высказывания не несет ответственности*
>
> *(a) если обвинение мотивировано законным общественным интересом или другой справедливой причиной; и*
>
> *(b) если он докажет правдивость данного обвинения или имеет веские основания, без злого умысла, полагать, что обвинение правдиво.*
>
> *3. Защита добросовестности не допускается в тех случаях, когда автор нарушил обязательства, возложенные обстоятельствами данного дела, и не удостоверился в правдивости данного обвинения…».*

19. Часть 2 статьи 167 Уголовного кодекса увеличивает вышеуказанное наказание до тюремного заключения сроком до двух лет и штрафа в размере дохода осужденного за 240 дней за преступления, совершенные через прессу.

20. Часть 1 статьи 25 Закона о прессе, в действующей на момент рассмотрения дела редакции (Указ № 85-С/78 от 26 февраля 1978 года), гласит:

> *«Действия или поведение, способные нарушить законный интерес, защищаемый уголовным законом, и совершенные посредством публикации текстов или изображений в прессе, считаются преступлениями, совершенными через прессу».*

21. Часть 2 статьи 25 указывала, что подобные преступления подпадали под действие уголовного законодательства. Она также предусматривала замену тюремного наказания наказанием в виде штрафа в том случае, если у обвиняемого в прошлом не было судимости за подобное преступление.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

22. Заявитель подал жалобу, что обвинение судов Португалии нарушало его право на свободу выражения мнения, гарантированную статьей 10 Конвенции, которая гласит:

> *«1. Каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ…*
>
> *2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».*

23. Стороны согласились, что вышеуказанное обвинение представляло собой «вмешательство» в осуществление этой свободы. Они также согласились, что вмешательство было предусмотрено законом – статьями 164 и 167 Уголовного кодекса и статьей 25 Закона о прессе (см. выше пункты 18-21) – и направлено на защиту «репутации или прав других лиц» в рамках п. 2 статьи 10 Конвенции.

Слушание в суде касалось вопроса о «необходимости … данного вмешательства … в демократическом обществе» для достижения этой цели.

A. Аргументы сторон

1. Заявитель

24. Заявитель сначала указал, что согласно прецедентному праву различных институтов Конвенции, пределы судебного усмотрения Государства в отношении свободы выражения мнения не является безграничными и являются предметом контроля со стороны европейских органов. Исходя из фактических обстоятельств данного дела рассматриваемое вмешательство было непропорциональным той законной цели, которую оно преследовало.

По утверждению заявителя, статья, представляющая предмет спора, должна читаться в общем контексте. Ее единственной целью было осудить выбор кандидатуры для участия в выборах на важный политический пост, а именно мэра Городского совета г. Лиссабона. Заявитель счел этот выбор достойным порицания, потому что, по его мнению, кандидат выступал за идеи, которые противоречили идеям демократического и плюралистичного общества. Выражения, вызвавшие

критику со стороны Апелляционного суда, были, таким образом, направлены против идей г-на Сильвы Резенде, но не против него лично.

25. Заявитель признал, что его статья носила озлобленный и провокационный характер, но подчеркнул, что его отношение было вызвано не менее озлобленным характером политической идеологии и стилем вышеуказанного человека, который регулярно печатался в прессе, будучи политическим комментатором. В этой связи заявитель, приложил немалые усилия и, наряду со своей статьей, опубликовал отрывки г-на Сильвы Резенде, которые ясно выражали идеологию последнего и были написаны с использованием слов, более дерзких, чем в редакционной статье.

26. Соответственно, заявитель настаивал на том, что привлечение его к уголовной ответственности не было вызвано острой социальной необходимостью, а представляло собой открытую форму запугивания журналистов судебным путем, что было абсолютно несопоставимо со статьей 10 Конвенции.

2. Правительство

27. Правительство, напротив, утверждало, что привлечение заявителя было необходимо в демократическом обществе. Представители правительства заявили, что защита права на уважение чести и репутации отдельных лиц также является обязанностью Государства. Государство прибегает к различным мерам для защиты этого фундаментального права, в том числе и к мерам, предусмотренным уголовным законодательством.

28. Правительство подчеркнуло, что осуществление свободы выражения мнения может быть активным и даже злобным, но не заходить так далеко, чтобы наносить вред чести и доброму имени отдельных лиц. В полномочия судов входит налагать наказание за неумеренное поведение путем наказания, соразмерного этому поведению. Правительство указало, что в этой связи рассматриваемое наказание было минимальным.

29. Правительство снова сослалось на решения национальных судов, в которых говорилось, что выражения, использованные заявителем, могли быть истолкованы как нападки на самого истца, а не только на его политические взгляды. Оно также высказалось, что данное судебное дело отличается от предыдущих дел, разрешенных Европейским Судом, где рассматривался вопрос об оценочных суждениях о поведении какого-либо отдельного лица, но не о личности гражданина. Представители правительства подчеркнули, что Суд не может ставить под сомнение оценку фактов, сделанную судами Португалии, в основе которой лежит более четкое понимание национальной реальности, и не допускать риска выступать в качестве четвертой инстанции по отношению к системе национальных судов, что противоречит духу и букве Конвенции.

B. Оценка Суда

1. Общие принципы

30. Суд снова привел основные принципы судебной практики, связанные со статьей 10:

1. Свобода выражения мнений является одной из фундаментальных основ демократического общества и одним из основных условий его развития и самосовершенствования каждой личности. Как отмечено в п. 2 статьи 10, она применяется по отношению к "информации" и "идеям", которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также и в отношении тех, которые шокируют, обижают или вызывают обеспокоенность у государства или части населения. Таковы требования терпимости,

плюрализма и широты взглядов, без которых нет «демократического общества». Как указано в статье 10, осуществление этой свободы предполагает ограничения, которые, вместе с тем, должны быть истолкованы узко и их необходимость должна быть убедительно доказана (см. решения "Йерсилд против Дании" ("Jersild v. Denmark") от 23 сентября 1994 г., Series A, № 298, стр. 23, п. 31; "Яновский против Польши" ("Janowski v. Poland") [GC], № 25716/94, п. 30, ЕКПЧ 1999-I; и "Нильсен и Джонсен против Норвегии" ("Nilsen and Johnsen v. Norway") [GC], п. 43, ЕКПЧ 1999-VIII).

2. Эти принципы имеют особую важность по отношению к прессе: в то время, как она не должна переходить известные границы, в частности, в целях "защиты репутации других лиц", на ней, тем не менее, лежит обязанность сообщать информацию и идеи по политическим вопросам, также как и по другим вопросам, имеющим общественное значение. Что касается границ приемлемой критики, то они шире по отношению к политическому деятелю, осуществляющему свои общественные функции, чем просто по отношению к частному лицу. Политический деятель неизбежно и сознательно выставляет свои действия и поведение под пристальный контроль, как журналистов, так и общества, и поэтому должен проявлять большую степень терпимости, главным образом, когда он сам делает публичные заявления, которые могут вызвать ответную критику. Политический деятель, безусловно, имеет право защищать свою репутацию, даже вне рамок его частной жизни, но требованиям такой защиты должны быть противопоставлены интересы открытой дискуссии по политическим вопросам, с учетом того, что ограничения свободы выражения мнения должны толковаться узко (см., в частности, судебное решение по делу "Обершлик против Австрии (№ 2)" ("Oberschlic v. Austria (no.2)") от 1 июля 1997 года, Сборник судебных постановлений и решений 1997-IV, стр. 1274-75, п. 29).

3. Определение того, являлось ли данное ограничение «необходимым в демократическом обществе» требует Суд установить, существует ли «настоятельная общественная потребность», которая оправдывает то или иное ограничение, пропорционально ли ограничение преследуемой законной цели, и достаточно ли обоснованы причины этого ограничения (см. решение "Санди Таймс" против Соединенного Королевства (№ 1)" ("The Sunday Times v. The United Kingdom (no.1)") от 26 апреля 1979 года, Series A, № 30, стр. 38, п. 62). Как правило, при определении, существует ли эта потребность и какие меры должны быть приняты, чтобы удовлетворить ее, которая оправдывает то или иное ограничение, национальные власти пользуются определенной свободой усмотрения. Но данная свобода усмотрения не абсолютна и подчиняется Европейскому контролю со стороны Суда, который должен вынести окончательное решение на предмет соответствия ограничения свободе выражения мнения, как она защищается статьей 10 (см. среди многих других источников решение по делу "Нильсен и Джонсен против Норвегии", упомянутое выше, п. 43) Осуществляя этот контроль, Суд не ставит перед собой цель подменять своими взглядами позицию соответствующих внутригосударственных органов, он призван скорее проверять, в свете статьи 10 и обстоятельств всего дела, вынесенные национальными судами решения, которые последние выносят, используя свое право на свободу усмотрения (см. там же).

2. Применение вышеупомянутых принципов в данном деле

31. В данном деле г-н Лопеш Гомеш да Сильва обвинялся в клевете через прессу в связи с выражениями, которые он использовал в редакционной статье от 10 июня 1993 года для описания г-на Сильвы Резенде. В отличие от Уголовного суда г. Лиссабона, который оправдал заявителя, Апелляционный суд г. Лиссабона счел, в частности, выражения «нелепый», «потешный» и «ярый» оскорбительными и выходящими за рамки свободы выражения мнения. Апелляционный суд установил, что эти выражения могли быть истолкованы не только как нападки на политические взгляды г-на Сильвы Резенде, но и применительно к нему лично. Конституционный суд, в свою очередь, не нашел никакого нарушения конституционных

принципов в том, каким образом Апелляционный суд истолковал и использовал соответствующие статьи Уголовного кодекса и Закона о прессе.

32. Суд был призван проанализировать решения судов Португалии, в частности, Апелляционного суда г. Лиссабона, в свете фактов всего дела, включая публикацию, ставшую предметом спора, и обстоятельства, при которых она была написана.

Первым среди тех обстоятельств было известие, опубликованное в ежедневной газете, менеджером которой был заявитель, а также в информ - агентстве, о том, что Народная Партия обратилась к г-ну Сильве Резенде с просьбой принять участие в выборах в городской совет г. Лиссабона.

В своей редакционной статье, в виде реакции на данное известие, заявитель выразил свое мнение относительно политических взглядов и идеологии г-на Сильвы Резенде, относящееся, главным образом, к политической стратегии Народной Партии при выборе данной кандидатуры.

33. Данная ситуация явно затрагивала политическую дискуссию по вопросам, представляющим общественную значимость, и относилась к той сфере, еще раз подчеркнул Суд, в которой любые ограничения свободы выражения мнения должны быть четко сформулированы.

34. Признавая, что статья заявителя и, в частности, выражения, которые он использовал, носят спорный характер, они все же не представляют собой необоснованные личные нападки, так как заявитель подкрепляет их объективными пояснениями. Суд в этой связи обратил внимание, что зачастую политическая брань переливается в личную сферу – таков риск политики и свободного обсуждения идей, выступающих гарантами демократического общества. Соответственно, заявитель высказал мнение, сформированное политическими убеждениями г-на Сильвы Резенде, который сам регулярно выступал в прессе в качестве комментатора. Если бы подобное мнение не имело под собой фактической основы, оно могло бы считаться неуместным, но в свете установленных фактов оно таковым не является. В заключение, следует отметить, что журналистская свобода допускает определенную степень преувеличения и даже провокации (см. решение "Прагер и Обершлик против Австрии" ("Prager and Oberschlic v. Austria") от 26 апреля 1995 года, Series A, № 313, стр. 19, п. 38).

35. Суд считает, что высказанные г-ном Сильвой Резенде мнения, которые были опубликованы наряду с редакционной статьей, также носили озлобленный, провокационный характер и выходили за рамки простой полемики, что стиль статьи заявителя был обусловлен стилем статей г-на Сильвы Резенде.

Далее, напечатав наряду со своей редакционной статьей многочисленные отрывки из недавних статей г-на Сильвы Резенде, заявитель, будучи в тот момент менеджером газеты «Публико», действовал в соответствии с правилами журналистской профессии. Таким образом, заявитель не только высказал свое мнение относительно этих статей, но и позволил читателям сформировать самостоятельное мнение о человеке, о котором говорилось в редакционной статье. Суд придает огромное значение данному факту.

36. Соответственно противоречие вызывает не то, что по утверждениям правительства заявитель понес минимальное наказание, а то, что он вообще его понес (см. вышеупомянутое решение "Йерсилд против Дании", стр. 25, п. 35). Привлечение журналиста к уголовной ответственности не было пропорционально преследуемой законной цели, так как нарушало интересы демократического общества в обеспечении и поддержании свободы прессы.

37. Следовательно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 41 Конвенции

38. Статья 41 Конвенции гласит:

> *«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».*

A. Ущерб

39. Г-н Лопеш Гомеш да Сильва заявил, что не требует компенсации за причиненный моральный вред. Однако он потребовал 480 000 португальских эскудо, выплаченных по приговору судов Португалии в качестве штрафа, компенсации, выплаченной г-ну Сильве Резенде и других судебных издержек.

40. Правительство не возражало против выплаты указанной суммы в случае установления нарушения Конвенции.

41. Суд считает разумным выплатить заявителю все указанные суммы и, установление нарушения в настоящем решении, считает справедливой компенсацией морального вреда.

B. Судебные издержки

42. Заявитель потребовал 258 297 португальских эскудо в качестве возмещения дорожных расходов и расходов на проживание, вытекающих из присутствия советника на слушании в Страсбурге. Он также потребовал выплаты определенной суммы в качестве гонорара советнику, но определение этой суммы оставил на усмотрение суда.

43. Правительство также оставило этот вопрос на усмотрение суда.

44. Суд считает разумным возмещение всех вышеуказанных расходов. В отношении гонорара, суд по объективным причинам считает уместным выплатить заявителю 1500000 португальских эскудо.

C. Мораторная процентная ставка

45. Согласно информации, которой располагает Суд, применимая установленная законом процентная ставка в Португалии на день принятия настоящего решения составляет 7% в год.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
2. *Постановляет*

   (a) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех последующих месяцев, начиная со дня, когда данное постановление окончательно вступит в силу в соответствии с п. 2 статьи 44 Конвенции, 480 000 (четыреста восемьдесят тысяч) португальских эскудо в качестве возмещения материального ущерба и 1 758 297 (один миллион семьсот пятьдесят тысяч двести девяносто семь) португальских эскудо в качестве возмещения судебных издержек;

(b) все эти суммы увеличить на процентную ставку в 7% годовых, начиная с истечения указанного срока и вплоть до выплаты;

3. *Постановляет*, что данное решение представляет собой справедливую компенсацию за нанесенный моральный вред.

Совершено на французском языке и распространено на открытом слушании во Дворце прав человека в Страсбурге 28 сентября 2000 года.

Георг Ресс	Председатель
Винсент Бергер	Секретарь

Краткое изложение дела

ДЕЛО "СЕНЕР ПРОТИВ ТУРЦИИ"
(Sener v. Turkey)

(жалоба № 26680/95)

Постановление Суда
Страсбург, 18 июля 2000 года

Тема: национальная безопасность
Аспекты дела: разжигание нетерпимости
Критерий: "необходимость в демократическом обществе"
Наказание: запрет/осуждение условно/конфискация, тюремное заключение

Решение: нарушение свободы выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о правах человека); шесть голосов против одного

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека: Турция

Основные факты: заявительница была владелицей и редактором еженедельного журнала. Суд Государственной Безопасности отдал приказ о конфискации 23-его номера журнала на основании того, что в нем была опубликована статья, содержащая сепаратистскую пропаганду. В статье говорилось об истреблении нации и геноциде и использовалось понятие "Курдистан". Заявительница была признана виновной в таком правонарушении, как пропаганда, направленная против целостности Государства. Она была оштрафована и приговорена к тюремному заключению сроком на шесть месяцев условно, с отсрочкой исполнения приговора сроком на три года; условный приговор должен был быть исполнен только в случае, если заявительница была бы признана виновной в дальнейшем преднамеренном правонарушении, совершенном ею в качестве редактора.

Решено:

Национальная безопасность

Имело место вмешательство в право заявительницы на свободу выражения мнения. Данное вмешательство было предписано законом и преследовало законную цель, а именно защиту национальной безопасности и общественного порядка.

Свобода выражения мнения представляет собой одну из необходимых основ демократического общества. Будучи предметом ограничений, согласно п. 2 статьи 10, свобода выражения мнения распространяется и на информацию и идеи, которые оскорбляют, шокируют или беспокоят. Исключения в отношении свободы выражения мнения должны узко толковаться, а необходимость любых ограничений должна быть убедительно определена. "Необходимость" в пределах значения п.2 статьи 10 подразумевает существование острой общественной потребности. Суд должен установить, было ли вмешательство пропорциональным преследуемой законной цели, и были ли причины, приведенные Правительством, уместными и достаточными. Органы государственной

власти должны доказать, что они применили стандарты в соответствии со статьей 10, основываясь непосредственно на приемлемой оценке обстоятельств дела.
Опровергаемое вмешательство должно рассматриваться в контексте необходимой роли прессы в обеспечении должного функционирования политической демократии. На прессу возложена миссия передавать информацию или идеи для освещения политических проблем, в том числе и спорных, и общество имеет право получать их.

Статья 10 (п.2) допускает весьма ограниченные рамки для ограничений в отношении политических выступлений или дискуссии по вопросам общественной значимости. Пределы допустимой критики более широки в отношении правительства, чем в отношении частных лиц или даже политических деятелей. Действия, а также ошибки правительства должны быть объектом пристального внимания со стороны общества. Главенствующая позиция правительства должна удерживать его членов от того, чтобы прибегать к уголовному преследованию, особенно в тех случаях, когда доступны другие средства для ответа на необоснованные нападения и критику со стороны его противников. Однако, в компетенции государственных властей остается возможность принятия мер, даже на уровне уголовного законодательства, целью которых является адекватное реагирование на подобные высказывания. В случае, если такие высказывания являются подстрекательством к насилию в отношении частного лица, должностного лица или части населения, государственные власти пользуются более широкой свободой усмотрения при рассмотрении вопроса о необходимости вмешательства в свободу выражения мнения.

Пропаганда нетерпимости

По этому поводу Суд заявил следующее:

> *«Согласно п. 2 статьи 10, "обязанности и ответственность", которыми сопровождается осуществление СМИ права на свободу выражения мнения, обретают особое значение в напряженных и конфликтных ситуациях. Особую осторожность следует соблюдать при публикации мнений, которые содержат подстрекательство к насилию, направленному против государства, с тем, чтобы СМИ не стали средством для разжигания розни и нетерпимости и пропаганды насилия. В то же время, если подобные взгляды не подпадают под указанные категории, договаривающиеся Государства не могут, под видом защиты территориальной целостности или национальной безопасности, или предотвращения преступлений или беспорядков, ограничивать право общественности быть информированной об этих взглядах путем возложения уголовно-правовой ответственности на СМИ» (п. 42).*

Суд отметил, что опровергаемая статья, опубликованная в журнале заявительницы, была написана интеллигентом, который выразил свои взгляды по поводу курдской проблемы. Он приводил доводы в пользу решения проблемы мирными средствами, сожалея о проливаемой крови. Он также выражал свое неодобрение всем проявлениям шовинизма, включая шовинизм по отношению и к курдам, и к туркам.

Статья не содержит попыток восхваления насилия или подстрекательства к нему. Суд далее отметил, что заявительница была признана виновной не в подстрекательстве к ненависти или вооруженному сопротивлению, а в сепаратистской пропаганде, с использованием понятия "Курдистан". Внутригосударственные власти не придали достаточного веса праву общества быть

информированным о различных перспективах ситуации на юго-востоке Турции, вне зависимости от того, насколько горькими эти перспективы могут быть для них.

Тюремное заключение

Несмотря на то, что заявительница была осуждена условно, тем не менее, она столкнулась с угрозой тяжкого наказания:

> *«условное наказание имело эффект ограничения работы заявительницы в качестве редактора и сокращение ее возможностей представлять общественные взгляды, присутствующие в общественных дискуссиях, чье существование нельзя отрицать» (п. 46).*

Суд заключил, что осуждение заявительницы было мерой, непропорциональной преследуемым целям, и поэтому не является необходимым в демократическом обществе.

ДЕЛО "СЕНЕР ПРОТИВ ТУРЦИИ"

(Sener v. Turkey)

(жалоба № 26680/95)

Постановление Суда
Страсбург, 18 июля 2000 года

Это решение подлежит редакционной проверке перед тем, как будет воспроизведено в заключительной форме.

По делу "Сенер против Турции" Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой, в состав которой вошли следующие судьи:

г-н Дж.-П. Коста, *Председатель*,
г-н В.Фурман,
г-н П. Курис,
г-жа Ф. Тюлькенз,
г-жа Х.С. Грейва,
г-н К. Трайя,
г-н Ф. Гёлькюклю, *специальный судья*,

и г-жа С. Долле, *Секретарь Секции*,

После тайного совещания 27 июня 2000 года,

Вынес следующее Постановление, принятое в этот день.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было передано в Суд Европейской Комиссией по Правам Человека ("Комиссия") 11 сентября 1999 года. Дело было начато после принятия Комиссией заявления (№ 26680/95) против Республики Турция, которое было подано в соответствии со статьей 25 действовавшей тогда редакции Конвенции о защите прав и основных свобод человека ("Конвенция") гражданкой Турции г-жой *Пелин Сенер* ("Заявительница") 7 марта 1995 года.

2. Интересы заявительницы в Суде представлял г-н Камил Текин Сюрек - адвокат, практикующий в Стамбуле (Турция). Правительство Турции ("Правительство") не назначило Уполномоченного, который бы представлял Правительство на слушаниях в Суде.

3. Запрос, направленный Комиссией в Суд, касался действующих тогда статей 47 и 48 Конвенции, и требовал решения в отношении нескольких жалоб заявительницы:

- что, в соответствии со статьей 10 Конвенции, обвинительный приговор в отношении нее явился необоснованным вмешательством в ее право на свободу выражения мнения;
- что, в соответствии со статьей 18 Конвенции, ограничения, которые были применены к осуществлению этого права, противоречили законным целям, оговоренным в статье п. 2 ст. 10 Конвенции; а также
- что, в соответствии со статьей 6 Конвенции, Стамбульский Государственный Суд Безопасности, в котором происходило разбирательство ее дела, не был независимым и беспристрастным.

4. Дело заявительницы было направлено в Третью Секцию (§ 1 Правила 52 Регламента Суда). В рамках этой Секции, состав Палаты, которая должна была рассматривать дело (п. 1 статьи 27 Конвенции) был таким, как это предусмотрено § 1 Правила 26 Регламента Суда. Господин Риза Тюрмен, судья, избранный со стороны Турции, вышел из процесса по этому делу (Правило 28). Соответственно, на его место Правительство назначило господина Фиаз Гёлькюклю как специального судью для рассмотрения данного дела, избранного со стороны Турции (п. 2 статьи 27 Конвенции и § 1 Правила 29).

5. После совещания со сторонами, Суд решил, что не было необходимости проводить слушания. Каждая из сторон подала свои меморандумы.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

A. Статья в еженедельном журнале "Хаберде Йорумда Герсек" (Haberde Yorumda Gercek)

6. В то время заявительница была владелицей и редактором еженедельного журнала под названием "Хаберде Йорумда Герсек" (Haberde Yorumda Gercek) ("Правда новостей и комментариев"; The Truth of News and Comments), издаваемого в Стамбуле.

7. 5 сентября 1993 года Стамбульский Суд Государственной Безопасности издал постановление о конфискации двадцать третьего номера журнала, датированного 4 сентября 1993 года, на том основании, что в статье под названием "Aydin Itirafi", опубликованной в журнале, содержалась сепаратистская пропаганда. В статье говорилось следующее:

<Перевод с турецкого>

"На наших глазах происходит массовое истребление нации. На наших глазах происходит геноцид в таких масштабах, что не будет ошибкой назвать это явление беспрецедентным. Стиснутые шестернями грязной войны, мы стонем. Мы знаем, что мы должны выразить свой протест против войны, но вместо того, чтобы выплеснуть свой гнев и разрушить эти шестерни, мы стонем. Мы только причитаем. Мы пытаемся славословить смерть в гробовом молчании. Страх проникает в наши комнаты вместе с шепотом ветра и шелестом листьев. Душа у нас уходит в пятки. Мы сдаемся государству и прославляем смерть, охваченные страхом смерти.

Внезапно мы становимся конфликтными - и во время наших лихорадочных прений, и тогда, когда мы просто пьем горячий чай под прохладным ветерком кондиционера. Мы говорим о праве нации на самоопределение. Мы говорим о том, что не должно быть никаких препятствий осуществлению этого права. Мы пытаемся объяснить,

что признание курдского народа и его культуры - это важный шаг. Причина войны на Ближнем Востоке - американский империализм, и мы думаем, что если мы действительно хотим быть людьми, нам необходимо выступить против этой войны. В этот момент бомбят Намазские горы, Тендюрек, Нурхак и многие другие места. Курдистан пылает. Геноцид наносит новые удары. На наших цветных телеэкранах мы видим ужасы в Боснии.

Внезапно нас переполняет гнев, и мы встаем на защиту прав человека. В Нурхакских горах применяется химическое оружие. Военные власти обещают "не оставить камня на камне". Высказанное ими намерение истребить целую нацию эхом звучит в наших ушах. "Операции будут проводиться не только на юго-востоке, но также и на западе. Это относится к тем, кто помогает террористам", - добавляет один из военных авторитетов, - и, конечно же, он не преминет удостовериться, что эта информация дошла до прессы. И здесь мы забываем, что, по нашим собственным словам, грязная война не может закончиться ничем другим, кроме как поражением. Мы [также] забываем аксиому, что единственный способ противостоять войне - это начать справедливую войну. Мы хотим забыть это. Падающая на Тендюрек бомба взрывается и в наших сердцах. "Как жаль, - говорит кто-то из нас. - Зачем проливать столько крови? Разве курдская и турецкая нации - не братья?" И он начинает говорить как обычно.

Кажется, мы ждали этого все время, но не знали друг друга. Каждый из нас говорит о нашем страхе, - так, как будто мы ведем речь о разных вещах. Мы очень заботимся о том, чтобы безупречно служить армейскому офицеру. Мы единодушны в том, что никогда не одобряли турецкий шовинизм, но не можем одобрять также и курдский шовинизм. Мы закрываем глаза на тот факт, что угнетенная нация не может быть шовинистской. Мы бесстыдно проповедуем необходимость попыток мирного урегулирования курдской проблемы и обсуждаем, каким могло бы быть решение. Мы наполняем страницы наших газет лживыми новостями о набеге террористов на плато Сюндюз и подробностями о том, как они убивали женщин и детей. Забывая о факте, что общество в целом ничего не знает о брифинге, проведенном с прессой, мы демократично объясняем в наших газетах, что курдские и турецкие граждане в течение столетий жили вместе как братья, и что цель террористов состоит в том, чтобы подорвать их братство. И мы принижаем позицию курдских крестьян в отношении начатого ими марша свободы. Мы - интеллигенты. Мы не свернем с пути демократии. Но разве кто-либо когда-либо умирал ото лжи? Мы также берем за правило служение государству. Мы считаем людей глупыми. За многие годы копания в книжках мы стали отличаться от них. Таково наше признание.

Мы глупы."

B. Процесс против заявительницы

1. Обвинения против заявительницы

8. В обвинительном акте, датированном 29 сентября 1993 года, Прокурор Стамбульского Суда Государственной Безопасности (*Istanbul Devlet Güvenlik Mahkemesi*) обвинил заявительницу в пропаганде, направленной против целостности Государства, путем публикации вышеупомянутой

статьи. Обвинения предъявлены в соответствии с разделом 8 Закона "О предотвращении терроризма" (далее "Закон 1991 года" ("the 1991 Act"), см. параграф 18 ниже).

2. Слушания в Стамбульском Суде Государственной Безопасности

9. Во время процесса в Стамбульском Суде Государственной Безопасности заявительница отрицала предъявленные ей обвинения. Она утверждала, что статья не содержит сепаратистской пропаганды. Она заявила, что целью возбуждения уголовного дела против нее как владелицы и ответственного редактора было наложение наказания на журнал, поскольку автор оспариваемой статьи, чья фотография была опубликована вместе со статьей, никоим образом не преследовался. Заявительница ссылалась на Статью 10 Конвенции о правах и основных свободах человека и возражала, что часть 8 "Закона 1991 года" ограничивала ее право на свободу выражения мнения, тем самым противореча как Конституции Турции, так и Конвенции.

3. Осуждение заявительницы

10. Решением от 5 июля 1994 года Стамбульский Суд Государственной Безопасности в составе трех судей, в число которых входил и военный судья, признал заявительницу виновной в преступлении, предусмотренном разделом 8 §1 "Закона 1991 года". Суд приговорил заявительницу к тюремному заключению сроком на шесть месяцев и штрафу в 50,000,000 турецких лир ("TRL"), который должен был быть выплачен в форме десяти ежемесячных взносов. Суд также отдал распоряжение о конфискации публикации, нарушающей закон.

11. В мотивировочной части решения Суд постановил, что в оспариваемой статье определенная часть территории Турции была упомянута как "Курдистан"; утверждалось, что люди, живущие там, - курдские граждане, что курдскую нацию хотят истребить, что имел место геноцид, что территория, определенная как "Курдистан", подвергалась бомбардировкам и использованию химического оружия и горела. На этом основании Суд посчитал, что статья в целом пропагандирует сепаратизм в отношении Государства.

4. Апелляция заявительницы

12. Заявительница обжаловала обвинительный приговор в отношении нее. 30 ноября 1994 года Кассационный Суд отказал в удовлетворении апелляции заявительницы, поддержав оценку доказательств по делу, данную Стамбульским Судом Государственной Безопасности и выдвинутые им основания для отклонения защиты заявительницы. 2 января 1995 года заявительница была ознакомлена с решением Суда.

5. Дальнейшие события

13. В соответствии с изменениями, внесенными Законом № 4126 от 27 октября 1995 года в "Закон 1991 года" (см. пункт 19 ниже), Стамбульский Суд Государственной Безопасности, в рамках своей компетенции, повторно рассмотрел дело заявительницы по существу. 8 марта 1996 года суд вынес тот же приговор в отношении заявительницы. Заявительница подала апелляцию.

14. 10 июня 1997 года Кассационный Суд аннулировал решение от 8 марта 1996 года на том основании, что Стамбульский Суд Государственной Безопасности не заменил тюремное заключение заявительнице штрафом.

15. 25 сентября 1997 года Стамбульский Суд Государственной Безопасности решил отсрочить исполнение окончательного приговора, в соответствии с разделом 1 Закона №4304 от 14 июля 1997 года. Суд решил, на основании раздела 2 того же Закона, временно прекратить уголовное преследование в отношении заявительницы и исполнить приговор в том случае, если заявительница будет осуждена в дальнейшем за умышленное правонарушение, занимая должность редактора, в течение трех лет с момента вынесения настоящего приговора.

6. Осуждение автора

16. 17 ноября 1995 года Стамбульский Суд Государственной Безопасности также признал автора оспариваемой статьи, Эрхана Алтуна, виновным в преступлении, предусмотренном разделом 8 § 1 «Закона 1991 года». Суд приговорил его к тюремному заключению сроком на 1 год, 1 месяц и 10 дней, а также к штрафу на сумму 111,111,110 турецких лир. Однако суд вынес приговор автору условно, принимая во внимание его хорошее поведение в прошлом, вероятность того, что он не совершит преступления в дальнейшем, а также тот факт, что он не был рецидивистом.

II. Применимое национальное законодательство

17. Полное описание соответствующего национального права может быть найдено в решении по делу "Сюрек (№1) против Турции" (Sürek (No. 1) v. Turkey), ([GC], № 26682/95, п. 23-36, ECHR 1999-IV)).

A. Законодательство о предотвращении терроризма

18. Статья 8 Закона «О предотвращении терроризма» (Закон № 3713 от 12 апреля 1991 года) предусматривает преступление в виде нарушения территориальной целостности Республики Турция или неделимого единства нации путем письменной и устной пропаганды, митингов, собраний и демонстраций, вне зависимости от используемых методов и намерений. Любое лицо, вовлеченное в подобную деятельность, может быть приговорено к заключению или штрафу, что в настоящее время может составлять для редактора печатных изданий лишение свободы сроком до 2 лет и штраф до трехсот миллионов турецких лир.

19. Закон № 4126 от 27 октября 1995 года внес в Закон "О предотвращении терроризма" изменение, предписывающее повторное рассмотрение дел лиц, осужденных в соответствии с вышеупомянутым разделом 8. В Законе оговаривалась возможность замены лишения свободы другими видами наказания. В соответствии с Законом № 4304 от 14 августа 1997 года, редакторы, осужденные до 12 июля 1997 года за преступления, предусмотренные разделом 8, позднее получили право на изменение наказания на условное осуждение сроком до трех лет, при условии, что они в дальнейшем не совершат никаких правонарушений.

B. Суды Государственной Безопасности

20. Статья 138 Конституции требует от судей беспристрастного исполнения их обязанностей. Суды Государственной Безопасности были созданы в соответствии со статьей 143 Конституции для рассмотрения дел о правонарушениях, направленных "против территориальной целостности Государства, или неделимого единства нации, или против свободной демократической системы правления, а также правонарушений, непосредственно затрагивающих внутреннюю или внешнюю безопасность Государства".

21. Согласно разделам 5 и 6 Закона № 2845 о создании Суда Государственной Безопасности и его процессуальных правилах, в состав таких судов должны входить президент, два других постоянных члена суда и два члена суда, назначаемых на четырехлетний срок. В то время один постоянный член и один назначенный на четырехлетний срок были военными судьями первого ранга.

22. На решения Суда Государственной Безопасности апелляции подаются в Кассационный Суд.

23. Карьеры военных судей, согласно разделу 7 Закона о военной юридической службе (Закон № 357), зависят от решения Государственного министра Министерства обороны, или кратко Министра обороны. Раздел 8 этого Закона предписывает, что военные судьи должны быть назначены "комитетом в составе директора по кадрам и юрисконсульта при штабе армии, в котором служит данный человек, а также начальника отделения военно-правовых дел Министерства обороны …. " Правонарушением в соответствии со статьей 112 Военного Кодекса является попытка со стороны должностного лица повлиять на работу военного судьи при исполнении им его судебных функций. Размер заработной платы военных судей и дисциплинарные нормы устанавливаются Министром обороны (разделы 18 и 29). Результаты всех споров, возникающих относительно карьеры военных судей, в конечном итоге определяются Верховным Военным Административным Судом (раздел 22 Закона № 1602 от 4 июля 1972 года Верховного Военного Административного Суда).

24. Согласно поправкам, внесенным Законами № 4388 от 18 июня 1999 года и № 4390 от 22 июня 1999 года, военные судьи были удалены из Судов Государственной Безопасности.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

25. Заявительница утверждала о неоправданном вмешательстве властей в ее право на свободу выражения мнения, гарантированное статьей 10 Конвенции, которая предписывает следующее:

> *«1. Каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ…*
>
> *2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».*

26. Правительство утверждало, что вмешательство в право заявительницы на свободу выражения мнения было правомерным, согласно положениям п. 2 статьи 10. Однако Комиссия согласилась с утверждением заявительницы.

A. Наличие вмешательства

27. Суд обращает внимание на ясный и бесспорный факт того, что имело место вмешательство в право заявительницы на свободу выражения мнения, поскольку ей был вынесен обвинительный приговор, и она была приговорена к тюремному заключению согласно разделу 8 «Закона о Предотвращении Терроризма» ("Закон 1991 года").

B. Оправдание вмешательства

28. Это вмешательство нарушило бы статью 10 Конвенции, если бы не было "предписано законом", не преследовало бы одну или более законных целей, упомянутых в части 2 статьи 10, и не было бы "необходимым в демократическом обществе" для достижения такой цели или целей. Суд рассмотрит каждый из этих критериев по очереди.

1. "Предусмотрено законом"

29. Заявительница не предоставила никаких комментариев по поводу того, было ли соблюдено это требование.

30. Правительство утверждало, что меры, принятые в отношении заявительницы, основывались на разделе 8 "Закона 1991 года".

31. Комиссия согласилась с Правительством в том, что вмешательство было предписано законом.

32. Суд, как и Комиссия, считает, что поскольку осуждение заявительницы основывалось на разделе 8 Закона 1991 года, вытекающее из этого вмешательство в ее свободу выражения мнения могло быть расценено как "предписанное законом", тем более, что заявительница не оспаривала этого (см., в связи с этим, решение по делу "Сюрек (№1) против Турции", ([GC], № 26682/95, п. 23-36, Европейская Конвенция о правах человека 1999-IV)).

2. Правомерная цель

33. Заявительница не высказывалась по этому поводу.

34. Правительство заявило, что целью рассматриваемого вмешательства было обеспечение "национальной безопасности" и "общественного порядка". Комиссия согласилась с этим мнением.

35. Суд полагает, что, принимая во внимание уязвимость ситуации с безопасностью в юго-восточной Турции (см. вышеупомянутое решение по делу "Сюрек (№1) против Турции", п. 52) и необходимость бдительности со стороны властей к действиям, которые могут повлечь за собой излишнее насилие, - можно считать, что меры, принятые в отношении заявительницы, способствовали достижению некоторых из целей, упомянутых Правительством, а именно обеспечению национальной безопасности и общественного порядка. Безусловно, это так, поскольку на фоне ситуации в юго-восточной Турции на момент обстоятельств этого дела участники сепаратистского движения прибегали к методам, основанным на применении насилия.

3. "Необходимо в демократическом обществе"

(a) Аргументы сторон

(i) Заявительница

36. Заявительница утверждала, что она не должна быть наказана за статью, которую она не писала. Далее она заявила, что опровергаемая статья прославляла демократию и права человека и предполагала, что интеллигенция должна проявлять большую смелость в защите последнего из упомянутых приоритетов. Она утверждала, что статья не призывала обращаться к терроризму и насилию, а напротив, критиковала терроризм, направленный против людей. По утверждению заявительницы, меры, принятые в отношении нее, представляли собой необоснованное и непропорциональное вмешательство в ее право, предусмотренное статьей 10.

(ii) Правительство

37. Правительство утверждало, что заявительница пропагандировала сепаратизм, поскольку рассматриваемая статья поощряла террористическое насилие в отношении Государства. В поддержку этого утверждения, Правительство выделило некоторые фрагменты статьи и заявило, что фраза: "Мы забываем аксиому, что единственный способ противостоять войне - это начать справедливую войну", - представляет собой явное подстрекательство и пропаганду насилия. По заявлению Правительства, автор критиковал интеллигенцию за то, что последняя считала "невинных курдских крестьян" "террористами" и принижала их марш свободы.

По мнению Правительства, смысл статьи заключался в том, что единственным средством для решения курдской проблемы было развертывание террористических действий против Государства, и что интеллигенция должна была обеспечить необходимую поддержку таких действий. Правительство считало, что на фоне волны терроризма заявительница должна была воздержаться от пропаганды, нацеленной на поддержку террористического насилия. Далее оно утверждало, что заявительница была справедливо осуждена в соответствии с разделом 8 Закона 1991 года, и что меры, принятые в отношении нее, должным образом соответствовали праву властей на свободу усмотрения при принятии решения в этой сфере. Соответственно, вмешательство было оправдано согласно части 2 статьи 10 Конвенции.

Наконец, Правительство указало на то, что окончательное осуждение заявительницы было условным, в связи с принятием Закона № 4304 от 14 августа 1997 года, предусматривающего более мягкие санкции за правонарушения, совершенные с использованием прессы.

(iii) Комиссия

38. Комиссия отметила, что инкриминируемая публикация является статьей, написанной представителем интеллигенции, в заявлениях которого содержится острая критика политики и действий Турции в отношении ее населения курдского происхождения. Автор выразил свое мнение относительно курдского вопроса и не связывал себя с применением насилия в рамках курдского сепаратистского движения. На взгляд Комиссии, меры, принятые в отношении заявительницы, явились своего рода цензурой, которая, вероятно, в будущем воспрепятствует публикации подобных мнений другими. На этом основании Комиссия посчитала, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

(b) Оценка Суда

39. Суд напоминает, что в его решениях по делу "Зана против Турции" (Zana v. Turkey*)* от 25 ноября 1997 года (Отчеты о решениях и постановлениях (Reports of Judgments and Decisions) 1997-VII, стр. 2547-48, п. 51) и вышеупомянутом деле "Сюрек против Турции"(№ 1) (упомянутое выше, п. 58), он обобщил основные принципы, установленные в его прецедентном праве в отношении статьи 10 Конвенции:

(i) Свобода выражения мнения представляет собой одну из несущих опор демократического общества и одно из основополагающих условий его прогресса и самореализации каждого его члена. В соответствии с п. 2 статьи 10, это применимо не только к "информации" или "идеям", которые благосклонно принимаются или расцениваются как безобидные или нейтральные, но также и к тем, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых нет "демократического общества". Как говорится в статье 10, свобода выражения мнения предполагает ограничения, которые, однако, должны узко толковаться, и необходимость любых ограничений должна быть убедительно доказана.

(ii) Прилагательное «необходимый» в соответствии с п. 2 статьи 10 подразумевает наличие «острой общественной потребности». Государства-участники имеют определенную свободу усмотрения при оценке наличия данной необходимости, но эта свобода не противоречит Европейскому контролю, который распространяется как на законы, так и на решения, применяющие их, даже если эти решения выносятся независимым судебным органом. Суд имеет полномочия выносить окончательные решения о соответствии «ограничения» свободе выражения мнений, в том виде, как она защищается статьей 10.

(iii) Осуществляя свою контрольную функцию, Суд должен рассматривать вмешательство в свете всего дела в целом, в том числе содержание опровергаемых утверждений и контекст, в котором они были сделаны. В частности, Суд должен определить, является ли вмешательство, о котором идет речь, “соразмерным преследуемой законной цели”, и являются ли причины, выдвинутые национальными властями, "уместными и достаточными" для того, чтобы оправдать это вмешательство.

В этой связи Суд обращает внимание на то, что характер наказания и их тяжесть - это также факторы, которые будут приняты во внимание при оценке адекватности вмешательства (см. решение по делу "Сейлан против Турции" ("Ceylan v. Turkey") [GC], № 23556/94, п. 49, Европейский Суд по правам человека 1999-IV)). При этом Суд должен убедиться, что критерии, которые применили национальные власти, соответствуют принципам, изложенным в статье 10 и, кроме того, что они основаны на приемлемой оценке фактов, имеющих значение для данного дела.

40. Далее, Суд обращает внимание, что в упомянутом ранее решении по делу «Сюрек (№1) против Турции» (п. 61), им было повторно упомянуто о том, что п. 2 статьи 10 Конвенции допускает весьма ограниченные рамки ограничений в отношении политических выступлений или дискуссий по вопросам общественной значимости. Кроме того, пределы допустимой критики более широки в отношении правительства, чем в отношении частного лица или даже политического деятеля. В демократическом государстве действия, а также ошибки правительства должны быть предметом пристального внимания со стороны не только законодательных и судебных властей, но также и общественного мнения.

Кроме того, главенствующее положение, которое занимает правительство, само по себе требует от него проявления сдержанности в применении уголовного наказания, особенно в тех случаях, когда

доступны другие средства для ответа на необоснованные нападки и критику со стороны его противников. Разумеется, в компетенции соответствующих государственных органов, как гарантов общественного порядка, остается принятие мер, в том числе уголовно-правового характера, имеющих целью отреагировать на подобные замечания, но при этом их реакция должна быть адекватной и не выходящей за рамки необходимости (см. решение по делу "Инкал против Турции" («Incal v. Turkey») от 9 июня 1998 года, Отчеты 1998-IV, стр. 1567, п. 54). Наконец, если подобные выступления подстрекают людей к насилию, государственные власти пользуются более широкой свободой усмотрения при решении вопроса о необходимости вмешательства в свободу выражения мнения.

41. Поскольку заявительница была признана виновной в сепаратистской пропаганде через журнал, редактором которого она являлась, оспариваемое вмешательство также должно рассматриваться в контексте основной роли прессы по обеспечению должного функционирования системы политической демократии (см., помимо прочих источников, решение по делу "Лингенс против Австрии" («Lingens v. Austria») от 8 июля 1986 года, Series A, № 103, стр. 26, п. 41), и упомянутое ранее решение по делу "Сюрек (№ 1) против Турции", п. 59). В то время как пресса не должна преступать границы, установленные, в том числе, для защиты жизненно важных государственных интересов, таких как национальная безопасность или территориальная целостность, от угрозы насилия, или в целях предотвращения беспорядков или преступлений, - тем не менее, на прессу возложена обязанность распространять информацию и идеи по политическим проблемам, включая и спорные вопросы. Если на прессе лежит задача распространять такую информацию и идеи, то общественность имеет право получать их. Свобода печати наделяет к тому же общество одним из самых совершенных инструментов, позволяющих узнать и составить представление об идеях и позициях политических лидеров (см. ранее упомянутое решение по делу "Лингенс против Австрии", стр. 26, п. 41-42).

42. Суд подчеркивает, что обязанности и ответственность, которыми сопровождается осуществление права на свободу выражения мнения сотрудниками редакций СМИ, обретают особое значение в напряженных и конфликтных ситуациях. Особую осторожность следует соблюдать при публикации мнений, которые содержат подстрекательство к насилию, направленному против государства, с тем, чтобы СМИ не стали средством для разжигания розни и нетерпимости, и пропаганды насилия. В то же время, если подобные взгляды не подпадают под указанные категории, договаривающиеся Государства не могут, под видом защиты территориальной целостности или национальной безопасности, или предотвращения преступлений или беспорядков, ограничивать право общественности быть информированной об этих взглядах путем возложения уголовно-правового бремени на СМИ (см. решение по делу "Эрдогду и Инсе против Турции" («Erdogdu and Ince v. Turkey») [GC], № 25067/94, п. 54, Европейская Конвенция по правам человека 1999-IV).

43. Далее, Суд принимает во внимание предыдущую практику рассмотрения дел, направленных ему, в частности, по вопросам, связанным с предотвращением террористических актов (см. решение по делу “Каратас против Турции” («Karatas v. Turkey») [GC], № 23168/94, п. 51, Европейский Суд по правам человека 1999-IV). В свете этого, он учитывает обеспокоенность властей Турции по поводу распространения взглядов, которые, как они считают, могли бы обострить серьезные волнения, происходящие в Турции на протяжении почти пятнадцати лет.

44. Суд обращает внимание на то, что журнал заявительницы опубликовал статью, написанную представителем интеллигенции, выразившим свои взгляды на курдскую проблему. В оспариваемой статье остро критиковалась политика Правительства и действия государственных сил безопасности

в отношении населения курдского происхождения. Утверждая, что интеллигенция и турецкая пресса принижают "марш свободы курдских крестьян", автор критиковал их взгляд на курдскую проблему в целом. Автор далее предлагал признать курдскую реальность, и попытаться применить мирные методы для возможного урегулирования курдской проблемы, вместо обращения к военным действиям. Он сожалел о крови, пролитой в ходе вооруженного конфликта между курдами и турками, поскольку смотрел на них как на братские нации. Он также выражал свое неодобрение всем проявлениям шовинизма, в том числе шовинизму по отношению и к курдам, и к туркам.

45. Далее, Суд обращает внимание на то, что, хотя тон некоторых фраз кажется агрессивным, - в частности, той, которая была особо выделена Правительством, - статья в целом не восхваляет насилие. Она также не подстрекает людей ни к ненависти, ни к мести или взаимным обвинениям, ни к вооруженному сопротивлению. Напротив, эта статья представляет собой интеллектуальный анализ курдской проблемы и призывает покончить с вооруженным конфликтом. По мнению Суда, все это представляет существенные факторы, которые должны быть приняты во внимание (см. ранее цитированное решение по делу "Сейлан против Турции", п. 36).

Кроме того, Суд подчеркивает, что заявительница была осуждена Стамбульским Судом Государственной Безопасности не за подстрекательство к насилию, а за сепаратистскую пропаганду, поскольку в статье говорилось об определенном регионе Турции как "Курдистане" и утверждалось, что население курдского происхождения, проживающее в этом регионе, подвергается притеснениям. В этом отношении Суд полагает, что власти страны в данном случае не придали достаточного значения праву общества быть информированным о различных перспективах ситуации на юго-востоке Турции, вне зависимости от того, насколько горькими эти перспективы могут быть для них. Как отмечено выше, взгляды, выраженные в инкриминируемой статье, не могут рассматриваться как подстрекательство к насилию, и соответственно не могут подлежать ответственности как подстрекающие к насилию. Поскольку это так, причины, выдвинутые Стамбульским Судом Государственной Безопасности для осуждения заявительницы, будучи уместными, в то же время не могут быть расценены как достаточные для оправдания вмешательства в ее право на свободу выражения мнения.

46. Суд также обращает внимание на то, что, несмотря на тот факт, что окончательное наложенное на заявительницу наказание было условным, тем не менее она столкнулась с угрозой серьезного наказания (см. ранее цитированное решение по делу "Эрдогду и Инсе против Турции", п. 53). Для Суда, принятие благоприятного для заявителя решения или избрание благоприятной меры ответственности, в принципе не является достаточным для того, чтобы лишить его статуса "жертвы", если только национальные власти не признали, явно или по сути, факт нарушения Конвенции и затем не предоставили компенсацию за него (см. решение по делу "Озтюрк против Турции" (Oztürk v. Turkey), № 22479/93, п. 73, Европейская Конвенция о правах человека 1999-VI).

Однако, в данном случае, Стамбульский Суд Государственной Безопасности приостановил исполнение окончательного приговора в отношении заявительницы при условии, что она не совершит никакого правонарушения в течение трех лет с момента этого решения, исполняя обязанности редактора (см. п. 15 выше). Если заявительница не выполнит это условие, она будет автоматически осуждена за первоначальное правонарушение. Другими словами, рассматриваемое решение не снимало с нее статуса "жертвы". Напротив, условный приговор имел эффект ограничения работы заявительницы в качестве редактора, и сокращение ее возможностей представлять общественные взгляды, присутствующие в общественных дискуссиях, и существование которых нельзя отрицать (см. решение по делу "Эрдогду против Турции" ("Erdogdu

v. Turkey") № 25723/94, п. 72, готовится к публикации в Сборнике Европейского суда по правам человека в 2000 году; см. также, после внесения необходимых изменений, решение по делу «Хертель против Швейцарии» ("Hertel v. Switzerland") от 25 августа 1998 года, Отчеты 1998-VI, стр. 2331, п. 50).

47. Основываясь на вышеуказанных соображениях, Суд считает, что осуждение заявительницы было непропорционально преследуемым целям и, соответственно, не являлось "необходимым в демократическом обществе ". Поэтому имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение п. 1 статьи 6 Конвенции

48. Заявительница предъявила жалобу, что присутствие военного судьи среди судей Стамбульского Суда Государственной Безопасности, который судил ее и вынес ей обвинительный приговор, - означало, что ей было отказано в справедливом разбирательстве ее дела, чем нарушалась п. 1 статьи 6 Конвенции, в соответствующей части которой говорится:

> *"Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое ... разбирательство его дела ... независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. "*

49. Правительство оспорило эти претензии, в то время как Комиссия приняла их к рассмотрению.

50. По утверждению заявительницы, в соответствии с правилами, которые применялись в то время, военные судьи, назначенные в Суды Государственной Безопасности, наподобие Стамбульского Суда Государственной Безопасности, зависели от исполнительной власти и армии в плане своего назначения и карьеры. Такие связи делали невозможным для военных судей независимое и беспристрастное выполнение ими своих судебных функций. Заявительница далее подчеркнула, что независимость и беспристрастность военных судей, и, следовательно, судов, в которых они работали, были поставлены под угрозу, поскольку эти судьи не могли занять позицию, которая противоречила бы взглядам их военных начальников.

Заявительница утверждала, что эти обстоятельства помешали Стамбульскому Суду Государственной Безопасности быть независимым и беспристрастным и лишили ее возможности справедливого разбирательства ее дела, в нарушение п. 1 статьи 6 Конвенции.

51. Правительство ответило, что действующие в то время правила назначения военных судей в Суды Государственной Безопасности и выполнения ими своих судейских функций гарантировали, что эти суды будут полностью отвечать требованиям независимости и беспристрастности в пределах значения п. 1 статьи 6. Правительство оспаривало возражение заявительницы о том, что военные судьи были подотчетны вышестоящим офицерам. Во-первых, это было нарушением статьи 112 Военного Кодекса со стороны государственного чиновника пытаться повлиять на выполнение военным судьей его судейских функций (см. п. 23 выше). Во-вторых, карьерное продвижение военных судей соотносится только с их внесудебными обязанностями. Военные судьи имеют доступ к отчетам, где оценивается их деятельность, и могут оспорить содержание этих отчетов в Высшем Военном Административном Суде (см. п. 23 выше). Действуя в качестве судьи, военный судья оценивается так же, как и гражданский судья.

52. Правительство добавило, что тот факт, что членом Суда Государственной Безопасности был военный судья, не отразился на справедливости судебного процесса по делу заявительницы. Ни

стоящие над военным судьей в военной иерархии начальники, ни органы государственной власти, которые назначили его на должность судьи, не имели заинтересованности как в процессе по делу, так и в его исходе.

Правительство также убеждало Суд в необходимости особо учитывать тот контекст государственной безопасности, в котором было принято решение о создании Судов Государственной Безопасности, согласно статье 143 Конституции. Принимая во внимание опыт вооруженных сил в борьбе против терроризма, власти посчитали необходимым укрепить эти суды путем включения военных судей, чтобы обеспечить суды необходимым опытом и знаниями при рассмотрении дел, связанных с угрозами безопасности и целостности Государства.

53. Правительство далее утверждало, что Законом № 4388 от 18 июня 1999 года и Законом № 4390 от 22 июня 1999 года были внесены поправки, предписывающие вывод военных судей из состава Судов Государственной Безопасности, с целью исполнения требований Конвенции. Правительство заявило, что в настоящее время в состав Судов Государственной Безопасности входят только гражданские лица.

54. Комиссия пришла к заключению, что Стамбульский Суд Государственной Безопасности не может рассматриваться как независимый и беспристрастный с позиций п. 1 статьи 6 Конвенции. В этом отношении Комиссия сослалась на решение по делу "Инкал против Турции" от 9 июня 1998 года (Отчеты 1998-IV) и на причины, обосновывающие это решение.

55. Суд принимает во внимание изменения, внесенные в систему Судов Государственной Безопасности на основании Закона № 4388 от 18 июня 1999 года и Закона № 4390 от 22 июня 1999 года. Однако, рассмотрение настоящего дела должно быть ограничено рамками действующего в то время законодательства и состава Стамбульского Суда Государственной Безопасности, который судил заявительницу и вынес ей обвинительный приговор.

56. Суд повторяет, что и в упомянутом выше решении по делу «Инкал против Турции» от 9 июня 1998 года (стр. 1547), и решении по делу "Шираклар против Турции" ("Çiraklar v. Turkey") от 28 октября 1998 года (Отчеты 1998-VII, стр. 3071), ему пришлось привести доводы, аналогичные выдвинутым Правительством в данном деле. В этих доводах Суд отметил, с одной стороны, что статус военных судей, входящих в Суды Государственной Безопасности, действительно обеспечивал некоторые гарантии независимости и беспристрастности (см. вышеупомянутое решение по делу "Инкал против Турции", стр. 1571, п. 65). С другой стороны, Суд нашел, что определенные аспекты статуса этих судей ставили под сомнение их независимость и беспристрастность (там же. п. 68): например, тот факт, что они являются служащими, все еще относящимися к армии, которая, в свою очередь, выполняет приказы исполнительной власти; тот факт, что они подчиняются воинской дисциплине; а также тот факт, что решения, имеющие отношение к их назначению, в значительной степени принимаются административными властями и армией (см. п. 23 выше). Заявительница упомянула о некоторых из этих недостатков в своих замечаниях.

57. Как и в решении по делу "Инкал против Турции", Суд полагает, что его задача состоит не в том, чтобы теоретически оценить необходимость создания Судов Государственной Безопасности в свете оправдывающих обстоятельств, выдвинутых Правительством. Его задача в том, чтобы установить, нарушил ли способ, в котором функционировал Стамбульский Суд Государственной Безопасности в то время, право заявительницы на справедливое судебное разбирательство, - в частности, с объективной точки зрения, имела ли она законную причину опасаться, что суд,

который судил ее, был недостаточно независимым и беспристрастным (см. ранее упомянутые решения по делам "Инкал против Турции", стр. 1572, п. 70, и "Шираклар против Турции", стр. 3072, п. 38).

Что касается этого вопроса, Суд не видит никаких причин для решения, отличного от решений по делам Инкала и Шираклара, оба из которых, как и данная заявительница, являлись гражданскими лицами. Вполне понятно, что заявительница, привлеченная к ответственности Судом Государственной Безопасности за пропаганду, нацеленную на подрыв государственной и общественной безопасности, должна была опасаться быть судимой судом, в состав которого входил офицер регулярной армии и член Военной Юридической Службы. По поводу этого она имела законные основания опасаться, что Стамбульский Суд Государственной Безопасности мог поддаться незаконному влиянию соображений, не имеющих никакого отношения к сути дела. Другими словами, опасения заявительницы по поводу недостаточной независимости и беспристрастности того суда могут быть расценены как объективно оправданные. Рассмотрение дела в Кассационном Суде не могло рассеять эти опасения, так как этот суд не имел полной юрисдикции (см. заключение в ранее упомянутом решении по делу Инкала, стр.1573, п. 72).

58. По этим причинам Суд считает, что имело место нарушение п. 1 статьи 6 Конвенции.

III. Предполагаемое нарушение статьи 18 Конвенции

59. Заявительница утверждала, что ограничения ее права на свободу выражения мнения, наложенные в соответствии с разделом 8 "Закона о Предотвращении Терроризма" 1991 года, противоречат законным целям, изложенным в п. 2 статьи 10 Конвенции, и, соответственно, противоречат статье 18 Конвенции, в которой говорится:

> *"Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены".*

60. Правительство не комментировало эти утверждения в своем меморандуме.

61. Комиссия посчитала, что ограничения, которые применялись к праву заявительницы на свободу выражения мнения, соответствовали законным целям, предусмотренным п. 2 статьи 10 Конвенции. Соответственно, не было никакого нарушения статьи 18.

62. Со своей стороны, Суд не видит никакой причины для несогласия с мнением Комиссии. Поэтому Суд считает, что нарушение статьи 18 Конвенции не имело места.

IV. Применение статьи 41 Конвенции

63. Заявительница требовала справедливой компенсации в соответствии со статьей 41 Конвенции, в которой говорится:

> *"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".*

A. Ущерб

64. Заявительница не просила Суд о покрытии материального ущерба, но потребовала 30.000 французских франков (FRF) в качестве компенсации морального вреда. Она утверждала, что, в связи с уголовным процессом против нее, она была вынуждена покинуть свою страну, уехать в Германию и жить там на положении беженки.

65. Правительство не комментировало требование заявительницы.
66. Суд полагает, что заявительница действительно должна была перенести определенные моральные страдания в связи с обстоятельствами ее судебного преследования, суда над ней и обвинительного приговора в отношении нее. Вынося решение на основании равноправия, Суд постановляет о выплате суммы в размере 30.000 французских франков, которую она запрашивала.

B. Затраты и издержки

67. Заявительница также потребовала выплаты суммы в 20.000 французских франков в качестве компенсации судебных издержек, включая 5.000 французских франков для оплаты переводов, покрытия почтовых расходов и стоимости канцелярских принадлежностей и 15.000 французских франков для оплаты услуг ее адвоката. Она не привела подробных сведений для обоснования своего требования.

68. Правительство не высказало какого-либо мнения по поводу этого требования.

69. Ввиду недостаточного обоснования требования, но вместе с тем очевидного факта, что заявительница понесла некоторые расходы, Суд считает справедливым присудить заявительнице сумму 10.000 французских франков в качестве компенсации ее затрат и издержек.

C. Пени

70. Согласно информации, которой располагает Суд, установленная законом норма процента, применяемая во Франции во время принятия данного решения, составляет 2.74% в год.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил* 6 голосами, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
2. *Постановил* 6 голосами, что имело место нарушение статьи 6 §1 Конвенции;
3. *Постановил* единогласно, что статья 18 Конвенции не была нарушена;
4. *Постановил* 6 голосами против одного, что
   (a) Государство-ответчик должно в трехмесячный срок выплатить заявительнице следующие суммы:
      (i) 30.000 (тридцать тысяч) французских франков в качестве компенсации морального вреда;
      (ii) 10.000 (десять тысяч) французских франков в качестве компенсации затрат и издержек;
   (b) что простые проценты по ежегодной норме 2.74% должны быть выплачены по истечении вышеупомянутых трех месяцев до урегулирования;
5. Единогласно *отклоняет* остальные требования заявительницы о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и объявлено в письменной форме 18 июля 2000 года, в соответствии с Правилом 77 § 2 и § 3 Регламента Суда.

Дж.-П. Коста Председатель
С. Долле Секретарь Суда

В соответствии со п. 2 статьи 45 Конвенции и правилом 74 § 2 Регламента Суда, особое мнение г-на Гёлькюклю добавлено в качестве приложения.

Особое мнение судьи Гёлькюклю

По причинам, изложенным ниже, я не могу согласиться с большинством мнений по данному делу.

1. В отношении статьи 10, я прежде всего хочу сделать очень важное замечание, которое ставит под вопрос всю аргументацию, приведенную большинством, - а именно, что перевод оскорбительной статьи на английский язык оставляет желать гораздо лучшего. Более того, я отмечаю существование двух разных версий - одной в отчете Комиссии (п. 20), другой - в решении Суда (п. 7) - а также то, что ни одна из них не передает мысли автора точно и достоверно. Поскольку это так, то как мог Суд прийти к правильному решению?

2. Если брать статью в целом, - в ней излагается, на очень примитивном турецком языке, мнение ее автора относительно решения курдской проблемы в контексте политики, осуществляемой в то время Правительством, фактов той ситуации и мнений СМИ. Автор критиковал позицию и поведение той части курдской интеллигенции, которая выступала за мирное решение проблемы и продолжала его пропагандировать, - высмеивая их посредством циничного языка. Придерживаясь мнения, что их позиция является ошибочной, он призывал их поддержать создание независимого Курдского государства и сделать все необходимое для его существования, а именно прибегнуть к войне, или, другими словами, поддержать действия террористов ПКК (PKK).

По моему мнению, это является явным подстрекательством к насилию в условиях волны терроризма, которая захлестнула юго-восток Турции.

3. По общему признанию, в обвинительном приговоре для заявительницы Стамбульский Суд Государственной Безопасности заявлял только о сепаратистских действиях и пропаганде, без упоминания о понятии "подстрекательство к насилию" (см. п. 45 решения). В своей статье автор определял и излагал свою конечную цель - создание Курдского государства. Далее, он критиковал мирный путь и выступал за борьбу в форме террористической деятельности. Это ничуть не меньше, чем подстрекательство к насилию. Согласно взгляду автора, получается, что насилие - это необходимый элемент, обязательный и неотделимый от сепаратистской деятельности и политики.

4. С натяжкой суждение, выраженное в статье, могло бы рассматриваться как пограничный инцидент. Но в этом случае, я полагаю, мнение по данному делу национальных властей - которые, по неоднократному упоминанию самого суда, напрямую связаны с реальной ситуацией в стране, - должно было бы иметь больший вес, чем мнение международного суда, поскольку ему должно было быть предоставлено в достаточной степени расширенное право на решение.

5. Наконец, уместно ли говорить об установившемся прецедентном праве, которого следует придерживаться, если речь идет о свободе мнения и его выражения? На мой взгляд, каждое выраженное мнение уникально как по содержанию, так и по форме и стилю, поэтому при его рассмотрении было бы правильнее принимать во внимание всю его специфику, с позиций п. 2 статьи 10 Конвенции.

6. Что касается нарушения п. 1 статьи 6, - несмотря на то, что поставленная проблема была недавно решена посредством изменения состава Суда Государственной Безопасности, Суд привязал свое решение к ситуации, существовавшей на тот момент (см. п. 55 решения). По этому поводу я обратился бы к особому мнению, которое я, вместе с семью известными судьями Суда, выразил по делу "Инкал против Турции" (решение от 9 июня 1998 года), и к своему особому мнению по делу «Оксюоглу против Турции» («Oksuoglu v. Turkey», решение от 8 июля 1999 года). Я просто хотел бы подчеркнуть, что в данном случае решение большинства вытекает из неправильно и необоснованно расширенной "теории видимости", как это уже было в деле "Инкал против Турции".

7. В заключение всего сказанного, я не нахожу в данном деле никакого нарушения, в котором можно было бы обвинить Государство-ответчика.

Краткое изложение дела

ДЕЛО "ТОМА ПРОТИВ ЛЮКСЕМБУРГА"
(Thoma v. Luxembourg)

(жалоба № 38432/97)

Постановление Суда
Страсбург, 29 марта 2001 года

Тема: диффамация
Подтема: гражданско-правовая диффамация
Критерий: важность свободы выражения мнения, «необходимость в демократическом обществе»
Наказание: финансовая санкция

Решение: нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10); единогласное

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека: Люксембург

Краткое изложение обстоятельств дела:
Заявитель, журналист, работающий на радиостанции, был обвинен в диффамации за то, что процитировал в эфире программы утверждение, содержавшееся в газетной статье, что чиновники лесного хозяйства были коррумпированы.

Факты:
Заявитель, журналист, работающий на радиостанции, в своих радиопередачах поднял вопрос о проблемах, связанных с лесовозобновлением после серии стихийных бедствий в Люксембурге в 1990 году. В одной из своих программ, он процитировал отрывок из газетной статьи, в котором говорилось, что все восемьдесят чиновников лесного хозяйства Люксембурга, за исключением одного, продажны. Впоследствии 63 чиновника Комиссии Лесного Хозяйства возбудили дела о диффамации против заявителя. Решением суда заявитель был обязан выплатить каждому истцу по одному франку в качестве номинального возмещения ущерба, а также понести судебные издержки на том основании, что, формально он не дистанцировал цитируемое утверждение от своих собственных, чем фактически поддержал изложенную точку зрения. Таким образом, он заставил общественность поверить, без каких-либо доказательств или уточнения, что все чиновники Комиссии Лесного Хозяйства, за исключением одного, были замешаны в коррупции. Следовательно, он нарушил обязательство честно информировать общественность, понес ответственность в соответствии с Гражданским Кодексом, и должен был выплатить компенсацию.

Решено:

Важность свободы выражения мнения

Свобода выражения мнений представляет собой одну из фундаментальных основ демократического общества, являясь одним из основных условий его развития и самореализации каждого из его членов. Являясь предметом для узко истолкованных ограничений, свобода выражения мнения

«… применима не только к «информации» или «идеям», которые воспринимаются благожелательно или рассматриваются как безобидные или безразличные, но также и к таким, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство государству или части населения. Таковы требования плюрализма терпимости и широты взглядов, без которых нет «демократического общества». Осуществление этой свободы предполагает ограничения, которые, вместе с тем, должны толковаться узко и их необходимость должна быть убедительно доказана» (п. 44).

В демократическом обществе пресса играет особо важную роль:

«Не смотря на то, что она не должна переходить известные границы, в частности, в целях защиты репутации и прав других лиц, на ней, тем не менее, лежит обязанность сообщать – в манере, соответствующей ее обязательствам и ответственности - информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественную важность… Пресса не только обязана распространять информацию и идеи: общественность также имеет право получать их. Иначе, пресса будет не способна осуществлять свою жизненно важную функцию «сторожевого пса» общества… Статья 10 защищает не только содержание этих информации и идей, но и форму, в которой они сообщаются (п. 45). Журналистская свобода также допускает некоторую степень преувеличения и даже провокации (п. 46).»

Более того, государственные служащие должны быть готовы к большей степени критики по поводу их деятельности, чем частные лица.

Границы допустимой критики в адрес государственных служащих, находящихся при исполнении своих служебных функций, как и в адрес политиков, более широки, чем границы приемлемой критики по отношению к частному лицу. Однако, будет неправильным полагать, что государственные служащие осознанно выставляют свои слова и действия под пристальный контроль, как это делают политики, и, следовательно, они не могут оцениваться наравне с последними, когда речь идет о критике их поведения (п. 47).

Необходимость в демократическом обществе

Обвинение заявителя представляло собой вмешательство в его право на свободу выражения мнения, предусмотренное законом и преследовавшее законную цель защитить права других людей. Оставалось определить «необходимость…» данного вмешательства «…в демократическом обществе». Тест на наличие необходимости - достаточно строгий:

«... вопрос о «необходимости» ограничения свободы выражения мнения должен быть четко установлен. Общеизвестно, что при оценке этой «необходимости», национальные власти в первую очередь должны определить имеет ли место "настоятельная общественная потребность" для ограничения права, и в данной оценке они пользуются определенной свободой усмотрения. В делах, касающихся прессы, данная свобода усмотрения ограничивается заинтересованностью демократического общества гарантировать и поддерживать свободу прессы. Подобным образом, такой интерес будет весить больше при определении баланса, как это требуется п. 2 статьи 10 Конвенции, было ли ограничение пропорционально преследуемой законной цели» (п. 48).

Внутригосударственный суд принял во внимание лишь то, что заявитель процитировал отрывок из статьи своего коллеги-журналиста, и только на этом основании счел, что заявитель поддержал обвинение, содержащееся в тексте, так как формально не дистанцировался от цитируемого утверждения. Таким образом, заявитель понес наказание за утверждения,

сделанные другим лицом, в связи с чем данный вопрос затронул важную проблему свободы выражения мнения:

> *«Наказание журналиста за содействие в распространении утверждений, сделанных другим лицом… может послужить серьезным препятствием в содействии со стороны прессы обсуждению вопросов, представляющих общественный интерес, и не должно применяться, если нет на это особо веских причин» (п. 62).*

> *«Общее требование к журналистам систематически и официально дистанцироваться от содержания цитаты, которая может оскорбить или спровоцировать других людей, или нанести вред их репутации, не совместимо с ролью прессы предоставлять информацию по текущим событиям, мнениям и идеям» (п. 64).*

В любом случае, было установлено, что заявитель проявлял осторожность, напоминая, что он начинает цитату и указывая имя автора статьи. В дополнение, он охарактеризовал всю статью своего коллеги-журналиста как написанную «жестким языком». Он также обратился с вопросом к третьей стороне, владельцу лесных угодий, считает ли он, выдвинутые в статье обвинения справедливыми. По этим причинам, было установлено нарушение ст. 10 Европейской Конвенции, имело место нарушение права на свободу выражения мнения.

ДЕЛО "ТОМА ПРОТИВ ЛЮКСЕМБУРГА"

(Thoma v. Luxembourg)

(жалоба № 38432/97)

Постановление Суда
Страсбург, 29 марта 2001 г.

Данное решение является окончательным при обстоятельствах, изложенных в п. 2 статьи 44 Конвенции. Решение может быть подвергнуто редактированию по форме.

В деле "Тома против Люксембурга" Европейский Суд по правам человека (Вторая Секция), заседая как Палата, в состав которой вошли:

г-н К.Л. Розакис, *Председатель*,
г-н Б. Конфорти,
г-н Г. Бонелло,
г-жа Ф. Тюлькенз,
г-жа В. Стражнецка,
г-н П. Лорензен,
г-жа М. Цаца-Николовска, *судьи,*

а также г-н Е. Фрайберг, *Секретарь Секции,*

Проведя совещания за закрытыми дверями 30 ноября 2000 года, 1 февраля и 8 марта 2001 года,

Вынес следующее Постановление, принятое в последний из указанных выше дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было начато после принятия Судом заявления (№ 38432/97) против Люксембурга, поданного в Европейскую Комиссию по правам человека («Комиссия») в соответствии с прежней статьей 25 Конвенции в защиту прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином Люксембурга, г-ном *Марком Тома (Mark Thoma)* («Заявитель») 9 сентября 1997 года.

2. В зале суда заявителя представлял г-н Пол Урбани (Pol Urbany), практикующий адвокат из Люксембурга. Правительство Люксембурга («Правительство») было представлено г-ном Роджером Нотаром (Roger Nothar), уполномоченным представителем.

3. Заявитель, в частности, утверждал о нарушении его права на свободу выражения мнения, гарантированного статьей 10 Конвенции.

4. Заявление было передано в Суд 1 ноября 1998 года, когда вступил в силу Протокол № 11 к Конвенции (пункт 2 статьи 5 Протокола № 11).

5. Заявление было передано во Вторую Секцию Суда (пункт 1 правила 52 Регламента). Господин Марк Фишбах (Mark Fischbach), избранный судья Люксембурга, был отозван от рассмотрения дела (правило 28). Председатель Суда назначил, соответственно, г-жу Франсуазу Тюлькенз (Francoise Tulkens), избранную судью Бельгии, на его место (п. 2 статьи 27 Конвенции и пункт 1 правила 29 Регламента).

6. Решением от 25 мая 2000 года Палата объявила жалобу частично приемлемой. [Замечание Секретаря: С решением можно ознакомиться в Секретариате]

7. Заявитель и правительство подали свои замечания по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента).

8. Открытое судебное слушание состоялось во Дворце Прав Человека в г. Страсбурге 30 ноября 2000 года (пункт 2 правила 59).

В Суде присутствовали:

(a) со стороны правительства

г-н Роджер Нотар (Roger Nothar), Уполномоченный представитель,
г-жа Андре Клеманг (Andree Clemang),
г-н Жерард Филиппс (Gerard Philipps), Советник;

(b) со стороны заявителя

г-н Пол Урбани (Pol Urbany), Советник.

Суд заслушал обращения г-на Нотара и г-на Урбани, а также их ответы на вопросы одного из членов Суда.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

9. 6 ноября 1991 года ежедневная газета Люксембурга "Тагеблатт" («Tageblatt»), печатаемая в Германии, опубликовала статью журналиста Джози Браун (Josy Braun) о различных методах лесовозобновления, которые использовались после серии стихийных бедствий, опустошивших в начале 1990 года часть лесных массивов Люксембурга. Статья вышла под заголовком "Лесовозобновление…еще раз" («Wiederaufforstung…das ganze noch einmal») и содержала следующий отрывок:

> *[Перевод]*
>
> *«Цинизм действительно не знает предела, нельзя забывать о том, что эти лесные садовники рубят деревья, покупают, сажают, «культивируют» государственные фонды под музыку миллионов франков. (Министры, прислушайтесь!)*
>
> *Что за всем этим скрыто? Конечно, люди, имеющие к этому отношение, будут все отрицать. Но после разговора с людьми, работающими в этой сфере, можно сделать следующий вывод: гораздо выгоднее заново пересадить деревья во второй и третий раз, покупая их у продавца, который предлагает щедрые проценты, чем*

один раз закупив саженцы у фирмы, которая осмеливается не давать взятки. (Комментарий человека, который знаком с этой системой: «Я знаю только одного человека, который не подкупен». Он назвал имя начальника лесной службы из Баумбёша («Bambësch»).

«Естественно», бульварная пресса снова публикует «необоснованную чудовищность», и «естественно», что в этом нет ни доли правды. Но владельцы лесных угодий, будь то государство, муниципальные власти или частные лица, должны знать следующее: именно они должны платить за повторное лесовозобновление, польза от которого сомнительна. И именно они должны требовать, чтобы государственные власти «очистили от навоза Авгиевы конюшни», вместо постоянных попыток, с переменным успехом, затыкать рот тем, кто осмеливается ставить интересы государства выше частных интересов нескольких «блох на мошонке благосостояния государства» (dixit Degenhard).»

10. Заявитель на момент рассмотрения дела работал журналистом на государственной радиостанции «RTL 92.5», для которой он готовил еженедельную программу в Летцебургеш (Letzeburgesch) под названием «Экомагазин»[1] (Oekomagazin). Тематика программы была посвящена природе и защите окружающей среды. Он несколько раз в своей программе поднимал вопрос о проблемах, связанных с лесовозобновлением после стихийных бедствий в 1990 году и наряду с другими СМИ Люксембурга затронул проблему кризиса системы.

11. 6 ноября 1991 года заявитель выбрал темой программы «Экомагазин» вопрос о лесовозобновлении. Он начал свою программу со вступления, в котором напомнил слушателям, что на прошлой неделе говорил о «соблазне членов комиссии лесного хозяйства воспользоваться преимуществом, когда представится возможность» и упомянул о «серии телефонных звонков от людей с разных уголков страны, которым было что рассказать». Он продолжил: «В любом случае очевидно одно – вопрос об управлении лесными угодьями гораздо сложнее и противоречивее, чем люди могут думать». Он также сообщил, что может привести пример, как владелец частных лесных угодий принял работу от частного подрядчика, а потом «не знал, куда деваться», получив счет за выполненную работу не от частного подрядчика, а от комиссии лесного хозяйства, ответственной за данный сектор. После вступления он продолжил цитировать вышеупомянутую статью, которая была написана по его словам «решительным языком». Он сказал, помимо прочего:

[Перевод с текста, переведенного на французский, предоставленного заявителем]

«Но деньги можно делать и на лесопилке, и в лесу. Это же относится к насаждениям, которые могут исчисляться миллионами. В сегодняшнем номере «Тагеблатт» в своей статье на две страницы Джози Браун не смягчает слова и не делает никаких уступок, осуждая политику Комиссии Водного и Лесного Хозяйства. Журналист пишет, а я цитирую: «Требуется определенная доля цинизма, чтобы не забывать, что эти лесные садовники расчищают, покупают, сажают и (в кавычках) культивируют государственные лесные угодия не за свои деньги, а за средства из государственных фондов, под музыку миллионов». Джози Браун приводит затем доказательства (fazit) этого предположения: «Гораздо выгоднее заново пересадить деревья во второй и третий раз, покупая их у продавца, который предлагает щедрые проценты, чем один раз закупить саженцы у фирмы, которая осмеливается не давать взятки». Журналист из Тагеблатт цитирует авторитетный источник из лесной промышленности: «Я знаю только одного

[1] Телепрограмма «Экологический журнал»

человека, который не подкупен». В этой связи упоминается имя начальника лесного хозяйства из Баумбёш. «Владельцы наших лесов, будь то государство, муниципальные власти или частные лица, должны знать следующее: именно они должны платить за бесчисленные сомнительные проекты по лесовозобновлению», и снова цитируя журналиста из Тагеблатт: «Именно они должны требовать, чтобы государственные власти очистили Авгиевы конюшни раз и навсегда…»

12. Заявитель объяснил, что Джози Браун в своей резкой статье без колебаний ссылался на статью Уголовного Кодекса, касающуюся вмешательства, которая запрещает государственным чиновникам или муниципальным служащим использовать свое служебное положение для извлечения личной выгоды. Он добавил, что работники Комиссии Водного и Лесного Хозяйства «получают хорошее жалование и, ни при каких обстоятельствах, не могут претендовать на деньги и богатеть за счет лесных угодий, принадлежащих государству или частным владельцам, а также за счет покупателей древесины или продавцов саженцев».

13. Затем он продолжил рассуждения на эту тему и задал несколько вопросов инженеру В. из Комиссии Водного и Лесного Хозяйства, прежде чем спросить мнение частного владельца лесных угодий Р.:

[Перевод с текста, переведенного на французский, предоставленного заявителем]

«В достаточно резкой статье журналиста Джози Браун говорится: "Гораздо выгоднее заново пересадить деревья во второй и третий раз, покупая их у продавца, который дает щедрые взятки, чем один раз закупить саженцы у фирмы, которая осмеливается не давать взятки». Господин Р., что Вы думаете об этой фразе. Ваша работа также немного связана с этой сферой деятельности, каков ваш опыт? Правда ли то, о чем говорит Джози Браун?»

14. После того, как г-н Р. выразил свою точку зрения по этому вопросу, заявитель задал ему вопрос о доставке саженцев из-за границы, вопрос, который ранее обсуждался с инженером В. Он задал Р. следующие вопросы:

«Каково Ваше мнение о доставке саженцев из-за границы, возможно через торговцев из Люксембурга? Возможно ли, что саженцы, ввозимые из Венгрии или Испании, например, не проходят никакой проверки?»

15. После ответа частного владельца на этот вопрос, заявитель закончил программу долгой дискуссией на тему государственных закупок.

16. В пресс-релизе от 19 ноября 1991 года Ассоциация Лесничих Люксембурга объявила о намерении возбудить дело против заявителя о защите репутации (диффамации). Однако, иска не последовало.

17. С ноября 1991 года до февраля 1992 года сорок четыре начальника лесных угодий и девять инженеров лесных хозяйств возбудили гражданские дела в отношении заявителя об ущербе, утверждая, что его заявления нанесли вред их репутации. Каждый из них требовал 1 000 000 люксембургских франков в качестве компенсации вреда. Они утверждали, что он процитировал обвинения, содержащиеся в номере Тагеблатт от 6 ноября 1991 года, никак не смягчив их, не откорректировав и не прокомментировав их, он распространил их как свои собственные. Таким образом, он информировал общественность о том, что все начальники лесных угодий Люксембурга (на тот момент их было около восьмидесяти) и все инженеры лесных хозяйств

Люксембурга, за исключением одного, коррумпированы и продажны. В своих исковых заявлениях они ссылались на судебное решение 1989 года, в котором говорилось:

> *«Устанавливая свободу прессы, Конституция не налагает никаких ограничений на основной принцип, изложенный в статьях 1382 и 1383 Гражданского Кодекса. Свобода прессы не абсолютна и заканчивается там, где она нарушает законные права и интересы других лиц. Журналисты не обладают иммунитетом, освобождающим их от обязательства соблюдать осторожность в отношении других людей, государства и его институтов, и любое нарушение, пусть даже легкое, этого обязательства незаконно в соответствии с вышеуказанными статьями Гражданского Кодекса, которые обязывают любого человека, чье правонарушение, необдуманный поступок или упущение нанесли ущерб другим лицам, выплатить компенсацию.*
>
> *Журналисты могут понести суровое наказание за нарушение обязательства сообщать правдивую и объективную информацию» (решение № 9.637 от 13 ноября 1989 года, Cepal v. Bever).»*

18. Шестьдесят три исковых заявления содержали более или менее одинаковую формулировку.

19. Заявитель обратился с просьбой объединить все исковые заявления против него и объявить их неприемлемыми по той причине, что он только процитировал высказывания вполне определенного человека. Он предложил представить свидетельские показания, демонстрирующие многочисленные нарушения в данной сфере, выявленные им в ходе проведенного журналистского расследования. Он также подал встречные исковые заявления против каждого истца с требованием выплаты 25 000 люксембургских франков в качестве денежного пособия для подготовки дела в суд и 100 000 люксембургских франков за процессуальные злоупотребления и обременительные судебные слушания; он также потребовал возмещение судебных издержек.

20. 14 июля 1993 года Окружной суд Люксембурга изучил шестьдесят три дела на одном судебном слушании и вынес шестьдесят три практически идентичных решений. Суд присудил каждому истцу по одному франку в качестве компенсации номинального ущерба, отклонил встречные иски и обязал заявителя выплатить все судебные издержки.

21. Изучив текст вышеуказанного отрывка из статьи в Тагеблатт и цитаты из распечатки текста радиопрограммы заявителя, Окружной суд постановил:

> *«Журналист Тома воспользовался статьей Джози Браун, в частности, отрывком, ставшим предметом спора, чтобы убедить общественность, что действующее законодательство не выполняется, и поддержать [fazit] выводы, к которым пришел Джози Браун.*
>
> *Суд считает, что использование слов «лесничество, управление лесного хозяйства» (Forstleit, Forstverwaltung) сужает круг людей, о которых говорится в программе. А использование вывода, сделанного Браун, подтверждает мнение человека, предположительно знакомого с этим кругом (Berufener Stemma us dem Milieu) о том, что он знаком только с одним человеком, из этого круга, который не подкупен. Все это означает, что те, против кого выдвигаются обвинения, вполне опознаваемы.*

Со своей позиции (как служащий комиссии лесного хозяйства) истец в достаточной мере установил, что ремарки Тома были направлены в его адрес.

Суд обязан проанализировать действия ответчика и оценить, попадает ли данный поступок под действие положений статей 1382 и 1383 Гражданского Кодекса.

Абсолютно справедливо, что пресса имеет право и даже обязана выступать с критикой злоупотреблений, которые становятся известны общественной жизни (CSJ 23 марта 1912 года P. 8, стр. 346).

На профессиональных журналистах лежит обязательство публиковать свежайшие новости, информационные сообщения и, в общем, все, что на их взгляд представляет интерес, как можно скорее (Окружной суд Люксембурга, 14 февраля 1990 года, № 100/90). Пресса должна сохранить за собой право критиковать общественную деятельность граждан и всех тех, чья деятельность затрагивает сообщество. Пресса имеет право говорить то, что думает относительно их деятельности при условии, что она не наносит урон их репутации и действует без злого умысла (Окружной суд Люксембурга, 27 октября 1986 года, Feuillets de liaison de conference St Yves № 69, стр. 43).

Следовательно, Марк Тома имел полное право расследовать проблемы, возникшие с лесовозобновлением лесных массивов после стихийных бедствий, а также осуждать и критиковать деятельность, которая, на его взгляд, нарушала действующие законы и правовые нормы.

Действительно, опубликовав серию статей в прессе, люксембургские журналисты не упустили возможность привлечь внимание общественности и государственных властей к проблемам, которые они считали своим долгом критиковать.

Общеизвестно, что от журналистов нельзя требовать абсолютной объективности в свете относительно ненадежных методов журналистского расследования, которые им доступны. Тем не менее, журналисты обязаны использовать информацию, которая была проверена доступными им методами. Закон требует, чтобы журналисты действовали без злого умысла, и не предоставляет иммунитет тем лицам, которые посредством недоброжелательности, злобы и глупости пытаются дискредитировать других через публикации. Недобросовестное намерение может возникнуть, когда у журналиста есть причины сомневаться в достоверности фактов или он сомневается в своей способности представить доказательства достоверности данных фактов (Civ. Brussels, 29 января 1987 года J.T. 1987 год).

В настоящем деле Тома был обязан представить веские доказательства, которые позволили ему согласиться с утверждениями Браун и заявить, что истец виновен в коррупции в лесовозобновлении лесных массивов».

22. Отклонив предложение заявителя представить доказательства по причине их неопределенности, Окружной суд пришел к выводу:

«Марку Тома не удалось продемонстрировать, что он имеет веские доказательства того, что истец виновен в коррупции в лесовозобновлении лесных массивов.

В задачи суда не входит устанавливать или предпринимать расследовательные меры, чтобы помочь журналисту провести расследование после свершившегося факта, которое он должен был провести до опубликования статьи, ставшей предметом спора.

Выражая свое мнение, без доказательств и каких-либо оговорок, о том, что все работники Комиссии Водного и Лесного Хозяйства, задействованные в лесовозобновлении, за исключением одного человека, продажны, Тома преступил рамки своего права распространять правдивую информацию и, следовательно, совершил гражданско-правовое правонарушение».

23. Заявитель подал апелляцию против всех шестидесяти трех решений. В своей апелляции он обратился с ходатайством объединить пятьдесят четыре дела, возбужденных начальниками лесных хозяйств и девять дел, возбужденных инженерами лесного хозяйства. Его оппоненты оспорили данное ходатайство. Заявитель не заявил повторно о своем желании представить доказательства, о чем он говорил в суде первой инстанции.

24. 30 июня 1996 года Апелляционный Суд Великого Графства Люксембурга (Седьмая палата) вынес свое постановление по практически идентичным судебным решениям. Суд удовлетворил ходатайство заявителя объединить дела и утвердил оспариваемые решения. Объясняя свое решение присудить каждому истцу по одному франку в качестве компенсации номинального ущерба, Апелляционный Суд дополнительно привел следующие причины к тем, которые были изложены в решении Окружного суда:

«Поскольку фразы «Я знаю только одного человека, который не подкупен. Он назвал имя начальника лесной службы из «Bambesch», - отнесены не к конкретному человеку, а к «Berufener Stemma us dem Milieu», то есть достаточно известному человеку в данной сфере, который был в курсе конфиденциальных вопросов, и на которого можно было положиться в достоверности полученной информации, соответственно текст статьи Брауна, процитированный апеллянтом, наводит общественность на мысль и заставляет ее поверить, что нет ни одного работника Комиссии Водного и Лесного Хозяйства, за исключением начальника лесного хозяйства Баумбёш, который не был бы замешан в коррупции.

Отсюда следует, что вопреки утверждению апеллянта, процитированный им текст характеризует «определенную группу идентифицируемых лиц» как продажную, так как все работники Комиссии Лесного и Водного Хозяйства оказались в этом положении и все вместе составляют определенную группу идентифицируемых людей.

Из вышесказанного следует, что истцы в суде первой инстанции и ответчики по данной апелляции, на которых лежит бремя доказывания обстоятельств искового заявления, сочли, по роду своей работы (персонал комиссии лесного хозяйства), что текст статьи Джози Браун, процитированный заявителем, был направлен в их адрес.

Далее, заявителю не удалось уйти от ответственности, утверждая, что его реплики были не чем иным, как цитатами из статьи Джози Брауна, ставшей предметом спора.

Журналист не может избежать ответственности, утверждая, что статья, которую он обнародовал, является копией статьи, ранее уже опубликованной

другим лицом. Решив воспроизвести данную статью, журналист присваивает себе утверждения, содержащиеся в воспроизводимом тексте и, таким образом, навлекает на себя личную ответственность.

Таково положение дел, и журналист, решивший просто воспроизвести статью, опубликованную ранее, может избежать ответственности только в том случае, если формально отстранится от статьи и ее содержания, и если существует новостной интерес к воспроизведению содержания статьи, которая уже была опубликована.

В настоящем деле вполне очевидно, что процитировав в программе «Экомагазин» от 6 ноября 1991 года в Letzeburgesch отрывок статьи Джози Брауна, вышедшей в тот же день в газете Тагеблатт в программе апеллянт не дистанцировался от текста и, в частности, от вышеупомянутого обвинения, содержащегося в нем.

Следовательно, даже предположив, что апеллянт просто процитировал отрывок из статьи Джози Брауна, ставший в последствии предметом спора, тем не менее, он должен нести ответственность за цитирование.

В заключении, Апелляционный Суд считает, что апеллянту не удалось установить достоверность обстоятельств утверждения о коррупции, содержащегося в отрывке из статьи Джози Брауна, которую он процитировал, учитывая тот факт, что он формально не дистанцировался от него. При данных обстоятельствах это утверждение само по себе устанавливает, что, когда апеллянт открыто процитировал отрывок из статьи Джози Браун 6 ноября 1991 года в программе «Экомагазин», содержащий это утверждение, в этом можно было усмотреть «злой умысел» вопреки мнению апеллянта…

Отсюда следует, что бездоказательно заставляя общественность полагать, что весь персонал Комиссии Водного и Лесного Хозяйства, от лесников до директора, коррумпирован, за исключением одного честного работника из Баумбёш, апеллянт нарушил свое обязательство распространять правдивую информацию и, следовательно, совершил гражданско-правовое правонарушение, которое повлекло ответственность в соответствии со статьями 1382 и 1383 Гражданского Кодекса ...»

25. Заявитель обжаловал это постановление в Кассационный суд, который решениями от 20 марта 1997 года отклонил его апелляции. Кассационный суд напомнил, среди прочего, что статьи 1382 и 1383 Гражданского Кодекса устанавливают систему компенсации. Согласно последнему предложению статьи 24 Конституции и статьи 16(2) Закона о прессе от 20 июля 1869 года, рамки действия этих статей в делах о прессе не ограничены, как и в других сферах, и суды сами определяют было ли совершено правонарушение, учитывая особый характер журналистской работы. Суд добавил, что суды более низких инстанций законно и обоснованно установили наличие правонарушения в данном деле.

II. Применимое национальное законодательство

26. Положения Гражданского Кодекса Люксембурга, касающиеся ответственности в общем праве, гласят:

«Статья 1382 «Любое действие, совершенное лицом и нанесшее ущерб другому лицу, влечет обязанность лица, по чьей вине был нанесен ущерб, возместить нанесенный ущерб».

Статья 1383 «Любое лицо несет ответственность за ущерб, который оно нанесло не только своими действиями, но и ошибками и деяниями, совершенными по небрежности».

27. Согласно статьям 1382 и 1383, правонарушение может быть следствием нарушения нормы уголовного права. В этом случае, жертва может подать гражданский иск или возбудить уголовное дело или выступить в качестве гражданской стороны в уголовном процессе.

28. Правонарушение, связанное с нанесением ущерба репутации какого-либо лица, предусмотрено статьей 443 Уголовного Кодекса, которая гласит:

«Любое лицо, которое при изложенных ниже обстоятельствах, умышленно обвиняет другое лицо в чем-либо, что может нанести ущерб репутации этого лица или подвергнуть его презрению общественности, считается виновным в клевете, если не представит доказательств, подтверждающих правдивость выдвинутых обвинений, в том случае, если закон предусматривает защиту со ссылкой на оправдывающие обстоятельства. Если закон не предусматривает такого вида защиты, данное лицо должно быть признано виновным в диффамации».

29. Статья 16 Закона о прессе гласит:

«Любое лицо, совершившее правонарушение через прессу в качестве организатора или соучастника правонарушения, несет уголовную и гражданскую ответственность.

Однако если личность организатора известна и он является гражданином Люксембурга и проживает в Великом Герцогстве, издатель, редактор и любой соучастник освобождаются от ответственности».

30. Это положение закона вводит понятие «косвенной ответственности» в судебных разбирательствах против прессы. Согласно комментариям юристов, эта система устраняет необходимость предварительной цензуры авторских материалов со стороны редактора, издателя или распространителя. Здесь речь идет не о разделении ответственности, а возложении ее на одного человека, автора, если его личность установлена, и если он проживает в Люксембурге. Если эти условия не выполнимы, ответственность возлагается на редактора, издателя или распространителя.

31. Статья 18 закона гласит:

«Никто не может быть освобожден от ответственности, путем извинения или оправдания, в силу того, что рукописи, печатный материал, картины или эмблемы, являются воспроизведением материалов, опубликованных в Великом Герцогстве или заграницей».

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

32. Заявитель утверждал, что обвинение в его адрес представляло собой вмешательство в его право на свободу выражения мнения и нарушение статьи 10 Конвенции, которая предусматривает:

> *«1. Каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ…*
>
> *2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».*

1. Аргументы сторон

(a) Заявитель

33. Заявитель считал, что обвинительный приговор в его адрес без сомнения представлял собой вмешательство в его право на свободу выражения мнения, если судебное распоряжение о выплате номинального ущерба представляет собой такое вмешательство. В любом случае, суд принял решение о выплате заявителем всех судебных издержек.

34. Он утверждал, что вмешательство не было предусмотрено законом, так как формулировка статей 1382 и 1383 Гражданского Кодекса была нечеткой и не отвечала критерию предсказуемости наказания. Заявитель обратил внимание на принцип, что специальное право должно превалировать над общим правом. Соответственно, Закон о прессе от 20 июля 1869 года, который отвечает критериям доступности и предсказуемости наказания, должен применяться в ходе судебного разбирательства против журналиста. Статья 16 Закона о прессе, устанавливающая косвенную ответственность, исключала любое вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения за цитирование фрагмента из статьи четко идентифицированного автора. К тому же вмешательство исключалось нормой, имеющей высшее действие, а именно статьей 24 Конституции Люксембурга. В заключение, он сослался на решение Кассационного Суда Франции, который отклонил апелляцию на решение Апелляционного Суда г. Парижа, которым суд отказал в удовлетворении жалобы апеллянта по статье 1382 Гражданского Кодекса в судебном разбирательстве против прессы. Заявитель утверждал, что данное решение применимо к настоящему делу.

35. Заявитель утверждал, что вмешательство не преследовало законной цели, что он лично не делал оскорбительных заявлений, а просто процитировал отрывок из статьи Джози Брауна. Таким образом, возможно вмешательство в право Джози Брауна на свободу выражения мнения могло быть расценено как преследующее законную цель, оно не могло быть признано таковым по отношению к праву заявителя на свободу выражения мнения.

36. Ссылаясь на решение по делу "Йерсилд против Дании" ("Jersild v. Denmark" от 23 сентября 1994 года, Series A, № 298), заявитель добавил, что вмешательство не было необходимым в демократическом обществе. Он объяснил, что в целях осторожности упомянул, что цитировал

отрывки из статьи, опубликованной его коллегой-журналистом, и попросил гостей программы высказать свою точку зрения. Он добавил, что тема получила широкое обсуждение, и что одиннадцать уголовных и восемь дисциплинарных дел были начаты в отношении деятельности чиновников Комиссии Водного и Лесного Хозяйства. Заявитель также настаивал, что решение было непропорциональным законной цели, так как судебные издержки, которые ему пришлось выплатить, были очень значительны по сумме.

37. Заявитель подчеркнул, что персонал Комиссии Водного и Лесного Хозяйства нельзя было признать имеющим право на особую защиту, как в деле "Яновский против Польши" ("Janowski v. Poland" [GC], № 25716/94, ЕКПЧ 1999-I), так как фактические обстоятельства того дела отличались от обстоятельств настоящего дела.

38. Заявитель закончил выступление, сказав, что его право на свободу выражения мнения было нарушено властями Люксембурга.

(b) Правительство

39. Правительство настаивало, что обвинение заявителя не представляло собой вмешательство в его право на свободу выражения мнения, так как суд постановил выплату номинального ущерба, следовательно, заявитель не понес материального ущерба. Далее наказание, которое было символическим, не ограничивало и не нарушало право заявителя на свободу выражения мнения. Суды лишь напомнили заявителю, что данная свобода имела косвенное отношение к делу.

40. Правительство пояснило, что вмешательство, в любом случае, было предусмотрено законом, в частности, статьями 1382 и 1383 Гражданского Кодекса, устанавливающими общий принцип ответственности в гражданском праве Люксембурга. Поскольку кодекс поведения, определяющий обязательства журналиста в данной сфере отсутствует, то в этом случае применяется общее право. Формулировка положений статей 1382 и 1383, налагающих обязательства на лицо, по вине или по ошибке, или деянию которого, совершенному по небрежности, был нанесен ущерб другому лицу, выплатить компенсацию нанесенного ущерба – вполне четкая и доступная. Эти принципы и их применение к журналистам, в частности, были обговорены и разъяснены судами. Правительство продолжило, утверждая, что заявитель не мог ссылаться на статью 16 Закона о прессе, устанавливающую косвенную ответственность, так как обвинение в его адрес было основано не на этой статье. Его обвиняли за неверное присвоение слов Джози Брауна, так как заявитель высказал утверждение, выражающее его собственную оценку до того, как перешел к цитированию отрывков из статьи последнего. Следовательно, заявитель в программе «Экомагазин» использовал статью Джози Брауна, опубликованную в Тагеблатт в то утро, не проверив релевантность и достоверность информации, которую она содержала, с единственной целью подтвердить свою точку зрения.

41. Правительство утверждало, что вмешательство преследовало законную цель и было оправдано необходимостью защитить репутацию и права руководителей лесных хозяйств, а также было оправдано презумпцией невиновности, защищающей их сторону.

42. В заключение Правительство заявило, что вмешательство было необходимо в демократическом обществе и пропорционально преследуемой законной цели. В этой связи оно подчеркнуло важность фактических обстоятельств дела. Упомянутая программа транслировалась на государственной радиостанции после продолжительной кампании, направленной против руководителей лесных хозяйств. Далее, так как Люксембург – маленькая страна с небольшим количеством инженеров лесных хозяйств и начальников лесных угодий, то лица, о которых говорилось в программе, были вполне идентифицируемы для тех, кто ее

слушал. Было очевидно также, что заявитель высказал утверждение о том, что все чиновники Комиссии Водного и Лесного Хозяйства коррумпированы, с самого начала программы. Таким образом, цитаты из статьи его коллеги-журналиста были ни чем иным, как иллюстрацией его утверждения, которое он ранее сделал, и в обсуждении которого в дальнейшем углубился, открыто ссылаясь на законодательные нормы о «вмешательстве». В этой связи правительство сослалось на решение в указанном выше деле "Яновский против Польши", в котором Суд пояснил, что государственные служащие нуждаются в доверии со стороны общественности для выполнения своих служебных обязанностей, и счел, что обвинение г-на Яновски в оскорбительных словесных нападках в адрес государственных служащих не выходило за пределы судебного усмотрения. Правительство также пояснило, что вмешательство было необходимо в свете необходимости защитить репутацию начальников лесных угодий, и ввиду отсутствия доказательств, подтверждающих утверждение заявителя. Вмешательство было пропорционально преследуемой законной цели, так как устанавливало выплату номинального ущерба без требования публикации судебного решения.

1. Оценка Суда

1. Общие принципы

43. Суд снова повторяет, что свобода выражения мнений является одной из фундаментальных основ демократического общества и одним из основных условий его развития и самосовершенствования каждой личности (см. решение "Лингенс против Австрии" ("Lingens v. Austria") от 8 июля 1986 года, Series A, № 103, стр. 26, п. 41). Осуществление этой свободы предполагает ограничения, которые, вместе с тем, "должны толковаться узко и их необходимость должна быть убедительно доказана" (см. решение "Обсервер и Гардиан против Соединенного Королевства" ("Observer and Guardian v. the United Kingdom") от 26 ноября 1991 года, Series A, № 216, стр. 30, п. 59).

44. Как отмечено в пункте 2 статьи 10, свобода информации и свобода выражения мнений применяется не только по отношению к "информации" и "идеям", которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также и в отношении тех, которые шокируют, обижают или вызывают обеспокоенность у государства или части населения. Таковы требования терпимости, плюрализма и широты взглядов, без которых нет «демократического общества». (см. решение "Хендисайд против Соединенного Королевства" ("Handyside v. the United Kingdom") от 7 декабря 1976 года, Series A, № 24, стр. 23, п. 49, и "Йерсилд против Дании" от 23 сентября 1994 г., Series A, № 298, стр. 26, п. 37).

45. Пресса играет существенную роль в демократическом обществе. Если она не должна переходить известные границы, в частности, в целях защиты репутации и прав других лиц, на ней, тем не менее, лежит обязанность сообщать – в манере, соответствующей ее обязательствам и ответственности - информацию и идеи по политическим вопросам, также как и по другим вопросам, имеющим общественное значение (см. решение "Де Хаэс и Гийселс против Бельгии" ("De Haes and Gijsels v. Belgium") от 24 февраля 1997 года, сб. судебных решений и постановлений 1997-I, стр. 233-34, п. 37). Пресса не только несет задачу распространять информацию и идеи: общественность также имеет право получать их. Иначе, пресса будет не способна осуществлять свою основную функцию «сторожевого пса общества» (см. решение по делу "Торгер Торгерсон против Исландии" ("Thorgeir Thorgeirson v. Iceland") от 25 июня 1992 года, Series A, № 239, стр. 28, п. 63, и "Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии" ("Bladet Tromso and Stensaas v. Norway") [GC], № 21980/93, Reports 1999-III, п. 62). Статья 10 защищает не только содержание этой информации и идей, но и манеру, в которой они сообщаются (см. решение по делу "Обершлик против Австрии" ("Oberschlick v. Austria") от 23 мая 1991 года, Series A, № 204, стр. 25, п. 57).

46. Журналистская свобода также допускает некоторую степень преувеличения и даже провокации (см. решение "Прагер и Обершлик против Австрии" ("Prager and Oberschlick v. Austria") от 26 апреля 1995 года, Series A, № 313, стр. 19, п. 38).

47. Границы допустимой критики в адрес государственных служащих, находящихся при исполнении своих служебных функций, как и в адрес политиков, более широки, чем границы приемлемой критики по отношению к частному лицу. Однако будет неправильным полагать, что государственные служащие осознанно выставляют свои слова и действия под пристальный контроль, как это делают политики, и, следовательно, они не могут оцениваться, когда речь идет о критике их поведения (см. решение "Обершлик против Австрии" №2 ("Oberschlick v. Austria" (№ 2)) от 1 июля 1997 года, Отчеты 1997-IV, стр. 1275, п. 29, и вышеприведенное решение "Яновский против Польши", п. 33).

48. Далее, как один из общих принципов, вопрос о «необходимости» ограничения свободы выражения мнения должен быть четко установлен. Как правило, при оценке «необходимости», которая оправдывает то или иное ограничение, национальные власти пользуются определенной свободой усмотрения. В делах, касающихся прессы, данная свобода усмотрения ограничивается заинтересованностью демократического общества гарантировать и поддерживать свободу прессы. Подобным образом, как это требует п. 2 статьи 10 Конвенции, этот интерес значительно перевешивает весы при определении пропорциональности ограничения преследуемой законной цели (см. среди других дел, решение по делу "Гудвин против Соединенного Королевства" ("Goodwin v. The United Kingdom") от 27 марта 1996 года, Отчеты 1996-II, стр. 500-501, п. 40, и решение "Ворм против Австрии" ("Worm v. Austria") от 29 августа 1997 года, Отчеты 1997-V, стр. 1551, п. 47).

49. Осуществляя этот контроль, Суд не ставит перед собой цель подменять национальные суды, однако он обязан проверять решения, которые выносят последние, используя свое право на свободу усмотрения, на предмет соответствия Статье 10 Конвенции. В частности, он должен определить, являлось ли рассматриваемое вмешательство «пропорциональным законной цели, которую оно преследует», и являются ли аргументы, которые используют государственные органы для его оправдания «существенными и обоснованными» (см. решение по делу "Фрессоз и Руар против Франции" ("Fressoz and Roire v. France") [GC], № 29183/95, ЕКПЧ 1999-I, п. 45).

2. Применение вышеуказанных принципов в данном деле

50. В настоящем деле заявитель был обязан выплатить номинальный ущерб и судебные издержки, так как ему не удалось выполнить свое обязательство сообщать общественности правдивую информацию. Он процитировал отрывки из статьи своего коллеги-журналиста, в которой говорилось, согласно источнику хорошо знакомому с этой сферой промышленности, что все чиновники Комиссии Водного и Лесного Хозяйства коррумпированы. Апелляционный Суд счел, что заявитель формально не отдалил себя от процитированного текста и, следовательно, как бы присвоил себе обвинительные высказывания, содержащиеся в нем. Суд разъяснил, что заявителю не удалось установить, что данные обвинения имеют достаточные основания, это и повлекло за собой привлечение его к ответственности.

51. Рассматриваемое обвинение, несомненно, представляет собой «вмешательство» в право заявителя на свободу выражения мнения (см. решение «Леидю и Изорни против Франции» («Lehideux and Isorni v. France») от 23 сентября 1998 года, Отчеты 1998-VII, стр. 92, п. 39).

52. Возникает вопрос, может ли данное ограничение быть оправдано в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции. Следовательно, необходимо выяснить, «предусмотрено ли данное

ограничение законом», преследует ли оно «законную цель» в соответствии с этим пунктом, и является ли оно «необходимым в демократическом обществе» (см. решение "Лингенс против Австрии" от 8 июля 1986 года, Серия А, № 103, стр. 24-25, п. 34-37).

53. Суд отмечает, что статьи 1382 и 1383 Гражданского Кодекса устанавливают принципы ответственности в гражданском праве, и что суды Люксембурга применяют эти правовые нормы в отношении журналистов в судебной практике. Суд далее сообщает, что статья 18 Закона о прессе от 1869 года гласит: «Никто не может быть освобожден от ответственности, путем извинения или оправдания, в силу того, что рукописи, печатный материал, картины или эмблемы, являются воспроизведением материалов, опубликованных в Великом Герцогстве или заграницей». Следовательно, Суд считает, что заявитель мог предвидеть в разумной степени, и по необходимости мог получить квалифицированный совет, что оглашение данной информации в эфире его программы не освобождает его от ответственности. Таким образом, можно считать, что данное вмешательство было «предусмотрено законом» (см. решение "Санди Таймс" против Соединенного Королевства" ("The Sunday Times v. The United Kingdom") от 26 апреля 1979 года, Series A, № 30).

54. Суд считает, что основания, на которые опирались суды Люксембурга в своих решениях, не противоречили законной цели защитить репутацию и права инженеров лесных хозяйств и начальников лесных угодий, а также соответствовали презумпции невиновности, которая была на их стороне. Следовательно, цель данного вмешательства была защитить «репутацию и права других людей».

55. Теперь Суд обязан установить, является ли данное вмешательство «необходимым в демократическом обществе» для достижения этой цели, а также установить, вызвано ли данное вмешательство острой социальной необходимостью, пропорционально ли оно преследуемой законной цели, и являются ли аргументы, которые используют государственные органы для его оправдания, существенными и обоснованными.

56. Суд с самого начала подчеркивает, что следует уделить особое внимание размеру страны. Несмотря на то, что заявитель сообщил сведения в своей программе, не называя конкретных имен, все же личность инженеров и начальников лесных угодий становится вполне очевидной слушателям, так как число чиновников, работающих в Комиссии Лесного и Водного Хозяйства, ограничено.

57. Суд находит, что некоторые обвинительные высказывания, произнесенные заявителем в адрес чиновников 6 ноября 1991 года в программе, были обоснованными. В дополнение к цитатам из статьи Джози Брауна, заявитель упомянул, среди прочего, о «соблазне членов комиссии лесного хозяйства воспользоваться преимуществом, когда представится возможность». Он также говорил о серьезном нарушении в виде «вмешательства» чиновников Комиссии Водного и Лесного Хозяйства в частную торговлю лесом, принимая во внимание то, что государственные служащие должны вызывать доверие у общественности, необходимое им для осуществления своих служебных обязанностей (см. решение "Яновский против Польши" от 21 января 1999 года, Отчеты 1999-I, п. 33).

58. Суд должен, однако, заметить, что затронутая в программе тема широко обсуждалась в средствах массовой информации Люксембурга и касалась проблемы, вызывающей большой интерес общественности. Любые ограничения в данной сфере должны быть четко сформулированы. Следовательно, Суд должен проявить осторожность, когда, как в настоящем деле, принятые государственными властями меры и наложенные наказания таковы, что могут удержать прессу от участия в обсуждении вопросов, представляющих общественный интерес (см. вышеупомянутое решение "Йерсилд против Дании", стр. 25-26, п. 35).

59. Главный вопрос заключается в том, насколько правильно государственные власти воспользовались свободой усмотрения, когда вынесли против заявителя обвинительный приговор, признав его виновным в нарушении обязательства сообщать общественности правдивую информацию.

54. В этом вопросе Суд считает разумным принять во внимание, как это сделало Правительство, что рассматривая в целом комментарии заявителя в программе, можно прийти к выводу, что заявитель разделял позицию – возможно, частично, изложенную в содержании цитат из статьи.

60. Однако, для установления четкой и убедительной «необходимости» ограничения свободы выражения мнения, Суд должен изучить проблему, главным образом, с точки зрения, принятой судами Люксембурга. В этой связи Суд обязан отметить, что Апелляционный суд коснулся вопроса о цитировании заявителем отрывка из статьи его коллеги-журналиста, и вынес свое решение, основываясь только на том, что заявитель присвоил себе утверждения, содержащиеся в тексте, так как формально не отдалил себя от него.

61. Суд повторяет, что «наказание журналиста за содействие в распространении утверждений, высказанных другим лицом… может послужить серьезным препятствием в обсуждении прессой вопросов общественного интереса, и не должно применяться, если нет на то веских причин» (см. вышеуказанное решение "Йерсилд против Дании", стр. 25-26, п. 35).

62. В настоящем деле Апелляционный Суд сначала изучил содержание оспариваемых цитат. Суд счел, что приписывая фразу («Я знаю только одного человека, который не подкупен») человеку, работающему в данной индустрии, то есть тому, кому «можно доверять, и кто не предоставит ложной информации», статья Джози Брауна «наводит общественность на мысль и заставляет ее поверить, что нет ни одного работника Комиссии Водного и Лесного Хозяйства, за исключением начальника лесного хозяйства Баумбёша, который не был бы замешан в коррупции». Апелляционный Суд разъяснил, что заявитель не мог избежать ответственности, сославшись на то, что просто процитировал отрывки из статьи Джози Брауна. Суд объяснил: «Журналист, процитировавший статью, ранее появившуюся в прессе, может избежать ответственности, только если формально отстранит себя от статьи и ее содержания…». В заключение суд отметил, что заявитель процитировал отрывок из статьи Джози Брауна, содержащий обвинительные утверждение, обстоятельства которого он не выяснил, и, следовательно, действовал не без «злого умысла».

63. В обстоятельствах данного дела Суд не считает данные объяснения «убедительными» и способными оправдать наказание, которое было вынесено журналисту. Общее требование к журналистам систематически и формально отдалять себя от содержания цитаты, которая может оскорбить или спровоцировать других людей, или нанести вред их репутации, не совместимо с ролью прессы предоставлять информацию по текущим событиям, мнениям и идеям. В настоящем деле, краткое изложение программы демонстрирует, что, в любом случае, заявитель проявлял осторожность, постоянно напоминая, что цитирует статью, и указывая имя автора статьи. В дополнение, он охарактеризовал всю статью своего коллеги-журналиста как написанную «слишком острым языком». Он также обратился с вопросом к третьей стороне, владельцу лесных угодий, считает ли он то, о чем пишет Джози Браун, правдой.

64. В свете вышеизложенного, основания для обвинения заявителя не достаточны, чтобы убедить Суд в том, что данное вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения было «необходимо в демократическом обществе». В частности, принятые меры были непропорциональны преследуемой цели «защитить репутацию и права других людей».

65. Следовательно, на лицо нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 41 Конвенции

66. Статья 41 Конвенции гласит:

> *«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».*

67. В случае установления Судом нарушения Конвенции, правительство обратилось к нему с просьбой вынести решение о выплате, путем определения компенсации по справедливости.

A. Ущерб

1. Материальный ущерб

68. Заявитель требовал сумму в размере 43 538 люксембургских франков (ЛФ) в качестве компенсации материального ущерба, включая 23 520 ЛФ за его личные издержки во время поездок к адвокату и в суд, 63 ЛФ за номинальный ущерб, который он выплатил шестидесяти трем оппонентам и остальную часть суммы, как единовременно выплаченную сумму за переписку и телефонные разговоры со своими адвокатами.

69. Заявитель также потребовал сумму в размере 1 678 648 ЛФ в качестве выплаты его судебных издержек, включая 362 884 ЛФ за судебные издержки его оппонентов и 1 315 764 ЛФ за гонорары своего адвоката. По мнению Суда, данные суммы обоснованы и попадают в пункт материального ущерба.

70. Суд напоминает, что в прецедентном праве, сумма, выплаченная в качестве компенсации ущерба, может быть возмещена, если установлена причинно-следственная связь между нарушением Конвенции и нанесенным ущербом. Таким образом, суммы, выплаченные заявителем по решению судов, могут быть взяты во внимание (номинальный ущерб в размере 63 ЛФ, судебные издержки оппонентов заявителя в размере 362 884 ЛФ) плюс судебные издержки (в размере 378 493 ЛФ) за представление процессуальных документов, которые обязательны, в соответствии с законами Люксембурга, для надлежащего судебного разбирательства.

71. Следовательно, сумма для выплаты заявителю в целом составила 741 440 ЛФ.

2. Моральный ущерб

72. Заявитель потребовал 1 500 000 ЛФ в качестве компенсации морального ущерба, который ему нанесла непристойная слава, и эмоциональное напряжение, которое последовало за обвинением.

73. Суд считает, что решения судов Люксембурга, вынесенные в отношении заявителя, доставили ему немало неудобств. Однако, установление нарушения Конвенции, само по себе, служит справедливой компенсацией в этой части.

B. Судебные издержки

74. Суд указывает, что суммы, выплаченные заявителем другой стороне после вынесенного судами Люксембурга решения, а также издержки за предоставление документов во внутригосударственных судебных разбирательствах, составляют материальный ущерб и должны рассматриваться в пункте об ущербе.

75. Что касается судебных издержек, которые связаны с представлением заявителя в суде, заявитель потребовал 12 149 927 ЛФ, из них 8 649 777 ЛФ за судебные слушания во внутригосударственных судах и 3 500 150 за судебные слушания в институтах Конвенции.

76. Суд повторяет, что судебные издержки могут быть возмещены заявителю, если в действительности он лично понес эти издержки, и если сумма этих издержек разумна (см. решение по делу "Боттаззи против Италии"("Bottazzi v. Italy"), № 34884/97, ЕКПЧ 1999-V). Суд считает гонорары адвоката заявителя неразумными и, беря во внимание информацию, которой он располагает, вышеуказанные критерии и беспристрастность решения, назначает к выплате сумму в размере 600 000 ЛФ.

С. Мораторная процентная ставка

77. Согласно информации, которой располагает Суд, применимая установленная законом процентная ставка в Люксембурге на день принятия настоящего решения составляет 5.75% в год.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
2. *Постановляет* шестью голосами против одного, что установление нарушения Конвенции, само по себе, является справедливой компенсацией морального ущерба, нанесенного заявителю;
3. *Постановляет* единогласно
   (a) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех последующих месяцев, начиная со дня, когда данное решение окончательно вступит в силу, в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, следующие суммы:
      (i) 741 440 (семьсот сорок одна тысяча четыреста сорок) люксембургских франков в качестве возмещения материального ущерба;
      (ii) 600 000 (шестьсот тысяч) люксембургских франков в качестве компенсации судебных издержек;
   (b) увеличить эту сумму на процентную ставку в 5.75% годовых, начиная со дня истечения указанного срока и вплоть до выплаты;
4. *Отклоняет* единогласно оставшуюся часть заявленной к возмещению заявителем суммы компенсации.

Совершено на французском языке, письменно заверено 29 марта 2001 года в соответствии с Пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента.

Эрик Фрайберг — Председатель
Кристос Розакис — Секретарь

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента к решению прилагается частично особое мнение судьи Бонелло.

Частично особое мнение судьи Бонелло

(перевод)

Я не разделяю мнение большинства состава суда, что установление нарушения статьи 10 Конвенции, само по себе, является справедливой компенсацией заявленной суммы морального ущерба, нанесенного заявителю. Я рассматриваю подобный «отказ в предоставлении данной меры защиты» несправедливым, каким бы судом правосудия он не выносился. Более того, данное условие вполне отвечает требованиям Конвенции, что я детально разъяснил в своем частично особом мнении в деле "Акуилина против Мальты" ("Aquilina v. Malta") от 29 апреля 1999 года.

Краткое изложение дела

ДЕЛО "ТОРГЕР ТОРГЕРСОН ПРОТИВ ИСЛАНДИИ"
(Thorgeir Thorgeirson v. Island)

(жалоба № 13778/88)

Постановление Суда
Страсбург, 25 июня 1992 года

Тема: диффамация
Аспекты дела: диффамация в отношении публичной фигуры (общественного деятеля)
Критерий: важность свободы выражения мнения
Наказание: финансовая санкция

Решение: Нарушение права на свободу выражения мнения (статьи 10 Европейской Конвенции по правам человека); восемь голосов против одного

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека: Исландия

Заключение: Заявитель был оштрафован за публикацию двух статей, в которых прозвучали заявления о жестокости полиции.

Факты: С 1979 до 1983 гг. в Исландии произошёл ряд инцидентов, в связи с которыми говорили о жестокости полиции, приблизительно о десяти из них было заявлено в полицию. Одна жалоба привела к осуждению полицейского и широко обсуждалась общественностью. Заявитель опубликовал в ежедневной газете два открытых письма министру юстиции, где рассказывал об осуждении того полицейского и других случаях жестокости полиции и просил министра организовать независимое и беспристрастное расследование. В статьях сообщалось, со ссылкой на различные источники, включая свидетельства соседа по больничной палате, о молодом человеке, который лежал в больнице в результате увечий, нанесенных полицией, что подтвердил больничный персонал, и использовались фразы "дикие звери в униформе" и "полицейская жестокость" для характеристики полиции. Заявитель преследовался в уголовном порядке, был признан виновным в диффамации и приговорен к штрафу в размере 10,000 исландских крон или восьмидневному тюремному заключению.

Решение:

Обвинительный приговор представляет собой вмешательство в право на свободу выражения мнения. Данное вмешательство предусмотрено законом и преследовало законную цель защиты репутации и прав других. Обсуждался вопрос, было ли наказание в виде уголовной санкции (штрафа) "необходимо в демократическом обществе".

Суд напомнил, что:

Заявитель выразил свои взгляды, опубликовав их в газете. В связи с этим Суд подчеркнул важность печати в демократическом обществе:

«Необходимо иметь ввиду первоочередную роль прессы в правовом государстве... Хотя пресса не должна преступать установленных границ для "защиты репутации ... других лиц", однако ее долг передавать информацию и идеи по проблемам общественной значимости. Помимо того, что передавать такую информацию и идеи - задача прессы, общество также имеет право получать их. Если бы все было иначе, пресса была бы не способна играть ее жизненно важную роль "сторожевого пса общества» (п. 63, ссылка опущена).

Правительство-ответчик возразило, что в то время как политическим дискуссиям нужно предоставлять самую высокую степень защиты, дискуссии по другим вопросам общественной значимости должны защищаться в меньшей степени. Суд не согласился:

«Невозможно... разграничить, путем, предложенным правительством, политическую дискуссию и дискуссии по другим общественно значимым вопросам» (п. 64)

Что касается особых обстоятельств дела, Суд отказался признать, что утверждения в статьях заявителя не имеют достаточного объективного и фактического основания. Заявитель по существу сообщал о том, что говорилось другими относительно жестокости полиции. По существу, они состояли из ссылок на "истории" или "слухи" - исходящие от других людей, а не от заявителя, или на "общественное мнение", - включая утверждения о жестокости полиции. Заявитель выяснил, что большинству людей были известны различные истории подобного содержания, которые были настолько похожи и многочисленны, что их вряд ли можно воспринимать как обычную ложь. Было бы несоразмерной, если не невыполнимой, задачей требовать от заявителя доказать истинность этих утверждений.

Несмотря на то, что заявитель использовал крепкие выражения, используемый в статьях язык не может быть расценен как чрезмерный, если учесть их цели и воздействие, для которых они писались в форме открытого письма к министру юстиции.

Суд также выразил беспокойство относительно сдерживающего (охлаждающего) эффекта обвинительного приговора:

«Суд полагает, что признание заявителя виновным и обвинительный приговор могут воспрепятствовать открытой дискуссии по вопросам общественной значимости.

На этих основаниях, обвинительный приговор по данному делу не мог быть расценен как необходимый в демократическом обществе».

Судом было признано нарушение ст. 10 Европейской Конвенции.

ДЕЛО "ТОРГЕР ТОРГЕРСОН ПРОТИВ ИСЛАНДИИ"

(Thorgeir Thorgeirson v. Island)

(жалоба № 13778/88)

Постановление Суда
Страсбург, 25 июня 1992 года

По делу "Торгер Торгерсон против Исландии" Европейский Суд по правам человека, заседающий, в соответствии со статьей 43 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее Конвенция)[1] и соответствующими требованиями Регламента Суда, палатой в составе следующих судей:

г-н Р. Риссдал, *Председатель*,
г-н Л.-Э. Петтити,
г-н Р. Макдональд,
г-н А. Шпильман,
г-н З. К. Мартенс,
г-жа Е. Палм,
г-н Р. Пекканен,
г-н А. Н. Лоизу, *судьи*.
г-н Гардар Гисласон, *специальный судья по этому делу*,

а также г-н М.-А. Эйссен, *Секретарь Суда*, и г-н Г. Петцольд, *заместитель Секретаря Суда,*

Проведя 27 января и 28 мая 1992 года совещания при закрытых дверях,

Вынес следующее Постановление, принятое в последний из указанных выше дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было направлено в Суд 8 марта 1991 года Европейской Комиссией по правам человека ("Комиссия"), в пределах трехмесячного срока, установленного п. 1 статьи 32, и статьей 47 Конвенции. Дело было возбуждено в связи с заявлением (номер 13778/88) в отношении Республики Исландия, поданным в Комиссию в соответствии со статьей 25 господином *Торгером Торгерсоном (Thorgeir Thorgeirson)*, гражданином Исландии, 19 ноября 1987 года.

---

[1] *Примечания Секретаря Суда:* * Дело зарегистрировано под номером 47/1991/299/370. Первое число обозначает номер дела в списке дел, переданных в Суд в соответствующем году (второе число). Последние два числа указывают номер дела в списке дел, переданных в Суд с момента его создания, и в списке соответствующих поданных заявлений в Комиссию.
** С внесенными поправками в соответствии со статьей 11 Протокола № 8 (P8-11), который вступил в силу 1 января 1990 года.

Комиссия обратилась к статьям 44 и 48 и к декларации, в соответствии с чем Исландия признала обязательную юрисдикцию Суда (статья 46), - чтобы выяснить, действительно ли факты дела обнаруживают нарушение страной-ответчиком обязательств, предусмотренных п. 1 статьи 6 и статьей 10 Конвенции.

2. В ответ на запрос, сделанный в соответствии с п. 3 (d) Правила 33, Регламента Суда, заявитель сообщил о своем желании принять участие в слушаниях. Президент предоставил ему отпуск для личного присутствия при разбирательстве дела, где была задействована помощь юриста, которого выбрал сам заявитель (Правило 30).

3. В состав Палаты вошли, по должности, г-н Тор Вильямсон, избранный судья исландской национальности (статья 43 Конвенции), и г-н Риссдал, Президент Суда (Правило 21, параграф 3 (b)). 22 марта 1991 года Президент определил по жребию, в присутствии секретаря, имена семи других членов, а именно: г-н Л.-Е. Петтити, сэр Винсент Эванс, г-н Р. Макдональд, г-н З. К. Мартенс, г-жа Е. Палм, г-н Р. Пекканен и г-н А. Н. Лоизу (статья 43 в заключение Конвенции Правила 21, п. 4). Впоследствии сэра Винсента Эванса, в связи с его отставкой, заменил г-н Шпильман, который стал его преемником в Суде и принял его обязанности еще до начала слушания дела (п. 3 Правила 2, и п. 1 Правила 22).

Письмом Президенту от 1 октября 1991 года, г-н Тор Вильямсон уведомил о своем выходе из дела, в соответствии с п. 2 Правила 24. 18 ноября исландское правительство ("Правительство") уведомило Секретаря Суда о том, что г-н Гардар Гисласон, в то время судья в Гражданском суде Рейкьявика, был назначен как специальный судья по данному делу (статья 43 Конвенции и Правила 23).

4. Господин Риссдал вступил в должность Президента Палаты (п. 5 Правила 21) и, через Секретаря Суда, консультировался с Уполномоченным Правительства, Представителем Комиссии и заявителем по поводу организации процесса (п. 1 Правила 37 и Правила 38).

В соответствии с распоряжением, сделанным впоследствии, 10 сентября 1991 года канцелярия получила меморандум заявителя, а 17 сентября - меморандум Правительства. 20 ноября секретарь Комиссии сообщил Секретарю Суда о том, что Представитель выскажется во время слушания.

5. В период с 13 октября 1991 года по 21 января 1992 года заявитель, Комиссия и Правительство подали целый ряд документов, включая дальнейшие детали жалобы, по статье 50.

6. По указанию Президента, слушание состоялось открыто, 22 января 1992 года в Страсбурге, во Дворце прав человека. Перед этим в Суде было проведено подготовительное заседание.

В Суде присутствовали:

(a) со стороны Правительства:

г-н Торстенн Геирссон,
Генеральный секретарь Министерства
Юстиции и Церковных Дел, Уполномоченный,
г-н Гуннлаугур Клаессен,
заместитель министра юстиции

Правительства Исландии, Консул

г-н Маркес Сигурбьернссон, профессор, Советник;

(b) со стороны Комиссии

г-н Х. Данелиус, Представитель;

(c) со стороны заявителя и его адвоката,

г-н Томас Гуннарссон, адвокат Верховного Суда.

Суд заслушал обращения г-на Торстенна Геирссона и г-на Гуннлаугура Клаессена к Правительству, г-на Данелиуса к Комиссии, а также г-на Торгера Торгерсона и г-на Томаса Гуннарссона.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

A. Предыстория

7. Господин Торгер Торгерсон - гражданин Исландии. Он писатель и проживает в Рейкьявике, Исландия.

8. В период с 1979 по 1983 гг. в Исландии произошло множество инцидентов, включая выдвинутые обвинения в адрес полиции в ее жестокости, около десяти из которых были официально заявлены в полицию. Последняя из этих жалоб была подана осенью 1983 года журналистом г-ном Скафти Йонссоном и послужила основанием для судебного преследования трех полицейских Рейкьявика, в результате которого двое из них были оправданы, а один осужден. Его дело широко освещалось в прессе и вызвало масштабную дискуссию по проблеме взаимоотношений между обществом и полицией. На этой волне заявитель опубликовал две статьи о жестокости полиции в ежедневной газете "Моргунбладид" (Morgunbladid) от 7 и 20 декабря 1983 года соответственно.

9. В первой статье говорится следующее (перевод):

> *"ДАВАЙТЕ ОБСУДИМ ЭТО ПРЯМО СЕЙЧАС!*
>
> *Открытое письмо министру юстиции Йону Хелгасону*
>
> *Глубокоуважаемый министр юстиции,*
>
> *(1) Недавно пресса вдруг выдвинула на передний план проблему, которая беспокоила - если не захватывала целиком - меня в течение нескольких лет. Один из журналистов вашей прогрессивной партийной газеты - "Время" (Timinn) - уже имел горький опыт возвращения с телесными повреждениями из джунглей ночной жизни Рейкьявика. Зачастую опасности "джунглей" и прочих подобных неприветливых районов помогают нам отчетливо представить те трудности, которые пришлось испытать таким*

миссионерам, как Стэнли и Ливингстон, даже если они проповедовали скорее царство Божье, а не всеобщую идиллию.

(2) В данном случае, несчастье случилось с одним из ваших политических миссионеров, журналистом Скафти, попавшим в жизнь ночного города. Конечно, нас потрясли фотографии его израненного лица, занявшие четыре газетных колонки.

(3) Мы отказываемся принять факт того, что наши полицейские так изуродовали привлекательное лицо этого журналиста. Он говорит, что все, что он делал, - это невинным образом искал свое пальто, когда, в вышеупомянутых джунглях, на него напали звери в униформе.

(4) По моему мнению, случай Скафти сам по себе не так уж важен. Но, поскольку он привлек много внимания и широко обсуждался, я хотел бы воспользоваться возможностью указать Вам, что на самом деле эта проблема намного серьезнее и страшнее.

(5) Дело Скафти, к которому пресса привлекла наше внимание, - это всего лишь надводная верхушка айсберга. Ниже, в темном море тишины, скрывается девять десятых проблемы.

(6) Мне хотелось бы обратить Ваше внимание именно на эту, "подводную" часть проблемы, потому что Вы - министр юстиции и, таким образом, именно под вашим началом находятся те дикие звери в униформе, которые, молча ли, нет ли, - пресмыкаются в джунглях ночной жизни нашего города.

(7) Разумеется, я не склонен недооценивать боль и страдания, которые совершенно напрасно пришлось вынести этому молодому человеку. Но, с другой стороны, Скафти несомненно скоро поправится. Синяки на его лице станут фиолетовыми, потом коричневыми, и в свое время окончательно исчезнут. Он вернется к работе в газету ["Время"], и его дело будет завалено кипой повседневных скандалов, которые будут накапливаться, подобно снегу после сильной бури.

Вот что произойдет, если мы не используем возможность целостного взгляда на проблему во всей ее полноте.

(8) Несколько лет назад я должен был провести несколько недель в отделении нашей местной больницы. В комнате, выходящей в тот же самый коридор, лежал на кровати молодой человек лет двадцати с небольшим. Это был многообещающий и очаровательный молодой человек, но он был парализован почти полностью, так, что из всех частей его тела двигались только глаза. Он мог читать при помощи специального приспособления, если кто-то переворачивал для него страницы.

Мне сказали, что у него почти нет шансов на выздоровление.

(9) Соседи молодого человека по комнате сказали мне, что его травмы были нанесены вышибалами ресторана и некоторыми полицейскими. Сначала я не мог поверить в это, и навел справки среди работников больницы. Да, их слова подтвердились: перед нами действительно была жертва полицейской "ночной команды" Рейкьявика.

(10) После того, как я вышел из больницы, образ этого парализованного юноши все преследовал меня, и я не мог не говорить о его случае. Я тогда выяснил, что большинству тоже были известны различные истории о людях, которые прошли через подобный, или даже более печальный, опыт столкновений со зверьми в униформе. Бывало, что люди впадали в состояние новорожденных младенцев в результате применения удавок; этому приему полицейские и вышибалы учатся и затем используют его со звериной непосредственностью вместо того, чтобы управлять людьми осмотрительно и заботливо. Подобных историй с одной и той же сущностью так много, что Вы едва ли сможете дальше отмахиваться от них, как от простой лжи. Другой аспект, который сопутствует всем этим историям с такой же неизбежностью, как зверство сопутствует тупости, - это то, что судиться с полицейскими в подобных случаях бесполезно. Расследование ведется другим отделом полиции, и выполняется группой полицейской элиты, чья обязанность, по их мнению, заключается в том, чтобы смыть со всех полицейских все предъявленные им обвинения.

(11) По мере того, как проходят годы, жертвы полицейской жестокости остаются в забвении, без надежды, а их случаи так и не получают серьезного рассмотрения.

(12) Сейчас это могло бы быть одной из тех редких возможностей. И это - причина моего письма.

(13) Я практически не сомневаюсь в том, что есть нечто в высшей степени неправильное в системе, где люди, на которых лежит ответственность, похоже, пренебрегают всем смыслом правосудия и неверно понимают свои обязанности, позволяя скотам и садистам давать волю своим извращениям - вне зависимости от того, кто является жертвой. По моему мнению, начальник полиции Рейкьявика проявляет упрямство, отказываясь освободить обвиняемых полицейских от исполняемых обязанностей в то время как ведется следствие по делу Йонссона. Более того, он, похоже, почти не теряет уверенности в себе, хотя в этом деле у него имеются проблемы с одним из ваших сторонников. Но посмотрим, что будет дальше.

(14) Даже если г-н Йонссон выиграет это дело, это будет исключением и ничего не изменит. Количество других жертв подобного зверства будет и дальше расти, как снежный ком, в тишине.

(15) Я считаю, что настоящая проблема заключается в системе, в пределах которой полицейские расследуют случаи нарушения правил профессионального поведения, допущенные другими полицейскими. Мое мнение разделяют другие, гораздо более компетентные люди, - которые, очевидно, не решаются публично высказать свое мнение по этому вопросу, опасаясь репрессий и избиений, которые могут за этим последовать.

Вопрос действительно так серьезен.

(16) Два Ваших предшественника в должности министра юстиции получали от меня письма по поводу этих проблем. Ни у одного из них не хватило любезности ответить.

(17) Недавно я смотрел на Ваши фотографии в газете и был поражен впечатлением честности и молодости, в сочетании с уверенностью, которое создает Ваше лицо. Это действительно то самое выражение лица, суть которого могла в любое время легко проникнуть в Ваш характер, даже если изначально оно было задумано только для фотографии.

Поэтому я пишу и Вам тоже.

Я предлагаю то же, что и раньше:

(18) Прекратить запускать дела о полицейской жестокости в эту небрежную и бесполезную "стиральную машину-автомат". Пока полицейским позволяют обелять друг друга, Вы никогда не будете иметь возможности даже для того, чтобы лично рассмотреть такие необходимые вещи, как, например, тест показателя интеллекта (IQ) и характера, которые полицейские должны пройти прежде, чем их научат испытывать на людях смертельные трюки, и заставить их нести ответственность за случаи даже минутной потери самоконтроля, - в то время как все это необходимо для того, чтобы у нас была компетентная полиция, достойная данной ей власти.

Но как мы можем избавиться от старой системы?

(19) Вы должны создать комитет из заслуживающих доверия людей для расследования слухов, которые постепенно стали общественным мнением, о приобретающей все большие масштабы и неестественно замалчиваемой жестокости в полицейских структурах Рейкьявика. Такой комитет мог бы обращаться к жертвам полицейской жестокости с просьбой делать заявления, с их последующей проверкой. Будем надеяться, в результате расследований комитета окажется, что виновники - лишь крошечная горстка отдельных полицейских. Эти люди должны будут принять к сведению, что им придется искать другую работу.

(20) Позволю себе предположить, что наша "проблема полиции" сопоставима с так называемой "проблемой молодежи" в том смысле, что сравнительно небольшое количество индивидов являются виновниками негативного общественного мнения на их счет. Кроме того, этих индивидуумов нельзя считать ни типичными представителями любой из этих групп, ни наиболее интеллектуальными.

(21) Я видел, что полицейские в этом городе делают много хорошего, и среди них я встречал много образцовых работников. Без них нельзя. Но я чувствую, что я должен сделать это для молодого человека, которого я встретил в той больнице, - собрать все свое мужество и выдвинуть это предложение: позвольте нам попробовать очистить эту грязь, чтобы те, кто готов рискнуть жизнью и отправиться на поиски приключений в джунгли ночной жизни Рейкьявика в будущем, могли по крайней мере быть уверенными в том, что полицейского в униформе следует исключить из числа опасностей.

Там достаточно других диких зверей.

(22) В суде иногда подается альтернативный иск в том случае, если ваше главное требование отвергнуто. В случае, если Вы, Йон Хелгасон, будете не в состоянии

гарантировать выполнение подобного объективного расследования, я призываю талантливых журналистов (например, Скафти) начать это расследование и опубликовать результаты в книге, которая, вполне вероятно, станет бестселлером. Я в любое время готов в этом участвовать.

С уважением и наилучшими пожеланиями,

Искренне Ваш
Торгер Торгерсон"

Выдержки из второй статьи:

"УДАР, В ТО ВРЕМЯ КАК МУХА СИДИТ НА МОЕМ НОСУ ...

(1) Заявление Торгера Торгерсона по поводу выступления полицейского Эйнара Бьярнасона в телевизионной программе вечером 13 декабря.
...
(2) В прошлый вторник, 13 декабря, по телевидению транслировалась программа о проблемах полиции. Среди участников были двое полицейских-интеллектуалов, которым, по мнению многих зрителей, была предоставлена полная свобода действий. Я видел только одного человека, который оправдывал Бьярки и Эйнара тем, что их было только двое, а третий, так сказать, организатор, к сожалению, отсутствовал в их компании.

Это тоже может быть справедливо.

(3) В конце программы Эйнар, который оказался председателем Полицейской Ассоциации Рейкьявика, сделал забавную вещь: после того, как они с Бьярки посовещались, шепчась и громко шурша бумагами, он зачитал печатный документ, выливая грязь на меня как на лжеца и ненадежного человека (как говорилось в этом документе, на котором полиции как-то удалось поставить подпись человека, не имеющего к этому никакого отношения).

(4) Эйнар мог легко распространить свое обращение, не нарушая закон о теле-радиовещании, и не рискуя, таким образом, своим добрым именем и рабочим местом. Многие зрители были поражены поведением этого человека.

Неудивительно.

(5) Этот случай едва ли можно объяснять простой потерей контроля над собой, поэтому я считаю, что обязан добавить еще одну статью к тому, что, как я думал неделю назад, должно было стать моим последним словом по поводу всего дела (написано в четверг 15 декабря и будет отправлено в газету в пятницу 16 декабря).

Я должен упомянуть о том, что случилось со мной за последнюю неделю.

(6) В прошлую среду, то есть 7 декабря, "Моргунбладид" (Morgunbladid) опубликовала мое письмо к самому высокопоставленному должностному лицу в юридическом мире Исландии. Я просил его немедленно распорядиться о проведении объективного

расследования этой "полицейской проблемы", - вместо того, чтобы навсегда пустить ее на самотек. Естественно, я не ожидал, что текст моего письма будет разослан во все отделения местной полиции.

(7) Некое недоразумение всегда неизбежно. Неверное представление об этой проблеме процветало; я же считаю, что профессиональный долг писателя заключается в следующем: он должен, хотя бы иногда, выступать в качестве совести своего народа, - но наши полицейские, кажется, полностью придерживаются мнения, противоположного тому, которое единственно возможно.

В этом нет ничего плохого.

(8) В то утро, когда мое письмо министру Йону Хелгасону появилось в газете, мне позвонило удивительно большое количество людей. Среди них был Гудмундур Херманнсон, который представился как главный констебль полиции Рейкьявика. Он хотел знать, о каком случае я писал в своей статье. Я сказал ему, что предмет статьи - не какой-либо отдельный случай, а ситуация в целом, потому что подобных случаев было по меньшей мере несколько сотен. Тогда Гудмундур спросил, как звали того парализованного юношу в местной больнице, которого я упоминал. Я сказал ему, и это было правдой, что никогда не слышал имени мальчика. Потом я спросил Гудмундура, расследует ли полиция этот случай в настоящее время. Он ответил, что да. Я тогда обратил его внимание на то, что в подобных обстоятельствах полиция, контролирующая сама себя, - это очень смелый шаг. С другой стороны, я отказался сообщать что-либо еще по телефону, кроме времени моей госпитализации. Мы попрощались.

...

(9) Наступило воскресенье. В течение всей недели газеты пестрили слезными заявлениями, сделанными полицейскими. В воскресенье газета "Моргунбладид" (Morgunbladid) напечатала статью полицейского Йоханнеса Йонссона, в которой он ссылался на сообщение в графе новостей от 9-го числа, пятницы, что означает, что его рукопись должна была попасть в офис редакции в субботу. Мне это показалось странным, так как я знаю, что от момента передачи рукописи в редакцию до публикации в "Моргунбладид" (Morgunbladid), как правило, проходит приблизительно четыре-шесть дней. Но так происходит с обычными людьми, как мы. В своей статье полицейский также повторил "полицейскую правду" о том, что о случае, который "имел в виду" Торгер, можно прочитать в новостях на странице 13 пятничного номера "Моргунбладид".

...

(10) С тех пор кое что произошло, и теперь я должен просить о том, чтобы обещание напечатать мое заявление было выполнено. Даже если удар Эйнара, нанесенный в конце телепрограммы в прошлый вторник, не попал в цель и не задел меня, я должен указать, насколько типично его поведение для полиции.

(11) В чем корень этой так называемой "проблемы полиции"? Да, многие люди думают, что наши полицейские уже совершили нападение на слишком большое количество граждан, виновных или невиновных. Они набрасываются на них более чем часто.

(12) Отклики полицейских, недавно появившиеся в прессе, показывают, что они хорошо знакомы с романами Йона Тороддсена, поскольку в них часто фигурирует персонаж,

который сплетничает и распространяет слухи. Может быть, они также читали Сагу о Греттире Сильном, который исповедовал принцип: вы излечиваете больных, указывая на худшее.

В любом случае, кажется, это та позиция, которую они заняли.

(13) Этот принцип слишком жалок, чтобы ему могла следовать вся полиция, если только мы действительно хотим, чтобы люди оценили их работу.

(14) Начиная со вторника, мне позвонили многие и выразили мнение, что выступление полицейских на телевидении было катастрофической демонстрацией национальных особенностей, наблюдать которую довелось нашим детям.

(15) "Они должны были быть в униформе", - сказал кто-то. Их поведение настолько соответствовало тому образу нашей полиции, защищающей саму себя, который постепенно формируется в глазах общества: запугивание, фальсификация, незаконные действия, необоснованные представления, поспешность и неумелость.

Только такие слова.

(16) Название этой статьи взято из народной сказки, которую должен знать каждый, - про двух людей, гоняющихся за мухой. Я думал об этом, когда наблюдал, как сержант уголовной полиции воевал с пчелой в его собственной шляпе в ходе телепрограммы. Если у нашего министра юстиции не было времени, чтобы посмотреть программу, я хотел бы посоветовать ему взять видеокассету, которая, возможно, еще есть на телевидении, - если он хочет увидеть почти точную иллюстрацию того, что все более широкие круги общественности называют "проблемой полиции".

(17) Эта программа должна послужить уроком того, почему необходимо беспристрастно исследовать проблему, чтобы не допустить нанесения нового ущерба полицией самой себе при "расследовании" дел, которые задевают их самолюбие и ребяческую гордость.

(18) Давайте перестанем ссориться и рассмотрим предложение, которое я выдвигал в своем письме министру юстиции. Мы могли бы даже взять на заметку идею, предложенную одним моим остроумным другом:

(19) Он сказал: "Торгер, у меня мысль. А не заняться ли изучением этих полицейских конфликтов хорошему детскому психологу?"

Будем надеяться, что это дело все же не настолько сложное.

С благодарностью за опубликование.

Торгер Торгерсон"

11. В ответ на эти статьи Министерство юстиции послало заявителю письмо, датированное 9-м января 1984 года. В нем сообщалось следующее: проблемы, затронутые в статьях, рассматриваются на различных уровнях, и вопрос был на повестке дня в Парламенте (Althing),

чтобы министр юстиции мог в ближайшем будущем доложить об исследованиях и предложениях в этой области.

B. Расследование и процесс о диффамации

12. Письмом от 27 декабря 1983 года, Полицейская Ассоциация Рейкьявика попросила прокурора провести расследование по вышеупомянутым утверждениям. Соответственно, он переслал дело в отделение уголовной полиции (SCIP) 21 мая 1984 года, для расследования, содержат ли статьи диффамацию, предусмотренную статьей 108 Общего Уголовного Кодекса 1940 г. (закон № 19/1940 - "Уголовный Кодекс"). 18 июня сотрудники отделения уголовной полиции (SCIP) допросили заявителя в присутствии его адвоката.

13. В результате, 13 августа 1985 года прокурор вынес обвинительный акт, содержащий обвинение заявителя в диффамации в отношении не указанных конкретно работников полиции Рейкьявика, вопреки статье 108 Уголовного кодекса.

14. В первой статье были признаны дискредитирующими следующие выражения:

"звери в униформе " (п. 9 (3) выше);

"те дикие звери в униформе " (п. 9 (6) выше);

"Соседи молодого человека по комнате сказали мне, что его травмы были нанесены вышибалами ресторана и некоторыми полицейскими. Сначала я не мог поверить в это, и навел справки среди работников больницы. Да, их слова подтвердились: перед нами действительно была жертва полицейской "ночной команды" Рейкьявика" (п. 9 (9) выше);

"Я тогда выяснил, что большинству также были известны различные истории о людях, которые прошли через подобный, или даже более печальный опыт столкновений с зверьми в униформе. Бывало, что люди впадали в состояние новорожденных младенцев в результате применения удавок; этому приему полицейские и вышибалы учатся и затем используют его с звериной непосредственностью вместо того, чтобы управлять людьми осмотрительно и заботливо. Подобных историй с одной и той же сущностью так много, что вы едва ли сможете дальше отмахиваться от них, как от простой лжи." (п. 9 (10) выше);

"жертвы полицейской жестокости" (п. 9 (11) выше);

"позволяя скотам и садистам давать волю своим извращениям (п. 9 (13) выше).

15. Во второй статье тоже были признаны дискредитирующими утверждения:

"Их поведение настолько соответствовало тому образу нашей полиции, защищающей саму себя, который постепенно формируется в глазах общества: запугивание, фальсификация, незаконные действия, необоснованные представления, поспешность и неумелость" (п. 10 (15) выше).

16. 9 сентября 1985 года обвинительный акт был вручен заявителю вместе с повесткой о вызове на назначенное на следующий день заседание палаты уголовного суда Рейкьявика, единственным членом которого был судья Петур Гуджерссон. По просьбе заявителя, предъявление обвинения было отложено до 17 сентября. В тот день и состоялось заседание суда, на которое он явился в сопровождении г-на Томаса Гуннарссона, юриста Верховного Суда; прокурор не присутствовал. Заседание происходило следующим образом:

(a) В соответствии с требованием, предусмотренным параграфом 2 статьи 77 Уголовно-Процессуального Кодекса 1974 года (Закон № 74/1974), судья поставил подсудимого в известность о том, что он находится под следствием, поскольку подозревается в совершении правонарушения.

(b) Господин Томас Гуннарссон был назначен адвокатом Защиты со стороны заявителя. Ему были переданы все документы дела.

(c) Судья спросил заявителя, им ли написаны те самые две газетные статьи. Тот ответил, что им, но обратил внимание судьи на то, что выражения, указанные в обвинительном акте, процитированы верно, но вырваны из контекста.

(d) Судья ознакомил заявителя с записью о регистрации его заявления, сделанного в адрес отделения уголовной полиции (SCIP) 18 июня 1984 года и с его письмом в их же адрес от 19 июня. Заявитель подтвердил правильность записи, а также факт написания им письма.

(e) Когда судья спросил заявителя, может ли он подтвердить, что данные выражения присутствуют в его статьях, заявитель ответил, что в контексте обвинительного акта - что он уже прокомментировал - он не может, да и не обязан, делать это; что это "литературное произведение" обвинителя, а не его собственное.

(f) Заявитель попросил предоставить ему время, чтобы ознакомиться с материалами дела и подготовить комментарии. Следующее заседание было назначено на 24 сентября 1985 года.

17. В тот день заявитель и его защитник предстали перед судом, снова в отсутствие Обвинения. Защитник подал ходатайство об отводе судьи Петура Гуджерссона, на том основании, что он одновременно выступал как судья и представлял Обвинение ввиду отсутствия прокурора на этом и предыдущем заседаниях.

18. 25 сентября 1985 года судья вынес следующее решение:

> *"Согласно статье 130 Уголовно-Процессуального Кодекса, по данному делу не гарантируется [состязательный процесс] .... Ходатайство об отводе судьи не подкреплено никакими вескими аргументами и совершенно необоснованно. Судья не только не обязан покинуть свое место, но ему это и не позволено."*

19. 26 сентября 1985 года, в соответствии со статьей 171 Уголовно-Процессуального Кодекса, заявителю было отказано в предоставлении перерыва для подачи апелляции против этого решения в порядке упрощенного судопроизводства в Верховном Суде. После этого он попросил Министерство юстиции назначить специального прокурора, чтобы тот решил, нужно ли предоставлять перерыв, но 18 октября эта просьба была отклонена.

20. В период с 9 октября 1985 года до 28 апреля 1986 года состоялись еще шесть заседаний уголовного суда, на которых присутствовали заявитель и его адвокат. На слушаниях были представлены документы, сделаны устные заявления, заслушаны свидетельские показания. Прокурор присутствовал на всех этих заседаниях, за исключением 17 февраля 1986 года, когда суду была продемонстрирована видеозапись телепрограммы.

21. На заседании, состоявшемся 25 октября 1985 года, судья Петур Гуджерссон показал заявителю фотографию, и спросил, тот ли это молодой человек из больницы, описанный в первой статье (см. параграф 9 (8) выше). Заявитель ответил следующим образом:

> *"... взрослому, опытному человеку удивительно слышать от другого взрослого опытного человека подобный вопрос. Я вижусь и имею дело с большим количеством людей, иногда до двухсот в день. Приблизительно за 7 лет, это составило бы все население Исландии. Поэтому человек, с которым я встречаюсь менее 50 раз, не задерживается в моей памяти, если для этого нет особых причин. Поэтому спрашивать человека, узнает ли он человека, которого предположительно мог бы видеть семь лет назад, - это полный абсурд, противоречащий природе человеческой памяти. Я могу, однако, ответить, что это - не тот молодой человек, которого я имел в виду, когда писал статью "Давайте обсудим это сейчас!".*

22. В ходе заседания 28 апреля 1986 года стороны согласились, что в дальнейшем расследовании дела судом нет необходимости. Соответственно, адвокату был предоставлен срок до 3 июня 1986 года для подачи всех документов в защиту заявителя; прокурор заявил, что больше ему сказать нечего.

23. В документах в свою защиту, поданных 3 июня 1986 года, заявитель повторил свое требование (см. пункты 17-19 выше) о том, что дело должно быть прекращено, или же подсудимый должен быть оправдан на основании того, что отсутствовал прокурор на некоторых из заседаний суда. В отношении конкретных обстоятельств дела он, помимо прочего, заявил следующее:

> *"Конечно же, нападениям полицейских подвергаются многие... . Подобные события трудно забыть, и, как правило, люди рассказывают о них друг другу, зачастую преувеличивая. Таким образом, в общественном сознании создается преувеличенное представление об этих инцидентах, и в глазах общества проблема стоит более остро, чем на самом деле. Я в значительной степени опирался на общественное мнение в своей статье "Давайте обсудим это сейчас!". Общественное мнение, конечно, само по себе факт, и вопрос о том, почему оно сложилось именно таким образом, в общем не так уж важен и в меньшей степени открыт для обсуждения...*
>
> *Если общественное мнение станет окончательно негативным, и доверие к полицейским будет потеряно, то это распространится также на полицейских, которые в своей жизни и мухи не обидели. Осенью 1983 года потеря доверия приняла размеры, представляющие прямую опасность для общественного благосостояния. Я почувствовал эту опасность, когда произошел случай со Скафти Йонссоном. И моя ... статья, опубликованная в "Моргунбладид" (Morgunbladid) 7 декабря 1983 года была моей реакцией на эту опасную ситуацию. Я считаю, что, публикуя свою статью, я выполнял обязанность честного писателя, который изучает дух нации и сообщает о результатах, не скрывая правду. Это ясно любому человеку, кто готов к прочтению*

статьи как единого целого, и настраивается на действительное понимание того, что в ней написано.

...

Но главная цель статьи и ее выводов состояла в том, чтобы просить министра провести расследование для выяснения, является общественное мнение верным или неверным. Задачей статьи было поднять вполне законный вопрос, требующий немедленного разрешения.

При том, что я намеревался писать статью полностью в рамках закона, не буду скрывать, что я также старался выстроить текст таким образом, чтобы добиться ответов от заинтересованных сторон. Конечно, вопрос был относительно правдивости угрожающего общественного мнения. Если бы все это было не так, то со стороны руководителей полиции (единственных, кто может обладать всесторонним знанием этих вопросов) логично было бы ожидать реакции в спокойной, уверенной и невозмутимой манере честных, уважаемых людей. Правление Полицейской Ассоциации и начальник полиции просто посоветовали бы министру при первом удобном случае начать беспристрастное расследование проблемы, о котором его просят. Подобная реакция также значительно успокоила бы общественность, поскольку послужила бы стимулом для очевидцев быть добросовестными."

24. 16 июня 1986 года, на заседании, на котором присутствовал заявитель, судья Петур Гуджерссон вынес решение об отклонении апелляции, поводом для которой послужило отсутствие прокурора на некоторых заседаниях. В соответствии с конкретными обстоятельствами дела он, помимо прочего, заявил:

"Согласно представленным доказательствам, подсудимый находился на лечении в городской больнице Рейкьявика с 19 июня по 11 июля 1978 года. В то же самое время там находился пациент по имени Траусти Эллидасон ... [полностью] парализованный после того, как на него напал его знакомый .... Подсудимому показали фотографии Траусти Эллидасона, сделанные в городской больнице на следующий день после нападения. Подсудимый заявил, что Траусти Эллидасон - это не тот человек, которого он описывает в своей ... статье, опубликованной в "Моргунбладид" (Morgunbladid); ...

Видеокассета с записью телевизионной программы "Различные мнения", выходившей в эфир 13 декабря 1983 года, была представлена в качестве доказательства.

...

Обсуждались вопросы, касающиеся деятельности правоохранительных органов, и взаимоотношения между обществом и полицией, в том числе дело Скафти. В конце программы г-н Эйнар Бьярнасон, сержант полиции и председатель Полицейской Ассоциации Рейкьявика, отметил, что может доказать безосновательность статьи ответчика, поскольку у него имеется заявление молодого человека, которого ответчик описывал в "Моргунбладид". Сержант огласил [заявление]. [В нем], помимо прочего, говорится: "То, что Торгер Торгерсон пишет по поводу меня в своей статье, неверно от начала до конца". Проведя расследование дела, [г-н Бьярнасон] и констебль полиции Бьярки Элнассон посчитали, что заявление было сделано тем самым человеком, о ком писал ответчик.

По просьбе адвоката ответчика ..., [г-н] Эйнар Бьярнасон был вызван для дачи свидетельских показаний. Тот сказал, что заявление было сделано молодым человеком, инвалидом, по имени Траусти Эллидасон ..., что он получил информацию относительно того периода, когда ответчик и Траусти Эллидасон вместе были в больнице, и что предположительно о Траусти Эллидасоне писал в своей статье подсудимый. Именно так они получили это заявление. Кроме того, свидетель сообщил, что, насколько ему известно, ни один полицейский Рейкьявика никогда не причинял при исполнении служебных обязанностей кому-либо телесных повреждений, наподобие тех, которые описал ответчик в своей статье от 7 декабря 1983 года.

...

По утверждению Защиты, написав эти две статьи, ответчик выполнял долг писателя по отношению к обществу, привлекая внимание к телесным повреждениям, причиненным полицией людям, выявляя подобные ситуации и прося вмешательства властей, с целью их предотвращения. [Само по себе это] не привлекло бы большого внимание, не будучи опубликованным в средствах массовой информации, хотя даже в таком случае это зачастую проходит незамеченным. Резкие слова и стилистические ходы также представляются необходимыми, и писатели это хорошо знают. Ответчик зарабатывал на жизнь писательским трудом много лет, и между прочим, власти признавали его труд, выплачивая ему заработную плату. Его работа подпадает под защиту статьи 72 Конституции, которая запрещает цензуру и другие ограничения свободы печати.

Однако, вместе с тем упомянутая норма Конституции предусматривает ответственность человека за опубликованные заявления, - и этот принцип никогда не оспаривался в исландском законодательстве. Существуют различные законодательные нормы, квалифицирующие публичное распространение определенных мыслей или утверждений, например, в печати, как юридически наказуемое деяние. В дополнение к статье 108 ... Уголовного Кодекса, по этому вопросу можно обратиться к статьям 88, 95, 121, 125, 210, 229, и 233(а) - 237 того же самого Кодекса. И ответчик не может пользоваться какими-либо привилегиями или большей свободой выражения мнения, чем другие, только потому, что является писателем.

Статьи ответчика были опубликованы в газете под его именем, и он признает свое авторство. Ответчик проживал в Исландии в то время, когда статьи были напечатаны в "Моргунбладид" (Morgunbladid). В соответствии со статьей 15 Закона о праве на публикации ... он, таким образом, несет как уголовную ответственность, так и ответственность за возмещение ущерба ввиду содержания ... опубликованных им статей.

Утверждения, на которых основаны обвинения в обвинительном акте, были квалифицированы как направленные против не указанных конкретно работников полиции Рейкьявика.

Несмотря на то, что формулировка статьи 108 ... Уголовного Кодекса охватывает правонарушения, совершенные в отношении конкретно определенных ... государственных служащих, [это предписание] также распространяется на нарушения, совершенные в отношении определенной группы государственных служащих (см. судебное решение в Отчетах Верховного Суда, том LIV, стр. 57).

Слова "звери в униформе" и "тех диких зверей в униформе", в контексте, в котором они были опубликованы, равнозначны брани и оскорблениям в отношении не определенных конкретно работников полиции Рейкьявика. Эти утверждения подпадают под уголовно-наказуемые деяния согласно статье 108 ... Уголовного Кодекса.

В обвинительном акте эти утверждения расценены как диффамационные заявления. Принимая во внимание третий параграф статьи 118 Уголовно-Процессуального Кодекса ..., подсудимый все же может быть привлечен к ответственности за их публикацию; его действия были описаны верно, и нельзя сказать, чтобы при подготовке защиты по его делу имела место какая-либо необъективность.

Абзацы статей "соседи молодого человека по комнате ... ночной команды Рейкьявика" и "Тогда я выяснил ... как от простой лжи", и слова "жертвы полицейской жестокости", как сами по себе, так и в контексте ... газетной статьи ..., были квалифицированы как содержащие обвинения в адрес конкретно не указанных работников полиции Рейкьявика, что они якобы совершили многочисленные акты серьезного физического нападения на людей, которые в результате стали инвалидами. Подобные инциденты подпадают под действие статьи 218 ... ... Уголовного Кодекса, нарушение которой может повлечь наказание в виде многих лет лишения свободы.

Утверждения подсудимого не подтвердились, и [вследствие их] публикации ... он подлежит наказанию согласно статье 108 ... Уголовного Кодекса.

Выражения "звери в униформе" и "полицейская жестокость" также следует расценивать как содержащие брань и оскорбления в отношении не указанных конкретно работников полиции Рейкьявика.

В обвинительном акте эти утверждения квалифицируются как порочащие честь и достоинство, но ... подсудимый тем не менее может быть привлечен за них к уголовной ответственности в соответствии со статьей 108 ... Уголовного Кодекса.

Слова "позволяя скотам и садистам давать волю своим извращениям", в контексте вышеупомянутой статьи, расцениваются как содержащие брань и оскорбления в отношении не указанных конкретно работников полиции Рейкьявика.

В обвинительном акте эти утверждения квалифицируются как порочащие честь и достоинство, но ... подсудимый тем не менее может быть привлечен за них к уголовной ответственности в соответствии со статьей 108 ...

Справедливость выражения "Их поведение настолько соответствовало тому образу нашей полиции, защищающей саму себя, который постепенно формируется в глазах общества: запугивание, фальсификация, незаконные действия, необоснованные представления, поспешность и неумелость" не была доказана. За исключением слов "необоснованные представления, поспешность и неумелость", в этом выражении не определенные работники полиции Рейкьявика обвиняются в фальсификации и других ... уголовно наказуемых преступлениях. Это подпадает под действие глав XIV и XVII ... Уголовного Кодекса, нарушение которых может повлечь за собой длительное тюремное заключение.

Делая подобные заявления, подсудимый несет уголовную ответственность согласно статье 108 ...

С другой стороны, можно считать, что слова "необоснованные представления, поспешность и неумелость" находятся в пределах допустимой критики, и потому подсудимый не несет за них ответственности ... "

25. Заявитель был приговорен к выплате штрафа в размере 10 000 исландских крон Государственному Казначейству или же, в случае невыплаты штрафа в течение четырех недель с момента оглашения судебного решения, к тюремному заключению сроком на восемь дней. Ему было также предписано оплатить все судебные издержки, включая оплату услуг его адвоката.

26. И заявитель, и прокурор обжаловали приговор в Верховный Суд Исландии, где 22 сентября 1987 года состоялось слушание дела. Адвокат заявителя требовал не только отмены приговора, вынесенного уголовным судом, но также отмены всех процессуальных актов, начиная с обвинительного акта, возвращении дела в Уголовный суд для повторного рассмотрения, и оправдания его подзащитного по всем пунктам обвинения. Прокурор же просил об ужесточении наказания.

27. 20 октября 1987 года Верховный Суд вынес решение, в котором, помимо прочего, говорилось следующее:

" ... ходатайство об отмене всех процессуальных актов основано на тех же самых доводах, что и представленные в Уголовный суд 24 сентября 1985 года, когда адвокат подсудимого сделал следующее заявление:

" ... Ни на одном из прошедших заседаний по этому делу не присутствовал представитель Обвинения ... В соответствии со статьями 20 (1) и 36 (1) (1) [Уголовно-Процессуального Кодекса], подсудимый расценивает факт того, что один человек исполнял роль как судьи, так и обвинителя по одному и тому же делу, незаконным. Поскольку судья не проявил инициативы для исправления такого положения дел, то его необходимо заменить."

Судья Уголовного суда отклонил это ходатайство, а прокурор отказался санкционировать апелляцию в Верховный суд в порядке упрощенного судопроизводства .... В ходе процесса, проходившего без участия прокурора, не было представлено никаких доказательств, оговоренных в статье 130 вышеупомянутого Кодекса, чтобы обосновать необходимость отвода судьи или отмены обвинительного приговора ...

Признание виновности подсудимого Уголовным судом и применение уголовного законодательства... поддерживается, также как и наложенное судом наказание.... Решение уголовного суда относительно судебных издержек остается неизменным."

28. Один из членов Верховного Суда не согласился с общим мнением:

"Что касается привлечения к уголовной ответственности за высказывание диффамационных утверждений, необходимо четко определить тех, кому данное высказывание наносит вред. Это требуется как для защиты по данному делу, так и

для того, чтобы решить сложную проблему необходимых ограничений дискуссий по общественно значимым вопросам.

В обвинительном акте говорится ..., что дело возбуждено "в связи с диффамационными утверждениями в отношении полицейских", а также ..., что рассматриваемые утверждения направлены "в адрес не указанных конкретно сотрудников полиции Рейкьявика". Таким образом, следует понимать обвинительный акт, как обвинение в совершении преступления в отношении всех полицейских Рейкьявика вообще. Соглашаясь с тем, что высказывания, процитированные в обвинительном акте, довольно резки и их обоснованность не была доказана, я все же полагаю, что исходя из того, как дело было представлено в обвинительном акте, не соблюдены условия для наложения уголовного наказания за нарушение статьи 108, которая должна применяться в свете фундаментального принципа исландского конституционного права о свободе выражения мнения, будь то в устной или письменной форме.

В связи с вышеизложенным я полагаю, что подсудимый должен быть оправдан, и что все судебные издержки, связанные с рассмотрением дела как в Уголовном, так и Верховном судах, должны быть оплачены Государственным Казначейством; туда же должна войти оплата услуг адвоката, назначенного до слушания дела в Верховном Суде."

II. Применимое национальное законодательство

A. Свобода выражения мнения и диффамация государственных служащих

29. В статье 72 Конституции Республики Исландия, принятой 17 июня 1944 года, говорится:

"Каждый человек имеет право выражать свои мысли в печати. Однако, он может привлекаться за это к юридической ответственности. Цензура или другие ограничения на свободу печати никогда не могут быть введены."

Далее ответственность, упомянутая в этом положении, определена в законодательстве.

30. Согласно статье 15 Закона о праве на публикацию 1956 года (закон № 57/1956), автор может нести как уголовную, так и гражданскую ответственность за публикации под своим именем в случае возбуждения против него дела, если во время опубликования он проживает в Исландии или находится в пределах юрисдикции судов Исландии. Если статья опубликована не под его именем, то к ответственности могут быть привлечены издатель, редактор, продавец, распространитель или полиграфист.

31. В соответствии с Уголовным Кодексом, диффамационная публикация представляет собой уголовно - наказуемое деяние. В статье 108 следующим образом регулируется диффамация в отношении государственных служащих:

"Брань или иные оскорбления словом или действием, а также диффамационные заявления в адрес государственного служащего во время исполнения им служебных обязанностей, или по поводу выполнения им служебных обязанностей, наказываются штрафом, арестом или тюремным заключением на срок до трех лет. Даже если

обоснованность заявления такого рода доказана, оно может повлечь за собой штраф, если оно выражено в оскорбительной форме."

32. При рассмотрении дела заявителя уголовный суд и большинство членов Верховного суда посчитали, что статья 108 включает диффамационные утверждения, сделанные в адрес не только конкретных государственных служащих, но также определенной группы не указанных конкретно государственных служащих. В пользу такой интерпретации свидетельствуют два прецедента - решения Верховного Суда: "Прокурор против Йонаса Кристьянсона" от 19 января 1983 года, и "Прокурор против Агнара Богасона" от 31 октября 1952 года.

B. Уголовный процесс

33. Статья 20 Уголовно-Процессуального Кодекса возлагает на прокурора полномочия Государственного Обвинителя. В работе прокурора могут принимать участие помощник прокурора, а также несколько прокуроров и их заместителей. Он принимает решения о том, как вести расследование по уголовным делам, и осуществляет контроль за ходом расследования (статья 21).

34. В соответствие со статьей 115, прокурор может начать уголовное преследование вынесением обвинительного акта в отношении обвиняемого. В нем должны быть, помимо прочего, четко обозначены: суд, в который должно поступить дело, имя обвиняемого, предполагаемое нарушение и потенциальное наказание. Затем обвинительный акт вместе с материалами дела передается в соответствующий суд. Судья, которому передается дело, обозначает на обвинительном акте, который затем вручается обвиняемому, время, когда дело будет официально открыто.

35. В соответствии со статьей 121, рассмотрение дела официально начинается во время судебного заседания, когда уголовный суд предоставляет подсудимому обвинительный акт и другие документы. Если подсудимый на этой стадии делает чистосердечное признание, по делу выносится решение. В противном случае, ему дается возможность представить доказательства в свою защиту, в письменной или устной форме, с помощью адвоката, если таковой назначен.

36. Именно прокурор решает, должно ли данное дело рассматриваться в состязательном процессе, как это предусмотрено в статьях 131-136. Если да, то Обвинение должно предстать перед судьей уголовного суда. Согласно статье 130, такое судопроизводство состоится в случаях, если:

(a) преступление наказывается тюремным заключением сроком более восьми лет;

(b) преступление наказывается тюремным заключением сроком более пяти лет, и вопросы закона или обстоятельства дела требуют подобной процедуры; или

(c) в деле затрагиваются вопросы особой значимости, или же исход дела имеет иную большую общественную важность.

Если дело рассматривается не в рамках состязательного процесса, ход дела определяется статьями 123-129. Подсудимый приводит свои доводы судье в отсутствие Государственного Обвинителя, если прокурор не решит иначе.

37. Если Государственный Обвинитель не участвует в судебном процессе, в соответствии с общим правилом, закрепленном в статье 75, судья должен самостоятельно, в силу своей должности (ex

officio), провести независимое судебное следствие по всем фактам и обстоятельствам дела, даже если Обвинение уже расследовало их и подготовило соответствующие отчеты. Судья должен также рассмотреть все факторы, относящиеся к виновности или невиновности обвиняемого, и все смягчающие или отягчающие обстоятельства. Как только расследование закончено и подсудимый, или его адвокат, предоставили свидетельства и в письменном виде изложили комментарии, судья выносит решение по делу на основе всех доказательств.

38. Верховный суд признает законность апелляции против обвинительного приговора, вынесенного уголовным судом. Прокурор должен присутствовать при апелляции, даже если он не принимал участие в судебном процессе в уголовном суде.

39. Верховный суд уполномочен пересматривать дело по существу (по фактам) и вопросы права. Согласно статье 185, он может признать аннулировать весь процесс, или же решение Уголовного суда в случае, если при рассмотрении дела в первой инстанции были допущены серьезные ошибки. В этом случае дело может быть возвращено в суд первой инстанции для повторного рассмотрения.

40. В соответствии со статьей 171, в связи с отсутствием прокурора, обвиняемый имеет право на подачу апелляции в Верховный Суд в порядке упрощенного судопроизводства на отказ принять отвод судьей уголовного суда. Поскольку отвод судьи не был принят, ответчик может подать обычную апелляцию в Верховный суд с просьбой аннулировать процесс в Уголовном суде на том основании, что судья подлежит отводу.

41. Статья 36 Гражданского Процессуального Кодекса (закон № 85/1936), которая, в соответствии с статьей 15 Уголовно-Процессуального Кодекса, применяется также при рассмотрении уголовных дел, предусматривает следующие обстоятельства, при которых судья подлежит отводу:

(a) если он является стороной или представителем стороны, а также состоит в родственных связях с одной из сторон данного дела;

(b) если он выступал в качестве свидетеля по данному делу, а также инспектора или оценщика в связи с делом;

(c) если он обсуждал дело или дал совет одной из сторон;

(d) если он настроен враждебно к одной из сторон;

(e) если он или его родственники имеют финансовую или моральную заинтересованность в деле;

(f) если есть какой-либо иной риск, что он не сможет рассмотреть дело беспристрастно.

В случае, если судья дисквалифицирован по любой из вышеупомянутых причин, министр юстиции должен назначить другого судью для слушания дела.

C. Переработанная редакция Уголовно-Процессуального Кодекса

42. Предполагается, что переработанный Уголовно-Процессуальный Кодекс вступит в силу 1 июля 1992 года. Статья 123 законопроекта предусматривает отсрочку рассмотрения дела в случае, если на заседании суда не присутствует прокурор.

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

43. В своем заявлении (№ 13778/88), поданном в Комиссию 19 ноября 1987 года, г-н Торгер Торгерсон сообщил о нарушениях п. 1 и п. 3 (с) статьи 6 (право на справедливое слушание дела беспристрастным судом и право на самозащиту) и статью 10 (право на свободу выражения мнения) Конвенции в процессе слушаний дела о диффамации, возбужденном против него, с его последующим осуждением.

44. 14 марта 1990 года Комиссия объявила жалобы приемлемыми в части:

(a) отсутствия прокурора на некоторых заседаниях суда во время судебного процесса над заявителем и того, как это повлияло на беспристрастность Уголовного суда Рейкьявика; а также

(b) вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения.

Остальные жалобы были признаны не приемлемыми.

В своем отчете, принятом 11 декабря 1990 года (статья 31) Комиссия выразила мнение о том, что п. 1 статьи 6 никоим образом не был нарушен (единогласно), но что имелось нарушение в отношении статьи 10 (тринадцать голосов против одного).

Зафиксированные в отчете полные тексты заключения Комиссии и особого мнения приведены в виде приложения к этому решению[2].

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ В СУД

45. На слушании 22 января 1992 года Правительство попросило Суд официально подтвердить, что, как указано в меморандуме от 16 сентября 1991 года, в настоящем деле не имели места никакие нарушения Конвенции.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции

46. Господин Торгер Торгерсон утверждал, что он не был судим "беспристрастным судом" в пределах значения пункта 1 до сих пор действующей статьи 6 Конвенции:

> *"Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое ... разбирательство дела ... независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона." ...*

Жалоба заявителя состояла в том, что в соответствии с действующим законодательством Исландии (см. параграф 36 выше), менее серьезные дела, по которым не предусмотрен состязательный процесс, могут быть рассмотрены при отсутствии прокурора. По словам заявителя, это означает, что судьи окружного суда в таких случаях уполномочены брать на себя функции прокурора. Эта

---

[2] *Примечание секретаря:* по причинам практичности это приложение выйдет в свет только вместе с опубликованной версией решения (том 239 серии А Публикаций Суда), но с копией отчета Комиссии можно ознакомиться в канцелярии.

ситуация критиковалась многими судьями окружных судов и, кроме того, в ней предполагались изменения: в соответствии со статьей 123 законопроекта, которым были внесены дополнения и изменения в Уголовно-Процессуальный Кодекс и который должен был вступить в силу 1 июля 1992 года, дело должно быть отложено в случае отсутствия прокурора.

Заявитель утверждал, что в его случае многие заседания Уголовного суда Рейкьявика проводились в отсутствие прокурора, вследствие чего судья Петур Гуджерсон - единственный член этого суда - не только провел судебное следствие, но также взял на себя роль Обвинения. Следовательно, Уголовный суд не выполнил требование беспристрастности, изложенное в п. 1 статьи 6 Конвенции.

47. Это требование оспаривалось Правительством и не было принято Комиссией.

48. Необходимо напомнить, что задача Суда состоит не в том, чтобы отвлеченно рассматривать соответствующий закон и практику его применения, а в том, чтобы определить, был ли нарушен п. 1 статьи 6 применительно к заявителю (см., среди других источников, решение по делу "Хошильдт против Дании" ("Hauschildt v. Denmark") от 24 мая 1989 года, Series A, № 154, стр. 21, п. 45).

49. Беспристрастность в смысле п. 1 статьи 6 должна быть определена в соответствии с субъективным тестом, то есть на основе признания личной заинтересованности конкретного судьи в данном деле, а также в соответствии с объективным тестом, который устанавливает, предоставил ли судья достаточные гарантии для того, чтобы устранить любое допустимое сомнение в этом отношении (там же, п. 46).

50. Что касается субъективного теста, личная беспристрастность судьи предполагается как данность, до появления доказательства, свидетельствующего противоположное (там же, п. 47); заявитель не представил ни одного доказательства, позволяющего сделать предположение о личной предвзятости данного судьи.

51. Что касается объективного теста, необходимо определить, вне зависимости от личного поведения судьи, существуют ли факты, которые могут внести сомнения относительно его беспристрастности. В этом отношении даже видимость подобного может иметь определенное значение. Речь идет прежде всего о том доверии, которое должен вселять суд в демократическом обществе, а что касается уголовных процессов - в обвиняемого. Соответственно, если есть законная причина опасаться недостатка объективности судьи, он должен быть подвергнут отводу.

Это значит, что при решении есть ли в данном деле достаточные основания опасаться необъективности конкретного судьи, точка зрения обвиняемого имеет значение, но не является решающей. Решающим же является то, могут ли его опасения быть объективно подтверждены (там же, п. 48).

52. Суд обращает внимание, что по данному делу Уголовный суд Рейкьявика провел двенадцать заседаний в период с 10 сентября 1985 года по 16 июня 1986 года. Прокурор отсутствовал на шести заседаниях, на которых обсуждались следующие вопросы:

(a) 10 сентября 1985 года: по просьбе заявителя (который также отсутствовал), Суд решил отложить рассмотрение дела (см. п. 16 выше);

(b) 17 сентября 1985 года: это заседание носило подготовительный характер (см. п. 16 выше);

(c) и (d) 24 и 25 сентября 1985 года: суд имел дело только с процессуальными вопросами, не относящимися к существу дела (см. п. 17-18 выше);

(d) 3 июня 1986 года: заявитель подал письменные документы в свою защиту (см. п. 23 выше);

(e) 16 июня 1986 года: суд огласил приговор (см. п. 24 выше).

С другой стороны, прокурор, с единственным исключением, присутствовал на всех заседаниях, на которых были представлены доказательства и показания свидетелей (9 и 25 октября 1985 года, 15 ноября 1985 года, 31 января 1986 и 17 февраля 1986 года; см. п. 20-21 выше). Исключением было заседание 17 февраля 1986 года, которое в основном было посвящено просмотру видеозаписи телепрограммы. И заявитель, и прокурор присутствовали на следующем заседании, состоявшемся 28 апреля 1986 года, когда они пришли к соглашению о том, что нет никакой необходимости в дальнейшем судебном следствии (см. п. 22 выше).

53. В связи с вышеизложенным понятно, что на тех заседаниях, где отсутствовал прокурор, Уголовным судом Рейкьявика не предполагалось проведение каких-либо расследований обстоятельств дела, уже не говоря о тех функциях, которые мог бы выполнить прокурор, если бы он присутствовал. В этой ситуации Суд считает неоправданными опасения заявителя по поводу недостаточной беспристрастности Суда Рейкьявика в виду отсутствия прокурора.

54. Соответственно, не было никакого нарушения п. 1 статьи 6 Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

55. Господин Торгер Торгерсон утверждал, что он стал жертвой нарушения статьи 10 Конвенции, которая гласит следующее:

> *«1. Каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ…*
>
> *2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».*

Это утверждение было принято Комиссией, но оспаривалось Правительством.

56. Суд считает - и это не оспаривалось - что признание заявителя виновным, с последующим обвинительным приговором за диффамацию Уголовным Судом Рейкьявика 16 июня 1986 года, поддержанным Верховным Судом 20 октября 1987 г. (см. пп. 24-25 и 27 выше), представляет собой вмешательство в его право на свободу выражения мнения. Такое вмешательство влечет за собой

нарушение статьи 10 в случае, если оно не являлось "предписанным законом", не имело цели или целей, предусмотренных п. 2 статьи 10 и не было "необходимым в демократическом обществе " для вышеупомянутой цели или целей.

A. "Предусмотрено законом"

57. Заявитель, ссылаясь на особое мнение члена Верховного Суда по его делу (см. п. 28 выше), утверждал, что статья 108 Уголовного кодекса, интерпретируемая в свете конституционного права на свободу выражения мнения, не могла обеспечить должного основания для его осуждения.

58. Однако, Суд обращает внимание на то, что способ интерпретации и применения статьи в данном деле Уголовным судом Рейкьявика и впоследствии большинством членов Верховного Суда (см. пп. 24 и 27 выше) не ограничивается только формулировкой текста статьи (см. п. 31 выше) и, более того, опирается на прецедент (см. п. 32 выше). Прежде всего, это прерогатива национальных властей, особенно судов, интерпретировать и применять внутренний закон (см., среди других источников, решение по делу "Круслин против Франции" ("Kruslin v. France") от 24 апреля 1990 года, Series A, № 176-A, стр. 21, п. 29). Следовательно, Суд соглашается с Правительством и Комиссией, что вмешательство было "предписано законом".

B. Правомерная цель

59. Не оспаривалось, что признание заявителя виновным и вынесенный ему обвинительный приговор были направлены на защиту "репутации ... других", и таким образом имели цель, которая является законной согласно данной статье Конвенции.

C. "Необходимость в демократическом обществе"

60. Рассматривая точку зрения заявителя и Комиссии о том, что вмешательство, на основании которого была предъявлена жалоба, не было "необходимым в демократическом обществе", Правительство пришло к заключениям двух видов: одни касались вопросов общего принципа, другие - особых обстоятельств дела.

61. Заключения первой группы можно кратко сформулировать следующим образом.

(a) Судебные решения по делам "Лингенс против Австрии" ("Lingens v. Austria") от 8 июля 1986 года (Series A № 103), в деле "Барфод против Дании" ("Barfod v. Denmark") от 22 февраля 1989 года (Series A № 149) и "Обершлик против Австрии" ("Oberschlick v. Austria") от 23 мая 1991 года (Series A № 204) показали, что широкие границы допустимой критики в рамках политической дискуссии не относятся в той же степени к обсуждению других общественно значимых вопросов. Проблемы общественной важности, затронутые статьями заявителя, не могли быть включены в категорию политической дискуссии, которая означает прямое или косвенное участие граждан в процессе принятия решения в демократическом обществе.

(b) Действия государственных служащих должны быть объектом постоянного пристального наблюдения, открытыми для критики. Однако, поскольку у них не было возможности ответить, было недопустимо обвинять их, без достаточного законного основания, в совершении преступлений.

(c) Кроме различий, упомянутых в пункте (a), из трех процитированных решений ясно следует, что человек, провозгласивший, что свободу выражения его мнения излишне ограничили, должен был при этом сам придерживаться поведения, совместимого с демократическими принципами: он должен был твердо верить в законность своих заявлений и высказать их способом, совместимым с демократическими целями; кроме того, его утверждения должны были активно содействовать выполнению этих целей, и должны были быть подкреплены фактами.

62. С учетом особых обстоятельств дела, Правительство сделало следующие заявления.

(a) Утверждения в статьях заявителя не имеют достаточного объективного и фактического основания. Жестокость полиции была очень редка в Исландии; за последние пятнадцать лет имели место только два случая, когда полицейские были осуждены за причинение телесных повреждений. История молодого человека в местной больнице, упомянутая в первой статье (см. пп. 9 (8) - (9) выше) полностью не соответствует действительности, и была просто вымышлена для того, чтобы обеспечить доказательства в развернутой против полиции кампании. Заявитель отказался содействовать разъяснению этого вопроса и не предоставил никаких доказательств, чтобы поддержать свою точку зрения. В этой связи, Правительство обратилось к заявлению некоего г-на Траусти Эллидасона, который находился в больнице в соответствующее время, и к слушаниям дела в Уголовном суде Рейкьявика (см. пп. 21 и 24 выше). Несмотря на то, что именно дело Скафти Йонссона (см. п. 8 выше) побудило заявителя к действию, его первая статья не основывалась на этом случае, который был упомянут как "не так уж и важный". Вместо этого, в статье говорилось о жестокости полиции, которая никогда бы не стала известна общественности, и было сказано, что "настоящая проблема на самом деле намного серьезнее и страшнее" (см. п. 9 (4) выше). Во второй статье заявитель упомянул не отдельные случаи, а ситуацию, которая, по его словам, включала по меньшей мере несколько сотен случаев (см. п. 10 (8) выше).

(b) Статья заявителя не ограничилась критикой в отношении того, каким образом полиция выполняет свои обязанности. Основная цель автора состояла не в пропаганде новых способов расследования жалоб в адрес полиции, а в подрыве репутации полиции Рейкьявика в целом, при определенных утверждениях о должностном злоупотреблении, включая серьезное преступление.

(c) Даже если бы признали, что для утверждений заявителя имелось фактическое основание, он явно перешел все разумные пределы, используя злой, ругательный и оскорбительный язык в целенаправленном порицании полиции.

(d) Примененные санкции, среди которых не было изъятия статей, были незначительны и вряд ли могли воспрепятствовать открытой дискуссии по общественно значимым вопросам.

63. Суд напоминает, что свобода выражения мнения составляет одну из необходимых основ демократического общества; в соответствии с п. 2 статьи 10, это применимо не только к "информации" или "идеям", которые благосклонно принимаются или расцениваются как безобидные или нейтральные, но также и к тем, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Свобода выражения мнения, как говорится в статье 10, предполагает ограничения, которые, однако, должны узко толковаться, и необходимость любых ограничений должна быть убедительно доказана (см. решение по делу "Обзервер и Гардиан против Соединенного Королевства" ("Observer and Guardian v. The United Kingdom") от 26 ноября 1991 года, Series A № 216, стр. 29-30, п. 59).

В данном случае, заявитель выразил свои взгляды, опубликовав их в газете. Таким образом, необходимо сказать о первостепенной роли прессы в государстве, которое управляется Законом

(см. решение по делу "Кастеллс против Испании" ("Castells v. Spain") от 23 апреля 1992 года, Series A № 236, стр. 23, п. 43). Хотя пресса не должна преступать установленных границ, в том числе и для "защиты репутации ... и прав других ли", однако ее долг распространять информацию и идеи по вопросам общественной значимости. Помимо того, что распространять такую информацию и идеи - задача прессы, общество также имеет право получать их. Если бы все было иначе, пресса была бы неспособна играть ее жизненно важную роль "сторожевого пса общества" (см. вышеупомянутое решение по делу "Обзервер и Гардиан против Соединенного Королевства" от 26 ноября 1991 года, стр. 29-30, п. 59).

64. По поводу вопросов общего значения, поднимаемых Правительством, Суд отмечает, что прецедентное право не обеспечивает разграничения таким образом, как это предложено Правительством, между политическими дискуссиями и дискуссиями по другим вопросам общественной значимости. Их требование - ограничение права на свободу выражения мнения на основании положения статьи 10 о том, что осуществление этого права "влечет за собой обязанности и ответственность" - не принимает во внимание, что осуществление этого права может быть ограничено только при условиях, оговоренных во втором пункте этой статьи.

65. Что касается особых обстоятельств дела, Суд не может принять аргумент Правительства о том, что утверждения в статьях заявителя не имеют достаточного объективного и фактического основания.

В первой статье за отправную точку взят один определенный случай жестокости - дело Скафти Йонссона, который вызвал широкую полемику и привел к обвинительному приговору в отношении полицейского, по чьей вине все произошло. Бесспорно, что этот инцидент действительно имел место.

В отношении других фактических данных, содержащихся в статьях, Суд обращает внимание, что они состояли по существу из ссылок на "истории" или "слухи" - исходящие от других людей, а не от заявителя, или на "общественное мнение", - включая утверждения о жестокости полиции. Например, это были соседи по комнате молодого человека в больнице, которые рассказали, и работники больницы, которые подтвердили, что ему были нанесены травмы полицией (см. п. 9 (9) выше). Как указала Комиссия, не было установлено, что эта "история" в целом не соответствует действительности и была просто вымышлена. Опять же, в соответствии с первой статьей, заявитель выяснил, что большинству людей были известны различные истории подобного содержания, которые были настолько похожи и многочисленны, что их вряд ли можно воспринимать как обычную ложь (см. п. 9 (10) выше).

Говоря кратко, заявитель по существу сообщал о том, что говорилось другими относительно жестокости полиции. Он был осужден Уголовным судом Рейкьявика за нарушение статьи 108 Уголовного Кодекса, отчасти из-за неспособности подтвердить то, что было признано его собственными утверждениями, а именно, что не указанные конкретно сотрудники полиции Рейкьявика совершили целый ряд серьезных нападений, в результате которых их жертвам были нанесены увечья, а также фальсификации и другие преступные деяния (см. пп. 9 (9) - (10), 10 (15) и 24 выше). Когда от заявителя требовали доказать правдивость его утверждений, по мнению Суда, его ставили перед несоразмерной, если не невыполнимой, задачей.

66. Суд также не считает убедительным утверждение Правительства о том, что основной целью заявителя был подрыв репутации полиции Рейкьявика в целом.

Во-первых, его критика не могла быть принята как нападки в отношении всех работников, или какого-либо определенного работника полиции Рейкьявика. Как говорилось в первой статье, заявитель предполагает, что "сравнительно небольшое количество лиц [являются] виновниками", и что "будем надеяться, в результате расследований комитета окажется, что виновники - лишь крошечная горстка отдельных полицейских" (см. п. 9 (19) - (20) выше). Во-вторых, как отмечает Суд в пункте 65 выше, заявитель по существу сообщал о том, что говорилось другими.

Эти обстоятельства - в совокупности с внимательным прочтением первой статьи - подтверждают его утверждение, что его основная цель состояла в том, чтобы побудить министра юстиции к созданию независимого и беспристрастного органа для проведения расследований жалоб по поводу жестокости полиции. Вторая статья, написанная в ответ на определенные заявления, сделанные полицейским в ходе телевизионной программы, должна рассматриваться как продолжение первой статьи.

67. Статьи касаются вопросов большой общественной значимости, что в общем не оспаривалось. Это правда, что обе статьи написаны в очень крепких выражениях. Однако, уделяя должное внимание их цели и воздействию, для которых они писались, Суд придерживается мнения, что используемый в статьях язык не может быть расценен как чрезмерный.

68. Наконец, Суд полагает, что признание заявителя виновным и обвинительный приговор могут воспрепятствовать открытой дискуссии по общественно значимым вопросам.

69. Ссылаясь на вышесказанное, Суд пришел к заключению, что доводы, выдвинутые Правительством, не являются достаточными, чтобы показать, что вмешательство, по поводу которого была заявлена жалоба, соответствовало преследуемой законной цели. Таким образом, оно не было "необходимо в демократическом обществе".

70. Соответственно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

III. Применение статьи 41 Конвенции

71. Господин Торгер Торгерсон требовал справедливого удовлетворения в соответствии с статьей 41, согласно которой:

> *«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».*

A. Работа, выполненная заявителем

72. Претендент потребовал 875,250 исландских крон для компенсации своей работы над делом в течение более чем семи лет, которая, как он сказал, занимала сорок один день его свободного времени в год.

Суд допускает "справедливое удовлетворение" только "в случае необходимости". Заявитель, который пользовался помощью адвоката как в Исландии, так и Страсбурге, не обосновал, почему ему было необходимо выплатить компенсацию за его работу.

B. Денежная компенсация ущерба

73. Заявитель просил 2,020,200 исландских кроны в качестве компенсации за потерю заработка (24,050 крон в месяц в период с 1984 до 1991 гг.), проистекающую из его "статуса диссидента".

Правительство протестовало против этого требования, а Комиссия оставила этот вопрос на усмотрение Суда.

Суд не может принять это требование, так как не была установлена достаточная связь между заявленной потерей заработка и рассматриваемым в данном решении вопросом, о нарушении статьи 10.

C. Затраты и издержки

74. Что касается затрат и издержек, заявитель потребовал :

(a) 218,160 исландских крон за перевод документов, представленных на слушаниях в Страсбурге;

(b) 134,392 кроны за компьютерную обработку этих документов;

(c) 250,000 крон для оплаты 100 часов работы г-на Томаса Гуннарссона (из расчета 2,008 крон в час, плюс 24.5 % НДС) в связи с его представлением заявителя в учреждениях Конвенции;

(d) 73,473 кроны за судебные издержки и штраф, наложенный в исландских судах.

75. Что касается пунктов (a) и (b), Правительство выразило готовность выплатить соответствующую сумму, назначенную Судом на основе подробных сведений, предоставленных заявителем. На взгляд представителей Правительства, пункт (c) также был справедлив.

С другой стороны, Правительство обратило внимание на то, что штраф и судебные издержки в Исландии так и не были оплачены заявителем. Кроме того, представители Правительства заявили, что штраф стал неосуществимым за давностью времени, и что они были готовы принять соответствующие меры для невзыскания издержек в том случае, если Суд установит нарушение Конвенции.

76. Суд принимает требования под пунктами (a), (b) и (c). Принимая во внимание прецедентное право Суда в этой области, а также соответствующую оплату Советом Европы юридической помощи заявителю, Суд считает, что он имеет право на компенсацию затрат и издержек на сумму 530,000 исландских крон.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил* , что п. 1 статьи 6 Конвенции не был нарушен;
2. *Постановил* восемью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 10;
3. *Постановил* единогласно, что Исландия должна в трехмесячный срок выплатить заявителю 530,000 (пятьсот тридцать тысяч) исландских крон в качестве покрытия расходов и издержек;
4. *Отклоняет* единогласно остальную часть требования о справедливом удовлетворении.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце Прав человека в Страсбурге 25 июня 1992 года.

Ролф Риссдал Председатель
Марк-Андре Эйссен Секретарь

В соответствии с п. 2 статьи 51 Конвенции и п. 2 правила 53 Регламента Суда, особое мнение г-на Гардара Гисласона добавлено в качестве приложения.

Особое мнение судьи Гардара Гисласона

По заключительному вопросу, возникающему в связи с положениями статьи 10 - являлось ли, при особых обстоятельствах дела (см. пп. 65-69 решения), вмешательство "необходимым в демократическом обществе", - я, к сожалению, расхожусь во мнении с большинством.

Утверждения о совершении преступлений являются или истинными, или ложными. Разумеется, "необходимо" обуздывать ложные утверждения о серьезном преступлении, чтобы защитить репутацию или права других. Поэтому, на мой взгляд, в деле о диффамации решающим является, действительно ли обвинение в серьезном преступлении было сделано добросовестно в отношении его достоверности.

Несмотря на то, что в своей статье от 7 декабря 1983 года заявитель брал за отправную точку нашумевшее дело Скафти Йонссона, он подчеркнул, что считает его "не таким уж и важным"; в его глазах настоящая проблема была "намного больше и страшнее". Он упомянул другой случай, случай с молодым человеком, которого он видел в больнице за несколько лет до этого и который был парализован в результате зверских приемов, примененных полицией Рейкьявика. На мой взгляд, он таким образом подразумевал, что этот "случай" не был каким-либо образом расследован, и что ни один полицейский, соответственно, не был допрошен, уже не говоря о признании виновным. Заявитель не сделал ничего, чтобы подтвердить эту историю фактами, и не имеется никаких посылок к тому, что с молодым человеком действительно жестоко обращалась полиция. По этому делу о диффамации заявителю был вынесен обвинительный приговор не только за брань и оскорбления, но также и за вышеупомянутые обвинения в адрес полицейских о совершении ими серьезных преступлений, которые, если были бы совершены на самом деле, повлекли бы за собой тяжкое наказание в отношении этих полицейских.

Имея в виду все вышесказанное, я полностью одобряю аргументацию Суда в решении по делу "Барфод против Дании" от 22 февраля 1989 года (Series A № 149, стр. 14, п. 35). Господин Торгер Торгерсон был осужден не за критику, а скорее за диффамационные обвинения в адрес работников полиции Рейкьявика, которые, вероятно, не только подорвали уважение общества к ним, но также сделали их предметом ненависти и презрения, - а те самые обвинения были напечатаны при отсутствии каких-либо подтверждающих данных или других доказательств.

Таким образом я считаю, что при обстоятельствах данного дела не было установлено какого-либо нарушения статьи 10 Конвенции.

Я голосовал за применение статьи 41 на основании решения большинства в отношении статьи 10.

КОНВЕНЦИЯ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД И ПРОТОКОЛЫ К НЕЙ.

(Рим, 4 ноября 1950 г.)

См. статус *настоящей Конвенции*

Преамбула
Статья 1. Обязательство соблюдать права человека
Раздел I. Права и свободы (ст.ст. 2 - 18)
Раздел II. Европейский Суд по правам человека (ст.ст. 19 - 51)
Раздел III. Прочие положения (ст.ст. 52 - 59)

Согласно соответствующим статьям Протоколов NN 1, 4, 6, 7, 12 *статьи этих Протоколов являются дополнительными статьями к Конвенции о защите прав человека и основных свобод*

Протокол N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Париж, 20 марта 1952 г.)

Протокол N 2 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод "О наделении Европейского Суда по правам человека компетенцией выносить консультативные заключения" (Страсбург, 6 мая 1963 г.)

Протокол N 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод "Об обеспечении некоторых иных прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и Протокол N 1 к ней" (Страсбург, 16 сентября 1963 г.)

Протокол N 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод "Относительно отмены смертной казни" (Страсбург, 28 апреля 1983 г.)

Протокол N 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Страсбург, 22 ноября 1984 г.)

Протокол N 12 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 2000 г.) (не вступил в силу)

Правительства, подписавшие настоящую Конвенцию, являющиеся членами Совета Европы,

принимая во внимание Всеобщую декларацию прав человека, провозглашенную Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года,

учитывая, что эта Декларация имеет целью обеспечить всеобщее и эффективное признание и осуществление провозглашенных в ней прав,

считая, что целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами и что одним из средств достижения этой цели является защита и развитие прав человека и основных свобод,

подтверждая свою глубокую приверженность основным свободам, которые являются основой справедливости и всеобщего мира и соблюдение которых наилучшим образом

обеспечивается, с одной стороны, подлинно демократическим политическим режимом и, с другой стороны, всеобщим пониманием и соблюдением прав человека, которым они привержены,

преисполненные решимости, как Правительства европейских государств, движимые единым стремлением и имеющие общее наследие политических традиций, идеалов, свободы и верховенства права, сделать первые шаги на пути обеспечения коллективного осуществления некоторых из прав, изложенных во Всеобщей декларации,

согласились о нижеследующем:

Статья 1
Обязательство соблюдать права человека

Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции.

Раздел I
Права и свободы

Статья 2
Право на жизнь

1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

a) для защиты любого лица от противоправного насилия;

b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;

c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.

Статья 3
Запрещение пыток

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

См. Европейскую Конвенцию *по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания*

Статья 4
Запрещение рабства и принудительного труда

1. Никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии.

2. Никто не должен привлекаться к принудительному или обязательному труду.

Об упразднении принудительного или обязательного труда см. также:

Конвенцию *Международной Организации Труда N 29 о принудительном или обязательном труде (Женева, 28 июня 1930 г.);*

Конвенцию *Международной Организации Труда N 105 об упразднении принудительного труда (Женева, 25 июня 1957 г.)*

3. Для целей настоящей статьи термин **"принудительный или обязательный труд"** не включает в себя:

a) всякую работу, которую обычно должно выполнять лицо, находящееся в заключении согласно положениям статьи 5 настоящей Конвенции или условно освобожденное от такого заключения;

b) всякую службу военного характера, а в тех странах, в которых правомерным признается отказ от военной службы на основании убеждений, службу, назначенную вместо обязательной военной службы;

c) всякую службу, обязательную в случае чрезвычайного положения или бедствия, угрожающего жизни или благополучию населения;

d) всякую работу или службу, являющуюся частью обычных гражданских обязанностей.

Статья 5
Право на свободу и личную неприкосновенность

1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

a) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

c) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

d) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

e) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом "c" пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию.

Статья 6
Право на справедливое судебное разбирательство

1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или - в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо - при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.

2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком.

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

a) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;

b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

c) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;

e) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке.

Статья 7
Наказание исключительно на основании закона

1. Никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления.

2. Настоящая статья не препятствует осуждению и наказанию любого лица за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами.

Статья 8
Право на уважение частной и семейной жизни

1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Статья 9
Свобода мысли, совести и религии

1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

Статья 10
Свобода выражения мнения

1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Статья 11
Свобода собраний и объединений

1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства.

Статья 12
Право на вступление в брак

Мужчины и женщины, достигшие брачного возраста, имеют право вступать в брак и создавать семью в соответствии с национальным законодательством, регулирующим осуществление этого права.

Статья 13
Право на эффективное средство правовой защиты

Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве.

Статья 14
Запрещение дискриминации

Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам.

Статья 15
Отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях

1. В случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации, любая из Высоких Договаривающихся Сторон может принимать меры в отступление от ее обязательств по настоящей Конвенции только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств, при условии, что такие меры не противоречат другим ее обязательствам по международному праву.

2. Это положение не может служить основанием для какого бы то ни было отступления от положений статьи 2, за исключением случаев гибели людей в результате правомерных военных действий, или от положений статьи 3, пункта 1 статьи 4 и статьи 7.

3. Любая из Высоких Договаривающихся Сторон, использующая это право отступления, исчерпывающим образом информирует Генерального секретаря Совета Европы о введенных ею мерах и о причинах их принятия. Она также ставит в известность Генерального секретаря Совета Европы о дате прекращения действия таких мер и возобновлении осуществления положений Конвенции в полном объеме.

Статья 16
Ограничение на политическую деятельность иностранцев

Ничто в статьях 10, 11 и 14 не может рассматриваться как препятствие для Высоких Договаривающихся Сторон вводить ограничения на политическую деятельность иностранцев.

Статья 17
Запрещение злоупотреблений правами

Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции.

Статья 18
Пределы использования ограничений в отношении прав

Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены.

Раздел II
Европейский Суд по правам человека

Статья 19
Учреждение Суда

В целях обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по настоящей Конвенции и Протоколам к ней, учреждается Европейский Суд по правам человека, далее именуемый "Суд". Он работает на постоянной основе.

Статья 20
Число судей

Число судей, входящих в состав Суда, равно числу Высоких Договаривающихся Сторон.

Статья 21
Предъявляемые к судьям требования

1. Судьи должны обладать самыми высокими моральными качествами и удовлетворять требованиям, предъявляемым при назначении на высокие судебные должности, или быть правоведами с общепризнанным авторитетом.
2. Судьи участвуют в работе Суда в личном качестве.
3. На протяжении всего срока пребывания в должности судьи не должны осуществлять никакой деятельности, несовместимой с их независимостью, беспристрастностью или с требованиями, вытекающими из характера их работы в течение полного рабочего дня. Все вопросы, возникающие в связи с применением положений настоящего пункта, решаются Судом.

Статья 22
Выборы судей

1. Судья от каждой из Высоких Договаривающихся Сторон избирается Парламентской ассамблеей большинством поданных за него голосов из списка, включающего трех кандидатов, представляемых этой Высокой Договаривающейся Стороной.
2. Аналогичная процедура действует при довыборах состава Суда в случае присоединения новых Высоких Договаривающихся Сторон, а также при заполнении открывающихся вакансий.

Статья 23
Срок полномочий

1. Судьи избираются сроком на шесть лет. Они могут быть переизбраны. Однако срок полномочий половины судей первого состава истекает через три года с момента избрания.
2. Судьи, чей срок полномочий истекает через первые три года, определяются Генеральным секретарем Совета Европы путем жребия сразу после их избрания.
3. В целях обеспечения, насколько это возможно, обновляемости состава Суда наполовину каждые три года Парламентская ассамблея может до проведения любых последующих выборов принять решение о том, что срок или сроки полномочий одного или нескольких избираемых судей будут иными, нежели шесть лет, но в любом случае не более девяти и не менее трех лет.
4. В случаях, когда речь идет о более чем одном сроке полномочий и Парламентская ассамблея применяет положения предыдущего пункта, определение сроков полномочий производится Генеральным секретарем Совета Европы путем жребия сразу после выборов.
5. Судья, избранный для замещения другого судьи, срок полномочий которого еще не истек, занимает этот пост на срок, оставшийся от срока полномочий его предшественника.
6. Срок полномочий судей истекает по достижении ими 70 лет.

7. Судьи занимают свои посты вплоть до замены. Вместе с тем и после замены они продолжают рассматривать уже поступившие к ним дела.

Статья 24
Отстранение от должности

Судья может быть освобожден от должности только в случае, если прочие судьи большинством в две трети голосов принимают решение о том, что он перестает соответствовать предъявляемым требованиям.

Статья 25
Секретариат и правовые референты

У Суда имеется Секретариат, права, обязанности и организация которого определяются Регламентом Суда. Суд пользуется услугами правовых референтов.

Статья 26
Пленарные заседания Суда

На пленарных заседаниях Суд:

a) избирает своего Председателя и одного или двух заместителей Председателя сроком на три года; они могут быть переизбраны;

b) образует Палаты, создаваемые на определенный срок;

c) избирает Председателей Палат Суда; они могут быть переизбраны;

d) принимает Регламент Суда; и

e) избирает Секретаря-канцлера Суда и одного или нескольких его заместителей.

Статья 27
Комитеты, Палаты и Большая Палата

1. Для рассмотрения переданных ему дел Суд образует комитеты в составе трех судей, Палаты в составе семи судей и Большую Палату в составе семнадцати судей. Палаты Суда на определенный срок образуют комитеты.

2. Судья, избранный от государства, являющегося стороной в деле, является ex officio членом Палаты и Большой Палаты; в случае отсутствия такого судьи или если он не может участвовать в заседании, данное государство назначает лицо, которое выступает в качестве судьи.

3. В состав Большой Палаты входят также Председатель Суда, заместители Председателя Суда, Председатели Палат и другие члены Суда, назначенные в соответствии с Регламентом Суда. В тех случаях, когда дело передается в Большую Палату в соответствии с положениями статьи 43, в ее заседаниях не должен участвовать ни один из судей Палаты, вынесшей постановление, за исключением Председателя этой Палаты и судьи от соответствующего государства, являющегося стороной в деле.

Статья 28
Объявления комитетов о неприемлемости жалобы (заявления)

Комитет единогласным решением может объявить неприемлемой индивидуальную жалобу, поданную в соответствии со статьей 34, или исключить ее из списка подлежащих рассмотрению дел, если такое решение может быть принято без дополнительного изучения жалобы. Это решение является окончательным.

Статья 29
Решения Палат о приемлемости жалобы и по существу дела

1. Если не было принято никакого решения, предусмотренного статьей 28, Палата выносит решение о приемлемости индивидуальной жалобы, поданной в соответствии со статьей 34, и по существу дела.

2. Палата выносит решение о приемлемости жалобы государства, поданной в соответствии со статьей 33, и по существу дела.

3. Решение о приемлемости жалобы выносится отдельно, если Суд, в порядке исключения, не примет решения об обратном.

Статья 30
Уступка юрисдикции в пользу Большой Палаты

Если дело, находящееся на рассмотрении Палаты, затрагивает серьезный вопрос, касающийся толкования положений Конвенции или Протоколов к ней, или если решение вопроса может войти в противоречие с ранее вынесенным Судом постановлением, Палата может до вынесения своего постановления уступить юрисдикцию в пользу Большой Палаты, если ни одна из сторон не возражает против этого.

Статья 31
Полномочия Большой Палаты

Большая Палата:

a) выносит решения по жалобам, поданным в соответствии со статьей 33 или статьей 34, когда какая-либо из Палат уступила юрисдикцию на основании положений статьи 30 или когда дело направлено ей в соответствии с положениями статьи 43; и

b) рассматривает запросы о вынесении консультативных заключений, представленные в соответствии с положениями статьи 47.

Статья 32
Компетенция Суда

1. В ведении Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней, которые могут быть ему переданы в случаях, предусмотренных положениями статей 33, 34 и 47.

2. В случае спора относительно компетенции Суда по конкретному делу вопрос решает сам Суд.

Статья 33
Межгосударственные дела

Любая Высокая Договаривающаяся Сторона может передать в Суд вопрос о любом предполагаемом нарушении положений Конвенции и Протоколов к ней другой Высокой Договаривающейся Стороной.

Статья 34
Индивидуальные жалобы

Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей

Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права.

Статья 35
Условия приемлемости

1. Суд может принимать дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты, как это предусмотрено общепризнанными нормами международного права, и в течение шести месяцев с даты вынесения национальными органами окончательного решения по делу.

2. Суд не принимает к рассмотрению никакую индивидуальную жалобу, поданную в соответствии со статьей 34, если она:

a) является анонимной; или

b) является по существу аналогичной той, которая уже была рассмотрена Судом, или уже является предметом другой процедуры международного разбирательства или урегулирования, и если она не содержит новых относящихся к делу фактов.

3. Суд объявляет неприемлемой любую индивидуальную жалобу, поданную в соответствии со статьей 34, если сочтет ее несовместимой с положениями настоящей Конвенции или Протоколов к ней, явно необоснованной или злоупотреблением правом подачи жалобы.

4. Суд отклоняет любую переданную ему жалобу, которую сочтет неприемлемой в соответствии с настоящей статьей. Он может сделать это на любой стадии разбирательства.

Статья 36
Участие третьей стороны

1. В отношении любого дела, находящегося на рассмотрении какой-либо из Палат или Большой Палаты, каждая Высокая Договаривающаяся Сторона, гражданин которой является заявителем, вправе представлять письменные замечания и принимать участие в слушаниях.

2. В интересах надлежащего отправления правосудия Председатель Суда может пригласить любую Высокую Договаривающуюся Сторону, не являющуюся стороной в деле, или любое заинтересованное лицо, не являющееся заявителем, представить письменные замечания или принять участие в слушаниях.

Статья 37
Прекращение производства по делу

1. Суд может на любой стадии разбирательства принять решение о прекращении производства по делу, если обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что:

a) заявитель более не намерен добиваться рассмотрения своей жалобы; или

b) спор был урегулирован; или

c) по любой другой причине, установленной Судом, если дальнейшее рассмотрение жалобы является неоправданным.

Тем не менее Суд продолжает рассмотрение жалобы, если этого требует соблюдение прав человека, гарантированных настоящей Конвенцией и Протоколами к ней.

2. Суд может принять решение восстановить жалобу в списке подлежащих рассмотрению дел, если сочтет, что это оправдано обстоятельствами.

Статья 38
Процедура рассмотрение дела с участием заинтересованных сторон и процедура мирового соглашения

1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он:

a) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия,

b) предоставляет себя в распоряжение заинтересованных сторон с целью заключения мирового соглашения по делу на основе соблюдения прав человека, признанных в настоящей Конвенции и Протоколах к ней.

2. Процедура, предусмотренная подпунктом (b) пункта 1, носит конфиденциальный характер.

Статья 39
Заключение мирового соглашения

В случае достижения мирового соглашения Суд исключает дело из своего списка посредством вынесения постановления, в котором дается лишь краткое изложение фактов и достигнутого решения.

Статья 40
Открытые судебные заседания и доступ к документам

1. Если в силу исключительных обстоятельств Суд не примет иного решения, его заседания являются открытыми.

2. Доступ к документам, переданным на хранение в Секретариат, открыт для публики, если Председатель Суда не примет иного решения.

Статья 41
Справедливая компенсация

Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.

Статья 42
Постановления Палат

Постановления Палат становятся окончательными в соответствии с положениями пункта 2 статьи 44.

Статья 43
Передача дела в Большую Палату

1. В течение трех месяцев с даты вынесения Палатой постановления в исключительных случаях возможно обращение любой из сторон в деле о передачи его на рассмотрение Большой Палаты.

2. Коллегия в составе пяти членов Большой Палаты принимает обращение, если дело поднимает серьезный вопрос, касающийся толкования или применения положений настоящей Конвенции или Протоколов к ней, или другой серьезный вопрос общего характера.

3. Если Коллегия принимает обращение, то Большая Палата выносит по делу свое постановление.

Статья 44

Окончательные постановления

1. Постановление Большой Палаты является окончательным.
2. Постановление любой из Палат становится окончательным, если:
a) стороны не заявляют, что они будут просить о передаче дела в Большую Палату; или
b) по истечении трех месяцев с даты вынесения постановления не поступило обращение о передаче дела в Большую Палату; или
c) Коллегия Большой Палаты отклоняет обращение о предаче дела согласно статье 43.
3. Окончательное постановление подлежит публикации.

Статья 45
Мотивировка постановлений и решений

1. Постановления, а также решения о приемлемости или неприемлемости жалоб должны быть мотивированными.
2. Если постановление в целом или частично не выражает единогласного мнения судей, то любой судья вправе представить свое особое мнение.

Статья 46
Обязательная сила и исполнение постановлений

1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами.
2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением.

Статья 47
Консультативные заключения

1. Суд может по просьбе Комитета министров выносить консультативные заключения по юридическим вопросам, касающимся толкования положений Конвенции и Протоколов к ней.
2. Такие заключения не должны затрагивать ни вопросы, относящиеся к содержанию или объему прав или свобод, определенных в разделе I Конвенции и Протоколах к ней, ни другие вопросы, которые Суду или Комитету министров, возможно, потребовалось бы затронуть при рассмотрении какого-либо обращения, предусмотренного Конвенцией.
3. Решение Комитета министров запросить консультативное заключение Суда принимается большинством голосов представителей, имеющих право заседать в Комитете.

Статья 48
Компетенция Суда в отношении консультативных заключений

Вопрос о том, относится ли направленный Комитетом министров запрос о вынесении консультативного заключения к компетенции Суда, как она определена в статье 47, решает Суд.

Статья 49
Мотивировка консультативных заключений

1. Консультативные заключения Суда должны быть мотивированными.
2. Если консультативное заключение в целом или частично не выражает единогласного мнения судей, то любой судья вправе представить свое особое мнение.
3. Консультативное заключение Суда направляется Комитету министров.

Статья 50
Расходы на содержание Суда

Расходы, связанные с деятельностью Суда, несет Совет Европы.

Статья 51
Привилегии и иммунитеты судей

Судьи при исполнении своих функций пользуются привилегиями и иммунитетами, предусмотренными статьей 40 Устава Совета Европы и в соглашениях, заключенных на ее основе.

Раздел III
Различные положения

Статья 52
Запросы Генерального секретаря

По получении просьбы от Генерального секретаря Совета Европы каждая Высокая Договаривающаяся Сторона представляет разъяснения относительно того, каким образом ее внутреннее право обеспечивает эффективное выполнение любого из положений настоящей Конвенции.

Статья 53
Гарантии в отношении признанных прав человека

Ничто в настоящей Конвенции не может быть истолковано как ограничение или умаление любого из прав человека и основных свобод, которые могут обеспечиваться законодательством любой Высокой Договаривающейся Стороны или любым иным соглашением, в котором она участвует.

Статья 54
Полномочия Комитета министров

Ничто в настоящей Конвенции не умаляет полномочий Комитета министров, которыми он наделен в силу Устава Совета Европы.

Статья 55
Отказ от иных средств урегулирования споров

Высокие Договаривающиеся Стороны согласны, если иное не установлено особым соглашением, не прибегать к действующим между ними договорам, конвенциям или декларациям при передаче на рассмотрение, путем направления заявления, спора по поводу толкования или применения положений настоящей Конвенции и не использовать иные средства урегулирования спора, чем предусмотреные настоящей Конвенцией.

Статья 56
Территориальная сфера действия

1. Любое государство при ратификации или впоследствии может заявить путем уведомления Генерального секретаря Совета Европы о том, что настоящая Конвенция, с учетом

пункта 4 настоящей статьи, распространяется на все территории или на любую из них, за внешние сношения которых оно несет ответственность.

2 . Действие Конвенции распространяется на территорию или территории, указанные в уведомлении, начиная с тридцатого дня после получения Генеральным секретарем Совета Европы этого уведомления.

3. Положения настоящей Конвенции применяются на упомянутых территориях с надлежащим учетом местных условий.

4. Любое государство, которое сделало заявление в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи, может впоследствии в любое время заявить, применительно к одной или нескольких территориям, указанным в этом заявлении, о признании компетенции Суда принимать жалобы от физических лиц, неправительственных организаций или групп частных лиц, как это предусмотрено статьей 34 Конвенции.

Статья 57
Оговорки

1. Любое государство при подписании настоящей Конвенции или при сдаче им на хранение его ратификационной грамоты может сделать оговорку к любому конкретному положению Конвенции в отношении того, что тот или иной закон, действующий в это время на его территории, не соответствует этому положению. В соответствии с настоящей статьей оговорки общего характера не допускаются.

2. Любая оговорка, сделанная в соответствии с настоящей статьей, должна содержать краткое изложение соответствующего закона.

Статья 58
Денонсация

1. Высокая Договаривающаяся Сторона может денонсировать настоящую Конвенцию только по истечении пяти лет с даты, когда она стала Стороной Конвенции, и по истечении шести месяцев после направления уведомления Генеральному секретарю Совета Европы, который информирует об этом другие Высокие Договаривающиеся Стороны.

2. Денонсация не освобождает соответствующую Высокую Договаривающуюся Сторону от ее обязательств по настоящей Конвенции в отношении любого действия, кторое могло явиться нарушением таких обязательств и могло быть совершено ею до даты вступления денонсации в силу.

3. Любая Высокая Договаривающаяся Сторона, которая перестает быть членом Совета Европы, на тех же условиях перестает быть и Стороной настоящей Конвенции.

4. Конвенция может быть денонсирована в соответствии с положениями предыдущих пунктов в отношении любой территории, на которую распространялось ее действие согласно положениям статьи 56.

Статья 59
Подписание и ратификация

1. Настоящая Конвенция открыта для подписания государствами - членами Совета Европы. Она подлежит ратификации. Ратификационные грамоты сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы.

2. Настоящая Конвенция вступает в силу после сдачи на хранение десяти ратификационных грамот.

3. Для тех государств, которые ратифицируют Конвенцию впоследствии, она вступает в силу с даты сдачи ими на хранение их ратификационных грамот.

4. Генеральный секретарь Совета Европы уведомляет все государства - члены Совета Европы о вступлении Конвенции в силу, о Высоких Договаривающихся Сторонах, ратифицировавших ее, и о сдаче ратификационных грамот, которые могут быть получены впоследствии.

Совершено в Риме 4 ноября 1950 года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в единственном экземпляре, который хранится в архиве Совета Европы. Генеральный секретарь направляет заверенные копии всем подписавшим Конвенцию государствам.

Протокол N 1
к Конвенции о защите прав человека и основных свобод
(Париж, 20 марта 1952 г.)
(с изменениями от 11 мая 1994 г.)

Правительства, подписавшие настоящий Протокол, являющиеся членами Совета Европы, преисполненные решимости принять меры по обеспечению коллективного осуществления некоторых иных прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Раздел I Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанной в Риме 4 ноября 1950 года (далее именуемой "Конвенция"), согласились о нижеследующем:

Статья 1
Защита собственности

Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества, иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов.

Статья 2
Право на образование

Никому не может быть отказано в праве на образование. Государство при осуществлении функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать такое образование и обучение, которые соответствуют их религиозным и философским убеждениями.

Статья 3
Право на свободные выборы

Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются проводить с разумной периодичностью свободные выборы путем тайного голосования в таких условиях, которые обеспечивали бы свободное волеизъявление народа при выборе органов законодательной власти.

Статья 4
Применение к территориям

Любая Высокая Договаривающаяся Сторона может при подписании или ратификации или в любое время впоследствии направить Генеральному секретарю Совета Европы заявление о

пределах своих обязательств относительно применения положений настоящего Протокола к тем указанным в заявлении территориям, за внешние сношения которых она несет ответственность.

Любая Высокая Договаривающаяся Сторона, направившая заявление в соответствии с положениями предыдущего пункта, может время от времени направлять новое заявление об изменении условий любого предыдущего заявления или о прекращении применения положений настоящего Протокола в отношении какой-либо территории.

Заявление, сделанное в соответствии с положениями настоящей статьи, рассматривается как сделанное в соответствии с пунктом 1 статьи 56 Конвенции.

Статья 5
Соотношение с Конвенцией

Высокие Договаривающиеся Стороны рассматривают статьи 1, 2, 3 и 4 настоящего Протокола как дополнительные статьи к Конвенции, и все положения Конвенции применяются соответственно.

Статья 6
Подписание и ратификация

Настоящий Протокол открыт для подписания государствами - Членами Совета Европы, подписавшими Конвенцию, он подлежит ратификации одновременно с ратификацией Конвенции или после таковой. Протокол вступает в силу после сдачи на хранение десяти ратификационных грамот. В отношении каждого подписавшего государства, которое ратифицирует Протокол впоследствии, он вступает в силу с даты сдачи на хранение ратификационной грамоты.

Ратификационные грамоты сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы, который уведомляет все государства - Члены Совета Европы о государствах, ратифицировавших Протокол.

Совершено в Париже 20 марта 1952 года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в единственном экземпляре, который хранится в архиве Совета Европы. Генеральный секретарь направляет заверенную копию каждому Правительству, подписавшему настоящий Протокол.

Протокол N 2
к Конвенции о защите прав человека и основных свобод
О наделении Европейского Суда по правам человека компетенцией выносить консультативные заключения
(Страсбург, 6 мая 1963 г.)

Государства-члены Совета Европы, подписавшие настоящий Протокол:

учитывая положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанной в Риме 4 ноября 1950 года (далее именуемой "Конвенция") и, в частности, статьи 19, учреждающей наряду с другими органами Европейский Суд по правам человека (далее именуемый "Суд"),

считая целесообразным наделить Суд компетенцией давать консультативные заключения при соблюдении определенных условий,

согласились о нижеследующем:

Статья 1

1. Суд может по запросу Комитета министров давать консультативные заключения по правовым вопросам, касающимся толкования Конвенции и Протоколов к ней.

2. Такие заключения не касаются вопросов, относящихся к содержанию или объему прав и свобод, как они определены в Разделе I Конвенции и в Протоколах к ней, или любых других вопросов, которые Комиссии, Суду или Комитету министров потребуется рассмотреть вследствие любого разбирательства, которое может быть предпринято в соответствии с Конвенцией.

3. Решение Комитета министров запросить консультативное заключение Суда принимается двумя третями голосов представителей, имеющих право заседать в Комитете.

Статья 2

Суд принимает решение о том, относится ли запрос о консультативном заключении, поданный Комитетом министров, к его консультативной компетенции, как она определена положениями статьи 1 настоящего Протокола.

Статья 3

1. Для рассмотрения запросов о консультативном заключении Суд проводит пленарное заседание.

2. Консультативное заключение Суда должно быть мотивированным.

3. Если консультативное заключение в целом или в части не выражает единогласного мнения судей, то любой судья имеет право представить свое особое мнение.

4. Консультативные заключения Суда направляются Комитету министров.

Статья 4

Полномочия Суда, как они определены положениями статьи 55 Конвенции, распространяются на выработку таких правил и на определение такой процедуры, которые Суд сочтет необходимыми для целей настоящего Протокола.

Статья 5

1. Настоящий Протокол открыт для подписания Государствами-членами Совета Европы, подписавшими Конвенцию, которые могут стать его Участниками путем:

a. подписания без оговорки относительно ратификации или принятия;

b. подписания с оговоркой относительно ратификации или принятия с последующей ратификацией или принятием.

Ратификационные грамоты или документы о присоединении сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы.

2. Настоящий Протокол вступает в силу после того, как все Государства-участники Конвенции станут Сторонами Протокола в соответствии с положениями пункта 1 настоящей статьи.

3. С даты вступления Протокола в силу статьи 1 - 4 считаются неотъемлемой частью Конвенции.

4. Генеральный секретарь Совета Европы уведомляет Государства-члены Совета:

a. о любом подписании без оговорки относительно ратификации или принятия;

b. о любом подписании с оговоркой относительно ратификации или принятия;

c. о сдаче на хранение любой ратификационной грамоты или документа о принятии;

d. о дате вступления настоящего Протокола в силу в соответствии с положениями пункта 2 настоящей статьи.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящий Протокол.

Совершено в Страсбурге 6 мая 1963 года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в единственном экземпляре, который хранится в архиве Совета Европы. Генеральный секретарь направит заверенные копии каждому подписавшему Протокол государству.

Протокол N 4
к Конвенции о защите прав человека и основных свобод "Об обеспечении некоторых иных прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и Протокол N 1 к ней"
(Страсбург, 16 сентября 1963 г.)
(с изменениями от 11 мая 1994 г.)

Правительства, подписавшие настоящий Протокол, являющиеся членами Совета Европы,

преисполненные решимости принять меры по обеспечению коллективного осуществления некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Раздел I Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанной в Риме 4 ноября 1950 года (далее именуемой "Конвенция"), и в статьи 1, 2 и 3 первого Протокола к Конвенции, подписанного в Париже 20 марта 1952 года,

согласились о нижеследующем:

Статья 1
Запрещение лишения свободы за долги

Никто не может быть лишен свободы лишь на том основании, что он не в состоянии выполнить какое-либо договорное обязательство.

Статья 2
Свобода передвижения

1. Каждый, кто на законных основаниях находится на территории какого-либо государства, имеет в пределах этой территории право на свободу передвижения и свободу выбора местожительства.

2. Каждый свободен покидать любую страну, включая свою собственную.

3. Пользование этими правами не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности или общественного спокойствия, для поддержания общественного порядка, предотвращения преступлений, охраны здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

4. Права, признанные в пункте 1, могут также, в определенных районах, подлежать ограничениям, вводимым в соответствии с законом и обоснованным общественными интересами в демократическом обществе.

Статья 3
Запрещение высылки граждан

1. Никто не может быть выслан путем индивидуальных или коллективных мер с территории государства, гражданином которого он является.

2. Никто не может быть лишен права на въезд на территорию государства, гражданином которого он является.

Статья 4
Запрещение коллективной высылки иностранцев

Коллективная высылка иностранцев запрещена.

Статья 5
Территориальная сфера действия

1. Любая Высокая Договаривающаяся Сторона может при подписании или ратификации настоящего Протокола или в любое время впоследствии направить Генеральному секретарю Совета Европы заявление о пределах своих обязательств относительно применения положений настоящего Протокола к тем указанным в заявлении территориям, за внешние сношения которых она несет ответственность.

2. Любая Высокая Договаривающаяся Сторона, направившая заявление в соответствии с положениями предыдущего пункта, может время от времени направлять новое заявление об изменении условий любого предыдущего заявления или о прекращении применения положений настоящего Протокола в отношении какой-либо территории.

3. Заявление, сделанное в соответствии с положениями настоящей статьи, рассматривается как сделанное в соответствии с пунктом 1 статьи 56 Конвенции.

4. Территория любого государства, к которой настоящий Протокол применяется в силу его ратификации или принятия этим государством, и каждая из территорий, к которой настоящий Протокол применяется в силу заявления этого государства в соответствии с положениями настоящей статьи, рассматриваются как отдельные территории для целей ссылок на территорию государства в статьях 2 и 3.

5. Любое государство, сделавшее заявление в соответствии с пунктами 1 и 2 настоящей статьи, может впоследствии в любое время заявить применительно одной или нескольким территориям, указанным в этом заявлении, что оно признает компетенцию Суда принимать жалобы от физических лиц, неправительственных организаций или групп частных лиц, как это предусмотрено статьей 34 Конвенции, относительно соблюдения всех или одной из статей 1, 2, 3, 4 настоящего Протокола.

Статья 6
Соотношение с Конвенцией

1. Высокие Договаривающиеся Стороны рассматривают статьи 1, 2, 3, 4 и 5 настоящего Протокола как дополнительные статьи к Конвенции, и все положения Конвенции применяются соответственно.

Статья 7
Подписание и ратификация

1. Настоящий Протокол открыт для подписания Государствами - членами Совета Европы, подписавшими Конвенцию. Он подлежит ратификации одновременно с ратификацией Конвенции или после таковой. Протокол вступает в силу после сдачи на хранение пяти ратификационных грамот. В отношении любого подписавшего государства, которое ратифицирует настоящий Протокол впоследствии, он вступает в силу с даты сдачи им на хранение его ратификационной грамоты.

2. Ратификационные грамоты сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы, который уведомляет все государства - члены Совета Европы о государствах, ратифицировавших Протокол.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящий Протокол.

Совершено в Страсбурге 16 сентября 1963 года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в единственном экземпляре, который хранится в архиве Совета Европы. Генеральный секретарь направит заверенные копии каждому государству, подписавшему настоящий Протокол.

Протокол N 6
к Конвенции о защите прав человека и основных свобод
Относительно отмены смертной казни
(Страсбург, 28 апреля 1983 г.)
(с изменениями от 11 мая 1994 г.)

Данный протокол не ратифицирован Российской Федерацией

Российская Федерация подписала настоящий Протокол 16 апреля 1997 г. в г.Страсбурге. Протокол внесен на ратификацию в Государственную Думу РФ письмом Президента РФ от 6 августа 1999 года N Пр-1025

При присоединении к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Россия сделала оговорку о поэтапном присоединении к Протоколу N 6 в Российской Федерации

Государства-члены Совета Европы, подписавшие настоящий Протокол к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанной в Риме 4 ноября 1950 года (далее именуемой "Конвенция"),

считая, что развитие, имевшее место в нескольких государствах-членах Совета Европы, выражают общую тенденцию в пользу отмены смертной казни,

согласились о нижеследующем:

Статья 1
Отмена смертной казни

Смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен.

Статья 2
Применение смертной казни в военное время

Государство может предусмотреть в своем законодательстве смертную казнь за действия, совершенные во время войны или при неизбежной угрозе войны; подобное наказание применяется только в установленных законом случаях и в соответствии с его положениями. Государство сообщает Генеральному секретарю Совета Европы соответствующие положения этого законодательства.

Статья 3
Запрещение отступлений от соблюдения обязательств

Отступления от положений настоящего Протокола на основании статьи 15 Конвенции не допускаются.

Статья 4
Запрещение оговорок

Оговорки в отношении положений настоящего Протокола на основании статьи 57 Конвенции не допускаются.

Статья 5
Применение к территориям

1. Любое государство может при подписании или сдаче на хранение своей ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении указать территорию или территории, к которым применяется данный Протокол.

2. Любое государство может позднее, в любой момент путем заявления, направленного на имя Генерального секретаря Совета Европы, распространить применение настоящего Протокола на любую другую территорию, указанную в заявлении. В отношении этой территории Протокол вступает в силу в первый день месяца, следующего за датой получения Генеральным секретарем подобного заявления.

3. Любое заявление, сделанное на основании двух предыдущих пунктов и касающееся любой указанной в нем территории, может быть отозвано путем уведомления, направленного на имя Генерального секретаря. Отзыв вступает в силу с первого дня месяца, следующего за датой получения Генеральным секретарем подобного уведомления.

Статья 6
Связь с Конвенцией

Государства-участники рассматривают статьи 1 - 5 настоящего Протокола как дополнительные статьи к Конвенции, и все положения Конвенции применяются соответственно.

Статья 7
Подписание и ратификация

Настоящий Протокол открыт для подписания Государствами-членами Совета Европы, подписавшими Конвенцию. Он подлежит ратификации, принятию или одобрению. Государство-член Совета Европы не может ратифицировать, принять или одобрить настоящий Протокол без одновременной или предшествующей ратификации Конвенции. Ратификационные грамоты или документы о принятии или одобрении сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы.

Статья 8
Вступление в силу

1. Настоящий Протокол вступает в силу в первый день месяца, следующего за датой, на которую пять Государств-членов Совета Европы выразят свое согласие взять на себя обязательства по Протоколу в соответствии с положениями статьи 7.

2. Для любого Государства-члена, которое выразит свое согласие взять на себя обязательства по Протоколу впоследствии, Протокол вступает в силу в первый день месяца,

следующего за датой сдачи на хранение ратификационных грамот или документов о принятии или одобрении.

Статья 9
Функции депозитария

Генеральный секретарь Совета Европы уведомляет государства-члены Совета Европы о:

a. любом подписании;

b. сдаче на хранение ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении;

c. дате вступления настоящего Протокола в силу в соответствии со статьями 5 и 8;

d. любом ином действии, уведомлении или сообщении, относящемся к данному Протоколу.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящий Протокол.

Совершено в Страсбурге 28 апреля 1983 года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в единственном экземпляре, который хранится в архиве Совета Европы. Генеральный секретарь направит заверенные копии каждому подписавшему Протокол государству.

Протокол N 7
к Конвенции о защите прав человека и основных свобод
(Страсбург, 22 ноября 1984 г.)
(с изменениями от 11 мая 1994 г.)

Протокол не ратифицирован Российской Федерации

Государства-члены Совета Европы, подписавшие настоящий Протокол,

преисполненные решимости принять дальнейшие меры по обеспечению коллективного осуществления некоторых прав и свобод посредством применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанной в Риме 4 ноября 1950 года (далее именуемой "Конвенция"),

согласились о нижеследующем:

Статья 1
Процедурные гарантии в случае высылки иностранцев

1. Иностранец, на законных основаниях проживающий на территории какого-либо государства, не может быть выслан из него иначе как во исполнение решения, принятого в соответствии с законом, и должен иметь возможность:

a. представить аргументы против своей высылки,

b. пересмотра своего дела, и

c. для этих целей быть представленным перед компетентным органом или одним или несколькими лицами, назначенными таким органом.

2. Иностранец может быть выслан до осуществления своих прав, перечисленных в подпунктах (a), (b) и (c) пункта 1 данной статьи, если такая высылка необходима в интересах общественного порядка или обусловлена соображениями национальной безопасности.

Статья 2
Право на апелляцию по уголовным делам

1. Каждый человек, осужденный судом за совершение уголовного преступления имеет право на то, чтобы его приговор или наказание были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией. Осуществление этого права, включая основания, на которых оно может быть осуществлено, регулируется законом.

2. Из этого права могут делаться исключения в отношении незначительных правонарушений в соответствии с законом или когда соответствующее лицо было судимо уже в первой инстанции верховным судом или осуждено по рассмотрении апелляции против его оправдания.

Статья 3
Компенсация в случае судебной ошибки

Если какое-либо лицо на основании окончательного решения было осуждено за совершение уголовного преступления и если впоследствии вынесенный ему приговор был пересмотрен, или оно было помиловано на том основании, что какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство убедительно доказывает, что имела место судебная ошибка, то лицо, понесшее наказание в результате такого осуждения, получает компенсацию согласно закону или практике соответствующего государства, если только не будет доказано, что ранее неизвестное обстоятельство не было своевременно обнаружено поностью или частично по его вине.

Статья 4
Право не привлекаться к суду или повторному наказанию

1. Никакое лицо не должно быть повторно судимо или наказано в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое это лицо уже было окончательно оправдано или осуждено в соответствии с законом и уголовно-процессуальным законодательством этого государства.

2. Положения предыдущего пункта не препятствуют повторному рассмотрению дела в соответствии с законом и уголовно-процессуальным нормами соответствующего государства, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела.

3. Отступления от выполнения настоящей статьи на основании положений статьи 15 Конвенции не допускаются.

Статья 5
Равноправие супругов

Супруги обладают равными правами и равной ответственностью частноправового характера в отношениях между собой и со своими детьми в том, что касается вступления в брак, во время пребывания в браке и при его расторжении. Настоящая статья не препятствует государствам принимать такие меры, которые необходимы для соблюдения интересов детей.

Статья 6
Применение к территориям

1. Любое государство может при подписании или сдаче на хранение своей ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении указать территорию или территории, на которые распространяется действие данного Протокола, и указать, в каких

пределах оно обязуется применять положения настоящего Протокола к этой территории или этим территориям.

2. Любое государство может впоследствии в любое время, путем направления заявления Генеральному секретарю Совета Европы, распространить применение настоящего Протокола на любую другую территорию, указанную в заявлении. Протокол вступает в силу в отношении такой территории в первый день месяца, следующего по истечении двух месяцев с даты получения Генеральным секретарем такого заявления.

3. Любое заявление, сделанное на основании двух предыдущих пунктов и касающееся любой указанной в нем территории, может быть отозвано или изменено путем уведомления Генерального секретаря Совета Европы. Отзыв или изменение вступают в силу в первый день месяца, следующего по истечении двух месяцев, считая с даты получения Генеральным секретарем такого уведомления.

4. Заявление, сделанное в соответствии с положениями настоящей статьи, рассматривается как сделанное в соответствии с пунктом 1 статьи 56 Конвенции.

5. Территория любого государства, к которой настоящий Протокол применяется в силу ратификации, принятия или одобрения этим государством, и каждая из территорий, к которой настоящий Протокол применяется в силу заявления этого государства в соответствии с положениями настоящей статьи, могут рассматриваться как отдельные территории для цели ссылки на территорию государства в статье 1.

6. Любое государство, которое сделало заявление в соответствии с положениями пунктов 1 и 2 настоящей статьи, впоследствии может в любое время заявить от имени одной или нескольких территорий, к которым это заявление относится, что оно признает компетенцию Суда принимать жалобы от физических лиц, неправительственных организаций или групп частных лиц, как это предусмотрено статьей 34 настоящей Конвенции, в отношении статей 1 - 5 настоящего Протокола.

Статья 7
Связь с Конвенцией

1. Государства-участники рассматривают положения статей 1 - 6 настоящего Протокола как дополнительные статьи к Конвенции, и все положения Конвенции применяются соответственно.

Статья 8
Подписание и ратификация

Настоящий Протокол открыт для подписания Государствами-членами Совета Европы, подписавшими Конвенцию. Он подлежит ратификации, принятию или одобрению. Государство-член Совета Европы не может ратифицировать, принять или одобрить настоящий Протокол без предшествующей или одновременной ратификации Конвенции. Ратификационные грамоты или документы о принятии или одобрении сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы.

Статья 9
Вступление в силу

1. Настоящий Протокол вступает в силу в первый день месяца, следующего по истечении двух месяцев, считая с даты, когда семь Государств-членов Совета Европы выразят свое согласие быть связанными Протоколом в соответствии с положениями статьи 8.

2. Для любого Государства-члена, которое впоследствии выразит свое согласие быть связанным Протоколом, он вступит в силу в первый день месяца, следующего по истечении

двух месяцев с даты сдачи на хранение ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении.

Статья 10
Функции депозитария

Генеральный секретарь Совета Европы уведомит все Государства-члены Совета Европы:

a. о любом подписании;

b. о сдаче на хранение ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении;

c. о дате вступления настоящего Протокола в силу в соответствии с положениями статей 6 и 9;

d. о любом ином акте, уведомлении или заявлении, относящемся к настоящему Протоколу.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящий Протокол.

Совершено в Страсбурге 22 ноября 1984 года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в единственном экземпляре, который хранится в архиве Совета Европы. Генеральный секретарь Совета Европы направляет заверенную копию каждому Государству-члену Совета Европы.

Протокол N 12
к Конвенции о защите прав человека и основных свобод
(Рим, 4 ноября 2000 г.)

Государства - члены Совета Европы, подписавшие настоящий Протокол,

принимая во внимание основополагающий принцип, в соответствии с которым все люди равны перед законом и имеют право на равную защиту законом;

преисполненные решимости предпринять дальнейшие шаги по обеспечению равенства всех людей путем коллективного осуществления всеобщего запрещения дискриминации на основании Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанной в Риме 4 ноября 1950 года (именуемой ниже "Конвенция");

подтверждая, что принцип недискриминации не препятствует государствам-участникам принимать меры для обеспечения полного и эффективного равенства при условии существования объективной и разумной обоснованности таких мер,

согласились о нижеследующем:

Статья 1

Общее запрещение дискриминации

1. Пользование любым правом, признанным законом, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или любого иного обстоятельства.

2. Никто не может быть подвергнут дискриминации со стороны каких бы то ни было публичных властей по признакам, упомянутым в пункте 1 настоящей статьи.

Статья 2

Применение к территориям

1. Любое государство при подписании или сдаче на хранение ратификационной грамоты или документа о принятии или утверждении может указать территорию или территории, на которые распространяется действие настоящего Протокола.

2. Любая Сторона впоследствии в любое время может, путем направления заявления Генеральному секретарю Совета Европы, распространить применение настоящего Протокола на любую другую территорию, указанную в заявлении. Протокол вступает в силу в отношении такой территории в первый день месяца, следующего по истечении трех месяцев, считая с даты получения Генеральным секретарем такого заявления.

3. Любое заявление, сделанное на основании двух предыдущих пунктов и касающееся любой указанной в нем территории, может быть отозвано или изменено путем уведомления, направленного Генеральному секретарю. Отзыв или изменение вступают в силу в первый день месяца, следующего по истечении трех месяцев, считая с даты получения Генеральным секретарем такого уведомления.

4. Заявление, сделанное в соответствии с положениями настоящей статьи, рассматривается как сделанное в соответствии с пунктом 1 статьи 56 Конвенции.

5. Любое государство, которое сделало заявление в соответствии с пунктами 1 или 2 настоящей статьи, впоследствии в любое время может заявить от имени одной или нескольких территорий, к которым это заявление относится, что оно признает компетенцию Суда принимать жалобы от физических лиц, неправительственных организаций или групп физических лиц, как это предусмотрено статьей 34 Конвенции, в отношении статьи 1 настоящего Протокола.

Статья 3

Связь с Конвенцией

Государства-участники рассматривают положения статьей 1 и 2 настоящего Протокола как дополнительные статьи к Конвенции, и все положения Конвенции применяются соответственно.

Статья 4

Подписание и ратификация

Настоящий Протокол открыт для подписания государствами - членами Совета Европы, подписавшими Конвенцию. Он подлежит ратификации, принятию или утверждено. Государство - член Совета Европы не может ратифицировать, принять или утвердить настоящий Протокол без предшествующей или одновременной ратификации Конвенции. Ратификационные грамоты или документы о принятии или утверждении сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы.

Статья 5

Вступление в силу

1. Настоящий Протокол вступает в силу в первый день месяца, следующего за истечением трех месяцев с даты, когда десять государств - членов Совета Европы выразят свое согласие на обязательность для них настоящего Протокола в соответствии с положениями статьи 4.

2. Для любого государства-члена, которое впоследствии выразит свое согласие на обязательность для него настоящего Протокола, он вступает в силу в первый день месяца, следующего за истечением трех месяцев с даты сдачи на хранение ратификационной грамоты или документа о принятии или утверждении.

Статья 6

Функции депозитария

Генеральный секретарь Совета Европы уведомляет все государства - члены Совета Европы о:

a) каждом подписании;

b) сдаче на хранение каждой ратификационной грамоты или документа о принятии или утверждении;

c) каждой дате вступления настоящего Протокола в силу в соответствии со статьями 2 и 5;

d) каждом ином акте, уведомлении или сообщении, относящемся к настоящему Протоколу.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящий Протокол.

Совершено в Риме 4 ноября 2000 года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в единственном экземпляре, который хранится в архиве Совета Европы. Генеральный секретарь Совета Европы направляет заверенную копию каждому государству - члену Совета Европы.

РЕГЛАМЕНТ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
от 4 ноября 1998 г.
"Правила процедуры суда"

В настоящий Регламент внесены поправки: 8 декабря 2000 г. (вступили в силу немедленно), 17 июня и 8 июля 2002 г. (вступили в силу с 1 октября 2002 г.). С текстом Регламента в актуальной редакции на английском и французском языках можно ознакомиться на официальном сайте Европейского Суда по правам человека http://www.echr.coe.int

Правило 1. Понятия и термины
Раздел I. Организация и работа суда
Глава I. Судьи (правила 2 - 7)
Глава II. Председательство в Суде (правила 8 - 14)
Глава III. Секретариат (правила 15 - 18)
Глава IV. Работа Суда (правила 19 - 23)
Глава V. Палаты (правила 24 - 30)
Раздел II Порядок производства
Глава I. Общие положения (правила 31 - 44)
Глава II. Возбуждение дела (правила 45 - 47)
Глава III. Судьи-докладчики (правила 48 - 50)
Глава IV Порядок рассмотрения вопроса о приемлемости жалобы Межгосударственные жалобы (правила 51 - 57)
Глава V. Порядок производства после принятия жалобы (правила 58 - 62)
Глава VI. Слушания (правила 63 - 70)
Глава VII. Производство в Большой Палате (правила 71 - 73)
Глава VIII. Постановления (правила 74 - 81)
Глава IX. Консультативные заключения (правила 82 - 90)
Глава X. Оплата юридической помощи (правила 91 - 96)
Раздел III. Правила переходного периода (правила 97 - 102)
Раздел IV. Заключительные положения (правила 103 - 104)

Правило 1
(Понятия и термины)

Содержащиеся в настоящих Правилах понятия и термины имеют, если из контекста не следует иное, следующее значение:

(a) "**Конвенция**" - Конвенция о защите прав человека и основных свобод и Протоколы к ней;

(b) "**пленарное заседание Суда**" - заседание Европейского Суда по правам человека в полном составе;

(c) "**Большая Палата**" - Большая Палата в составе семнадцати судей, образованная согласно пункту 1 статьи 27 Конвенции;

(d) "**Секция**" - Палата, образованная на пленарном заседании Суда на определенный срок согласно пункту (b) статьи 26 Конвенции, а "Председатель Палаты" - судья, избранный на пленарном заседании Суда согласно пункту (c) статьи 26 Конвенции в качестве Председателя такой Секции;

(e) "**Палата**" - Палата в составе семи судей, образованная согласно пункту 1 статьи 27 Конвенции, а "Председатель Палаты" - судья, председательствующий в такой Палате;

(f) "**Комитет**" - комитет в составе трех судей, образованный согласно пункту 1 статьи 27 Конвенции;

(g) "**Суд**" - либо Суд в полном составе, а также в составе Большой Палаты, Секции, Палаты, Комитета, либо Комитет в составе пяти судей, предусмотренный пунктом 2 статьи 43 Конвенции;

(h) "**судья** ad hoc" - не являющееся избранным судьей лицо, предложенное государством-участником Конвенции согласно пункту 2 статьи 27 Конвенции в качестве члена Большой Палаты или Палаты;

(i) "**судья**" или "**судьи**" - судьи, избранные Парламентской Ассамблеей Совета Европы или судьи ad hoc;

(j) "**судья-докладчик**" - судья, назначенный для выполнения задач, предусмотренных правилами 48 и 49;

(k) "**Секретарь**" - Секретарь Суда или Секретарь Секции согласно контексту;

(l) "**сторона**" или "**стороны**": - государство-заявитель или государство-ответчик; - заявитель (физическое лицо, неправительственная организация или группа частных лиц), подавший жалобу на основании статьи 34 Конвенции;

(m) "**третья сторона**" - любое государство-участник Конвенции или любое заинтересованное лицо, которое в порядке, предусмотренном пунктами 1 и 2 статьи 36 Конвенции, реализовало свое право, или которому было предложено представить письменные замечания, или участвовать в слушаниях;

(n) "**Комитет Министров**" - Комитет Министров Совета Европы;

(o) "**прежний Суд**" или "**Комиссия**" - соответственно, Европейский Суд и Европейская Комиссия, которые были образованы согласно прежней статье 19 Конвенции.

Раздел I
Организация и работа суда

Глава I. Судьи

Правило 2
(Исчисление срока полномочий)

1. Действие срока полномочий избранного судьи исчисляется с даты избрания. Однако, когда судья переизбирается по истечении срока полномочий или избирается для замещения судьи, срок полномочий которого истек или близок к этому, действие срока полномочий в обоих случаях исчисляется с даты истечения указанных полномочий.

2. В соответствии с пунктом 5 статьи 23 Конвенции, судья, избранный для замещения любого судьи, срок полномочий которого еще не истек, занимает эту должность на срок, оставшийся от срока полномочий его предшественника.

3. В соответствии с пунктом 7 статьи 23 Конвенции, полномочия избранного судьи действуют до того момента, пока его преемник не принесет присягу или не сделает заявление согласно правилу 3.

Правило 3
(Присяга или торжественное заявление)

1. Перед вступлением в должность каждый избранный судья приносит Суду на первом пленарном заседании, на котором присутствует, или, в случае необходимости, Председателю Суда следующую присягу или делает следующее торжественное заявление:

"Клянусь" - или "Торжественно заявляю" - " что буду выполнять обязанности судьи честно, независимо и беспристрастно и буду соблюдать тайну совещания судей."

2. Об этом акте делается запись в протоколе.

Правило 4
(Деятельность, несовместимая с должностью)

На протяжении всего срока пребывания в должности, в соответствии с пунктом 3 статьи 21 Конвенции, судьи не должны осуществлять никакой политической, административной или профессиональной деятельности, несовместимой с их независимостью, беспристрастностью или с требованиями, вытекающими из постоянного характера их полномочий. О любой дополнительной деятельности каждый судья должен заявлять Председателю Суда. В случае разногласий между Председателем и соответствующим судьей любой возникший вопрос разрешается на пленарном заседании.

Правило 5
(Старшинство)

1. После Председателя, заместителей Председателя и Председателей Секций порядок старшинства избранных судей устанавливается по дате избрания; в случае переизбрания, даже если оно происходит не сразу после предыдущего срока, учитывается время, в течение которого соответствующий судья ранее занимал должность судьи.

2. Старшинство заместителей Председателя Суда, избранных на должность в один и тот же день, устанавливается по продолжительности их пребывания в должности судей. Если продолжительность их пребывания в должности одинакова, то старшинство определяется по возрасту. Это же правило применяется к Председателям Секций.

3. Старшинство судей с одинаковым сроком пребывания в должности определяется по возрасту.

4. В порядке старшинства судьи ad hoc следуют за избранными судьями; их старшинство также определяется по возрасту.

Правило 6
(Отставка)

Заявление судьи об отставке доводится до сведения Председателя Суда, который направляет его Генеральному Секретарю Совета Европы. С учетом положений пункта 3 in fine правила 24 и пункта 2 правила 26 отставка означает прекращение полномочий.

Правило 7
(Отстранение от должности)

Судья может быть отстранен от должности только в случае, если на пленарном заседании остальные судьи большинством в две трети голосов пребывающих в должности избранных судей принимают решение о том, что он или она перестает соответствовать предъявляемым требованиям. Предварительно он или она должны быть заслушаны на пленарном заседании Суда. Любой судья вправе начать процедуру отстранения от должности.

Глава II. Председательство в Суде

Правило 8
(Выборы Председателя Суда и заместителей Председателя Суда, Председателей Секций и заместителей Председателей Секций)

1. Председатель Суда и два заместителя Председателя Суда, Председатели Секций избираются на пленарном заседании Суда сроком на три года, при этом пребывание в этой

должности не должно превышать продолжительность их пребывания в должности в качестве судей. Они могут быть переизбраны.

2. Каждая Секция также избирает сроком на три года с правом переизбрания заместителя Председателя, который замещает Председателя Секции, если последний не может выполнять свои обязанности.

3. Председатели и заместители Председателей продолжают пребывать в должности до момента избрания их преемников.

4. Если Председатель или заместитель Председателя прекращает быть членом Суда или уходит в отставку до истечения установленного срока полномочий, Суд на пленарном заседании или соответствующая Секция, в зависимости от принадлежности конкретной должности, избирает преемника на оставшуюся часть срока полномочий.

5. Указанные в настоящем правиле выборы проводятся тайным голосованием; в них принимают участие только присутствующие избранные судьи. Если ни один из судей не получает абсолютного большинства голосов присутствующих избранных судей, то выборы проводятся между двумя судьями, получившими наибольшее число голосов. В случае разделения голосов поровну предпочтение отдается судье в порядке старшинства в соответствии с правилом 5.

Правило 9
(Обязанности Председателя Суда)

1. Председатель Суда осуществляет руководство работой Суда и управление его делами. Председатель выполняет представительские функции и, в частности, ответствен за сношения с руководящими органами Совета Европы.

2. Председатель Суда председательствует на пленарных заседаниях Суда, на заседаниях Большой Палаты и заседаниях комитетов в составе пяти судей.

3. Председатель не участвует в рассмотрении дел, которые слушаются в Палатах, за исключением случаев, когда он является судьей, избранным от соответствующего государства-участника Конвенции.

Правило 10
(Обязанности заместителей Председателя Суда)

Заместители Председателя Суда оказывают помощь Председателю Суда. Они замещают Председателя, если он не может выполнять свои обязанности или когда должность Председателя вакантна, или по просьбе Председателя. Они также выступают в качестве Председателей Секций.

Правило 11
(Замещение Председателя Суда и заместителей Председателя Суда)

Если Председатель Суда и заместители Председателя Суда одновременно не могут выполнять свои обязанности или их должности одновременно вакантны, то полномочия Председателя Суда принимает на себя Председатель Секции или, в случае его отсутствия, другой избранный судья в порядке старшинства, установленном правилом 5.

Правило 12
(Председательство в Секциях и Палатах)

Председатели Секций председательствуют в заседаниях Секции и Палат, членами которых они являются. Заместители Председателей Секций замещают их в случаях, когда те не могут выполнять свои обязанности или если должность Председателя соответствующей Секции

вакантна, или по просьбе Председателя Секции. В случаях, когда они не могут председательствовать, эти полномочия принимают на себя судьи Секции или Палат в порядке старшинства, установленном в правиле 5.

Правило 13
(Ограничение права председательствовать в Суде)

Члены Суда не могут председательствовать при разбирательстве дела, если стороной в нем является государство-участник Конвенции, гражданами которого они являются или от которого они избраны судьями.

Правило 14
(Сбалансированное представительство полов)

При назначениях, осуществление которых регулируется данной и следующей главами настоящих Правил, Суд проводит политику, направленную на обеспечение сбалансированного представительства полов.

Глава III. Секретариат

Правило 15
(Выборы Секретаря)

1. Секретарь Суда избирается на пленарном заседании Суда. Кандидаты должны обладать высокими моральными качествами и иметь правовые, административные и лингвистические знания и опыт, необходимые для исполнения связанных с этой должностью функций.

2. Секретарь избирается сроком на пять лет и может быть переизбран. Секретарь может быть отстранен от должности только в случае, если на пленарном заседании члены Суда большинством в две трети голосов находящихся в должности избранных судей принимают решение о том, что соответствующее лицо перестало отвечать необходимым требованиям. Предварительно он или она должны быть заслушаны на пленарном заседании Суда. Любой судья вправе начать процедуру отстранения от должности.

3. Указанные в настоящем правиле выборы проводятся тайным голосованием; в них принимают участие только присутствующие избранные судьи. Если ни один из судей не получает абсолютного большинства голосов присутствующих избранных судей, выборы проводятся между двумя судьями, получившими наибольшее число голосов. В случае разделения голосов поровну предпочтение отдается, во-первых, кандидату-женщине, при ее наличии, и, во-вторых, старшему по возрасту кандидату.

4. Перед вступлением в должность Секретарь приносит пленарному заседанию Суда или, в случае необходимости, Председателю Суда следующую присягу или делает следующее торжественное заявление:

"Клянусь" - или "Торжественно заявляю" - " что буду выполнять возложенные на меня обязанности Секретаря Европейского суда по правам человека честно и добросовестно."

Об этом акте делается запись в протоколе.

Правило 16
(Выборы заместителей Секретаря)

1. Суд на пленарном заседании избирает также двух заместителей Секретаря в соответствии с требованиями, процедурой и на сроки, которые предписаны предыдущим правилом. При отстранении от должности также применятся порядок, предусмотренный в отношении Секретаря. В обоих случаях Суд предварительно консультируется с Секретарем.

2. Перед вступлением в должность заместитель Секретаря приносит пленарному заседанию Суда или, в случае необходимости, Председателю Суда присягу или делает торжественное заявление в формулировке, аналогичной той, которая предусмотрена для Секретаря. Об этом акте делается запись в протоколе.

Правило 17
(Обязанности Секретаря)

1. Секретарь оказывает помощь Суду в осуществлении его функций и ответствен за организацию и деятельность секретариата под руководством Председателя Суда.
2. Секретарь хранит архивы Суда и является тем посредником, через которого Суд осуществляет связь, направляет или принимает все уведомления по делам, которые переданы или должны быть переданы на его рассмотрение.
3. Секретарь, соблюдая требуемую от его должности осмотрительность, отвечает на запросы, в частности со стороны прессы, о предоставлении информации относительно работы Суда.
4. Работа Секретариата регламентируется общими инструкциями, составленными Секретарем и одобренными Председателем Суда.

Правило 18
(Организация работы Секретариата)

1. Секретариат состоит из секретариатов Секций, равных по числу Секциям, которые образованы Судом, а также из отделов, которые выполняют необходимые для обслуживания Суда функции юридического и административного характера.
2. Секретарь Секции оказывает помощь Секции в выполнении его функций и в этом ему может помогать заместитель Секретаря Секции.
3. Назначение на должности в Секретариате, в том числе референтов, осуществляется, за исключением Секретаря и его заместителей, Генеральным Секретарем Совета Европы с согласия Председателя Суда или Секретаря, действующего на основании инструкций Председателя.

Глава IV. Работа Суда

Правило 19
(Местопребывание Суда)

1. Местопребыванием Суда является местопребывание Совета Европы г.Страсбург. Однако Суд может выполнять свои функции, если сочтет целесообразным, в другом месте на территории государств-членов Совета Европы.
2. На любой стадии рассмотрения жалобы Суд вправе принять решение о необходимости проведения Судом или его членами, одним или несколькими, расследования или выполнения любой иной функции в другом месте.

Правило 20
(Пленарные заседания Суда)

1. Пленарные заседания Суда созываются Председателем Суда, когда этого требует исполнение его обязанностей, предусмотренных Конвенцией и настоящими Правилами. Председатель Суда созывает пленарное заседание по требованию, по крайней мере, одной трети членов Суда, но в любом случае - один раз в году для рассмотрения административных вопросов.

2. Кворум пленарного заседания Суда составляет две трети от числа избранных судей, находящихся в должности.

3. При отсутствии кворума Председатель переносит заседание.

Правило 21
(Прочие заседания Суда)

1. Большая Палата, Палаты и комитеты работают на постоянной основе. Однако по предложению Председателя, Суд ежегодно устанавливает периоды сессий.

2. Вне этих периодов Большая палата и Палаты созываются их Председателями в случаях срочной необходимости.

Правило 22
(Совещание судей)

1. Суд совещается за закрытыми дверями. Содержание совещания сохраняется в тайне.

2. В совещании принимают участие только судьи. Допускается присутствие Секретаря или лица его замещающего, а также тех сотрудников Секретариата и переводчиков, присутствие которых считается необходимым. Другие лица могут быть допущены только по специальному решению Суда.

3. Прежде чем в Суде будет проведено голосование по какому-либо вопросу, Председатель может предложить судьям изложить свои мнения по этому вопросу.

Правило 23
(Голосование)

1. Суд разрешает вопросы большинством голосов присутствующих судей. В случае разделения голосов поровну проводится повторное голосование и, если такое разделение сохраняется, голос Председателя является решающим. Данный пункт применяется, если иное не предусмотрено настоящими Правилами.

2. Решения и постановления Большой Палаты и Палат выносятся большинством голосов от числа судей в судебном заседании. Судьи не вправе воздержаться от окончательного голосования по вопросу о приемлемости дела и по существу дела.

3. По общему правилу, голосование осуществляется поднятием руки. Председатель может провести поименное голосование в порядке, обратном старшинству.

4. Любой вопрос, выносимый на голосование, должен иметь четкую формулировку.

Глава V. Палаты

Правило 24
(Состав Большой Палаты)

1. Большая Палата состоит из семнадцати судей и трех запасных судей.

2. Большая Палата образуется на три года и действует с момента избрания лиц на указанные в правиле 8 должности Председателей и их заместителей.

3. В состав Большой Палаты входят Председатель Суда, заместители Председателя Суда и Председатели Секций. В целях доукомплектования состава Большой Палаты, Суд на пленарном заседании, по предложению Председателя, делит всех судей на две группы, которые должны сменять друг друга каждые девять месяцев и состав которых должен, по возможности, быть географически сбалансированным и отражать разные правовые системы государств-участников Конвенции. Судьи и запасные судьи в судебных составах по рассмотрению любого дела, направленного в Большую Палату в течение каждого девятимесячного периода, назначаются

поочередно в рамках каждой группы; они остаются членами Большой Палаты до завершения судебного разбирательства, даже после истечения срока их полномочий в качестве судей.

4. Если судья, избранный от государства, являющегося стороной в споре, не заседает в качестве члена Большой Палаты в силу пункта 3 настоящего правила, то он или она заседают в качестве члена Большой Палаты ex officio в соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 27 Конвенции.

5. (a) В случае, когда Председатель Секции не в состоянии заседать в качестве члена Большой Палаты, его или ее замещает заместитель Председателя Секции.

(b) Если обстоятельства не позволяют заседать прочим судьям, они замещаются запасными судьями в том порядке, в котором последние были отобраны согласно пункту 3 настоящего правила.

(c) Если в соответствующей группе не хватает запасных судей, для доукомплектования Большой Палаты, то недостающее число запасных судей назначается из членов другой группы путем жеребьевки.

6. (a) Комитет в составе пяти членов Большой Палаты, призванный рассматривать прошения, поданные на основании статьи 43 Конвенции, образуется из:

- Председателя Суда,

- Председателей Секций или, если они лишены возможности участвовать в заседании, их заместителей, кроме Секции, из которой была создана Палата, рассматривавшая дело, в отношении которого подано прошение о направлении в Большую Палату, - одного дополнительного судьи, назначенного в порядке очередности из числа судей, которые не рассматривали дело в Палате.

(b) Судья, избранный от государства, выступающий стороной в деле, или являющийся его гражданином, не может быть членом указанного Комитета.

(c) Всякий член Комитета, который не может участвовать в заседании, заменяется другим судьей, не рассматривавшим дело в Палате и назначаемым в порядке очередности.

Правило 25
(Создание Секций)

1. Палаты, предусмотренные статьей 26 (b) Конвенции (именуемые в настоящих Правилах "Секции"), образуются на пленарных заседаниях Суда по предложению Председателя на срок три года и действуют с момента избрания Председателей и их заместителей согласно правилу 8. Должны существовать по крайней мере четыре Секции.

2. Каждый судья должен быть членом какой-либо Секции. Состав Секций должен быть сбалансирован по географическому и половому признаку и должен отражать различные правовые системы государств-участников Конвенции.

3. В случаях, когда судья перестает быть членом Суда до истечения срока, на который была образована Секция, его место в Секции занимает преемник этого судьи в качестве члена Суда.

4. Председатель Суда может, в виде исключения, вносить изменения в состав Секций, если этого требуют обстоятельства.

5. По предложению Председателя, Суд на пленарном заседании может образовать дополнительную Секцию.

Правило 26
(Создание Палат)

1. Палаты в составе семи судей, предусмотренные пунктом 1 статьи 27 Конвенции для рассмотрения дел, которые возбуждены в Суде, образуются из состава Секций следующим образом.

(a) По каждому делу в состав Палаты входит Председатель Секции и судья, избранный от государства, выступающего стороной в деле. Если последний не является членом Секции, которой была передана жалоба согласно правилу 51 или 52, то этот судья заседает в качестве члена Палаты ex officio в соответствии с пунктом 2 статьи 27 Конвенции. Если судья не в состоянии или отказывается участвовать в заседании, применяется правило 29.

(b) Остальные члены Палаты назначаются Председателем Секции из числа членов соответствующей Секции в порядке очередности.

(c) Члены Секции, не получившие подобного назначения, участвуют в заседании по делу в качестве запасных судей.

2. Судьи, приступившие к рассмотрению дела по существу, продолжают участвовать в его разбирательстве и по истечении срока своих полномочий.

Правило 27
(Комитеты)

1. Комитеты в составе трех судей одной Секции образуются согласно пункту 1 статьи 27 Конвенции. Количество создаваемых Комитетов определяется Председателем Суда после проведения консультаций с Председателями Секций.

2. Комитеты образуются на срок двенадцать месяцев из членов Секции в порядке очередности, за исключением Председателя Секции.

3. Судьям Секции, которые не входят в состав какого-либо Комитета, может быть поручено замещение тех его членов, которые не в состоянии участвовать в заседании.

4. Обязанности председательствующего в каждом Комитете выполняются тем из его членов, который имеет старшинство в соответствующей Секции.

Правило 28
(Отсутствие возможности участвовать в заседании, отказ или освобождение от участия в нем)

1. Судья, которому обстоятельства не позволяют участвовать в заседании, должен как можно раньше уведомить об этом Председателя Палаты.

2. Судья не вправе принимать участие в рассмотрении дела, в котором он или она имеет личный интерес или ранее выступал(а) либо в качестве представителя, адвоката или советника какой-либо из сторон или лица, имеющего интерес в этом деле, либо в качестве члена судебного органа или комиссии по расследованию, либо в ином качестве.

3. Если судья отказывается от участия в заседании по одной из указанных причин или по какой-либо особой причине, то он или она информирует Председателя Палаты, который освобождает этого судью от участия в нем.

4. Если Председатель Палаты считает, что существует основание для отказа судьи от участия в заседании, то он или она консультируется с этим судьей; в случае разногласий вопрос разрешается Палатой.

Правило 29
(Судьи ad hoc**)**

1. Если судья, избранный от государства, являющегося стороной в деле, не может участвовать в заседании Палаты или отказывается от участия, то Председатель Палаты предлагает этому государству сообщить в течение тридцати дней, намерено ли оно назначить для участия в заседании в качестве судьи другого избранного судью или в качестве судьи ad hoc какое-либо иное лицо, удовлетворяющее требованиям, которые предъявляются в соответствии с пунктом 1 статьи 21 Конвенции, и, в случае такого намерения, сообщая о нем,

одновременно указать назначенное лицо. Если назначенное таким образом лицо не может участвовать в заседании или отказывается от участия в нем, то применяется это же правило.

2. Если государство, являющееся стороной в деле, не представит ответ в течение тридцати дней, то считается, что оно отказалось от своего права назначения судьи.

3. Судья ad hoc на открытии первого после его назначения заседания, на котором будет рассматриваться дело, принимает присягу или делает торжественное заявление, предусмотренное правилом 3, о чем вносится запись в протокол.

Правило 30
(Общий интерес в деле)

1. Если несколько государств-заявителей или ответчиков имеют общий интерес в деле, Председатель Суда, в соответствии с пунктом 2 статьи 27 Конвенции, может предложить им договориться о назначении одного общего избранного судьи или судьи ad hoc. Если государства не могут договориться, Председатель по жребию определяет судью, которому будет поручено участвовать в заседании ex officio, из числа лиц, предложенных этими государствами в качестве судей.

2. В случае разногласий относительно существования общего интереса, вопрос разрешается Судом на пленарном заседании.

Раздел II
Порядок производства

Глава I. Общие положения

Правило 31
(Возможность отдельных отступлений)

Положения данного раздела не лишают Суд возможности сделать отступление от них в целях рассмотрения конкретного дела, проведя, в соответствующих случаях, консультации со сторонами.

Правило 32
(Распоряжения по практическим вопросам производства)

Председатель Суда может давать распоряжения по практическим вопросам производства, особенно таким, как явка на слушания и представление состязательных бумаг и других документов.

Правило 33
(Гласность судебного разбирательства)

1. Слушания носят открытый характер, кроме случаев, когда, в соответствии с пунктом 2 данного правила, в силу исключительных обстоятельств Палата примет иное решение либо по своей инициативе, либо по требованию стороны или любого другого заинтересованного лица.

2. Пресса или публика могут не допускаться на слушания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или государственной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или - в той мере, в какой это, по мнению Палаты, строго необходимо - при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.

3. После регистрации жалобы, доступ ко всем документам, переданным на хранение в Секретариат, за исключением приобщенных к делу в рамках переговоров о дружественном

урегулировании, предусмотренных правилом 62, является открытым, кроме случаев, когда Председатель Палаты, по основаниям, изложенным в пункте 2 данного правила, примет иное решение либо по своей инициативе, либо по требованию стороны или любого другого заинтересованного лица.

4. Любое требование о соблюдении конфиденциальности, выдвинутое согласно вышеизложенным пунктам 1 и 3, должно быть мотивированным и указывать, следует ли полностью или частично закрыть доступ к слушанию или, в зависимости от обстоятельств, документам.

Правило 34
(Языки, на которых ведется судопроизводство)

1. Официальными языками Суда являются английский и французский.

2. До принятия решения о приемлемости жалобы всякое общение с заявителями, действующими на основании статьи 34 Конвенции, или их представителями, а также состязательные бумаги заявителей должны быть, если не на одном из официальных языков Суда, то на одном из официальных языков государств-участников Конвенции.

3. (a) После объявления дела приемлемым или в связи со слушаниями, всякое общение с такими заявителями или их представителями, а также состязательные бумаги заявителей должны быть на одном из официальных языков Суда, если только Председатель Палаты не даст разрешение продолжить использование официального языка государства-участника Конвенции.

(b) Если такое разрешение предоставлено, Секретарь принимает необходимые меры для обеспечения устного или письменного перевода замечаний или показаний заявителя.

4. (a) Всякое общение с государствами-участниками Конвенции или третьими сторонами, а также их состязательные бумаги должны быть на одном из официальных языков Суда. Председатель Палаты может разрешить использование языка, не являющегося официальным.

(b) Если такое разрешение предоставлено, сторона, которая обратилась с подобной просьбой, несет ответственность за обеспечение устного или письменного перевода на английский или французский языки устных доводов или сделанных письменных заявлений.

5. Председатель Палаты может предложить, чтобы государство-ответчик обеспечило перевод своих письменных материалов, представленных на официальном или одном из официальных языков этого государства, с целью способствовать пониманию этих материалов заявителем.

6. Любой свидетель, эксперт или иное лицо может выступать в Суде на своем родном языке, если он или она в недостаточной степени владеет одним из двух официальных языков. В этом случае Секретарь принимает необходимые меры для обеспечения устного или письменного перевода.

Правило 35
(Представительство государств-участников Конвенции)

Представительство государств-участников Конвенции осуществляется уполномоченными лицами, которым могут помогать адвокаты и советники.

Правило 36
(Представительство заявителей)

1. Физические лица, неправительственные организации или группы частных лиц, в соответствии со статьей 34 Конвенции, могут первоначально подать жалобу самостоятельно или через представителя, назначенного согласно пункту 4 данного правила.

2. После уведомления государства-ответчика, согласно пункту 3(b) правила 54, о поступлении жалобы, Председатель Палаты может сделать распоряжение о представительстве заявителя в соответствии с пунктом 4 данного правила.

3. После объявления решения о приемлемости жалобы такое представительство должно осуществляться на любом слушании, назначенном Палатой, или при обмене состязательными бумагами, кроме случаев, когда Председатель Палаты примет иное решение.

4. (a) Представительство заявителя осуществляется лицом, допущенным к адвокатской практике в любом из государств-участников Конвенции и постоянно проживающим на территории одного из них, или любым иным лицом, утвержденным Председателем Палаты.

(b) В случаях обязательного представительства Председатель Палаты может разрешить заявителю самому представлять свое дело, при условии, что в случае необходимости заявитель воспользуется помощью адвоката или другого утвержденного представителя.

(c) В исключительных обстоятельствах и на любой стадии производства Председатель Палаты может, если сочтет, что обстоятельства или действия адвоката или другого лица, назначенного согласно предыдущим подпунктам, это оправдывают, дать распоряжение о том, что соответствующее лицо более не может представлять заявителя или помогать ему, а заявителю следует найти другого представителя.

5. Адвокат или другой утвержденный представитель, или сам заявитель, желающий получить разрешение самостоятельно представлять свое дело, должен в достаточной степени владеть одним из официальных языков Суда. Однако Председатель Палаты, согласно пункту 3 правила 34, может дать разрешение на использование языка, не являющегося официальным.

Правило 37
(Сообщения, уведомления и вызовы в Суд)

1. Сообщения или уведомления, направленные представителям или адвокатам сторон, считаются направленными сторонам.

2. Если Суд сочтет, что для какого-либо сообщения, уведомления или вызова в Суд, которое предназначено другим лицам, помимо представителей или адвокатов сторон, необходимо содействие со стороны правительства того государства, на территории которого должно быть передано такое сообщение, уведомление или вызов в Суд, то Председатель Суда обращается непосредственно к этому правительству в целях обеспечения соответствующих возможностей.

3. Это же правило применяется в случаях, когда Суд решит провести или обеспечить проведение расследования на месте с целью установления фактов или собирания доказательств, и если судебный приказ о явке предназначен лицу, которое постоянно проживает на этой территории или должно ее будет пересечь.

Правило 38
(Подача состязательных бумаг)

1. Письменные объяснения или иные документы могут быть поданы только в сроки, установленные Председателем Палаты, или, в соответствующих случаях, предусмотренных настоящими Правилами, судьей-докладчиком. Письменные объяснения или иные документы, поданные с нарушением этих сроков или любых распоряжений по практическим вопросам производства, предусмотренных правилом 32, не приобщаются к материалам дела, кроме случаев, когда Председатель Палаты примет иное решение.

2. При установлении, соблюдены ли сроки, упомянутые в пункте 1, дата определяется по заверенной дате отправки документа или, если таковая отсутствует, по фактической дате его получения Секретариатом.

Правило 39

(Предварительные судебные меры)

1. По просьбе стороны в деле или любого другого заинтересованного лица, или по своей инициативе Палата или, в соответствующих случаях, ее Председатель может указать сторонам на предварительные меры, которые, по мнению Палаты, следует принять в интересах сторон или надлежащего осуществления проводимого расследования.

2. Уведомление о таких мерах направляется Комитету министров.

3. Палата может запросить у сторон информацию по любому вопросу, связанному с выполнением любой указанной предварительной меры.

Правило 40
(Срочное уведомление о жалобе)

В случае любой срочной необходимости Секретарь, с разрешения Председателя Палаты, может, без ущерба для осуществления любых других процессуальных действий и с использованием любого доступного средства, информировать государство-участника Конвенции, имеющего отношение к жалобе, о факте ее подачи и предметном содержании.

Правило 41
(Очередность рассмотрения дел)

Палата рассматривает жалобы в порядке очередности, который определяется их готовностью к рассмотрению. Однако она может принять решение о разбирательстве конкретной жалобы в приоритетном порядке.

Правило 42
(Собирание доказательств)

1. По просьбе стороны в деле, или третьей стороны или по своей инициативе Палата может собирать любые доказательства, которые, по ее мнению, способны прояснить обстоятельства дела. Палата может, inter alia, предложить сторонам представить письменные доказательства, а также заслушать любое лицо в качестве свидетеля, эксперта, или в любом ином качестве, если предполагаемые показания или заявления могут содействовать выполнению ее задач.

2. На любой стадии разбирательства Палата может направить одного или нескольких своих членов, или других членов Суда с целью выяснения обстоятельств и проведения расследования на месте, а также для того, чтобы собрать доказательства иным образом. Она может привлечь независимых сторонних экспертов к оказанию помощи такой делегации.

3. Палата может обратиться к любому лицу или организации по своему выбору с просьбой получить информацию, выразить мнение или подготовить доклад по любому конкретному вопросу.

4. Стороны оказывают Палате или ее делегации содействие в осуществлении любых мер по собиранию доказательств.

5. В случаях, когда, согласно положениям предыдущих пунктов, доклад подготовлен или другие меры приняты по просьбе государства-заявителя или государства-ответчика, оно несет связанные с этим расходы, если Палата не примет иное решение. В других случаях Палата решает, должен ли нести расходы Совет Европы или они должны быть возложены на заявителя или третью сторону, по чьей просьбе был подготовлен доклад или были приняты иные меры. Во всех случаях размер издержек определяется Председателем Палаты.

Правило 43
(Объединение в одно производство и совместное рассмотрение жалоб)

1. Палата по просьбе сторон или по своей инициативе может объединить две жалобы и более в одно производство.

2. Председатель Палаты может, после проведения консультаций со сторонами, сделать распоряжение о совместном разбирательстве жалоб, переданных в ведение одной Палаты, без ущерба для решения Палаты об объединении жалоб в одно производство.

Правило 44
(Исключение и восстановление жалобы в списке дел, подлежащих рассмотрению)

1. Если государство-заявитель уведомляет Секретаря о своем намерении не добиваться рассмотрения дела, Палата может исключить жалобу из списка дел, подлежащих рассмотрению в Суде согласно статье 37 Конвенции, при условии что другое заинтересовано в этом деле государство согласно с таким прекращением дела.

2. Решение об исключении жалобы, которая была объявлена приемлемой, выносится в форме постановления. Если это постановление становится окончательным, Председатель Палаты направляет его Комитету министров, для того, чтобы последний мог, в соответствии с пунктом 2 статьи 46 Конвенции, осуществлять надзор за исполнением любых обязательств, с которыми могло быть связано прекращение дела, дружественное урегулирование или разрешение этого вопроса.

3. В случае исключения жалобы из списка дел, вопрос судебных издержках решается по усмотрению Суда. Если в решении об исключении жалобы, которая не была объявлена приемлемой, присуждаются издержки, Председатель Палаты направляет это решение Комитету министров.

4. Суд может восстановить жалобу в своем списке, если придет к выводу, что это оправдано исключительными обстоятельствами.

Глава II. Возбуждение дела

Правило 45
(Подписи)

1. Любые жалобы, которые допускаются статьей 33 или 34 Конвенции, подаются в письменной виде и за подписью заявителя или его представителя заявителя.

2. В случае подачи жалобы неправительственной организацией или группой частных лиц, она должна быть подписана лицами, правомочными представлять эту организацию или группу. Все вопросы относительно правомочности лиц, подписавших жалобу, решаются соответствующей Палатой или Комитетом.

3. В случае, когда представительство заявителей осуществляется в соответствии с правилом 36, их представитель или представители должны иметь доверенность или иной документ, удостоверяющий их полномочия.

Правило 46
(Содержание межгосударственной жалобы)

Любое государство или государства-участники Конвенции, которые намерены возбудить дело в Суде согласно статье 33 Конвенции, подают в секретариат жалобу, которая должна содержать:

(a) наименование государства-участника Конвенции, на действия которого подана жалоба;

(b) изложение фактов;

(c) изложение предполагаемого(ых) нарушения(ий) Конвенции и соответствующих доказательств;

(d) подтверждение того, что соблюдены условия приемлемости (исчерпание внутренних средств правовой защиты и "правило шести месяцев"), предусмотренные пунктом 1 статьи 35 Конвенции;

(e) цель жалобы и общее указание на наличие требований о выплате справедливой компенсации предполагаемой потерпевшей стороне или сторонам, в соответствии со статьей 41 Конвенции.

(f) указание и адрес лица(лиц), назначенного(ых) в качестве представителя; а также иметь в качестве приложения

(g) копии любых относящихся к делу документов и, в частности, судебных и иных решений, связанных с целью жалобы.

Правило 47
(Содержание индивидуальной жалобы)

1. Любые жалобы, которые допускаются статьей 34 Конвенции, подаются на бланках, предоставляемых Секретариатом, кроме случаев, когда Председатель соответствующей Секции примет иное решение. В жалобе должны быть указаны:

(a) заявитель, его дата рождения, гражданство, пол, род занятий и адрес;

(b) представитель, если таковой имеется, его род занятий и адрес;

(c) государство или государства-участники Конвенции, на действия которых подана жалоба; кроме того, она должна содержать:

(d) краткое изложение фактов;

(e) краткое изложение предполагаемого(ых) нарушения(ий) Конвенции и соответствующих доказательств;

(f) краткое подтверждение, что соблюдены условия приемлемости (исчерпание внутренних средств правовой защиты и "правило шести месяцев"), предусмотренные пунктом 1 статьи 35 Конвенции;

(g) цель жалобы и общее указание на наличие требований о выплате справедливой компенсации, которые заявитель может предъявить в соответствии со статьей 41 Конвенции;

а также иметь в качестве приложения:

(h) копии любых относящихся к делу документов и, в частности, судебных и иных решений, связанных с целью жалобы.

2. Заявители, кроме того, должны:

(a) представить информацию, прежде всего документы и решения, упомянутые в вышеуказанном пункте 1(h), которые подтверждают, что условия приемлемости (исчерпание внутренних средств правовой защиты и "правило шести месяцев"), установленные пунктом 1 статьи 35 Конвенции, соблюдены;

(b) указать, подавали ли они эти жалобы в какой-либо иной орган международного разбирательства и урегулирования.

3. Заявитель, не желающий предать гласности свою личность, должен уведомить об этом и изложить причины такого отступления от обычного правила об открытом доступе к информации о производстве дела в Суде. Председатель Палаты может разрешить сохранение анонимности в исключительных и должным образом обоснованных случаях.

4. Невыполнение требований, указанных в вышеизложенных пунктах 1 и 2, может повлечь за собой отказ в регистрации жалобы и рассмотрении ее Судом.

5. Датой подачи жалобы, по общему правилу, считается дата первой информации, полученной от заявителя, с изложением, даже кратким, цели жалобы. Тем не менее, Суд может принять решение считать датой подачи иную дату.

6. Заявители должны информировать Суд о любых изменениях адреса и всех обстоятельств, имеющих отношение к жалобе.

Глава III
Судьи-докладчики

Правило 48
(Межгосударственные жалобы)

1. В случае подачи жалобы на основании статьи 33 Конвенции, Палата, образованная для рассмотрения этого дела, назначает одного или более своих членов в качестве судей-докладчиков, которые, по получении письменных замечаний заинтересованных государств-участников Конвенции, представляют заключение по вопросу о приемлемости жалобы. К этому заключению применим, в соответствующей степени, пункт 4 правила 49.

2. После того, как жалоба, поданная на основании статьи 33 Конвенции, объявлена приемлемой, судья-докладчик(и) готовит(ят) заключения, проекты и другие документы, которые могут помочь Палате в выполнении ее функций.

Правило 49
(Индивидуальные жалобы)

1. В случае подачи жалобы на основании статьи 34 Конвенции, Председатель Секции, в которую направлено дело, назначает судью-докладчика, обязанного изучить жалобу.

2. Судьи-докладчики в процессе изучения жалобы

(a) могут предложить сторонам представить в определенный срок любые фактические данные, документы или иные материалы, которые они сочтут имеющими отношение к делу;

(b) определяют, если Председатель Секции сделал распоряжение о разбирательстве дела Палатой, будет ли дело рассматриваться Комитетом или Палатой.

3. В случае, когда дело рассматривается Комитетом в соответствии со статьей 28 Конвенции, заключение судьи-докладчика должно содержать:

(a) краткое изложение имеющих отношение к делу фактов;

(b) краткое изложение оснований, по которым выдвигается предложение объявить жалобу неприемлемой или исключить ее из списка дел.

4. В случае, когда дело рассматривается Палатой в соответствии с пунктом 1 статьи 29 Конвенции, заключение судьи-докладчика должно содержать:

(a) изложение имеющих отношение к делу фактов, включая любую информацию, полученную в порядке, предусмотренном пунктом 2 данного правила;

(b) указание на вопросы, которые возникают в связи с данной жалобой применительно к положениям Конвенции;

(c) предложение по вопросу о приемлемости и в о любых иных действиях, которые следует предпринять, а если необходимо - изложение предварительного мнения по существу дела.

5. После того, как жалоба, поданная на основании статьи 34 Конвенции, объявлена приемлемой, судья-докладчик готовит заключения, проекты и другие документы, которые могут помочь Палате в выполнении ее функций.

Правило 50
(Производство в Большой Палате)

В случае направления дела в Большую Палату в порядке, предусмотренном статьей 30 или статьей 43 Конвенции, Председатель Палаты назначает одного или, если рассматривается межгосударственная жалоба, одного или нескольких членов Палаты в качестве судьи(ей)-докладчика(ов).

Глава IV

Порядок рассмотрения вопроса о приемлемости жалобы.
Межгосударственные жалобы

Правило 51

1. В случае подачи жалобы на основании статьи 33 Конвенции, Председатель Суда немедленно уведомляет о ней государство-ответчика и передает дело в ведение одной из Секций.

2. В соответствии с пунктом 1(а) правила 26, судьи, избранные от государства-заявителя и государства-ответчика, участвуют в заседании Палаты, образованной для рассмотрения этого дела, в качестве ее членов ex officio. Если жалоба подана несколькими государствами-участниками Конвенции или жалобы, имеющие одну и ту же цель и поданные несколькими государствами, изучаются совместно, согласно пункту 2 правила 43, то применяется правило 30.

3. По получении дела в ведение Секции, Председатель Секции образует Палату в порядке, предусмотренном пунктом 1 правила 26, и предлагает государству-ответчику представить в письменном виде свои объяснения по вопросу о приемлемости жалобы. Полученные объяснения сообщаются Секретарем государству-заявителю, которое может представить в ответ свои письменные объяснения.

4. До вынесения решения по вопросу о приемлемости жалобы Палата может предложить сторонам представить дополнительные письменные объяснения.

5. Слушания по вопросу о приемлемости проводятся, если этого требует одно или более заинтересованных государств-участников Конвенции, или если Палата по своей инициативе примет такое решение.

6. После проведения консультаций со сторонами, Председатель Палаты назначает письменное производство и, в соответствующих случаях, устное производство и для этой цели устанавливает сроки, в течение которых должны быть поданы письменные объяснения.

7. При проведении совещания Палата принимает во внимание заключение, представленное судьей-докладчиком в соответствии с пунктом 1 правила 48.

Индивидуальные жалобы

Правило 52
(Передача жалоб в ведение Секций)

1. Любую жалобу, поданную на основании статьи 34 Конвенции, Председатель Суда передает в ведение Секции, при этом он стремится обеспечить равномерное распределение дел между Секциями.

2. Палата в составе семи судей, предусмотренная пунктом 1 статьи 27 Конвенции, образуется Председателем соответствующей Секции в порядке, установленном пунктом 1 правила 26, по принятии решения о рассмотрении жалобы Палатой.

3. До завершения формирования Палаты в соответствии с предыдущим пунктом, Председатель Секции осуществляет любые полномочия, которыми наделяется Председатель Палаты настоящими Правилами.

Правило 53
(Производство в комитете)

1. В ходе совещания комитет принимает во внимание заключение, представленное судьей-докладчиком согласно пункту 3 правила 49.

2. Если судья-докладчик не является членом комитета, он может быть приглашен на совещание комитета.

3. В соответствии со статьей 28 Конвенции, комитет единогласным решением может объявить жалобу неприемлемой или исключить ее из списка подлежащих рассмотрению в Суде дел, если такое решение может быть вынесено без дополнительного изучения жалобы. Это решение является окончательным.

4. Если решение, предусмотренное пунктом 3 настоящего правила, не вынесено комитетом, жалоба направляется для изучения в Палату, образованную согласно пункту 2 правила 52.

Правило 54
(Производство в Палате)

1. В ходе совещания Палата принимает во внимание заключение, представленное судьей-докладчиком согласно пункту 4 правила 49.

2. Палата может сразу объявить жалобу неприемлемой или исключить ее из списка дел, подлежащих рассмотрению в Суде.

3. В качестве альтернативы Палата может вынести решение:

(a) предложить сторонам представить любые фактические данные, документы или другие материалы, которые она сочтет имеющими отношение к делу.

(b) уведомить о жалобе государство-ответчика и предложить ему представить письменные объяснения по поводу жалобы;

(c) предложить сторонам представить дополнительные письменные объяснения.

4. Прежде чем вынести решение по вопросу о приемлемости жалобы, Палата может, по просьбе сторон или по своей инициативе, провести слушание. В этом случае сторонам предлагается сделать заявления по вопросам, связанным с существом жалобы, если Палата, в виде исключения, не примет иное решение.

5. Председатель Палаты определяет порядок производства, в том числе сроки по любым решениям, принятым Палатой согласно пунктам 3 и 4 настоящей статьи.

Межгосударственные и индивидуальные жалобы

Правило 55
(Возражения против приемлемости жалобы)

Любое возражение против приемлемости жалобы должно быть указано, насколько это позволяют характер возражения и обстоятельства, в письменных или устных объяснениях по вопросу о приемлемости жалобы, представленных государством-ответчиком в порядке, предусмотренном правилом 51, или, в соответствующих случаях, правилом 54.

Правило 56
(Решение Палаты)

1. В решении Палаты указывается, принято ли оно единогласно или большинством голосов, и содержится одновременное или последующее изложение мотивов.

2. Решение Палаты сообщается Секретарем заявителю и заинтересованному государству или государствам-участникам Конвенции.

Правило 57
(Язык, на котором выносится решение)

1. Все решения выносятся или на английском или французском языке, кроме случаев, когда Суд определит, что решение выносится на обоих официальных языках. Доступ к вынесенным решениям является открытым.

2. Публикация этих решений в официальных изданиях Суда в порядке, предусмотренном правилом 78, осуществляется на обоих официальных языках Суда.

Глава V
Порядок производства после принятия жалобы

Правило 58
(Межгосударственные жалобы)

1. Если Палата вынесла решение принять к производству жалобу, поданную на основании статьи 33 Конвенции, Председатель Палаты, после проведения консультаций с заинтересованными государствами-участниками Конвенции, устанавливает сроки представления письменных объяснений по существу дела и любых других дополнительных доказательств. Однако Председатель, с согласия заинтересованных государств, может дать распоряжение исключить письменное производство.

2. Слушание по существу дела проводится, если на этом настаивают одно или более заинтересованных государств, или если Палата по своей инициативе примет такое решение. Устное производство назначается Председателем Палаты.

3. В ходе совещания Палата принимает во внимание любые заключения, проекты и иные документы, представленные судьей-докладчиком согласно пункту 2 правила 48.

Правило 59
(Индивидуальные жалобы)

1. Если Палата вынесла решение принять к производству жалобу, поданную на основании статьи 34 Конвенции, она может предложить сторонам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства и письменные объяснения.

2. Слушание по существу дела проводится, если Палата по своей инициативе или по просьбе одной из сторон выносит решение об этом, при условии, что на стадии рассмотрения вопроса о приемлемости жалобы не проводилось слушание по вопросам существа дела, предусмотренное пунктом 4 правила 54. Однако в порядке исключения, Палата может вынести решение о том, что исполнение ею своих функций, предусмотренных пунктом 1(а) статьи 38 Конвенции, не требует проведения слушания.

3. Председатель Палаты назначает, в соответствующих случаях, письменное и устное производство.

4. В ходе совещания Палата принимает во внимание любые заключения, проекты и иные документы, представленные судьей-докладчиком согласно пункту 5 правила 49.

Правило 60
(Требования о выплате справедливой компенсации)

1. Любое требование о выплате справедливой компенсации в соответствии со статьей 41 Конвенции, которое может быть предъявлено заявителем или государством-заявителем, должно быть изложено в письменных объяснениях по существу дела, кроме случаев, когда Председатель Палаты сделает распоряжение об ином, или, если не поданы такие письменные объяснения, в специальном документе, представленном не позднее чем за два месяца после вынесения решения о приемлемости жалобы.

2. Все предъявляемые требования должны быть представлены в подробной разбивке по составным элементам с приложением соответствующих подтверждающих документов или квитанций об оплате, в противном случае Палата может отказать в удовлетворении требования полностью или частично.

3. Палата может в любой момент производства предложить любой стороне представить замечания по поводу требования о выплате справедливой компенсации.

Правило 61
(Участие третьей стороны)

1. Решение о приемлемости жалобы сообщается Секретарем, в соответствии с пунктом 2 правила 56, государству-участнику Конвенции, гражданин которого является заявителем по делу, а также государству-ответчику.

2. В случае, когда государство-участник Конвенции стремится осуществить свое право на представление письменных замечаний или участие в слушании согласно пункту 1 статьи 36 Конвенции, Председатель Палаты определяет порядок производства по делу.

3. В соответствии с пунктом 2 статьи 36 Конвенции, Председатель Палаты может в интересах надлежащего отправления правосудия предложить или дать разрешение любому государству-участнику Конвенции, которое не является стороной в деле, или иному заинтересованному лицу, которое не является заявителем, представить письменные замечания или, в исключительных случаях, принять участие в слушании. Запросы о предоставлении такого разрешения должны быть надлежащим образом обоснованы и представлены на одном из официальных языков в течение разумного срока после назначения письменного производства.

4. На любое предложение или разрешение, упомянутое в пункте 3 настоящего правила, распространяются условия, в том числе относительно сроков, определенные Председателем Палаты. Если эти условия не соблюдаются, Председатель может принять решение не приобщать эти замечания к материалам дела.

5. Письменные замечания, представляемые в соответствии с настоящим правилом, должны быть переданы на одном из официальных языков, за исключением случаев, когда разрешено использовать другой язык согласно пункту 4 правила 34. Они направляются Секретарем сторонам в деле, которые вправе представить в ответ свои письменные объяснения, при условии соблюдения требований, в том числе относительно сроков, установленных Председателем Палаты.

Правило 62
(Дружественное урегулирование)

1. После объявления жалобы приемлемой, Секретарь, действуя на основании инструкций Палаты или ее Председателя, вступает в контакт со сторонами с целью обеспечения дружественного урегулирования дела в соответствии с пунктом 1(b) статьи 38 Конвенции. Палата предпринимает любые шаги, которые представляются уместными для содействия такому урегулированию.

2. В соответствии с пунктом 2 статьи 38 Конвенции, переговоры о дружественном урегулировании являются конфиденциальными и не наносят ущерба доводам сторон при разбирательстве спора. Никакие письменные или устные сообщения, а также предложения или уступки, сделанные в целях достижения дружественного урегулирования, не могут быть использованы в качестве ссылок или обоснований при разбирательстве спора.

3. Если Секретарь информирует Палату о том, что стороны согласились на дружественное урегулирование, то Палата, удостоверившись, что это урегулирование достигнуто на основе соблюдения прав человека, признанных в Конвенции и Протоколах к ней, исключает это дело, в соответствии с пунктом 2 правила 44, из списка дел, подлежащих рассмотрению в Суде.

Глава VI
Слушания

Правило 63

(Проведение слушаний)

1. Председатель Палаты руководит слушаниями и определяет порядок, в котором заслушиваются представители, адвокаты или советники сторон.

2. В случаях, когда установление и оценка фактов осуществляются делегацией Палаты согласно правилу 42, слушание проводится руководителем делегации, а делегация пользуется всеми соответствующими полномочиями, которые предоставлены Палате Конвенцией или настоящими Правилами.

Правило 64
(Неявка на слушание)

Если сторона не явилась на слушание без уважительной причины, Палата, тем не менее, может провести слушание, будучи уверенной в том, что это не противоречит надлежащему отправлению правосудия.

Правило 65
(Вызов в Суд свидетелей, экспертов и иных лиц;
издержки, связанные с их явкой)

1. Свидетели, эксперты и иные лица, которые должны быть заслушаны согласно решению Палаты или Председателя Палаты, вызываются в Суд Секретарем.

2. Извещение о вызове в Суд должно содержать:

(a) наименование дела, по которому производится вызов;

(b) объяснение, для чего необходимы показания, заключение эксперта или иные меры согласно распоряжению Палаты или Председателя Палаты;

(c) указание на порядок выплаты суммы, причитающейся вызываемому лицу.

3. В случаях, когда явка в Суд указанных лиц происходит по просьбе или от имени государства-заявителя или государства-ответчика, издержки, связанные с их явкой, несет это государство, если Палата не примет иного решения. В других случаях Палата выносит решение о том, должен ли эти издержки нести Совет Европы или они должны быть возложены на заявителя или третью сторону, по настоянию которых вызванное лицо явилось в Суд. Во всех случаях размер издержек определяется Председателем Палаты.

Правило 66
(Присяга или торжественное заявление свидетелей и экспертов)

1. После установления личности свидетеля и до дачи показаний каждый свидетель приносит следующую присягу или делает следующее торжественное заявление:

"Клянусь" - или "Торжественно заявляю, ручаясь своей честью и совестью" - "что буду говорить правду, всю правду и ничего кроме правды."

Об этом акте делается запись в протоколе.

2. После установления личности эксперта и до выполнения своей задачи каждый эксперт приносит следующую присягу или делает следующее торжественное заявление:

"Клянусь" - или "Торжественно заявляю" - "что буду исполнять свои обязанности эксперта честно и добросовестно."

Об этом акте делается запись в протоколе.

3. Эта присяга может быть принесена, и заявление сделано, Председателю Палаты, судье или иному официальному лицу, назначенному Председателем.

Правило 67
(Отвод свидетеля или эксперта; заслушивание лица для сведения)

В случае любых разногласий по поводу отвода свидетеля или эксперта, вопрос разрешается Палатой. Она вправе заслушать для сведения лицо, которое не может быть заслушано в качестве свидетеля.

Правило 68
(Вопросы в ходе слушаний)

1. Каждый судья вправе задавать вопросы представителям, адвокатам или советникам сторон, заявителю, свидетелям, экспертам и любому иному лицу, представшему перед Палатой.

2. Представители, адвокаты или советники сторон могут, под контролем Председателя Палаты, задавать вопросы свидетелям, экспертам и иным лицам, упомянутым в пункте 1 правила 42. В случае заявления возражения в отношении вопроса, как не относящегося к делу, решение принимает Председатель Палаты.

Правило 69
(Неявка в Суд, отказ от дачи показаний или дача ложных показаний)

Если свидетель или другое лицо, которое надлежащим образом было вызвано в Суд, не явилось или отказалось от дачи показаний без уважительных причин, Секретарь, по предложению Председателя Палаты, информирует об этом государство-участника Конвенции, субъектом юрисдикции которого является свидетель или другое лицо. Это же положение распространяется на случаи, когда свидетель или эксперт нарушил, по мнению Палаты, присягу или торжественное заявление, предусмотренное правилом 66.

Правило 70
(Стенографический отчет о слушаниях)

1. Секретарь, в случае соответствующего распоряжения Палаты, несет ответственность за подготовку стенографического отчета о слушании. В стенографическом отчете указываются:

(a) состав Палаты при слушании дела;

(b) перечень лиц, представших перед Судом, то есть представителей, адвокатов, и советников сторон, и любых третьих сторон, участвующих в деле;

(c) фамилии, имена и другие данные о личности, адрес каждого свидетеля, эксперта или иного заслушанного лица;

(d) содержание сделанных заявлений, заданных вопросов и полученных ответов;

(e) содержание каждого решения, вынесенного Палатой или Председателем Палаты в ходе слушаний.

2. Если стенографический отчет полностью или частично составлен на языке, который не является официальным, Секретарь, в случае соответствующего распоряжения Палаты, обеспечивает его перевод на один из официальных языков.

3. Представителям сторон направляются копии стенографического отчета для того, чтобы они могли, по согласованию с Секретарем или Председателем Палаты, внести исправления, которые, однако, не должны влиять на смысл и направленность сказанного. Секретарь устанавливает, согласно инструкциям Председателя Палаты, сроки, в которые это должно быть сделано.

4. После таких поправок стенографический отчет подписывается Председателем и Секретарем и становится официальным материалом Суда.

Глава VII
Производство в Большой Палате

Правило 71
(Применимость правил процедуры)

Любые положения, определяющие порядок производства в Палатах, применимы mutatis mutandis к производству в Большой Палате.

Правило 72
(Уступка Палатой своей юрисдикции в пользу Большой Палаты)

1. В соответствии со статьей 30 Конвенции, если дело, находящееся на рассмотрении Палаты, поднимает серьезный вопрос, касающийся толкования положений Конвенции или Протоколов к ней, или если решение вопроса может быть несовместимо с ранее вынесенным Судом постановлением, Палата в праве в любое время до вынесения своего постановления уступить юрисдикцию в пользу Большой Палаты, если одна из сторон, в порядке, предусмотренном пунктом 2 настоящего правила, не возражает против этого. Обоснование решения об уступке юрисдикции не требуется.

2. Секретарь уведомляет стороны о намерении Палаты уступить юрисдикцию. Сторонам предоставляется один месяц, считая с даты уведомления, для подачи в Секретариат должным образом обоснованного возражения. В случае несоблюдения этих условий Палата считает возражение недействительным.

Правило 73
(Прошение стороны о направлении дела в Большую Палату)

1. В соответствии со статьей 43 Конвенции, любая из сторон в деле в исключительных случаях может в течение трех месяцев, считая с даты вынесения Палатой постановления, подать в письменном виде в Секретариат прошение о направлении дела на рассмотрение Большой Палаты. В прошении сторона должна указать тот существенный вопрос, который затрагивает толкование или применение положений Конвенции или Протоколов к ней, или другой существенный вопрос общего характера, который, по ее мнению, обосновывает рассмотрение дела Большой Палатой.

2. Комитет в составе пяти членов Большой Палаты, образованный в соответствии с пунктом 6 правила 24, изучает прошение исключительно по существующим материалам дела. Он принимает прошение только в том случае, если считает, что дело действительно затрагивает такого рода вопросы. Обоснование отказа в прошении не требуется.

3. Если Комитет принимает прошение, то Большая Палата выносит по делу свое постановление.

Глава VIII
Постановления

Правило 74
(Содержание постановления)

1. В постановлениях, которые упоминаются в статьях 42 и 44 Конвенции, должны быть указаны:

(a) Председатель и другие судьи, входящие в состав соответствующей Палаты, а также Секретарь или заместитель Секретаря;

(b) время вынесения и объявления постановления;

(c) данные о сторонах;

(d) представители, адвокаты или советники сторон;

(e) порядок рассмотрения дела;

(f) факты по делу;
(g) доводы сторон;
(h) мотивировка по вопросу права;
(i) резолютивные положения;
(j) решение относительно издержек, если такое имеется;
(k) число судей, составивших большинство;
(l) где необходимо заявление, какой текст является аутентичным.

2. Каждый судья, принимавший участие в рассмотрении дела, вправе, в качестве приложения к постановлению, либо изложить свое особое мнение, выводы которого совпадают или расходятся с постановлением, либо только указать на наличие особого мнения.

Правило 75
(Решение по вопросу о выплате справедливой компенсации)

1. В случае, когда Палата объявляет, что имело место нарушение положений Конвенции, она в том же постановлении выносит решение по вопросу о применении статьи 41 Конвенции, если этот вопрос был поднят в порядке, предусмотренном правилом 60, и готов для разрешения; если он не готов для разрешения, Палата откладывает его рассмотрение, полностью или частично, и назначает дополнительное производство.

2. Для вынесения решения по вопросу о применении статьи 41 Конвенции Палата образуется, насколько это возможно, из тех судей, которые участвовали в рассмотрении дела по существу. Если невозможно образовать Палату в ее первоначальном составе, Председатель Суда доукомплектовывает или образует Палату путем жеребьевки.

3. Палата, присуждая справедливую компенсацию согласно статье 41 Конвенции, может предусмотреть выплату процентов на присужденные суммы в случае невыполнения платежа в установленный срок.

4. При получении сообщения о том, что между потерпевшей стороной и государством-ответчиком достигнуто соглашение, Суд должен удостовериться в справедливом характере соглашения и, если сочтет соглашение справедливым, исключает дело, в соответствии с пунктом 2 правила 44, из списка дел, подлежащих рассмотрению.

Правило 76
(Язык, на котором выносится постановление)

1. Все постановления выносятся на английском или французском языках, кроме случаев, когда Суд определяет, что постановление выносится на обоих официальных языках. Доступ к вынесенным постановлениям является открытым.

2. Публикация этих постановлений в официальных изданиях Суда в порядке, предусмотренном правилом 78, осуществляется на обоих официальных языках Суда.

Правило 77
(Подписание и объявление постановления, уведомление о нем)

1. Постановления подлежат подписанию Председателем Палаты и Секретарем.

2. Постановление может быть объявлено на открытом слушании Председателем Палаты или уполномоченным им или ею другим судьей. Официальные представители сторон и иные лица, представляющие их, заранее информируются о дате слушания. В других случаях объявлением постановления считается уведомление о нем в порядке, предусмотренном пунктом 3 настоящего правила.

3. Постановление направляется Комитету министров. Секретарь рассылает заверенные копии сторонам, Генеральному Секретарю Совета Европы, третьим сторонам и другим

непосредственно заинтересованным лицам. Оригинал, скрепленный необходимыми подписями и печатью, хранится в архиве Суда.

Правило 78
(Публикация постановлений и других документов)

Окончательные постановления Суда, в соответствии с пунктом 3 статьи 44 Конвенции, подлежат публикации и на Секретаря возлагается ответственность за ее осуществление в соответствующей форме. Кроме того, Секретарь ответствен за публикацию официальных сборников избранных постановлений и решений, а также других документов, публикацию которых Председатель Суда сочтет целесообразной.

Правило 79
(Производство по прошениям о толковании)

1. Каждая сторона может в течение года после объявления постановления обратиться к Суду с прошением о его толковании.
2. Прошение подается в Секретариат. В нем должно быть точно указано, какому положению или положениям резолютивной части постановления необходимо дать толкование.
3. Палата в ее первоначальном составе может по своей инициативе отказать в прошении, мотивировав это отсутствием оснований для его рассмотрения. Если образование Палаты в первоначальном составе невозможно, Председатель Суда доукомплектовывает или образует Палату путем жеребьевки.
4. Если Палата не отказывает в прошении, Секретарь сообщает об этом другой стороне или сторонам и предлагает им представить письменные замечания в сроки, установленные Председателем Палаты. Председатель Палаты назначает также дату слушания, если Палата принимает решение о его проведении. Вопрос разрешается Палатой в форме вынесения постановления.

Правило 80
(Производство по прошению о пересмотре постановления)

1. Каждая сторона в случае вновь открывшихся обстоятельств, которые в силу своего характера могли бы иметь решающее значение и не были известны Суду при вынесении постановления, а также обоснованно не могли быть известны этой стороне, вправе обратиться к Суду в течение шести месяцев после того, как ей стало известно новое обстоятельство, с прошением о пересмотре постановления.
2. В прошении должно быть указано постановление, о пересмотре которого идет речь, и должна содержаться информация, доказывающая соблюдение условий, изложенных в пункте 1. К нему должен прилагаться комплект всех подтверждающих документов. Прошение и подтверждающие документы подаются в Секретариат.
3. Палата в ее первоначальном составе может по своей инициативе отказать в прошении, мотивировав это отсутствием оснований для его рассмотрения. Если образование Палаты в первоначальном составе невозможно, Председатель Суда доукомплектовывает или образует Палату путем жеребьевки.
4. Если Палата не отказывает в прошении, Секретарь сообщает об этом другой стороне или сторонам и предлагает им представить письменные замечания в сроки, установленные Председателем Палаты. Председатель Палаты назначает также дату слушания, если Палата выскажется за его проведение. Вопрос разрешается Палатой в форме вынесения постановления.

Правило 81
(Исправление ошибок в решениях и постановлениях)

Без ущерба для положений о пересмотре постановлений и восстановлении жалоб в списке дел, подлежащих рассмотрению, Суд может по своей инициативе или по заявлению стороны, сделанному в течение месяца после объявления решения или постановления, исправить описки, арифметические и другие явные ошибки.

Глава IX
Консультативные заключения

Правило 82

При производстве по консультативным заключениям Суд применяет, в дополнение к положениям статей 47, 48 и 49 Конвенции, положения, которые следуют ниже. Он также применяет другие положения настоящих Правил в той степени, которую сочтет целесообразной.

Правило 83

Просьба о вынесении консультативного заключения подается в Секретариат. Она должна полно и точно излагать вопрос, по которому необходимо дать заключение Суда, а также указывать:

(a) дату принятия Комитетом министров решения, предусмотренного пунктом 3 статьи 47 Конвенции;

(b) лицо или лиц, назначенных Комитетом министров для дачи разъяснений, которые могут потребоваться Суду, их адресные данные.

К просьбе должны прилагаться все документы, которые могут способствовать прояснению вопроса.

Правило 84

1. По получении просьбы Секретарь направляет ее копии всем членам Суда.

2. Секретарь сообщает государствам-участникам Конвенции о готовности Суда получить их письменные замечания.

Правило 85

1. Председатель Суда устанавливает сроки подачи письменных замечаний и других документов.

2. Письменные замечания и другие документы подаются в Секретариат. Секретарь направляет их копии всем члена Суда, Комитету министров и каждому из государств-участников Конвенции.

Правило 86

После завершения письменного производства, Председатель Суда разрешает вопрос о предоставлении возможности государствам, подавшим письменные замечания, пояснить их на слушании, которое может быть проведено для этой цели.

Правило 87

Если Суд сочтет, что просьба о вынесении консультативного заключения не относится к его консультативной компетенции, как она определена статьей 47 Конвенции, он объявляет об этом в форме мотивированного решения.

Правило 88

1. Консультативные заключения выносятся большинством голосов Большой Палаты. В них должно быть указано число судей, составивших большинство.

2. Каждый судья вправе, по своему желанию, в качестве приложения к заключению, либо изложить свое особое мнение, выводы которого совпадают или расходятся с постановлением, либо только указать на наличие особого мнения.

Правило 89

Консультативное заключение объявляется на одном из официальных языков Председателем Суда или другим судьей, уполномоченным Председателем, на открытом слушании, предварительное уведомление о котором направляется Комитету министров и каждому из государств-участников Конвенции.

Правило 90

Вынесенное заключение или решение, предусмотренное правилом 87, подлежит подписанию Председателем Суда и Секретарем. Оригинал, скрепленный необходимыми подписями и печатью, хранится в архиве Суда. Секретарь рассылает заверенные копии Комитету министров, государствам-участникам Конвенции и Генеральному Секретарю Совета Европы.

Глава X
Оплата юридической помощи

Правило 91

1. Председатель Палаты может, либо по просьбе заявителя, подавшего жалобу на основании статьи 34 Конвенции, либо по своей инициативе, освободить заявителя от оплаты юридической помощи, связанной с ведением дела, с момента получения от государства-ответчика письменных объяснений по вопросу о приемлемости жалобы в соответствии с пунктом 3(b) правила 54, или с момента истечения срока их подачи.

2. Если заявитель был освобожден от оплаты юридической помощи по ведению дела в Палате, это освобождение, согласно правилу 96, сохраняется в силе в отношении ведения дела в Большой Палате.

Правило 92

Освобождение от оплаты юридической помощи производится только в тех случаях, когда Председатель Палаты убежден в следующем:

(a) это необходимо для надлежащего ведения дела, находящегося в производстве Палаты;

(b) заявитель не располагает достаточными средствами для полной или частичной оплаты соответствующих расходов.

Правило 93

1. В целях определения, располагают ли заявители достаточными средствами для полной или частичной оплаты соответствующих расходов, необходимо, чтобы они заполнили форму декларации с указанием в ней своего дохода и имущественных активов, а также финансовых обязательств в отношении иждивенцев и иных финансовых обязательств. Декларация заверяется соответствующими государственными органами.

2. Заинтересованному государству-участнику Конвенции должно быть предложено представить письменные замечания.

3. После получения информации согласно вышеуказанным пунктам 1 и 2, Председатель Палаты разрешает вопрос об оплате юридической помощи. Секретарь соответствующим образом информирует стороны.

Правило 94

1. Адвокатам и другим лицам, назначенным в соответствии с пунктом 4 правила 36, выплачивается вознаграждение. Оно, в соответствующих случаях, может быть выплачено более чем одному представителю.

2. В суммы, предназначенные для оплаты юридической помощи, могут быть включены не только вознаграждение представителей, но и расходы по проезду и проживанию и другие необходимые расходы заявителя или назначенного представителя.

Правило 95

После вынесения решения об освобождении от оплаты юридической помощи, Секретарь устанавливает:

(a) размер подлежащего выплате представителям вознаграждения в соответствии с действующими ставками;

(b) величину оплачиваемых расходов.

Правило 96

Председатель Палаты может в любое время отменить или внести изменения в решение об освобождении от оплаты юридической помощи, если убедится, что условия, изложенные в правиле 92, более не соблюдаются.

Раздел III
Правила переходного периода

Правило 97
(Срок полномочий судей)

Срок действия полномочий судей, которые были членами Суда на дату вступления в силу Протокола N 11 к Конвенции, исчисляется с этой даты.

Правило 98
(Председательство в Секциях)

В течение трехлетнего периода после вступления в силу Протокола N 11 к Конвенции,

(a) два Председателя Секций, которые одновременно не являются заместителями Председателя Суда, а также заместители Председателей этих Секций избираются сроком на восемнадцать месяцев;

(b) заместители Председателей Секций не могут переизбираться сразу по истечении срока полномочий.

Правило 99
(Отношения между Судом и Комиссией)

1. При производстве по делам, переданным Суду согласно пунктам 4 и 5 статьи 5 Протокола N 11 к Конвенции, Суд может предложить Комиссии уполномочить одного или более своих членов принять участие в рассмотрении дела в Суде.

2. При производстве по делам, указанным в предыдущем пункте, Суд принимает во внимание отчет, утвержденный Комиссией согласно прежней статье 31 Конвенции.

3. Доступ к указанному отчету становится открытым и осуществляется через Секретаря сразу же после передачи дела в Суд, если Председатель Палаты не вынесет иного решения.

4. Остальные материалы дел Комиссии, переданных Суду согласно пунктам 2-5 статьи 5 Протокола N 11, включая все состязательные бумаги, остаются конфиденциальными, если Председатель не вынесет иного решения.

5. При производстве по делам, в отношении которых Комиссия провела собирание доказательств, но не утвердила отчет, предусмотренный прежней статьей 31 Конвенции, Суд принимает во внимание стенографические отчеты, документацию и заключения делегаций Комиссии по результатам расследований.

Правило 100
(Производство в Палате и Большой Палате)

1. В отношении дел, переданных Суду согласно пункту 4 статьи 5 Протокола N 11 к Конвенции, Комитет Большой Палаты, образованный в соответствии с пунктом 6 правила 24, определяет исключительно по имеющимся материалам дела, подлежит ли дело рассмотрению Палатой или Большой Палатой.

2. Если дело рассматривается Палатой, ее постановление, в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Протокола N 11, является окончательным и правило 73 не применяется.

3. Дела, переданные Суду согласно пункту 5 статьи 5 Протокола N 11, направляются Председателем Суда в Большую Палату.

4. Для производства по каждому делу, переданному Большой Палате согласно пункту 5 статьи 5 Протокола N 11, Большая Палата доукомплектовывается судьями, которые назначаются в порядке очередности из числа судей, входящих в одну из групп, указанных в пункте 3 правила 24, при этом дела распределяются между группами поочередно.

Правило 101
(Освобождение от оплаты юридической помощи)

При производстве по делам, переданным Суду согласно пунктам 2-5 статьи 5 Протокола N 11 к Конвенции, с учетом положений правила 96, освобождение заявителя от оплаты юридической помощи, имевшее место при производстве по делу в Комиссии или прежнем Суде, остается в силе применительно к его представительству в Суде.

Правило 102
(Прошение о толковании или пересмотре постановления)

1. Если сторона представила прошение о толковании или пересмотре постановления, вынесенного прежним Судом, Председатель Суда поручает рассмотрение прошения одной из Секций в соответствии с условиями, изложенными в правилах 51 или 52 для соответствующих случаев.

2. Председатель соответствующей Секции, независимо от положений пункта 3 правила 79 и пункта 3 правила 80, образует новую Палату для рассмотрения прошения.

3. В состав образуемой Палаты в качестве членов ex officio включаются:

(a) Председатель Секции; а также, независимо от принадлежности к соответствующей Секции,

(b) судья, избранный от любого заинтересованного

государства-участника Конвенции, или, если он или она не могут участвовать в заседании, судья, назначенный согласно правилу 29;

(c) любой член Суда, входивший в первоначальный состав Палаты, которая вынесла постановление в прежнем Суде.

4. (a) Остальные члены Палаты назначаются Председателем Секции из числа членов соответствующей Секции путем жеребьевки.

(b) Члены Секции, которые не были назначены в таком порядке, являются запасными судьями по этому делу.

Раздел IV
Заключительные положения

Правило 103
(Внесение поправок, приостановление действия правила)

1. Поправки могут быть внесены в правило по предложению, сделанному с предварительным уведомлением, если такое предложение принимается большинством голосов всех членов Суда на ближайшем пленарном заседании Суда. Уведомление о таком предложении представляется в письменном виде Секретарю по крайней мере за один месяц до заседания, на котором предстоит его обсуждение. По получении уведомления о таком предложении, Секретарь при первой возможности информирует всех членов Суда.

2. Действие правила, относящегося к внутреннему порядку работы Суда, может быть приостановлено, при условии, что предложение об этом, которое не требует предварительного уведомления, принимается соответствующей Палатой единогласно. Приостановление действия правила в этом случае ограничивается той конкретной целью, для которой оно предназначалось.

Правило 104
(Срок вступления Правил в силу)

Настоящие Правила вступают в силу с 1 ноября 1998 г.

Судебная практика Европейского Суда
по правам человека
по статье 10 Европейской Конвенции

Ответственный редактор - Г.Ю. Арапова
Составители – Г.Ю. Арапова, М.А. Андрук
Перевод с англ. – М.Н. Залаты, Н. Кондратьевой,
Н. В. Самсоновой
Художественное оформление - И.Ю. Ледовских
Компьютерный набор - С. И. Мащенкова

Корректор А.А. Муштай
Верстка Е.А. Муштай

Сдано в набор 26.11.04. Подписано в печать 09.12.04
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$ Бумага офсетная
Гарнитура Петербург. Печать офсетная. Печ. л.20
Тираж 1000 экз. Заказ № 992

Отпечатано с готовых диапозитивов
ОАО «Издательско-полиграфическое
Предприятие «Искусство России»
198099, Санкт-Петербург, ул.Промышленная, 38/2